Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований

№ 1(5), 2014 г.

Адрес редакции:
119019, Москва, Волхонка, д. 5/6, стр. 9, офис 77.
Тел./факс (495) 697-34-31.
Email: histudies@gmail.com

Учредитель журнала
Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память».

Отпечатано в ООО ««БЭСТ-принт».
107076, г. Москва, Колодезный пер., д. 14, офис 608.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Для начала — небольшой анекдот.

Приезжает русский турист в Латвию, проходит паспортный контроль.

— Nationality? — спрашивает латвийский пограничник.

— Russian.

— Occupation?

— No, no, — успокаивает пограничника русский турист, — just visiting.

Этот достаточно популярный в России анекдот построен на разнице семантики английского слова occupation и русского «оккупация». Английское occupation — это и род занятий, и профессия, и временное пользование чем-то, и занятие чего-либо, и захват. И, разумеется, собственно оккупация в привычном для русского уха смысле — временное занятие вооруженными силами какой-либо территории без приобретения суверенитета над ней. При этом русское слово «оккупация» носит устойчиво негативный оттенок, тогда как английское occupation даже в значении «занятие/захват чего-либо» само по себе нейтрально. В названии американской акции гражданского протеста Occupy Wall Street отсутствуют какие-либо негативные коннотации, а словосочетание illegal occupation в английском языке не является оксюмороном — в отличие от его русской кальки «незаконная оккупация».

Именно разница семантики слов occupation/оккупация лежит в основе системного непонимания между российскими и западными историками, изучающими историю Восточной Европы XX века. С точки зрения западных исследователей формулировка «Soviet occupation of the Baltic States» абсолютно корректна и самоочевидна, однако практически все российские историки не согласны с концепцией «советской оккупации Прибалтики». Для западных исследователей подобная позиция непонятна и вызывает малоприятные мысли об ангажированности позиции российских коллег. Однако дело в том, что заявляя о своем несогласии с концепцией «советской оккупации Прибалтики», российские историки вовсе не отрицают того, что страны Прибалтики были заняты (occupied) Советским Союзом. Речь идет лишь о несогласии с юридической оценкой этих действий как «оккупации» — то есть, illegal occupation. В свою очередь, далеко не все российские исследователи понимают, что используемая их западными коллегами формулировкой «Soviet occupation» может быть не юридической квалификацией, а всего лишь устоявшейся фразой с непроанализированной семантикой.

А вот прибалтийские политики, некогда бывшие первыми учениками в московских и ленинградских партийных ВУЗах, под «Soviet occupation» действительно понимают исключительно «оккупацию» в традиционном для русского языка смысле. Политические позиции изменяются гораздо легче, чем усвоенная в молодые годы семантика. Так что не исключено, что латвийский пограничник из нашего анекдота действительно спрашивал русского туриста вовсе не о профессии. Парадоксальным образом ошибочный ответ может оказаться правильным, если в вопросе заложена аналогичная семантическая ошибка.

Как бы то ни было, использование исследователями слов occupation/оккупация явно нуждается в обсуждении. Даже если подобное обсуждение и не приведет к выработке единой терминологии, оно, как минимум, поможет выяснить смыслы, которые — намеренно или «по умолчанию» — вкладываются конкретными историками в используемые слова. Позитивным примером анализа семантики схожего по политической остроте слова «голодомор» (holodomor) является вышедшая недавно блестящая книга украинского историка Георгия Касьянова[1].

Пока же подобного обсуждения не состоялось, нам остается лишь строить пред-

[1] Касьянов Г. Dance macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). Київ, 2010.

положения относительно семантики слова occupation, между делом используемого в публикуемых в настоящем номере статьях Александра Статиева и Дэвида Фиста. После долгих дискуссий мы решили все-таки использовать в переводе слово «оккупация» — потому что не желаем встретить обвинения в произвольной корректировке позиции авторов. Однако какие смыслы стоят за этим словом на самом деле — могут рассказать только сами авторы. «Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований», как всегда, готов предоставить свои страницы для высказывания всем заинтересованным сторонам.

С уважением,
Александр Дюков

Статьи

УДК 314.745.22(47) «1914/1916»
ББК 63.3(2)524+60.7
Б 30

Юрий Бахурин

«Великий Исход»:
тяготы вынужденных переселений из западных окраин России в 1914–1916 гг.

С 1990-х гг. все большее внимание отечественных исследователей Первой мировой войны привлекает такая страница ее истории, как вынужденные переселения российских подданных. Данный интерес не только обусловлен логикой развития самой науки, но и является специфическим способом осмысления в контексте исторического опыта феномена локальных военных и этнических конфликтов и связанных с ними гуманитарных катастроф, поразивших СССР, СНГ, Югославию и ряд других стран в конце прошлого столетия. В контексте обозначенной темы не раскрытыми до конца остаются проблемы следования беженцев и депортируемых из прифронтовой полосы и оккупируемых противником западных окраин Российской империи в ее тыловые губернии — процесса, образно названного в одной из столичных газет военной поры «Великим Исходом»[1]. Путь, пролегший через большую часть территории страны, был сопряжен для переселенцев со множеством тягот, в первую очередь социально-бытового характера. Их рассмотрению и анализу и посвящена данная статья.

В научной литературе история беженства в годы Первой мировой войны условно делится на несколько этапов. В ходе первого из них, завершившегося весной 1915 г., вынужденные переселения носили преимущественно стихийный характер и географически локализовались в пределах западного порубежья[2]. Кризис на фронте и последующее «Великое Отступление» Русской императорской армии, развивавшееся в течение всего лета и осени 1915 г., сопровождалось гораздо более массовыми явлениями беженства и депортаций во внутренние губернии. 2 марта следующего, 1916 г. были утверждены министром внутренних дел А.Н. Хвостовым и опубликованы «Руководящие положения по устройству беженцев», закрепившие опыт организации вынужденных переселений и оказания помощи миллионам их участников. Статья 15 данного документа гласила: «Нуждающимся беженцам оказываются, сообразно местным обстоятельствам и имеющейся потребности, следующие виды помощи: 1) бесплатная, за казенный счет, перевозка по железным дорогам и водным путям...»[3]. В действительности, уже с осени 1914 г. вопросы транспортировки выдворяемых не слишком заботили местные власти. Например, 14 октября 1914 г. еврейскому населению гмины Гродзиск было приказано покинуть город в течение трех часов, без указания пункта назначения и маршрутов следования. Евреи (всего порядка 4000 человек) брали детей, некоторый запас пищи и выходили на шоссе, по направлению к Варшаве. Эта дорога проходила через соседнюю гмину Блоне, однако тамошний бургомистр пригрозил утопить беженцев и закрыл ее[4]. Группа была вынуждена двигаться по затопленным лугам. Среди них были 110-летняя старуха и слепой старик, ведомый внучкой.

Дополнительной иллюстрацией к неорганизованности вынужденных переселений может послужить следующий факт: в мае 1915 г. приказ по XVIII армейскому корпусу предписывал «гнать евреев в сторону неприятеля»[5], а градоначальником Слуцка, правда, уже осенью того же года, было строго воспрещено передвижение евреев по дорогам, ведущим на запад[6].

По воспоминаниям вице-губернатора В.А. Друцкого-Соколинского, в Могилеве, где на тот момент находилась Ставка, были выгружены несколько эшелонов беженцев-евреев в количестве до 6000 человек для дальнейшего следования на левый берег Днепра[7]. Военное командование не допускало их пребывания на правом берегу, то есть в черте города. Для дальнейшей эвакуации беженцев было собрано множество крестьянских подвод, однако они в течение двух следующих дней бесцельно простаивали на улицах и

площадях города. Евреи же, временно разместившись в синагогах и частных квартирах, свободно перемещались по городу и не спешили приступать к погрузке. Вице-губернатор сумел начать ее лишь серьезным ужесточением условий отправки, дав беженцам на сборы не более 3-х часов. По прошествии нескольких часов ряд подвод уже следовал через мост в заднепровскую часть Могилева, Луполово. При этом в городе остались заложники из числа евреев, позднее ходатайствовавшие об освобождении[8].

При этом неимущим беженцам действительно полагался бесплатный проезд по железной дороге по проходным свидетельствам, но сами они порой стоили денег выдворяемым — в Новой Александрии Люблинской губернии за получение документа взимали по 30–50 копеек[9].

Весной 1915 г. ряд военных неудач Действующей Армии на Юго-Западном фронте вынудил ее к отходу из западных губерний. Вкупе с эвакуацией их населения, «Великое отступление» резко затруднило деятельность транспортной сети. Уже в декабре 1915 г. начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев признавал: «Производившееся в августе и сентябре выселение мирного населения и последовавшая затем перевозка его вглубь империи совершенно расстроила железнодорожный транспорт...»[10].

Сеть коммуникаций действительно функционировала на пределе возможностей. В ней возникали тромбы из составов с беженцами, порой приобретавшие очертания локальной гуманитарной катастрофы. Например, в сентябре 1915 г. на протяжении железной дороги от станции Василевичи до Речицы и в районе последней скопилось порядка 58 поездов с 64 тысячами пассажиров-беженцев. Для их пропитания в экстренном порядке требовалось выпечь не менее 3150 пудов хлеба[11]. У властей Речицы, едва обеспечивающих проживание нескольких тысяч переселенцев, не было даже теоретической возможности для этого.

Бытописатель беженства в годы Первой мировой войны Е. Шведер передавал в своих рассказах чувство безнадежности пассажиров одного из сотен подобных эшелонов: «Длинный ряд товарных вагонов отвезли на запасный путь и, казалось, забыли о них. Паровоз уехал, сопровождающие поезд кондуктора ушли, а люди из вагонов разбрелись по откосу, <...> и с тоскливою покорностью ждут, когда, наконец, о них вспомнят»[12].

Тяжелым испытанием для переселенцев оказывались потери в пути родственников, близких людей. Конечно же, наиболее незащищенной категорией вынужденных переселенцев оказывались дети. Отстав в дороге от своих семей либо лишившись умерших родных, они оказывались в специально учреждаемых приютах. В заполняемых их сотрудниками анкетах на подопечных малоправдоподобные сведения о родителях (например, «отец в Америке») соседствуют с куда более распространенными «отец на войне, мать умерла»[13]. Порой дети оказывались там и при живых родных. Восьмилетняя дочь гродненских крестьян-беженцев Савчук Вера трагически пострадала в пути, лишившись правой руки. Ее мать 14 февраля 1916 г. ходатайствовала в Центральный обывательский комитет губерний Царства Польского о приеме девочки в приют, решившись на расставание навсегда ради шанса выжить для дочери. О родных девятилетнего беженца из Риги Игнатия Дикаса, умершего от менингита в больнице св. Владимира с. Богородское Московского уезда узнать ничего не успели[14].

В конце 1915 г. Всероссийское Попечительство об охране материнства выступило с предложением Татьянинского комитету распределять детей-беженцев при помощи земств в крестьянские патронаты. Эта инициатива не встретила одобрения — руководство комитета отмечало, что не имеет ни малейшего права на раздачу детей, не имеет возможности надзирать за воспитанием детей в чужих семьях и не намерено затруднять для их родителей поиски по «необъятной Руси». «Насильственная раздача детей является унижением их человеческого достоинства»[15] — подчеркивалось в постановлении, принятом на заседании 27 ноября 1915 г. В мае 1915 г. при Татьянинском комитете было создано Центральное Всероссийское бюро по регистрации и розыску беженцев[16].

Весьма острой в беженской среде была проблема здравоохранения. Волна переселенцев охватила 25 губерний, их число уже в 1915 г. достигло 3–4 миллионов. Количество военнопленных составляло 2 млн. Вместе с беженцами и военнопленными по стране распространились эпидемические заболевания. В середине 1915 года они были зарегистрированы в 39 губерниях: брюшной тиф в 107 местах, сыпной — в 43 и возвратный — в 25[17].

По свидетельству очевидца событий — вероятно, жителя Поневежа Ковенской гу-

бернии: «При выселении начальство проявило крайний формализм. Ни тени сочувствия к больным, старикам, женщинам и детям. Выселяли приюты и богадельни. Слепые, калеки, старики с трясущимися руками, старухи с котомками, все вталкивались в вагоны, битком набитые людьми и вещами. Больных уложили на открытые товарные платформы.

К Роменской больнице прибыл один из поездов 8 мая: Левитан Зельман 11 л. — скарлатина в самой тяжелой форме, Мельник Фейга 7 л. — тиф, Фрейман Кися 17 л. — брюшной тиф, Шлиоз Иуда 78 л. — эмфизема легких, Дускин Сара 35 л. — родильница, родила в пути». Причем следует отметить, что в Ромнах до прибытия беженцев не было очагов эпидемий, но уже в первый день их приезда болезни стали распространяться среди местного населения[18]. В других случаях, как, например, в Курске полицейские чины запретили снять с беженского эшелона из Ковно 95-летнего старика и нескольких детей, больных воспалением легких[19].

Смертность среди выселяемых в столь суровых условиях следования оказывалась неизбежной. Скончавшихся беженцев с лета 1915 г. было разрешено хоронить в братских могилах в соответствии с правилами, установленными для войск. Однако и эта необходимая с точки зрения этики и санитарии мера соблюдалась не всегда. На подъездах к Гомелю с делавших остановку составов трупы умерших от холеры выбрасывались по ночам на полосу отчуждения. На следующий день же власти вновь размещали эти тела по вагонам с беженцами — тем самым выполнялся приказ хоронить скончавшихся в пути только в местечке Новобелица за Гомелем. Руководству Всероссийских Земского и Городского союзов поступали сообщения о необходимости устройства погребальных костров, организации новых кладбищ и помещений для карантина в окрестностях Гомеля[20].

Еще одной острой проблемой было распространение венерических заболеваний в войсковой среде в том числе и из-за беспорядочных связей нижних чинов с беженками. Зачастую последних на это толкала нехватка средств к существованию и продовольствия. Как писал земский врач-ветеран Дмитрий Жбанков: «Голодные беженки вынуждены заниматься развратом за кусок хлеба». И этим пользовались не только солдаты русской армии, приобретавшие на передовой свой сексуальный опыт. В тылу владельцы публичных домов зачастую превращали беззащитных беженок в проституток. Как следствие, в одной лишь Киевской губернии за 1915 г. количество случаев заражения венерическими инфекциями, которые лечили в госпиталях, выросло более чем в десять раз[21]. Проблема требовала скорейшего разрешения, однако армейское командование, напротив, использовало ее в качестве одного из оправданий депортаций евреев. Начиная с августа 1914 г. в распространении сифилиса обвинялись как врачи-евреи, так и беженки. В представлении начальника штаба Верховного главнокомандования генерал Н.Н. Янушкевича Германия посредством них вела ни много ни мало биологическую войну, нанося урон русскому офицерскому корпусу[22]. Аналогичная проблема стояла перед главнокомандующим армией и флотом королевства Нидерланды К. Снейдерсом после размещения на его территории сотен тысяч бельгийских беженцев. Офицерам голландской армии было приказано пресекать контакты подчиненных с проститутками из числа беженок, а министр внутренних дел даже пошел на их изоляцию в специально отведенных бараках беженского лагеря в г. Нунспит[23].

Российское общество защиты женщин под председательством принцессы Евгении Максимиллиановны Ольденбургской призывало общественность защитить беженок от вовлечения в разврат. «На вокзалах, питательных пунктах, биржах труда и даже в поездах <...> стали появляться подозрительные женщины и молодые люди в целях уловления неопытных жертв в свои сети. Часто даже под видом службы молодые девушки завлекаются и продаются, как товар, в дома разврата, откуда так трудно возвращение к честной жизни»[24] — отмечалось в обращении общества.

Совершивший в конце 1915 г. поездку по территории внутренних губерний Российской империи американский историк Томас Уитмор в своем отчете Комитету е.и.в. Великой княжны Татьяны Николаевны отмечал почти повсеместные антисанитарные условия жизни беженцев, провоцирующие распространение инфекционных заболеваний[25]. Властями на местах предпринимались ограничительные меры к бесконтрольному перемещению беженских масс. В феврале 1916 г. было признано недопустимым отправление беженцев из Минской губернии в Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Смо-

ленскую, Волынскую, Подольскую, Херсонскую, Псковскую, Киевскую, Курляндскую и др. ввиду обилия среди них переносчиков холеры[26]. Тогда же (24 февраля 1916 г.) был издан циркуляр московского губернатора о «недопущении переотправки беженцев» в перечисленные регионы «во избежание заноса заразных болезней»[27]. Между тем государственного вмешательства в решение этого вопроса на должном уровне не происходило. Так, до 1 января 1916 г. по инициативе Всероссийских земского и городского союзов в городах было открыто всего лишь 2020 коек для больных беженцев[28]. В губерниях центральноазиатского региона жизнь и здоровье порядка 80 тысяч беженцев зависели от менее чем ста врачей и фельдшеров, и это — в условиях распространения сыпного тифа и натуральной оспы[29].

В немалой степени обусловивший депортации еврейского населения накал антисемитизма подчас становился причиной противодействия оказанию медицинской помощи беженцам на местах. Например, новгородский губернатор запретил проживание в городе сестрам милосердия и врачам иудейского вероисповедания, командированным туда Всероссийским союзом городов. Евреев-военврачей, санитаров, фельдшеров увольняли от должностей в действующих армиях Северного и Юго-Западного фронтов, а так же в Киевском и Одесском военных округах. В последнем ничто, однако, не помешало откомандировать 15 студентов-медиков из числа евреев в строевые роты[30].

В целом, число инфекционных заболеваний резко возросло на протяжении 1915-1916 годов, показывая взаимосвязь между периодами наибольшего потока беженцев[31]. В октябре 1915 г. один из земских врачей подчеркнул в своем докладе и другую зависимость: «Кроме разных инфекционных болезней, вплоть до холеры, жертвами которых падают беженцы, важное место занимают здесь заболевания от недостаточного питания»[32]. Последнее также заслуживает внимания в череде иных тягот «Исхода».

Единых установленных норм дневного рациона беженцев, выдававшихся на питательных пунктах, не существовало. Однако составить представление о них мы можем по сведениям о беженском пайке на местах, например, в Омске. Прибыв в город, беженец прямо на вокзале регистрировался чиновниками Омского комитета по оказанию помощи беженцам и получал обед, состоявший из горячего (супа, сваренного на ½ фунта мяса), по одному фунту белого и черного хлеба, 2 куска сахара и ½ золотника чая. Следует подчеркнуть, что беженцы, следующие далее в Новониколаевск, были лишены возможности питаться в дороге ввиду отсутствия питательных пунктов между двумя городами[33]. Поэтому омский паек считался усиленным и даже шел впрок.

Между тем был ли подобный рацион сытным на деле? По сравнению с «блокадной» пайкой времен Великой Отечественной войны — безусловно, хотя такое сравнение будет некорректным. Однако размерам провиантского довольствия нижних чинов Действующей Армии заметно уступала даже «усиленная» омская суточная норма продуктов: на человека полагалось 3 фунта хлеба (1230 г) либо 2 фунта сухарей (819 г), 32 золотника крупы (гречневой, овсяной, просяной, рисовой или пшеничной), кроме того 1 фунт мяса или 72 золотника мясных консервов, 60 золотников свежих или 4 золотника сушеных овощей, 5 золотников масла или сала и 4 золотника муки[34]. Также для приготовления обеда и ужина нижним чинам выдавались приварочные деньги в размере, достаточном для приобретения ¾ фунтов мяса второго сорта и 2,5 копейки на овощи, масло, сало, перец, соль и пшеничную муку. Ко всему прочему, на каждого солдата отпускались чайные деньги на покупку 0,48 золотников чая и 6 золотников сахара.

В течение войны указанные нормы снижались (в частности, по мясу — в 2 раза к 1917 г.), солдаты на передовой зачастую голодали из-за проблем со снабжением, однако их паек оставался более энергоемким. Питание беженцев же зачастую оказывалось для них вопросом счастливого случая. В детском приюте общества «Помощь жертвам войны» в с. Богородское в Москве оно было регулярным, но при этом ежедневная норма молока оставалась непостоянной «за трудностью покупки», мяса — «по 1/4 фунта на человека, когда есть», черного хлеба — по 3/4 фунта[35].

По имеющимся в научной литературе сведениям, на питательных пунктах Всероссийского союза городов по путям следования войск, раненых и беженцев было накормлено 8,6 млн. беженцев[36]. Правда, иногда случались курьезы — например, на Бологовском пункте Управления по устройству беженцев Северо-Западного фронта беженцы из числа

евреев предпочитали голодать, нежели есть трефную пищу[37].

Между тем снабжение беженцев пищей и кипятком не являлось прерогативой одних лишь питательных пунктов, но также входило в обязанности жандармских полицейских управлений на железнодорожных станциях. Стихийный характер эвакуационных мероприятий безусловно осложнял несение службы в районах железных дорог и в том числе оказание помощи беженцам. Однако подчас она не оказывалась; более того, любая частная инициатива по снабжению проезжающих провизией оказывалась под запретом. «В Гомеле чины жандармской полиции запретили передачу пищи проезжавшим, изнемогавшим от жажды и голода... На станции Белица... под угрозой выстрелов не подпустили к запертым вагонам лиц, приносивших припасы»[38].

Перегруженность железнодорожной сети приводила к скоплениям огромных масс беженцев в привокзальных районах станций — к примеру, всего на трех (Минск, Старые дороги, Бобруйск) в октябре 1915 г. находилось более 75 тысяч человек. Им прекратили выдавать продовольствие, оказывать медицинскую помощь; беженцы питались полусырым картофелем. Как следствие, к концу года только на станции Минск было погребено 1893 беженца[39].

Наконец, насущной проблемой являлись проявления межнациональной розни между поляками, латышами и еврейским населением Польши и Прибалтики. Даже локальные проявления этого конфликта порой приобретали сильный резонанс, усугубляя положение беженцев и препятствуя организации помощи им.

Зачастую дело ограничивалось вспышками бытового антисемитизма. Например, когда 14 октября 1914 г. еврейскому населению г. Гродзиск Блонского уезда Варшавской губ. было приказано покинуть город в течение трех часов, поляки, по словам очевидцев, провожали их криками: «До Бейлиса», «До Вислы», «До Палестины»[40]. Из г. Скерневиц Варшавской губ. В начале мобилизации пропала разменная монета, которую забрали с собой запасные. Предвидя негодование горожан-поляков, раввин во избежание столкновений предписал евреям закрыть торговые лавки и не покидать жилищ, проводя время за молитвой и постом. Среди поляков же незамедлительно распространился слух о том, что евреи молятся за немцев. В итоге одновременно со стычками с противником на подступах к Скерневицам в самом городе начались грабежи и аресты. Солдатами были задержаны даже несколько мальчиков по обвинению в подаче войскам противника в день солнечного затмения сигналов с ветвей грушевых деревьев. Ситуация потребовала вмешательства варшавского губернатора, дети были освобождены[41]. Неудивительно, что попытка сформировать единый обывательский комитет взаимопомощи в Скерневице провалилась.

Не были рады представителям евреев-беженцев и в Центральном обывательском комитете губерний Царства Польского, учрежденном 29 августа 1914 г. Лишь к ноябрю в ходе польско-еврейских переговоров начала формироваться «еврейская секция при ЦОК», в которую при этом вошло лишь 4 еврея. Месяц спустя Центральный обывательский комитет счел дело помощи евреям нерентабельным и принудил их представителей сдать мандаты. Посетившая Варшаву по поручению Вольного экономического общества Е.Д. Кускова свидетельствовала: «...Выполнить условия оказалось невозможным. Пришлось идти не в одно общее учреждение, ведающее попечением о беженцах, а отдельно к полякам, отдельно к евреям. <...>. Центральный обывательский комитет и остальные польские организации бойкотируют евреев»[42]. Ею же от поляков-беженцев были услышаны истории о еврее на белом коне во главе немецкой армии, а также отказ от любой помощи, кроме финансовой: «Дело помощи Польше должно делаться только польскими руками»[43].

Ситуация в Прибалтике обстояла не менее остро: в Митаве толпой латышей был искалечен еврей, шедший на рынок за молоком; при выселении из Тукума Курляндской губ. они обвиняли евреев в шпионаже, подозреваемый из числа последних был задержан и избит. В г. Кандаве латыши в восемь раз (с 3 до 24 рублей) завысили стоимость проезда до железнодорожной станции для евреев. Вынужденные покинуть город в течение суток, те соглашались на эти разорительные условия и терпели насмешки и издевательства[44]. Наконец, эскалация конфликта достигла пика, пришедшегося на конец весны 1915 г. В ночь на 28 апреля 1915 г. вставший на отдых в деревне Кужи близ Шавлей 151-й пехотный Пятигорский полк был атакован немецкими частями. Они подожгли дом, в котором рас-

положился на ночлег командир полка полковник Данилов. Тот был убит, а так же было утрачено полковое знамя. Виновными в измене объявили проживавших в Кужах евреев, будто бы спрятавших немецких солдат в подвалах собственных домов. Инцидент был растиражирован в прессе и приобрел резонанс. Между тем большинство населения местечка составляли литовцы, еврейских семейств насчитывалось лишь несколько — Каплан, Кибальт, Левин и Шмильтон[45]. Да и те на момент боя отсутствовали в Кужах, прячась от возможного артиллерийского обстрела в заранее подготовленных земляных укрытиях за деревней. В итоге, стычка местного значения, вызванная ненадлежащим боевым охранением позиций полка, стала поводом к наиболее массовому выселению евреев из Ковенской и Курляндской губерний в апреле-мае 1915 г.[46]

Евреи со своей стороны также не оставались в долгу — протестуя против «травли евреев поляками», они угрожали перспективой роста сионистских настроений в обществе. Польские организации помощи пострадавшим от войны обвинялись в стремлении решить «польский вопрос» единственно в свою пользу; подчеркивалось, что «исключительно из-за интриг и происков поляков на евреев возведены обвинения в шпионстве» и что поляками «руководит не искренность, а извлечение выгод». Еврейская пресса сообщала о погромах и убийствах, чинимых поляками в регионах «Исхода». Как следствие, рознь между оказавшимися по равной угрозой — военной извне и социально-бытовой внутри страны — лишь разрасталась вширь и вглубь. К примеру, в Вильне было создано и параллельно функционировало несколько самостоятельных комитетов помощи жертвам войны — польский, еврейский, литовский, белорусский и даже старообрядческий[47].

Причин проблем, сопровождавших вынужденные переселения до спада их интенсивности к 1916 г., можно перечислить множество. Их обусловила в первую очередь несогласованность действий государственных и общественных организаций — Всероссийского земского и городского союзов, Татьянинского комитета, Особого совещания по устройству беженцев и т.д. Уже в 1917 г. это привело к упразднению части учреждений, составлявших конкуренцию Комитетам о беженцах ВЗС. Эпидемическая угроза, нависшая над глубоким тылом, отражала положение дел с медицинской помощью в России. Еще в 1908 г. на Высочайшем уровне признавалось: «Каждый русский имеет вдвое более шансов умереть, чем любой англичанин или датчанин»[48], однако учреждение Главного управления государственного здравоохранения состоялось лишь 31 августа 1916 г.. Спорадичность мер Татьянинского комитета по учету беженцев была очевидна даже для его председателя А.Б. Нейдгарта: «...Комитет не берет на себя задачи регистрации в широком смысле. <...> Татьянинские комитеты, опирающиеся на местные административные учреждения, совершенно не располагают достаточными силами на местах для производства сколько-нибудь сложных статистических работ»[49]. Вспышка межнациональной напряженности в беженской среде и обществе в целом явились закономерным следствием многолетнего проведения политики антисемитизма, подогреваемой Ставкой шпиономании и борьбы с «немецким засильем». Отрицать ее определенное катализирующее влияние на события 1917-го и последующих лет не приходится.

Как отмечалось выше, в 1916 г. «Великий Исход» в основном завершился. Но уже с 1914 г. на центральную и местную власть ложилась колоссальная ответственность и за судьбы вынужденных переселенцев, оседающих во внутренних губерниях. Несколько миллионов человек, лишившихся едва ли не всего, нуждались в оказании им помощи в небывалых масштабах, притом в кратчайшие сроки. Каждому беженцу и депортированному подданному короны предстояло начинать новую жизнь на новом месте.

---

1 Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. М., 1916. С. 1.

2 *Курцев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 129.

3 Цит. по: Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 9.

4 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 63.

5 *Фрумкин Я.Г.* Из истории русского еврейства (Воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. М., 2002. С. 93.

6 ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165. Л. 112.

7 *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010. С. 60.

8 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 22.

[9] Там же. Л. 32об.

[10] Цит. по: *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 50.

[11] *Солодков Т. Е.* Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907–1917). Минск, 1967. С. 307; Савицкий Э.М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914–февраль 1917 гг.). Минск, 1981. С. 36.

[12] Цит. по: *Шведер Е.* Беженцы. Рассказы из великой войны. М.; Рига, 1915. С. 17.

[13] ЦИАМ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 35.

[14] Там же. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 4. Л. 15; Ф. 168. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

[15] Цит. по: ЦИАМ. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

[16] *Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. С. 64.

[17] *Прохоров Б.Б.* Общественное здоровье в России за 100 лет (1897–1997) // Россия в окружающем мире: 2000. Аналитический ежегодник. М., 2000. С. 141.

[18] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 24–25.

[19] Там же. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165. Л. 58.

[20] Беженцы и организация помощи им… С. 10, 14.

[21] *Асташов А.Б.* Сексуальный опыт солдат русской армии в Первую мировую войну как часть формирования «рабочего войны» // Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX веков: Материалы Российской научной конференции. Н. Новгород, 2000. С. 225; *Гетрелл П.* Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 118, 126; *Шустер Ф.М.* «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 16.

[22] *Алексеев А.* Россия в 1914–1915 годах. Война на два фронта // Наука и жизнь. 2007. № 9. С. 40; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2027. Л. 3–4.

[23] *Abbenhuis M.* The Art of Staying Neutral: The Netherlands in the First world war, 1914–1918. P. 98.

[24] ЦИАМ. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

[25] Там же. Л. 21.

[26] *Лисова Л.М.* Источники по Первой мировой войне в фондах Национального исторического архива Беларуси: опыт изучения и систематизации // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006. С. 138.

[27] ЦИАМ. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 1. Л. 41об.

[28] *Грехов А.В., Грехова Н.Н.* Опыт медико-статистического анализа социальных последствий участия России в Первой мировой войне (По материалам Общества русских врачей) // Homo belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. С. 119–120.

[29] *Gatrell P. A* Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington (IN), 1999. P. 58.

[30] *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 104.

[31] *Уолдрон П.* Государство и общество в России в военное время: здравоохранение и больницы во время Первой мировой войны // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 121.

[32] Цит. по: *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. С. 399.

[33] *Чудаков О.В.* Деятельность Омского городского самоуправления в организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе. Омск, 2000. С. 185.

[34] *Марков О.Д.* Русская армия 1914–1917 г.г. СПб., 2001. С. 62–63.

[35] ЦИАМ. Ф. 168. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.

[36] *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003. С. 71.

[37] ГАРФ. Ф. 6458. Оп. 1. Д. 49. Л. 1об.

[38] Цит. по: В прифронтовой Литве 1915 года. Рассказы евреев очевидцев (Публ. А.И. Хаеша) // Архив еврейской истории. Т. 2. М., 2005. С. 376.

[39] *Мурашко А.И.* Деятельность подразделений жандармов по обеспечению правопорядка и общественной безопасности на железных дорогах Беларуси во второй половине XIX–начале XX вв. // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2008. № 2. С. 116.

[40] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2011. Л. 62.

[41] Там же. Л. 40–41.

[42] *Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны (июль 1914–зима 1915/1916 гг.) Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 95.

[43] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2007. Л. 17.

[44] Там же. Д. 2011. Л. 47–48.

[45] Там же. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 165. Л. 99.

[46] *Гольдин С.* Депортация русской армией евреев из Курляндской и Ковенской губерний (апрель–май 1915 г.) // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16–17 сент. 2003 г. Рига, 2005. С. 261.

[47] *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 106, 108, 109.

[48] Цит. по: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. / 1914 год. М., 2006. С. 379.

[49] Цит. по: Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. С. 69.

УДК 323.1(477) «1923/1930»
ББК 63.3(2укр)61-36 «1923-1930»
С 13

Виктор Савченко

Проблемы первой компании коренизации и украинизации на Юге УССР (1923–1930 гг.)

В национальной политике большевиков одним из важных вопросов было формирование национально-государственного устройства, которое нашло свое воплощение в образовании, в декабре 1922 г., СССР. В УССР, среди официальных компартийных идеологов, была распространена «теория борьбы двух культур», которая утверждала, что только украинское крестьянство может быть носителем украинской культуры, что эта «крестьянская» культура постоянно противостоит утверждению «чистой» пролетарской культуры, что украинское национальное движение изначально реакционно, искусственно и не имеет основ в широких массах трудящихся. Эту теорию поддерживали известные партийцы, которые были так, или иначе связаны с Украиной: Д. Лебедь, Г. Зиновьев, Г. Пятаков. Но в 1923 г. победила иная точка зрения (поддержанная И. Сталиным и Л. Кагановичем) — утвердить коммунистические идеи в среде украинского крестьянства и народной интеллигенции возможно только с помощью коренизации и широкого использования украинского языка в УССР как государственного. В 1923 г. руководство СССР пошло на некоторую либерализацию внутренней ситуации в стране. Новая экономическая политика была дополнена политикой коренизации.

Коренизация (в УССР — украинизация и политика содействия национально-культурному развитию национальных меньшинств) проявлялась в выдвижении на руководящую работу кадров коренной национальности, в учете национальных факторов при комплектовании партийно-государственного аппарата, общественных объединений. Другой аспект коренизации — культурный, состоял в определении доминирующего статуса национальных языков, в создании национальных школ, в развитии национальной культуры. Для государственного руководства это было удобное средство втягивания людей в процесс построения социалистического общества, под влияние советской пропаганды и агитации.

Но, разворачивая политико-просветительскую работу, советское руководство беспокоилось по поводу возможного появления «уклона» в сторону национализма. Вопрос отношения населения к национально-культурной политике партии был под усиленным контролем как партийных органов, так и органов ЧК-ГПУ. Чекисты подробно фиксировали всю информацию по «национальному вопросу» что распространялась в народных массах (слухи, разговоры, реплики, лозунги), оставив для историков уникальный пласт общественного мнения той эпохи.

Учитывая то, что к тому времени в УССР формировался тоталитарный режим правления, официальная культура стала инструментом духовного террора. Право на истину оказалось атрибутом пролетарской государственной политики, которую определяла партия большевиков, и все суждения и мысли, отличные от критериев классовой идеологии, объявлялись контрреволюционными, или такими, что подлежат запрету. Народу предлагалось только исполнять и одобрять предписания властей и, не сомневаясь, в правильности партийной линии, переходить на язык, утвержденный властью как официальный.

Украинизация в русскоязычных городах Юга УССР проводилась без учета особенностей национального состава населения и культурных традиций. Не важно, что украинский язык был не известен большинству населения целых регионов. Сопоставление процентного показателя национального состава городов Юга УССР наводит на раздумья относительно эффективности и необходимости тотальной и быстрой украинизации в Одессе, где к тому времени жило 45,6 % русских, 44 % евреев, 4 % украинцев (что назвались такими по языковым признакам), 2,6 % поляков, 1,1 % немцев. В 1926 г. В Одессе (общее число горожан 352 тысячи) 161 тыс. — считали себя

русскими, 153 тыс. — евреями, 13,5 тыс. — украинцами. Скорее всего, процент украинцев в переписях 20-х годов, не соответствовал реальности — украинцев в Одессе было, в действительности, примерно, 12–15 %. Однако, из этого числа этнических украинцев 2/3 русифицировались и «забыли» украинский язык, более того — под воздействием русской культуры они стали ощущать себя русскими.

В тот же время, осенью 1925 г., при проверке 121 учреждения города Одессы, из 7 тысяч работников отличное и хорошее знание украинского языка фиксировалось только у 260 людей, удовлетворительное — у 530. Около 90 % одесситов вообще не знало украинского языка[1]. Подобное положение было и в других крупных городах Юга УССР: Екатеринославе (Днепропетровске), Зиновьевске (Кировограде), Юзово (Донецке), Луганске, Запорожьи, Николаеве.

Уже в первые месяцы 1923 г. В Одессе стали циркулировать слухи о возможной «общей» украинизации, причем отношение к этому процессу, с самого начала, было неоднозначным — значительная часть местной интеллигенции, студентов, служащих, рабочих, «нэпманов», высказывалась против практики украинизации, как против «искусственной» и «вредной компании» и даже «скрытой петлюровщины».

В Одессе, еще к началу украинизации, «ходили» слухи о том, что украинизация будет тотальной, насильственной, что всего за несколько месяцев, без учета мнения широких масс, власть силой заставит всех горожан перейти на украинский язык, даже во время частных разговоров, в домашней жизни, а наказанием для тех, кто не выполнит подобный приказ, будет «ссылка в Россию»[2].

В 1923–1925 гг., как ответ на начало украинизации, распространялись слухи, в которых утверждалось, что: «Украину готовят к приходу Петлюры». Некоторые одесситы считали, что сама советская власть в УССР, структура КП(б)У, предав основы интернационализма, готовят приход «петлюровщины». Так официальная лекция амнистированного властью украинского повстанческого атамана — «известного петлюровца» Юрия Тютюнника (апрель 1925 г.), что проходила в городском государственном театре Одессы, наделала в городе много шума. Слушатели лекции или те, что о ней только слышали, пророчили скорый союз коммунистов с «петлюровцами»[3].

В то же время, в Одессе, шла усиленная неформальная агитация против процесса украинизации и распространения украинского языка. Эту агитацию проводили как стихийные «несознательные элементы» так и убежденные сторонники доминирования русской культуры, священники РПЦ, сионисты, члены троцкистско-зиновьевской оппозиции, остатки партий октябристов, кадетов, меньшевиков (РСДРП(м) была категорически против политики украинизации). К борьбе против украинизации приобщилась и часть старой одесской профессуры.

Часть одесской профессуры считала украинский язык непонятным «галичским языком», «крестьянским наречием», которым возможно пользоваться только в селе. Эта профессура саботировала внедрение украинизации, сетуя на то, что до сих пор не сформировалась «научная украинская терминология».

Из профессорско-преподавательского состава одесских вузов, по мнению местных чекистов, наибольшую оппозиционность и вражду к украинизации обнаруживали преподаватели и профессора Одесского сельскохозяйственного института (ОСХИ), где работали бывшие лидеры местных организаций общероссийских политических партий: народных социалистов, октябристов, кадетов. В ОСХИ чекистами фиксировалась «правая», «великорусская» профессура, которая уже с 1923 г. начинает активно противодействовать процессам украинизации в Одессе. Чекисты утверждали, что среди профессоров ОСХИ властвуют «черносотенные расположения духа»[4].

Как активных врагов украинизации информаторы ЧК-ГПУ рассматривали профессора А. Браунера (ОСХИ) — «антиукраинца», профессора П. Павлова (Химико-фармацевтический институт — ХФИ); в Одесском политехническом институте (ОПИ) профессоров: Д. Добросердова — «ненавистника украинского языка», С. Шатуновского — «антисоветского типа, который сочувствует сионизму, неприятеля украинизации»[5].

В Одесском институте народного образования (ОИНО), где дело украинизации шло намного лучше, чем в других институтах Одессы, на 1925 г. только 16 % преподавателей вели курс на украинском языке. «Правая» группа профессоров ОИНО (Б. Варнеке, А. Готалов-Готлиб, Н. Лингау, А. Томсон), по мнению чекистов, была «кадетски настроен-

ная» и враждебная украинизации. В 1925 г. В Одесском медицинском институте (ОМИ), в Одесском институте народного хозяйства (ОИНХ) и в Одесском политехническом институте (ОПИ) значительная часть профессуры трактовала украинизацию, как «настоящее насилие», чекисты указывали, что в этих вузах «отношение профессуры к украинизации резко отрицательно»[6].

По-причине «верхушечной украинизации» на Юге УССР возникало вражеское отношение части интеллигенции и служащих русского или еврейского происхождения к «сознательным» (т.н. «свидомым») украинским интеллигентам, как к носителям идеи тотальной украинизации и практикам ее воплощения в жизнь. Во время громкого политического процесса «Союза освобождения Украины» (в 1930 г.) часть одесской профессуры поддержала гонения на «украинцев», заявляя, что до 1930 г.: «власть слишком заигрывала с украинцами», считая СВУ только «польской интригой». Так профессора: А. Кипин, М. Ржепишевский, Д. Добросердов отрицательно смотрели на компанию украинизации, рассматривая дело СВУ, как долгожданный конец «компании украинизации»[7].

В докладной записке начальника особого отдела одесского ГПУ Д. Медведева (будущего партизанского предводителя времен Отечественной войны) утверждалось, что в Одессе: «...отношение к украинизации со стороны профессуры, за исключением некоторых “щирых” украинцев, которые украинизируются на это время, в связи с необходимостью остаться на службе, резко отрицательная... процент украинцев очень незначительный, и этот процент настолько перемолот общероссийской культурой, которая почти целиком считает себе русскими и в семьях разговаривает на русском языке»[8].

Студенчество Одессы разбилось на ряд группировок относительно украинизации. Сводки ГПУ говорили о том, что «среди студентов-неукраинцев выделилось две группы». Первая рассматривала украинизацию, как вынужденную, тяжелую необходимость и старалась учить украинский язык. Вторая, «более значительная часть студенчества», относилась к украинизации резко отрицательно и публично критиковала этот процесс. Студенты-евреи в вузах Одессы (в 20-х гг. XX в. составляли 50–55 % от всей массы студенчества, а в некоторых одесских вузах этот процент доходил до 60) держались в стороне украинизации. Студенты-русские часто обнаруживали «русский шовинизм» и открыто отбрасывали самую возможность преподавания в вузах специальных предметов на украинском языке. В то же время, студенты-украинцы, которые составляли в Одессе 15–17 % от всей массы студенчества (в ОИНО и в ОСХИ до 25 %), в большинстве приветствовали украинизацию. В то же время источники ГПУ утверждали, что в ОСХИ: «…значительная часть студентов-украинцев разговаривают на русском, что бы их не считали петлюровцами»[9].

В среде одесских студентов «ходили» слухи о том, что «украинизация временное явление», что она, в действительности, «не настоящая» и только формальная. Так один одесский интеллигент жаловался, что на самом деле в УССР: «идет 100 % русификация. За то, что я проводил действительную украинизацию, меня уволили»[10].

В большинстве учебных заведений Одессы учащиеся и преподаватели, анализируя непоследовательные и противоречивые шаги властей по проведению в жизнь программы украинизации, стали игнорировать украинизацию. Так, в Одесском художественном институте (ОХИ) даже в 1926 г. (после более чем двух лет украинизации) «никто не читал лекций по-украински», а в Одесском вечернем рабочем техникуме до 1926 г. даже не было «никаких попыток украинизации», потому, что эти попытки «вызвали недовольство» преподавателей и слушателей. В одесской Химпрофшколе в 1923–1927 гг. весь процесс преподавания велся только на русском языке. Среди части педагогического персонала профшколы чекисты отмечали проявления «русского шовинизма». После завершения работы комиссии по украинизации в Химпрофшколе, из профшколы были изгнаны некоторые преподаватели, которые не желали переходить на преподавание на украинском языке[11].

У значительной части учителей Одессы, Зиновьевска (Кировограда), Николаева государственная политика украинизации вызвала отрицательную реакцию, так как большинство учителей этих городов были русскими или евреями по происхождению и абсолютно не знали украинского языка. До 1927 г. в Одессе было полностью украинизировано только 18 школ (из 56), частично — 8. В школах Одессы (где были как русские, так и украинские классы), родители часто просто саботировали компанию украинизации. Тогда фиксировался «наплыв» учеников в русские классы, куда

записывалось по 50-55 детей, в то время как в украинские классы записывалось не более 20 детей[12].

В городах юга УССР часть интеллигенции, служащих, а так же «бывших людей» (представителей бывших зажиточных классов, которые были лишены политических прав), были недовольные украинизацией культурной жизни города: театров, клубов, музеев, периодических изданий. Это нежелание украинизироваться входило в конфликт с суровыми решениями высших партийных и государственных органов.

В действительности, украинизация наиболее ударила по государственным служащим. В 1925–1928 гг. процесс украинизации прошел по государственным учреждениям в виде тотальной проверки чиновников, на предмет знания украинского языка. «Подозрительные» служащие, кто не владел украинским языком, увольнялись из учреждений. ГПУ фиксировалось активное недовольство политикой украинизации служащих Одессы, среди которых процент этнических украинцев не превышал 10 %.

Экзамен, который был установлен для служащих в процессе украинизации страшил многих одесситов. В этот экзамен входили не только проверка знания украинского языка, украинской литературы, но и экзамен по истории революционного движения в Украине. Некоторые из экзаменуемых приходили в негодование, что этнические евреи, что сами совершенно не знали украинский язык, принимали экзамен у служащих-украинцев. В то время в письмах из Одессы часто можно было прочитать, что «…с языком шутки плохи», а украинизация это «кошмар» и «духовное насилие»[13].

Украинизация, писал в 1924 г., в своем дневнике известный литературовед, украинский политический и общественный деятель С. Ефремов: «настоящая злоба дня. Просто стон и гам стоит по учреждениям»[14]. В то же время компартийное руководство УССР указывало, что в 1924 г.: «украинизация проходит недопустимо слабо»[15].

Акцент в официальной компании украинизации делался на формальное количественное состояние дела, а жалобы на ужасные материальные условия, на критическое состояние помещений для обучения, недостаток нужных учебников и специалистов, не были понятны властям. Вместе с государственной «гонкой» украинизации, среди значительной части населения Одессы было заметное равнодушие к делу «украинизаторов».

В Одессе украинизация и коренизация доходили до курьезов. Много разговоров в Медицинском институте (ОМИ), вызвал тот факт, что избирательные карточки, по выборам в горсовет в 1927 г., властные структуры напечатали на русском и еврейском языках, но совсем забыли о существовании государственного украинского языка. Этот промах властей породил издевки, смех и разговоры, о том, что: «украинцы незначительная нация», а украинизация только «блеф»[16].

Наблюдатели ГПУ отмечали, что даже: «…украинская интеллигенция не удовлетворена слабыми методами украинизации», что в кругах украинской интеллигенции идут разговоры, что: «…украинизацию дали для отвода глаз», только «для вида». Украинские деятели Одессы видели в украинизации только «маску для верхов» и «казенную компанию», которая началась только «под давлением извне». Украинские деятели-одесситы указывали, что сами большевики «не дают дышать» украинцам, что в процессе украинизации проходит «притеснение украинцев по службе». Некоторые профессора ОИНО считали, что: «РСФСР в Украине ведет империалистическую политику»[17].

Официальная украинизация «это гарнир для обрусения», считал С. Ефремов[18]. Не обращая внимания на процессы украинизации, некоторые представители украинской интеллигенции считали, что: «…национальное дело на Украине решается так, чтобы обречь на вырождение украинскую нацию, стереть ее с лица земли»[19].

Но, несмотря на все недостатки и проблемы украинизации, большинство украинских патриотов считало, что, необходимо использовать «верхушечную» украинизацию, для того, чтобы «воспитывать действительно украинские силы, захватить культурные высоты и легальные формы жизни в стране, а уже потом строить основы государства»[20]. Начиная со второй половины 1923 г. в среде украинской национальной интеллигенции стала доминировать мысль о том, что достичь самостоятельности Украины возможно только путем участия украинских сил в советских учреждениях: политического, хозяйственного, культурного направлений. Сформировалось своеобразное украинское «сменовеховство», когда часть украинской интеллигенции приняла сам факт существования советской власти, считая

возможным «изменение национальной политики властей» и утверждение государственности Украины «мирным путем».

В то же время и Москву и Харьков беспокоил «казенный подход» к украинизации на местах (особенно на Юге и Востоке Украины), «самодержавные методы» в проведении украинизации, которые, по мнению Центра могли дать «обратные результаты»[21]. Партийные органы отмечали, что «ударный» характер украинизации наносит ущерб национальной политике советской власти[22]. Но эти выводы не приводили к изменению подходов к проблеме. «Усиленная» украинизация проводилась на Юге УССР вплоть до 1930 г.

В сведениях партийных органов и ГПУ часто указывалось, что местные советские органы, в ряде случаев, даже противодействуют украинизации. «В самих окружных комиссиях по украинизации никто из членов не знает украинский язык», — извещали доклады с мест, — «даже партийцы относятся враждебно к украинизации»[23], партийное руководство не может «расшифровать украинский язык»[24]. Из 184 ответственных партийных работников Одессы (как окружного центра) украинский язык, в 1925 г., знало только 25 человек. В аппарате Одесского округа (что курировал сельские районы) украинским языком владело только 29 % работников[25].

Совнарком УССР считал, что: «украинизация сов. аппарата в условиях Одесской губернии усложняется, кроме очень пестрого национального состава населения, так же и неподготовленностью личного состава сов. работников. Из общего числа рабочих правительственных организаций, административных и хозяйственных работников 6.068, число знающих украинский язык достигает лишь 2.494, в том числе хорошо знающих — 866»[26].

Среди членов КП(б)У «пророссийски настроенные члены» составляли 2/3 от общего числа. Именно они были недовольны политикой украинизации, и часто открыто критиковали политику украинизации, даже несмотря на то, что эта критика была для них небезопасной. Ростки национальной нетерпимости отражались в разговорах рядовых коммунистов, которые были подмечены С. Ефремовым. Он писал, что одна коммунистка приходила в негодование по поводу украинизации, вопрошая: «Сколько можно терпеть эту петлюровщину?» Эта особа была недовольна и тем, что некоторые учителя на работу ходили в вышитых сорочках и разговаривали на украинском языке[27].

Процесс украинизации проходил с большими опасениями со стороны власти. Начав политику украинизации, советская власть продолжает не доверять украинским учителям: «украинский учитель преимущественно ненавидел большевиков не потому, что он стоял на стороне капиталистов, а потому, что ему казалось, что большевики лишили его возможности спокойно и мирно работать "для добра нашей родной родины, крестьянско-демократической Украины"[28].

В Украине в 1920-х гг. одновременно проходили две украинизации: компания формализованной государственной украинизации «сверху» и процесс неформальной украинизации «снизу».

Украинская интеллигенция требовала ускоренной украинизации вузов, газет, театров, школьного образования. Партийные и советские структуры с большим подозрением отмечали, что неформальной украинизацией занимаются общественные организации, которые не подконтрольны власти: общество им. Леантовича, Украинское библиографическое общество, Украинское научное общество при АН УССР, Комиссия краеведения АН УССР. Самостоятельные шаги в сторону украинизации «не оправдано» позволяли себе Украинская государственная библиотека в Одессе, преподавательские коллективы одесской Торгово-промышленной профшколы, одесских школ имени Ивана Франко, и имени Леси Украинки.

Одесский институт народного образования (ОИНО) рассматривался ГПУ как «гнездо украинских националистов», где особую роль играл профессор истории М. Слабченко, которому чекисты приписывали «шовинистическо-националистический уклон» за то, что он активно продвигал украинизацию «снизу». Действительно, Г. Слабченко в своей «Декларации украинской интеллигенции» отмечал, что «украинцам нет политической свободы, а все свободы только на бумаге», что украинцы в УССР: «живут как в загоне». Агенты ГПУ предупреждали, что вокруг М. Слабченко собирались «неблагонадежные» сторонники «стихийной» украинизации, одесские профессора: М. Гордиевский, Р. Волков, А. Музычко, С. Дложевский и прочие. «Для этого круга характерно украинофильское расположение духа... связь с украинской автокефальной церковью» (указывали сведение ГПУ).

В ОИНО сложилась группа профессоров и преподавателей, которая хотела украинизировать вузы Одессы (на украинском языке читали 14 преподавателей ОИНО), эта группа, по мысли ГПУ, имела «петлюровские расположения духа»[29].

По мнению одесского ГПУ, приезд, в мае 1927 г., в Одессу, выдающихся украинских актеров П. Саксоганского, М. Садовского и Полтавской капеллы бандуристов привел к усилению украинского «шовинистического состояния духа» в городе. Чекисты сообщали, что: «выступления актеров превратились в национальный праздник», что зрители «им поднесли букет из желтых и синих цветов» (цветов запрещенного тогда национального флага) как вызов властным структурам[30]. Всплеск украинских национальных чувств на Юге УССР фиксировался в мае-июне 1926 г., в связи с информацией об убийстве С. Петлюры в Париже. В среде украинской интеллигенции Одессы проходили тайные вечера памяти С. Петлюры. На Пасху 1927 г. В Одессе была проведена тайная панихида по погибшим в 1918 году в борьбе с советскими войсками гайдамакам[31].

Беспокоили советскую власть и не контролируемые стихийные демографические процессы в УССР. «Естественная» украинизация рабочего класса Юга Украины привела к тому, что в 1922–1929 гг. В большие города УССР врывалась мощная миграционная волна из украинских сел, которая привела к изменению национального лица городского пролетариата. Если до 1922 г. украинцев-рабочих в Одессе числилось около 13 %, то времена нэпа, прибавили к этим процентам еще 20–25 % за счет рабочих-выходцев из украинских сел. Такие же показатели (увеличение рабочих — украинцев на 20 %) характерны для городов и поселков Донбасса, Николаева.

В 1920-х гг. изменился и национальный состав студенчества городов Юга УССР. В Одессе студенты-украинцы к 1929 г. составляли до 30 %, в то время как в начале 20-х их количество было около 15 %. Во второй половине 1920-х гг. значительная часть студенчества одесских вузов была настроена не только «национально», но и «националистично». В вузах Одессы был заметен конфликт между студентами украинцами, преимущественно выходцами из сельской местности, одесситами студентами — русскими и студентами — евреями из местечек и окраин Одессы.

Среди таких студентов распространялись слухи о том, что рано или поздно: «Украина будет самостоятельной, и коммунисты пойдут в “кацапию”[32]. Так информаторы ГПУ зафиксировали факты, что один из студентов ОИНО активно пропагандировал лозунг: «Украина для украинцев», студент одесского Художественного института призвал к борьбе за независимость Украины, студент Одесского химтехникума уверял, что: «Украина есть колония России», студент Одесского медицинского института считал, что надо: «присоединить к Украине Северный Кавказ, Курщину, где осталось 6 миллионов украинцев»[33].

Уже осенью 1927 г. некоторые украинские интеллигенты в Одессе роптали на процесс «замедления украинизации». Среди специалистов «ходили» слухи о том, что: «власть не заинтересована в украинизации, за исключением Скрипника и Затонского. Шумский был прав — все ставленники Москвы»[34].

Боязнь властей «идти далеко» в процессе украинизации, отражалась в отношении украинизации частей РККА в УССР. Украинизация в армии началась в ноябре 1923 г., но уже в марте 1924 г. украинизация армии была прекращена. Необходимо отметить, что большинство командиров РККА обнаруживали «активный отпор практической украинизации»[35].

Некоторые рабочие коллективы Одессы в 1924–1929 гг., вносили предложения: «о ненужности украинского языка»[36]. Так Еврейская беспартийная рабочая конференция (апрель 1924 г.) констатировала, что: «еврейские рабочие плохо понимают современную национальную политику», фиксировала «вражеское отношение рабочих-евреев к украинизации». На конференции звучали укоры и возмущения по отношению к украинизации: «…она не нужна… она только усилит национализм»[37].

В то же время единственный национальный конфликт в Одессе того времени связан с передачей (в мае 1927 г.) Покровской церкви Украинской автокефальной православной церкви. 250 прихожан Покровской церкви, приверженцы русского православия, активно выступили против передачи церкви в лоно УАПЦ, заблокировав входы к храму. Православные верные русской патриархии провели сбор подписей среди населения города, требуя возвращения Покровского храма Московскому патриархату. Более чем 200 портовых грузчиков направили телеграмму украинскому старосте Г. Петровскому, тре-

буя: «возвратить храм, вырвав его из лап петлюровцев», в противном случае угрожая власти «серьезными последствиями»[38].

Острый внутренний конфликт разгорелся в 1927 г. на Одесской кинофабрике. Режиссер А. Довженко и ряд других режиссеров и актеров украинского происхождения добивались внедрения на кинофабрике украинизации «снизу» — украинского языка в кино и выпуска картин на «украинскую тематику». Национальные противоречия вылились в конфликт режиссеров — украинцев с ведущим режиссером кинофабрики и столичной знаменитостью Н. Охлопковым, который, выступая на сборах коллектива кинофабрики, предъявил обвинение «украинской группе» в том, что эта «контрреволюционная группа» занимается «москвоедством» (ограничивает права русских), что она создала атмосферу «недоверия к москвичам», «изживает неукраинцев» из кинофабрики. В то же время распространялись необоснованные слухи: «…что на Одесской кинофабрике засели украинские шовинисты», на кинофабрике идет «травля россиян и евреев» и «предоставляют работу только украинцам, фамилии которых заканчиваются на -ко». На подобные заявления А. Довженко ответил: «Создается такое мнение, если собираются два украинца — “это подозрительно”, если собираются три украинца — “это уже контрреволюция”. Как видим, нам собираться нельзя, так как нас еще могут предъявить обвинение в контрреволюции». Актер одесской кинофабрики А. Бучма заявлял: «Я давно перестал быть национал-шовинистом и носить жолто-блакитний бант, но после такого собрания и выступления Охлопкова, мне придется снова надеть жолто-блакитний бант»[39].

В 1925 г. к наркому образования СССР А. Луначарскому даже прибыла «делегация интеллигенции» из УССР «жаловаться на украинизацию», но А. Луначарский отказал в поддержке открытой оппозиции украинизации[40]. С другой стороны, влиятельный большевистский лидер Ю. Ларин (Лурье), в своих статьях и в выступлении на 8-й сессии ЦИК СССР (апрель 1926 г.) заявлял, что в УССР провоцируется «петлюровщина», происходит «насильническая украинизация», которая дискриминирует «русское население» в УССР по языковому вопросу. Лидер оппозиции Г. Зиновьев поддерживал такие заявления и сам активно выступал против украинизации, считая ее «помощью петлюровщине».

Известная исследовательница национального вопроса Е. Борисенко писала: «Оппозиция обращала особое внимание на перегибы украинизации в УССР. Так, в начале декабря 1926 г., Ю. Ларин направил в редакцию “Украинского большевика” статью, в которой обрушился на “перегибы национализма” на Украине… По мнению Ларина, совершенно недопустимо “устранение русского языка из общественной жизни (от собраний на рудниках и предприятиях до языка надписей в кино)”; переход профсоюзов на украинский язык, которого не понимало подавляющее большинство рабочих; применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения, и т.п. …»[41].

На собрании партактива в начале 1928 г. В Одессе в президиум была направлена записка от некого рабочего Кравчука, в которой были следующие слова: «…поголовная украинизация подавляющего большинства неукраинского населения — есть акт насильственного действия, свойственный колонизаторской политике буржуазии… Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это приведет?»[42]. Но, несмотря на спорность вопроса, в октябре 1926 г. всеукраинская конференция КП(б)У дала отпор зиновьевской оппозиции и поддержала курс на украинизацию[43].

По неукраинским селам Юга УССР в 1924–1928 гг. фиксировались протесты крестьян против украинизации, так как многие крестьяне не могли понять смысл многих документов, заполнить необходимые налоговые документы, которые были напечатаны на украинском языке. Крестьяне жаловались на налоговых чиновников: «Нам нарочно читают на украинском, чтобы мы ничего не поняли»[44].

В Березовском районе украинские крестьяне выступили против преподавания в школе на украинском языке[45]. В Новоодесском районе Николаевской области (апрель 1924 г.) на местах фиксировалась «наличие национального антагонизма». Парторганы сообщали, что: «политика партии в национальном вопросе игнорируется населением района», хотя украинцев в Новоодесском районе проживало более 70 %. «В райцентре украинским не разговаривают и не понимают», «несмотря на украинизацию, язык остается русский», «на разговоры об украинизации ответственные работники района отвечают бранным словом», — твердила ин-

формация из городка Новая Одесса Новоодесского района. По украинизации в этом районе ничего не делалось и чувствовало «вражеское отношение к вопросу»[46].

Интересно, что на Юге УССР к противоречиям в связи с украинизацией добавлялись конфликты на почве «германизации» и «молдаванизации» — использования немецкого и молдавского языков в национальных немецких районах и Молдавской автономной республики. Подобный конфликт произошел между немецкой колонией Черногорка и украинским селом Калиновка (Одещина), что подчинялись немецкому сельсовету. Жители Калиновки жаловались, что у немецких советских функционеров было заметно: «стремление обойти украинцев», для чего «заседание Совета проводить только на немецком языке», чтобы содержание решений не было понятным жителям Калиновки[47]. В ряде немецких Советов проводилось в жизнь требование местных колонистов вести заседание Совета только на немецком языке. «Русский и украинский языки нам не нужны», — говорили члены Совета колонии Гросс-Либенталь[48].

Часть крестьянства Одещины проявляло свое недовольство политикой молдаванизации, выступая против создания МАССР (молдавской автономии), национальных молдавских Советов и районов, против распространения молдавского языка и структуры управления МАССР на украинские и русские села. Так, крестьяне Степановского сельсовета, который оказался в 1924 г. на территории МАССР, в котором жило 50 % украинцев, 40 % немцев, 10 % молдаван, единогласно высказались в пользу отделения сельсовета от МАССР[49].

Для 1923–1929 гг. был характерен процесс углубления раскола среди населения Юга Украины, раскола, в зависимости от культурно-национальных признаков, по линии отношения к политике украинизации, молдованизации, германизации. Этот конфликт был связан как с увеличением украинского влияния в городе и с увеличением численности украинского рабочего класса, интеллигенции, студенчества, так и с политикой создания национальных автономий, Советов и районов на территории УССР. Компания коренизации поражала своим формализмом и неподготовленностью, непродуманностью форм и темпов.

Историки украинизации (советские и постсоветские), описывая достижение этой политики в области народного образования и развития украинской культуры, оставляют вне поля зрения региональные и социальные особенности восприятия населением УССР политики украинизации. Ряд регионов и крупных городов УССР были просто не готовы для тотальной и ускоренной украинизации, а местные власти, вынужденно играя по правилам тоталитаризма, не могли отстоять свою точку зрения на реализацию программы украинизации, исходя из региональных особенностей ряда территорий Украины. Территории бывших (до 1918 г.) Херсонской и Екатеринославской губерний развалившейся Российской империи, находясь в поле влияния русского языка и культуры, не могли одновременно с патриархальными украинскими областями успешно выдерживать экзамен усиленной украинизации. Тяжесть новой национальной политики легла на русскоязычное городское население Юга и Юго-востока Украины (интеллигенция, служащие, студенты).

Городские жители Юга УССР, среди которых процент не знающих украинский язык доходил до 90 %, научились игнорировать политику партии в вопросе украинизации, создавая только видимость подобной деятельности и ограничиваясь только составлением документов на украинском языке. В то же время в 1926–1929 гг. стало заметно стремление властей с помощью коренизации разыграть в стране банальную политическую формулу «разделяй и властвуй». Интеллигенцию сталкивали лбами в языковом конфликте, и эта «борьба на культурном фронте» давала еще один нужный властям эффект — на второй план отодвигались острые социальные и политические противоречия между властью и обществом.

---

1 Известия (Одесса). 1926. 16 мая – 10 сентября.

2 Государственный архив Одесской области (далее ГАОО), Ф. 3. Оп. 1. Д. 1011. Л. 31.

3 ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1276. Л. 66.

4 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1312. Л. 19.

5 Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1033. Л. 169; Д. 1601. Л. 106.

6 Там же. Оп. 1. Д. 1601. Л. 83.

7 Там же. Оп. 1. Д. 2212. Л. 21.

8 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1312. Л. 18.

9 Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 165. Л. 213.

10 Там же. Оп. 1. Д. 2208. Л. 20.

11 Там же. Оп. 1. Д. 165. Л. 211, 222.

12 Там же. Оп. 1. Д. 1608. Л. 3.

13 Там же. Оп. 1. Д. 1031. Л. 100–108.

[14] *Єфремов С.* Щоденник 1923–1929. Київ, 1997. С. 155.
[15] ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 78. Л. 101.
[16] Там же. Оп. 1. Д. 1032. Л. 42
[17] Там же. Оп. 1. Д. 1037. Л. 21–22.
[18] *Єфремов С.* Щоденник… С. 131, 243.
[19] Центральный гос. архив общественных обединений Украины, Ф. 1. Оп. 20. Д. 2522. Л. 55.
[20] ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 327.
[21] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 284. Л. 28, 62.
[22] ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1282. Л. 45; Там же. Д. 1299. Л. 59.
[23] Там же. Оп. 1. Д. 1037. Л. 21.
[24] Там же. Оп. 1. Д. 78. Л. 98.
[25] ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 284. Л. 29.
[26] Там же. Оп. 16. Д. 54. Л. 58.
[27] *Єфремов С.* Щоденник… С. 682.
[28] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст.. Київ, 1997. С. 119.
[29] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1312. Л. 20–21.
[30] Там же. Д. 1034. Л. 108.
[31] Там же. Д. 1034. Л. 111.
[32] Там же Ф. 7. Оп. 1. Д. 1607. Л. 90.
[33] Там же. Д. 2208. Л. 17; Там же. Д. 309. Л. 317–323.
[34] Там же Д. 1036. Л. 47.
[35] РГВА. Ф. 307. Оп. 1. Д. 287. Л. 45.
[36] ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1029. Л. 140.
[37] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1222. Л. 4.
[38] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1037. Л. 129.
[39] Там же. Л. 49–50.
[40] *Єфремов С.* Щоденник… С. 294.
[41] *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 178.
[42] Там же. С. 151.
[43] *Бачинський Д. В.* Громадсько-політична дискусія щодо змісту політики українізації // Україна XX ст. Культура, ідеологія, політика. Вип. 6. Київ, 2002. С. 207.
[44] ГАОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2204. Л. 163.
[45] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1034. Л. 146.
[46] Там же. Д. 918. Л. 6–14.
[47] Там же. Д. 1034. Л. 146.
[48] Там же. Д. 1034. Л. 143–145.
[49] Там же. Д. 1310. Л. 221.

УДК 321.64(474.5) «1926/1940»
ББК 63.3(4Лит) «1926-1940»
Р 55

Клаус Рихтер

Культ Антанаса Сметоны в Литве (1926-1940). Принцип действия и развитие[1]

«Вождю нации.
Мы помним, дорогой вождь,
О пушках, которые бороздили поля сражений.
Когда в наших садах ничего не цвело,
Пугал даже скрип ясеней, стоящих по краю дороги.
Тогда, сквозь пепел, сквозь огонь,
Ради молодой Литвы,
Позвал тебя народ
Стать ее отцом и вождем.

Тогда из Таураге, из Бержая,
Повел отец сыновей на фронт,
Юноши шли плечом к плечу,
Чтобы отыскать врагов Литвы.

Мы шли за тобой, пойдем и дальше,
Неважно — в радости или борьбе!
Так велико в нас желание обрести страну на Немане,
Нашу зеленую Литву».[2]

Введение

«Управление всегда и везде должно носить индивидуальный характер»[3], — Антанас Сметона непрестанно внушал это членам своей партии литовских националистов. Придя к власти благодаря перевороту 1926 г., Сметона очень быстро стал «вождем нации» (*Tautos vadas*), в течение 14 лет единолично и вплоть до конца 1930-х годов почти без осложнений правил Литвой, хотя расположенной в отдаленном уголке Европы стране в период между двумя мировыми войнами постоянно угрожала опасность быть разделенной между Германским Рейхом, Польшей и Советским Союзом.

Едва ли можно говорить о политических успехах Сметоны. В период его правления Вильнюс окончательно отошел к Польше, Мемельский край был захвачен нацистской Германией, была проведена не слишком успешная аграрная реформа, а также произошло кровопролитное крестьянское восстание. Однако Сметона был свергнут не литовским народом, разгневанным его неумелой политикой, а войсками Красной армии. В данной статье рассматривается, насколько культ вокруг личности «вождя нации» *(Tautos vadas)* помогал поддерживать данный государственный режим. Отсюда следует, что культ политического руководителя служит признанию его власти с одной стороны и усилению тождественности и интеграции народа с другой стороны[4], также возникает вопрос, какими средствами достигаются эти цели.

В культе Сметоны следует различать две фазы: период 1926–1934 гг., когда с его стороны проводились попытки в первую очередь идентифицировать себя в качестве «вождя нации», и период 1934–1940 гг., когда происходила последовательная историзация Сметоны, то есть определение его места в литовском «героическом эпосе». Особого внимания заслуживают три отдельных события: переворот Сметоны и Августинаса Вольдемараса в 1926 г., торжество по случаю 60-летия Сметоны в 1934 г., а также потеря власти и побег в 1940 г. Чтобы проследить последовательное развитие культа, следует пересмотреть его восприятие литовским обществом и особенно этническими меньшинствами.

В центре нашего внимания будут находиться с одной стороны собственные высказывания Сметоны относительно культа, а с другой стороны — почести, речи и празднества, прославляющие «вождя нации». В связи с этим приведем понятие политического культа в трактовке Хайди Хайн:

«Политическим культом называют политически мотивированное светское, но при этом ритуализованное почитание, в меньшей степени каких-либо событий или институций, преимущественно каких-либо личностей, причем конкретные формы выражения соответствуют феноменологически религиозным культам, например, политические торжества — религиозным обрядам, светские при-

ветственные речи, или благодарственный адрес, — проповедям, а памятники — храмам.»[5]

Источниками исследования служат протоколы и циркулярные письма Партии националистов (таутининков) *(Tautininkai),* а также статьи многотиражных литовских газет.

Здесь следует обратить внимание на коварство литовского языка. Хотя литовское слово *tauta* в большинстве случаев можно перевести как «народ» и *Tautos vadas* соответственно как «вождь народа», но абстрактное существительное *tautiškumas* имеет другое значение: в то время как многие сейчас переводят его как «национальность», в период между двумя мировыми войнами это слово употреблялось исключительно в отношении литовской нации. Поэтому здесь мы следуем примеру Альфреда Эриха Зеннса, который предложил вместо слова «Lithuanianness»[6] использовать слово «Litauertum». Слово *vadas* — «вождь, руководитель» — с точки зрения семантики не является проблемой. Однако важно отметить, что, употребляясь отдельно, это слово использовалось и в отношении других личностей, например, генерала Стасиса Раштикиса, главнокомандующего литовской армии. Комбинация слов *Tautos vadas* использовалась исключительно по отношению к Сметоне.

Несмотря на относительно длительный период, правлению Сметоны в международных исследованиях не уделялось достаточного внимания. В основном его оценивали как составную часть общего процесса развития тоталитарного фашистского режима в 1920-х и 1930-х годах и редко рассматривали его особенности. В европейском контексте режим Сметоны исследовался в основном в связи с другими «балтийскими диктатурами» — Константина Пятса в Эстонии и Карлиса Улманиса в Латвии.[7] Проводились исследования более ранних по сравнению с Эстонией и Латвией диктатур — переворот Сметоны состоялся в 1926 г., то есть за восемь лет до установления диктатур Пятса и Улманиса. Так, литовский режим сравнивался с господством Пилсудского в Польше, которое установилось в 1926 г. также в результате переворота.[8] Кроме того, доказывается, что режим Сметоны в отношении цензуры и использовании права военного времени проявлял больший диктат, чем режимы в Риге и Таллинне, однако он не был при этом «открыто террористическим».[9] Однако Зигмантас Кяупа высказывается против того, чтобы называть режим Сметоны фашистским. В Литве не было влиятельных общественных организаций, и стоящая у власти партия националистов (*Tautininkai*) не стала такой массовой организацией, которая безоговорочно следовала бы за своим вождем.[10]

Тем не менее, Стивен Дж. Ли приходит к выводу, что Сметона в своем стиле правления пошел намного дальше, чем его балтийские современники, поскольку он превратил Литву в однопартийное государство и создал культ вокруг свой личности как «вождя нации».[11] Также и Майкл Маккуин подчеркивает степень проникновения в общество режима Сметоны: «После 1934 г. цензура ввела запрет на все политические мероприятия для большей части населения, оставив только празднования, проводимые в честь Антанаса Сметоны».[12] Значительная часть литовской интеллигенции того времени отвергала культ личности, констатирует Зенн. Однако ответственность за создание культа они возлагают не на самого Сметону, а на льстецов, которыми он был окружен.[13]

Литовские публикации о Сметоне до 1990 г. были большей частью написаны современниками Сметоны, в них не допускалось критики в адрес стиля его правления и культа его личности. Их грубо можно разделить на две группы: воспоминания, в которых режим Сметоны преимущественно оценивался позитивно[14], и биографии Сметоны, в которых также высказывается отношение к литовскому президенту от позитивного[15] до восторженного[16]. Начиная с 1990 г. особо следует выделить двух литовских историков, которые критически рассматривают деятельность Сметоны и его личность в контексте развития авторитарного режима в Европе. В то время как Альфонсас Эйдинтас придерживается хоть и дифференцированного, но при этом традиционного историко-биографического стиля[17], Людас Труска уделяет внимание и культу вождя, а также критически рассматривает личное окружение Сметоны. Именно от последних Сметона ожидал безоговорочной преданности, а тех, кто не служил его культу, сразу же снимал с влиятельных должностей[18].

Захват власти и зарождение культа Tautos vadas

Антанас Сметона родился в 1874 г. в небольшой деревушке Ужуленис, расположенной недалеко недалеко от городка Укмерге тог-

дашней Ковенской губернии, был шестым из семи сыновей. Несмотря на бедность, его родители смогли отправить его в 1888 г. в начальную школу города Тауенай, закончив которую он стал учеником прогимназии городка Паланга, который в то время находился в Курляндской губернии Российской империи. По окончании прогимназии отказался идти в семинарию и поступил в гимназию в курляндском Митау. Здесь он познакомился со своими будущими близкими соратниками Юозасом Тубелисом, Юргисом Шлапелисом и Владасом Миронасом, для которых очевидно уже к этому времени более старший Сметона имел большой авторитет[19].

В Митау Сметона впервые вступил в конфликт с царским правительством и был исключен из школы. Он уехал в Санкт-Петербург, окончил там в 1897 г. гимназию и начал изучать право. Из-за участия в демонстрации в 1899 г. Сметона был приговорен к двухнедельному заключению и выслан в Вильнюс. Современник Сметоны, Миколас Биржишка, описывает это как период, когда Сметона обратился к национализму[20]. Он вступил в Литовскую демократическую партию (*Lietuvos Demokratų Partija* — LDP). С 1907 г. участвовал в выпуске газеты *Viltis* («Надежда»), с 1914 г. — газеты *Vairas* («Руль»), а с 1917 г. — газеты *Lietuvos aidas* («Эхо Литвы»). Во время Первой мировой войны он принимал участие в Литовской конференции в Вильнюсе и был выбран председателем Литовского совета, который в 1918 г. принял Литовскую декларацию независимости. В 1919 г. последовало его избрание президентом Литвы. Уже в 1920 г. его преемником стал Александрас Стульгинскис, а в 1924 г. на основе Партии национального прогресса (*Tautos pažangos partija*), а также экономико-политического союза землевладельцев (*Ekonominės ir politinės žemdirbių sąjunga*) Сметона начал формировать Союз литовских националистов (*Lietuvių tautininkų sąjunga* — LTS), сокращенно Таутининкай (*Tautininkai*). В 1925 г. он стал его председателем.

Под предлогом превентивной меры против коммунистического переворота[21] литовская армия под предводительством полковника Повиласа Плехавичюса 17 декабря 1926 г. произвела государственный переворот против правящей коалиции народников (*Liaudininkai*) и социал-демократов и таким образом привела к власти таутининков. Консервативная партия, которая прежде с соотношением один к трем играла в литовском парламенте (*Seimas*) в политическом отношении второстепенную роль, теперь сделала Антанаса Сметону президентом, а Аугустинаса Вольдемараса — премьер-министром.

В прессе того времени эти события оценивались совершенно по-разному. Газета Крестьянского союза «Литовские вести» (*Lietuvos žinios*) связывала переворот не с именем Сметоны, а с явно более право направленным Вольдемарасом, что совсем не соответствовало реальному положению дел[22]. Совсем иную картину предлагала читателям военная газета «Меч» (*Kardas*), которая уже сразу после путча поставила в центр внимания Сметону и представляла его как «вождя нации» (*Tautos vadas*) и спасителя Литвы от коммунистической угрозы: «Вождь народа Антанас Сметона — новый президент Литовской республики. Иначе даже и быть не может»[23]. Фотография в том же издании показывает его в окружении членов Верховного штаба армии, сидящим в центре между Вольдемарасом и министром обороны Антанасом Меркисом.[24]

12 апреля 1927 г. правительство Вольдемараса с 30 голосами против 45 получило вотум недоверия, вследствие чего Сметона распустил сейм — решение, которое *de facto* означало окончание литовского парламентаризма. Газета «Литовские вести» в своем выпуске от 13 апреля 1927 г. отказалась от упоминания имени Сметоны, не говоря уже о том, чтобы называть его «вождем нации»[25]. Снова проводится мысль, что действующим лицом в дуумвирате является Вольдемарас, он принимает решения и собирается ввести диктатуру. Однако Сметона никоим образом не являлся такой пассивной фигурой, какой его изображали в газетных статьях. Его осознание себя как президента и убежденного монархиста, выразилось в том, что в 1928 г. он поручил подготовить декларацию, на основании которой армия должна была провозгласить его царем. Однако этому шагу Вольдемарас сумел помешать. Он приказал все декларации отменить и заявил Сметоне, что если тот осмелится на такой шаг, то «не будет больше ни царем, ни президентом»[26].

Однако то, что соотношение сил быстро изменилось в пользу Сметоны, показала новая конституция от 15 мая 1928 г., которая окончательно нивелировала значение парламента и еще больше расширила полномочия литовского президента[27]. Уже вскоре после роспуска сейма в 1927 г. от всех политических группировок стали исходить попытки

переворота. Сметона знал, что его врагами были народники (*Liaudininkai*), социал-демократы и христианские демократы, но также и правые экстремисты, которые видели своим лидером исключительно Вольдемараса, а государственное будущее Литвы — в фашистской системе, созданной по итальянскому образцу. 23 сентября 1929 г. Сметона воспользовался дипломатическим отъездом Вольдемараса за границу для его свержения.

С исчезновением последнего с политической сцены, государственная власть и ее атрибуты сконцентрировались исключительно на личности Антанаса Сметоны. Главный печатный орган таутининков «Эхо Литвы» (*Lietuvos aidas*), который, по мнению комитета окружных представителей партии, является «без сомнения газетой, отражающей дух национализма»[28], 24 сентября 1929 г. писал:

«В настоящее время у нас нет парламента. Надзор за работой правительства и его руководство возложено на Главного рулевого — президента республики. Поэтому перемена в государственной власти носит для нас только персональный характер, не связанной с изменением в работе, системе или программе»[29].

Далее «Эхо Литвы» разъясняет, что Вольдемарас слишком часто использовал свой пост для проведения своих внешнеполитических идей[30]. Поэтому новым премьер-министром станет Юозас Тубелис — близкий друг Сметоны и политик, ориентированный на внутригосударственную деятельность. Таким образом, стало несомненно, что все политические директивы будут исходить только от Сметоны и ни от кого другого. И не будет больше премьер-министра со своими собственными политическими устремлениями.

Партия таутининков следовала линии, которая была четко определена еще до переворота. Уже в 1925 г. журналист, член националистической партии, Валентинас Густайнис писал: «Сейм ни в национальных, ни в культурных, ни в политических вопросах Литвы не претендовал на роль высшего арбитра»[31]. Еще раньше сам Сметона требовал лишить сейм власти и поставить во главу государства одного сильного человека. Уже в 1922 г. он написал статью «О парламентаризме, у других и у нас», в которой он требовал «легитимного, сильного главу государства (царя или президента, как во Франции)»[32], который бы не отчитывался перед парламентом. Вопреки мнению биографа того времени Александраса Меркелиса[33] Сметона до захвата власти ни в коей мере не был либералом. Напротив, усилилась его убежденность в том, что после переворота Литвой должен управлять авторитарный руководитель[34].

«Серьезность и авторитет» — одномерность «вождя нации»

Необычно то, что ни Сметона, ни таутининки на ранней стадии своего господства не позаботились о легитимации прошлого Сметоны. Правда с большой регулярностью цитировались как известные люди великого литовского княжества, так и активисты литовского националистического движения, по словам которых сам Сметона оставался «вождем нации», но при этом был какой-то фигурой без истории. Вплоть до 60-летнего юбилея Сметоны, когда он и таутининки разъяснили его роль в довоенной Литве, партия и президент возводили культ вождя, опираясь исключительно на отдельные способности и качества Сметоны, а также с помощью фашистской системы государства, которая пропагандировала полное подчинение партии и политики воле вождя.

Когда 150 представителей районных групп партии националистов 30 и 31 мая 1931 г. встретились в помещении радикальной националистической студенческой корпорации Neo-Lithuania[35] в литовской столице Каунасе, стало очевидной степень, до которой партия подчинилась личности, воле и политике Сметоны.[36] После того как представители партии выбрали президиум и секретариат, зазвучал национальный гимн, и в зал под аплодисменты вошел Сметона. В своей речи он описывал народ как организм. «Литва — это не абстракция, а выражение истинной потребности народа», — объяснял он собравшимся и рассказывал о достижениях итальянских фашистов[37]. Затем в общих чертах он обрисовал роль президента Литовской республики. По его словам, только президент знает, каким должны быть форма и структура правительства, а также «порядок жизни государства»[38]. Опираясь на Конституцию от 1928 г., он отказал в восстановлении сейма в форме парламента: «Если сейм соберется, тогда он единогласно решит, что только он может служить народу»[39]. Таким образом, Сметона выразил то, что позднее во всех деталях обнародовал в своих указах: сейм как политический орган был не действенным и не функциональным, так как служить народу — это наивысшая

задача исключительно «вождя нации», которому не будет мешать нерешительность парламента. После своей речи Сметона покинул зал под стоячие овации.

Представитель партии таутининков из города Вилкавишкис подвел итоги заседания: во-первых, следует созвать народный конгресс, чтобы учредить новую форму правления, во-вторых, это новое правление должно работать в согласии с правительством. Политические директивы должны будут исходить исключительно от президента Антанаса Сметоны: «Вождь нации — наш единственный авторитет»[40]. В 1935 г. в циркулярном письме генерального секретаря партии значилось, что партия ждет от всех своих членов, чтобы они исключительно следовали «обнародованным идеям “вождя нации”, а также [...] его деятельности и воззрениям»[41].

Эта унификация партии и политических органов на всех плоскостях привела к строгой вертикальной структуре власти. После того, как сейм как парламентский орган был распущен, а его восстановление даже не обсуждалось, Сметона создал другие органы, которые его как «вождя нации» должны были утвердить на должности президента. Один из этих органов — комитет народных представителей, был выбран на общем собрании партии таутининков. Единственной функцией этого комитета было избрание Сметоны на пост президента. Не было не только кандидатов от оппозиции, но и вообще никаких других кандидатов, так как в силу своего звания Сметона был единственным возможным руководителем Литвы. Так, генеральный секретарь партии таутининков Винкас Растенис указал в циркулярном письме к окружному правлению от 27 ноября 1931 г. на то, что в выборном комитете должны были быть только такие представители, которые «не выбрали бы президентом никого другого кроме нашего вождя, Его Превосходительства президента республики, Антанаса Сметоны, так как только такой выбор обеспечит порядок и стабильность в стране»[42]. В соответствии с этим, газета «Эхо Литвы» от 11 сентября 1931 г. сообщила: «Антанас Сметона единогласно был избран президентом республики»[43].

Что касается характеристик «вождя народа», то долгое время партийные органы на этот счет хранили молчание, не высказываясь по этому поводу не только публично, но и между собой. На общей встрече окружных представителей таутининков 11 и 12 июня 1932 г. было утверждено, что члены партии «всегда остаются приверженцами одного порядка, который гласит, что последнее решение всегда остается за президентом республики, и что этот президент был избран не в результате ожесточенной борьбы политических группировок, его избрание проистекло из огромной серьезности и авторитета, исходящих от него»[44].

Вплоть до празднования 60-летия строилось это многословное, абстрактное семантическое поле из слов «мудрость», «опыт», «авторитет», «предвидение», служащее основой легитимации Сметоны как президента и «вождя нации». Сам Сметона продвигал образ «правителя-философа»[45], читая на праздничных мероприятиях лекции о Платоне и литовской литературе, особо упоминал свою деятельность в качестве доцента в Каунасском университете и при каждой возможности ссылался на свое докторское звание, законность которого, однако, вызывала сильные сомнения[46].

На картинах и фотографиях того времени Сметона представал «монотонно однообразным: важный, с подкрученными вверх усами, короткой остроконечной бородкой на подбородке, которая, соединяясь с усами, полностью обрамляла его рот. Волосы зачесаны на правую сторону. Густые брови, почти на всех фотографиях лицо без тени улыбки, без какого-либо выражения, взгляд мрачный»[47]. Этот образ практически не менялся в течение всего периода его правления. Носил Сметона в основном белую рубашку с белым галстуком-бабочкой, широкую ленту, поверх нее черный или белый жилет, а также черный фрак. С левой стороны фрака всегда был отчетливо виден орден Креста Витиса[48]. Еще один Крест Витиса Сметона носил либо под галстуком-бабочкой, либо на фраке, на уровне пояса брюк[49]. Другие знаки отличия, например, Орден Витовта Великого, видны на Сметоне только на некоторых фотографиях[50]. Портретисты 1930-х гг. изображают Сметону исключительно в одной и той же позе и с неизменным выражением лица: задумчивое, но решительное, строгое, с видом зрелого и опытного политического деятеля[51]. Фотография или рисунок с изображением Сметоны, где он показан в торжественной позе с книгой в руке, словно он сейчас приступит к чтению вслух, в середине 1930-х гг. стали своеобразной иконой и появлялись в многочисленных книгах и газетах[52]. В противоположность Гит-

леру, который изображался либо воинственным, либо культурным и образованным[53], внешний облик «вождя нации» всегда оставался единообразным и неизменным.

Легитимация посредством историзации

С 1934 г. таутининки и Сметона начали проводить легитимацию последнего, подчеркивая его роль в прошлом как стойкого борца за независимость Литвы. Таким образом, культ вождя тесно связали с культом героя. Уже в конце 1931 г. газета таутининков «Северная Литва» *(Šiaurės Lietuva)* требовала «соответствующего воспитания для литовцев»[54], главной составной частью которого должен был стать культ героя: «Культ героя сильно влияет на настроение народа, он побуждает молодежь доблестно трудиться на благо родины»[55].

Газета «Меч» *(Kardas)*, рупор армии, а также печатный орган, сочувствующий националистам, летом 1933 г. подчеркнула значение культа великого литовского князя для «духа народа»: «Литва была могущественным государством, но какие исторические памятники нам остались от этого государства? [...] Мы не знаем, где похоронен князь Миндовг [...], где находится прах Кестутиса, где находится настоящая могила Витовта. Однако все эти великие люди существовали, совершали героические подвиги и правили народом»[56]. Без создания культа этих героев воспоминания о них померкли бы: «Традиции утеряны, дух народа ослаб, и постепенно исчезает, и так умирает славное прошлое, впадает в долгий летаргический сон»[57]. *Kardas* видела решение в создании нового героического культа, ориентированного на недавнее прошлое Литвы. «Только с созданием новых авторитетов, новых вождей воспрянет и оживет народ. [...] Давайте вспомним Кудирку, Басанавичюса, Вилейшиса»[58].

Образ «вождя нации», который ранее определялся исключительно достоинством и образованностью зрелого политического деятеля, теперь дополнился еще двумя признаками: фундаментальным мифом, который был связан не только с деятельностью Сметоны, но и с его социальным происхождением, а также его сверхчеловеческой способностью к управлению народом. В соответствии с этим, газета *Kardas* в апреле 1935 г. показала Сметону как государя верхом на коне на фоне литовской деревенской идиллии[59]. «Вождь должен хорошо знать психологию руководства людьми. Иначе это не вождь. [...] Истина состоит в том, что мы все создаем нашу Литву, мы все работаем над этим, но ведет нас по этому пути Антанас Сметона»[60], — говорится в том же издании.

Данное определение мало соотносится с историческими событиями, но это, как и многое другое, Сметона и таутининки в соответствии с особенностью литовского национализма, начали подчеркивать на удивление поздно[61]. Винкас Кудирка, Йонас Басанавичюс, Петрас Вилейшис, создания героического культа которых требовала газета *Kardas*, являлись известнейшими литовскими националистами конца XIX — начала XX вв. Они происходили, как большинство литовских активистов того времени, из литовского крестьянства, и получили университетское образование в Варшаве, Москве и Санкт-Петербурге. Этих троих объединяла сфера их политической деятельности: они издавали газеты[62]. После крестьянского восстания 1863 г. литовскоязычные газеты, напечатанные латиницей, были запрещены[63]. Басанавичюс был первым, кто в 1883 г. в восточно-прусском Тильзите издал газету *Auszra* («Утренняя заря»), проникнутую духом романтизма, которая так называемыми книгоношами контрабандой провозилась через границу в российскую Литву. Очевидной целью газеты было спасти от гибели литовский язык[64]. Кудирка с 1889 г. издавал газету *Varpas* («Колокол»), которая имела явное националистическое звучание. И, наконец, Вилейшис был издателем *Vilniaus žinios* («Виленские вести»), первой литовскоязычной дневной газеты. Подавляющее большинство главных фигур литовского националистического движения, таких как Юргис Белинис, Мартинас Янкус, Юозас Тумас-Вайжгантас, занимались публицистикой, или, например, как Йонас Яблонскис, способствовал становлению литовского литературного языка[65].

В ряд этих деятелей без проблем попал и сам Сметона, который никогда не выделялся какими-либо военными заслугами, как, например, его современники Йозеф Пилсудский или Миклош Хорти. Сметона тоже происходил из простой крестьянской семьи, он учился в Санкт-Петербурге, хоть и недолго, и занимался публицистикой. Поэтому странно, почему Сметона и таутининки лишь в 1934 г. стали активно интегрировать этот главнейший для литовских националистов аспект в культ «вождя нации».

На 10 июня 1934 г. в Науместис, родном городе Винцаса Кудирки, было запланировано открытие памятника этого известного публициста и композитора, написавшего музыку национального литовского гимна. В циркулярном письме окружному правлению таутининков от 1 июня генеральный секретарь Винцас Растенис предложил использовать это мероприятие в собственных интересах. «До сих пор д-р Винцас Кудирка считался идеологом народников, — пишет Растенис, — но отнюдь таким не является: согласно тем идеям, которые он высказывает, он намного ближе нам, националистам»[66]. Поэтому Растенис предложил провести 10 июня всенародный «День Кудирки», который должно будет организовать окружное правление этого региона. Должен был выйти специальный выпуск «Эха Литвы» (*Lietuvos aidas*), а популярный писатель Юлийонас Линде-Добилас должен был прочитать доклад о Кудирке. Но, пожалуй, самым характерным для националистов было предложение перенести «День Кудирки» на 13 июня, чтобы «связать его с именинами "вождя нации" Антанаса Сметоны»[67]. В конце концов, его провели в первоначально выбранный день, возможно потому, что через три месяца должно было состояться празднование 60-летнего юбилея Сметоны. Тем не менее, во время открытия памятника «Винцаса Кудирки, великого литовца»[68], ораторы сделали все, чтобы связать имя Сметоны с именем национального героя. Сметона якобы являлся «идеальным исполнителем идей Кудирки»[69] и таким образом логически стал его преемником в литовском «героическом эпосе».

Если бы современники Сметоны до 1934 г., даже при его собственном содействии, связывали его как «вождя нации» в первую очередь с другими фашистскими вождями, такими как Муссолини, он стал бы сейчас национальным вождем, который в период гибнущих империй привел Литву к независимости. Несомненно, это было также реакцией на трудное положение Литвы, которая все еще сталкивалась с неразрешенным вопросом, касающимся Вильнюса, захваченным в 1920 г. Польшей, и также должна была спорить с ревизионистскими притязаниями гитлеровской Германии. Разрешить это критическое внешнеполитическое положение считали способным только Сметону: «Вильнюс — это наш Вильнюс, Клайпеда — литовский порт [...]. Это жизненная философия Антанаса Сметоны»[70].

В юбилейном сборнике 1934 г. «вождь нации» и другие литовские националисты изображены на фоне портрета Йонаса Басанавичюса[71] Если говорить об идеальном руководителе, пишет автор, то «на ум придет не так много имен правителей нынешней Европы. В Чехословакии это Масарик, у нас в Литве — это Антанас Сметона»[72].

Это сравнение авторитарного Сметоны с демократом Томашем Масариком кажется на первый взгляд удивительным. Но на второй взгляд, образ, который Сметона сам пытался культивировать, оказывался ближе к Масарику, чем к другим авторитарным правителям, таким как Муссолини, Хорти или Пилсудский[73]. Чешский президент сверх меры отличился в борьбе за чешскую культуру и государственную независимость и был человеком высокообразованным, философом и университетским профессором. Этот образ очень точно соответствовало идеальному представлению, которое имел о себе Сметона, так и не окончивший свою учебу[74]. «В послевоенный годы мы хорошо видели, какую огромную роль одна личность может сыграть в жизни государства», — говорилось в юбилейном сборнике, посвященным Сметоне. «Антанас Сметона сочетает в себе самые лучшие качества литовского народа: мудрость, серьезность, усердие [...]. Это большая редкость: лишь в двух государствах — Литве и Чехословакии — мы можем найти такие личности, являющихся главами государства и сочетающих в себе качества вождей нации: мыслителя и политика, философа и дипломата»[75].

В тексте, озаглавленном «Его жизненные идеалы», мы находим идиллическую картину поля родной деревни Сметоны Ужуленис, которая указывает на еще одну биографическую общность с Масариком и является важной составной частью мифа о «вожде нации». Как и Сметона, выросший в бедных условиях, Масарик был сыном «бедного, почти безграмотного, крепостного словацкого кучера»[76]. В мифе о «вожде нации» крестьянское происхождение, которое Сметона первоначально пытался утаить, в конце концов, стало обязательной характеристикой. Популярный в межвоенный период литовский поэт Казис Бинкис прославлял проведенное в бедности детство Сметоны в книге, посвященной его 60-летию, и предназначавшейся в первую очередь детской аудитории, рассказывая о жизненной ситуации, которая не сломила Сметону, а, напротив, стала фундаментом для его стремительного

взлета. В этой книжечке, изданной в количестве 300 000 экземпляров, что до сих пор является рекордным для Литвы тиражом[77], Бинкис прославлял крестьян как стражей и хранителей Литвы. «Так и наш президент Антанас Сметона родился не в шикарной помещичьей усадьбе и происходит не из знатного дворянского рода»[78]. Именно бедность стала следствием того, что в регионе сохранился старинный и особенно чистый вариант литовцев, а также сохранились огромные познания о литовских сказках[79]. Родители Сметоны были «бедны, но образованы, душевны и богобоязненны»[80]. «Работай, и Бог тебе поможет»[81], — бывало говорил его отец Йонас.

Празднование 60-летия Сметоны

Поворотным пунктом 1934 г. в отношении исторической контекстуализации «вождя нации» и внедрения его в литовский «героический эпос» стало празднование 60-летия Антанаса Сметоны. 22 июля 1934 г. Верховный комитет таутининков выпустил для проведения торжества плакат, предназначенный для оповещения всего литовского народа о готовящемся празднике. Выбор даты пал на 9 и 10 сентября — спустя месяц после настоящего дня рождения Сметоны. Для поддержки окружного комитета были призваны чиновники, священники, ученики и члены Союза стрелков Литвы (*Lietuvos Šaulių Sąjunga*)[82]. Во всех населенных пунктах должны быть образованы праздничные комитеты, которые будут следить за тем, чтобы все жители в дни праздника «подняли национальные флаги, украсили дома венками и выставили символ Витиса или портрет президента»[83]. Таким образом, флаг, литовский всадник (Витис) и портрет «вождя нации» должны стать основополагающим триединым символом литовского государства и литовской истории на всей территории литовского государства. Наибольшее значение придавалось присутствию ныне здравствующих активистов литовского националистического движения, которые также способствовали легитимации Сметоны на должности президента: аушрининки[84] (Aušrininkai), варпининки[85] (Varpininkai), книгоноши, участники Великого сейма в Вильнюсе[86], участники конференции в Вильнюсе 1917 г.[87], кавалеры ордена Креста Витиса[88], инвалиды литовской армии, родители других борцов за независимость Литвы или павших в борьбе за ее свободу»[89].

Публичное торжество должно было проходить на открытом пространстве, чтобы его посетило как можно больше участников. В Каунасе 9 сентября на площади Пятраса Вилейшиса в районе Жалякальнис прошел всеобщий молебен, затем последовала церемония подъема флага, на которой присутствовали все литовские организации[90]. В других литовских населенных пунктах молебен и поднятие флага должны были пройти в то же самое время.

В заключение в Каунасе, как и в других городах должны были состояться праздничные заседания, которые при условии хорошей погоды также должны были проходить на открытом воздухе. В начале заседания особо подчеркивались заслуги Сметоны перед Литвой. Затем предлагалось вспомнить о Вильнюсе, «где Антанас Сметона творил независимость Литвы», и спеть песню «Без Вильнюса нет нам покоя»[91]. В конце заседания слово должен был взять «вождь нации», которому собравшиеся внимали стоя. Заседание должно было закончиться исполнением национального гимна или песней «Мы родились литовцами». Организационный комитет предложил городским властям проводить заседания в библиотеках, музеях, школах или на площадях, носящих имя Антанаса Сметоны[92]. В заключение вечером должны были проводиться различные мероприятия — лекции, концерты, народные танцы и др.

В свою очередь окружные комитеты призвали общинные комитеты обсудить все с местными союзами и организациями, чтобы те вносили свои предложения касательно чествования «вождя нации»[93]. Так, например, общинный комитет северо-литовской деревни Папиле предложил после спуска флага зажечь огонь в честь «вождя нации»[94].

Так как организационный комитет, очевидно, не занимался подведением итогов, основным источником информации о фактическом проведении празднования для нас служит отчет, опубликованный в газетах. Однако они дают нам наряду с обзором хода праздника еще некоторую важную информацию. Так как унифицированная пресса не печатала высказывания оппозиции, отсутствие сообщений о празднике в оппозиционных газетах можно расценивать как выражение недовольства режимом и культом вождя. Так, газета «Рабочий» (*Darbininkas*) напечатала лишь три статьи о празднествах, из которых самым длинным было сообщение литовс-

кого телеграфного агентства ELTA[95]. «Наша газета» (*Mūsų laikraštis*), выпускаемая Антанасом Туменасом, бывшим членом распущенной партии христианских демократов и председателем Католического рабочего центра (*Katalikų veikimo centras*), лишь на второй станице напечатала сообщение о торжествах. Националистическая газета «Наша земля» (*Mūsų kraštas*), напротив, посвятила отчету о празднике полных 12, а в общей сложности 16 страниц[96]. Газета «Эхо Литвы» (*Lietuvos aidas*) — рупор таутининков — полностью все 12 страниц издания предоставила для описания празднования дня рождения «вождя нации»[97].

По сообщениям этих газет самые пышные торжества проводились с 8 по 10 сентября в столице Литвы Каунасе. 8 сентября состоялось богослужение, в котором принимал участие и сам Сметона. Вечером в военном музее проводилось праздничное собрание. В субботу 9 сентября снова прошло богослужение, а именно на площади Вилейшиса, самой большой в Каунасе площадке для проведения мероприятий. В завершение по Каунасу прошел парад с флагами, и Сметона выступил с краткой речью. 10 сентября день рождения Сметоны отметили в школах, также проводились разнообразные шествия. «Весь Каунас был украшен флагами, цветами и портретами», — сообщалось в «Эхе Литвы»[98].

Как и планировалось, в торжествах принимали участие большие и малые организации страны. Каждый литовец прославлял Сметону как «вождя нации»: стрелки, таутининки, юные литовцы, нео-литовцы, скауты, фермеры, евреи. В синагогах Каунаса молились за Сметону. Присутствовали гости из Латвии, а также «мало-литовский патриарх» Мартинас Янкус и представители Вильнюсской области. «Все пришли, и это показывает, что Антанас Сметона является вождем всего народа»[99]. Также таутининки не упустили возможность пригласить высокопоставленных заграничных представителей. Хью Монтгомери Натчбулл-Хьюгессен, британский министр по балтийским республикам, прибыл из Риги; шведский министр Патрик Ройтерсверд и представитель Италии принимали участие в торжествах на площади Вилейшиса.

Поручение Верховного организационного комитета партии таутининков, касающееся национальной и исторической контекстуализации «вождя нации», было выполнено. «Большая часть балконов домов была украшена портретами “вождя нации”», — сообщает газета «Эхо Литвы». «У кого не было его портрета, выставляли изображение Витовта Великого или других великих национальных героев»[100]. Наряду с Мартинасом Янкусом и соиздателем газеты «Утренняя заря» (*Auszra*) Йонасом Шлюпасом присутствовали еще сторонника движения аушрининков (*Aušrininkai*)[101]. Соответственно, на праздничном заседании в военном музее особо подчеркивались достижения Сметоны и его заслуги в патриотическом движении. «Ты заново создал и обустроил государство, — говорил в своей хвалебной речи министр юстиции Стасис Шилингас, — ты вдохнул в народ жизнь и вырастил его. Ты спас отчизну в трудные дни»[102]. Шлингас легитимировал Сметону, поставив его в один ряд с великими литовскими князьями. Как Гедиминас однажды увидел во сне железного волка и основал после этого Вильнюс, так и Сметоне привиделся сон: «Будучи еще юношей, он увидел во сне, как открылась “Зеленая гора” Каунаса, и оттуда вышла воскресшая литовская армия. Сон Сметоны […] осуществился. После столетий порабощения возродилась Литва в своем величии»[103]. Только Сметона в силах сделать так, чтобы и сон Гедиминаса сбылся, и Вильнюс вырвался из польского плена. «Для этого нам нужны решительность и вождь»[104]. Однако последний должен отличаться не только авторитетом, но также быть патриотом, как Сметона. «Без любви к родине вождь не достигнет успеха. И Миндаугас, и Гедиминас, и Витовт, и Кейстут были полны такой любви»[105].

Шилингас также не упустил случая упомянуть поборников «возрождения Литвы», таких как Мотеюс Валанчюс или Винцас Кудирка, и таким образом поставить Сметону в один ряд с ними. Эту мысль подхватил также и следующий оратор — священник, впоследствии премьер-министр, Владас Миронас, который хвалил деятельность Сметоны как издателя газеты «Надежда» (*Viltis*): «Надеждой был Сметона»[106]. Так как речь идет о националистической газете, она могла просуществовать долгие годы, в то время как конкурирующие газеты «Виленские вести» (*Vilniaus žinios*) и «Хозяин» (*Ūkininkas*) шли ко дну, потому что они изменили духу Винцаса Кудирки, переметнувшись на сторону социалистов. Сметона, напротив, всегда видел себя приверженцем идей Кудирки.

Также кроме запланированных парадов, богослужений и торжественных заседаний на

региональном уровне проводились многочисленные, разнообразные демонстрации культа «вождя нации», за проведение которых отвечали окружные и районные комитеты. В то время как в Каунасе в честь Сметоны проводился футбольный матч, в котором Литва победила Латвию со счетом 3:1[107], в городе Жагаре от имени Сметоны раздавали символические «Вильнюсские паспорта», которые должны были упрочить притязания на город. В Паневежисе во славу Сметоны пел хор из двухсот голосов, в Рокишкисе в его честь состоялись скачки. В городе Тельшяй в честь «вождя нации» был открыт новый спортивный стадион, а в Паланге разожгли большой костер. В Шяуляе четыре оратора прочли четыре доклада, осветив все грани личности президента: «Личные качества вождя нации», «Вождь нации как деятель культуры и националист», «Вождь нации как стилист и оратор», «Вождь нации как политик и социальный активист»[108]. По сообщению газеты «Наша земля» (*Mūsų kraštas*) подобные мероприятия проводились в городах Пасвалис, Вашкай, Грумшляй, Трошкунай, Пумпенай, Рамигала, Кретинга, Расейняй, Мажейкяй, Жаренай и Плунге[109].

В некоторых литовских населенных пунктах проведение праздника использовали для того, чтобы увековечить память о президенте. Газета «Наша земля» сообщила о торжественном открытии Аллеи президента Сметоны в Клайпеде. В Жеймялисе Баускую улицу переименовали в улицу Антанаса Сметоны. Государственная гимназия в Биржае с гордостью сообщила, что она является первой гимназией Литвы, названной в честь Антанаса Сметоны. В Рамигале среднюю школу также называли именем президента[110].

Благодаря визуализации празднеств, но в особенности благодаря речам ораторов было очевидно, насколько сильны были старания использовать 60-летний юбилей Сметоны для придания большего веса культу «вождя нации». Способности Сметоны, его серьезность и образование давали возможность стилизовать его как «человека действия» в традиции литовских героев, таких как Гедиминас, Витовт, а также националистов 19-го века.

Интегративная функция культа «вождя нации»

Однако Сметона должен был стать «вождем нации» не только этнических литовцев, он просто не мог игнорировать реальное положение дел в нестабильной литовской республике. В Литве в середине 1920-х годов проживало почти 20 процентов населения нелитовского происхождения — большинство из них были евреями, а также немцы, поляки и русские[111]. После болезненного для молодой литовской республики захвата Вильнюса поляками правительство не могло позволить себе каких-либо новых этнических конфликтов. Вильнюсский конфликт показал, что мирное совместное проживание разных этнических групп было условием территориального единства Литвы.

В своей речи на собрании партии таутининков в 1935 г. Сметона обрисовал свою политику в отношении этнических меньшинств. «Законность — это основа нашего государства»[112], — объявил Сметона. Поэтому его политика основывается на законном признании всех этнических групп Литвы. Демократия, напротив, выступает за расизм[113]. «Она является всего лишь формой без содержания — когда она пытается создать равенство, то в итоге в большинстве случаев получается неравенство»[114]. Это признание равных прав для всех граждан государства, независимо от их этнической принадлежности, имело место при безоговорочной лояльности литовскому государству и «вождю нации»: «Также они должны знать границы своих прав, чтобы не создавалось государство в государстве»[115].

Расположение самого крупного этнического меньшинства — евреев — было для Сметоны особенно важным. Хотя автократия Сметоны упразднила пост министра по еврейским вопросам, но еврейские организации, частные школы и банки могли и дальше осуществлять свою деятельность[116]. Поэтому большинство литваков[117] воспринимали Литву намного более пригодной для проживания, чем, например, Польшу, где евреи позднее, к середине 1930-ых годов подвергались антисемитизму со стороны других этнических групп[118]. Поэтому неудивительно, что евреев устраивал культ «вождя нации». Антанас Сметона был «словно послан провидением»[119], писал своей брошюре Моисей Брегштейнас от имени «союза еврейских солдат, принимавших участие в борьбе за независимость Литвы»[120]. «Помнится, — говорит Брегштейнас, — когда нашей независимости угрожали со всех сторон […], все сыны Литвы, независимо от их национальности и вероисповедания, последовали призыву его Превосходительства Антанаса Сметоны»[121]. Сметона «сражался против русских, против

поляков, но никогда не боролся ни с русскими, ни с польскими, ни с другими национальными меньшинствами»[122]. Вообще, Брегштейнас и другие еврейские авторы брошюры при описании Сметоны в большинстве случаев пользовались понятием «вождь», зачастую употребляя его с притяжательным местоимением: наш «вождь нации».

К своему 60-летнему юбилею Сметона получил поздравительное послание не только от еврейских солдат[123], но и от литовских караимов, которые желали ему удачи в отвоевании Вильнюса обратно[124]. Во время праздничных торжеств евреи выражали свою лояльность Сметоне. Президент является гарантом единения Литвы, так как он понимает «не только литовский народ, но и проблемы национальных меньшинств»[125], говорил предприниматель Ожинскис. Также председатель польского меньшинства Янчевский воздавал хвалу «вождю нации» по тому же поводу от имени единого блока поляков, русских и немцев[126].

Однако культ должен был работать не только в отношении этнических групп. С 1933 года девизом таутининков стал лозунг «Единство народа — сила Литвы» (Tautos vienybė — Lietuvos galybė)[127]. «Главной идеей Сметоны является единство народа», — говорит генеральный секретарь партии Растенис[128]. Согласно этому Сметона был «вождем нации» всех слоев населения всех регионов страны — каждый должен был чувствовать себя под его защитой. «Антанас Сметона друг всех людей. Он изо всех сил защищал крестьян и рабочих, и будет защищать их и дальше», — писала газета «Наша земля» в 1934 г.[129] Газета католического Литовского рабочего союза (*Lietuvos darbo federacija*) характеризует Сметону как «великого рабочего литовского народа», который всегда «выступал за единую Литву, а также за сотрудничество всех литовских рабочих»[130].

Особенно интенсивные отношения связывали Сметону со скаутами, шефом которых он был. Соответствующим ритуалом выразилось проявление культа «вождя нации» при встрече с литовскими скаутами. На фотографии празднования 1-го мая показаны скауты, несущие Сметону на руках и машущие литовскими флагами. Стоящие дальше в стороне скауты вытянули руки в «римском салюте»[131]. Председатели скаутов, Юозас Шараускас и София Чюрленене-Кимантайте, вдова известного литовского музыканта Микалоюса Константинаса Чюрлениса, вручали ордена Лилии, ордена «За заслуги» и ордена Свастики. Сметона произнес речь, которая завершилась исполнением национального гимна. Затем скауты наградили президента орденом Волка Гедиминаса[132].

Также в свой день рождения Сметона получил поздравления от всех общественных групп. Скауты, юные литовцы, стрелки Кибартая[133] поздравляли «вождя нации», как и Мемельский союз стрелков «Сантара» («Все ради Литвы! Все ради дорогого вождя Литвы!»)[134], или союз литовских женщин-евангелисток, желающих Сметоне «чтобы Господь благословил “вождя нации” и его семью»[135]. Активное участие этнических и социальных организаций позволяет сделать вывод, что культ «вождя нации» стал очевидным фактом — в Европе, где обострилась внешнеполитическая ситуация и будущее Литвы находилось в критическом положении, Сметона фактически воспринимался единственным гарантом нерушимости Литвы и ее суверенитета.

Кризис культа «вождя нации»

16 февраля 1935 года, за национальным празднованием провозглашения независимости последовал новый праздник, центром которого был культ «вождя нации»[136]. Однако уже спустя полгода подул ветер перемен, и так тщательно взращенный образ мудрого Сметоны, только лишь правление которого могло гарантировать единство Литвы, дал большую трещину. В южно-литовских регионах Сувалкия и Дзукия произошли крестьянские восстания, которые режим мог подавить только силой[137]. Погибло трое крестьян, и авторитет таутининков в данном регионе надолго был подорван[138].

Во второй половине 1930-х годов к культу «вождя нации» прибегали все меньше, в то время как Сметона пытался упрочить свою власть путем внесения изменений в Конституцию. Конституция от 11 февраля 1938 года давала Сметоне «практически неограниченную власть»[139]. Спустя короткое время режиму был нанесен новый удар. 17 марта 1938 года правительство было вынуждено принять политический ультиматум, касающийся дипломатических отношений, и таким образом отказаться от притязаний на Вильнюс. Этот дипломатический провал сильно подорвал авторитет Сметоны среди населения, и он был вынужден сместить с поста премьер-ми-

нистра своего близкого друга Юозаса Тубелиса и заменить его священником Владасом Миронасом, и этим продлить свою жизнь в политике[140].

В ноябре 1938 года Сметона был переизбран 120 народными депутатами, являвшихся членами партии националистов, из которых 118 голосов — «за» и 2 — воздержавшихся. Газета «Эхо Литвы» сообщала о параде на аллее Свободы в Каунасе, в котором принимали участие юные литовцы, рабочие, студенческие союзы и еврейские организации. Бодрая поздравительная речь генерального секретаря партии таутининков Янавичюса не смогла скрыть кризис легитимации Сметоны, возникшего из-за внутриполитических и внешнеполитических неудач:

«Сильные ветры, бури и огромные волны сотрясают корабль нашего государства в океане человечества [...]. Сегодня в этот час взоры всех, кто серьезно озабочен будущим нашего государства, обращены к нашему вождю: не устал ли он держать в своих руках руль, ведя нашу страну через океан? Нет, он не устал!»[141]

Из газетных сообщений стремительно стало исчезать обозначение «вождь нации». В то время как «Эхо Литвы» в своей передовице, посвященной переизбранию Сметоны, использует его в двух случаях[142], в выпуске «Литовских вестей» оно не появилось ни разу[143]. О планируемом таутининками проведении 6 ноября в округе Шяуляй Дня «вождя нации»[144] в газетах данного региона вообще не сообщалось. 11 июня 1939 года состоялось празднование именин Сметоны, организованное таутининками и юными литовцами, центральной частью программы которого должны были стать «Доклады о личности “вождя нации”»[145]. Однако даже в «Эхе Литвы» об этом событии было лишь небольшое упоминание: «Партия Таутининкай отпраздновала именины президента страны Антанаса Сметоны»[146].

Однако культ «вождя нации» продолжали использовать для укрепления морального духа таутининков. За два года до советской оккупации карусель смены членов правительства закружилась еще быстрее. 24 марта 1938 года Владас Миронас сменил на посту премьер-министра Юозаса Тубелиса, а через год Миронаса сменил Йонас Чернюс. Последнего 21 ноября 1939 года сменил Антанас Меркис. Вследствие этих частых замен человек, назначаемый на пост премьер-министра, считался козлом отпущения, которого приносили в жертву Сметона и таутининки, когда их неумелая политика терпела неудачи. Партийная пропаганда пыталась обыграть это, изображая этих солдат партии неотъемлемой составной частью великих замыслов «вождя нации». В циркулярном письме членам партии от 14 января 1939 года говорится: «Большинство этих имен известно еще со времен борьбы за независимость, так как они были среди партизан-добровольцев, и в последние годы показали себя как мужественные и решительные борцы за провозглашаемые нашим вождем национальные идеалы»[147].

К национальному празднику 16 февраля 1939 года таутининки еще раз попытались приобщить общественность к культу «вождя нации». Примечательно, что эти празднования превратились в трибуну для совершенно другого человека, который должен был стать сильнейшим конкурентом Сметоны в борьбе за власть в Литве. Партия националистов снова призвала жителей литовских городов украшать свои окна портретами Сметоны, Кудирки и Басанавичюса[148]. Кроме того, Сметона выступил перед общественностью с речью[149]. Однако более интересной была речь, которую министр обороны, генерал Стасис Раштикис произнес перед студенческой корпорацией «Рамове». Раштикис сказал, что руководство армии не должно вмешиваться в политику, но «вопросы государственной безопасности и связанные с ними военные политические вопросы должны решаться военным руководством»[150]. В контексте дипломатического кризиса в Европе и усиления напряженности между Германским Рейхом и Советским Союзом эти заявления должны были расцениваться как вызов, брошенный Сметоне.

Стасис Раштикис, который был женат на племяннице Сметоны, долгое время в политике был «приемным сыном» президента[151]. При Сметоне он стал сначала майором, потом генералом, а потом и министром обороны в правительстве Миронаса. Армия издавна была самой важной опорой при правлении националистов, и поэтому Раштикис очень быстро стал одним из самых могущественных людей в стране[152]. Амбициозный Раштикис считал Сметону слабым руководителем и все более неспособным управлять страной и высказывал собственные претензии на господство: «Президент может председательствовать, а управлять страной должен военный руководитель!»[153] Он инициировал создание

своего собственного культа — на фотографиях он принимает героическую позу, в книгах и газетах печатают его цитаты[154]. Наивысшей точки своего влияния на литовскую политику Раштикис достиг в марте 1939 года. 22 марта литовский город Клайпеда должен был перейти к Германскому Рейху — еще один тяжелый удар для режима Сметоны. Сметоне пришлось освободить от должности Миронаса, и Раштикис сделал так, чтобы этот пост занят его близкий друг Йонас Чернюс. «Теперь Раштикис управлял Чернюсом, а тот — правительством»[155]. Осенью 1939 года со смертью Юозаса Тубелиса Сметона потерял еще одного своего соратника[156]. Лишь благодаря замене Чернюса на Антанаса Меркиса в конце 1939 года Сметона снова обрел своего сторонника на посту премьер-министра и таким образом смог одержать победу над Раштикисом в борьбе за власть[157].

Победа Сметоны длилась недолго. Вред, нанесенный его авторитету в глазах общественности, уже нельзя было ничем исправить. К началу 1940 года имя Сметоны практически исчезло из газетных заголовков и из общественной жизни. Последним публичным упоминанием о нем было выражение благодарности, напечатанное в газете от 15 июня 1940 года и заключенное в черную рамку: «Президент благодарит всех поздравивших его с именинами»[158]. В тот же день, некоторое время спустя после того, как литовское правительство приняло ультиматум советского правительства, он бежал через зеленую границу в Германский Рейх.

«Вчера, 15 июня, президент республики Антанас Сметона покинул страну. Его отъезд означает уход с должности президента», — написала газета «Эхо Литвы»[159]. Газета напечатала речь Антанаса Меркиса по случаю вступления в должность, в которой новый президент ни словом не обмолвился о старом президенте. В специальном вечернем выпуске говорилось: «Экс-президент Сметона интернирован в Германии»[160]. Газета «Литовские вести», очевидно, под впечатлением наступления Красной армии, дала более внятную информацию:

«Антанас Сметона покинул страну и народ в очень важный и самый ответственный момент. Поэтому его шаг следует расценивать как негативный и достойный осуждения […]. Антанас Сметона уехал и оставил народ в положении, которое стало результатом тринадцати лет его правления, с политикой, направленной против народа и крестьянства, против таких существенных вопросов, как, например, земельная реформа, нацеленная на социальное равенство»[161].

Выводы

Побег Сметоны, исходя из сложившейся политической ситуации и ожидаемого решительного наступления советских войск, был по большому счету понятен, однако, мягко говоря, он лишал людей иллюзий относительно Сметоны, если принимать во внимание возвеличивание его личности, что составляло сущность культа «вождя нации».

Однако еще задолго до побега Сметоны культ его личности ослаб, по сравнению с четырнадцатью годами его правления. После переворота 1926 года в преобладающей в этот период прессе националистического толка Сметону стали называть не иначе как «вождь нации», газеты других политических течений использовали это обозначение значительно реже, но достаточно регулярно вплоть до окончания 1930-ых годов. Апогей культа пришелся на празднование 60-летнего юбилея Сметоны, когда в крупных и маленьких городах, деревнях и селах Литвы Сметону как легитимного преемника в руководстве литовским движением националистов чествовали в юбилейных сборниках, на парадах, в торжественных речах. Если раньше при описании образа «вождя нации» использовались такие понятия как «образованность», «мудрость» и «серьезность», то теперь в «героическом эпосе» его ставили в один ряд с великими князьями и главными действующими лицами националистического движения. Успехи культа, который сознательно был направлен на все этнические группы и слои населения Литвы, долгое время были значительными: Литва, объединившая под своим крылом большое количество этнических меньшинств, не страдала от межнациональных конфликтов. Даже крестьянское восстание на юге Литвы в 1935 году едва ли можно отнести к социальным волнениям. Несмотря на малоэффективную политику, Сметоне удалось при этих обстоятельствах вплоть до наступления Красной армии оставаться у власти. Таким образом, к 1940 году он стал наиболее долго находящимся на своем посту автократом Европы.

На примере Сталина Рейнхард Леманн выделяет три стадии развития культа личности. Чтобы заложить основу культа, сле-

дует персонализировать общественные отношения. Благодаря этому соответствующая личность возвысится и ее историческая роль будет переоценена. Следующий шаг — увековечивание личности, подчеркивание ее уникальности и незаменимости. Наконец, на третьей стадии личность полностью мифизируется и как объект культа освобождается от характеристик обыденного мира[162]. Если первые две стадии культ Сметоны развивался по данному образцу — лишь с тем отклонением, что историзация Сметоны была предпринята с опозданием, то третьей стадии он не достиг, так как из-за своего побега выпал из «героического эпоса», который он и таутининки так старательно создавали. За шесть лет до этого в газете говорилось о его роли в Первой мировой войне: «Антанас Сметона — вождь. […] Вождь не может бросить свой народ на произвол судьбы. Сметона не убежал во время войны в Россию, он остался в Литве и сражался с немецкими оккупантами»[163]. Накануне наступления советских войск и начала Второй мировой войны в Литве снова подтвердилась истина, что история не повторяется дважды, хотя следуя логике культа «вождя нации», Сметона должен был остаться в Литве.

---

1 Английсикий вариант статьи опубликован: Journal of Strategic Studies. 2005. Vol. 28. № 6. P. 977–1003.

2 Стихотворение А.Д.Велички к 60-летию Антанаса Сметоны, вышло в Mūsų kraštas от 16 сентября 1934 г.

3 *Smetonos A.* Tautos vado Antano Smetonos kalba, 1933 m. gruodžio mėn. 15 d., pasakyta visotiniame Lietuvos Tautininkų Sąjungos suvažiavime [Речь «вождя нации» Антанаса Сметоны от 15-го декабря 1933 г., произнесенная на общем собрании Литовских националистов]. Kaunas, 1933. P. 18.

4 *Hein H.* Der Piłsudski-Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939/ Marburg 2002. S. 27.

5 Ibid. P. 5

6 *Senn A.E.* Lithuania 1940. Revolution from Above. Amsterdam, 2007. S. 32.

7 *Lainová R.* Zum Vergleich der Diktaturen in den baltischen Staaten der Zwischenkriegszeit // Demokratie und Diktatur in Europa. Geschichte und Wechsel der politischen Systeme im 20. Jahrhundert. Berlin, 2001. S. 109–118.

8 *Lee J. S.* The European Dictatorships 1918–1914. London, 2000. S. 273.

9 *Rothschild J.* East Central Europe between the two World Wars. Washington, 1998. P. 379.

10 *Kiaupa Z.* The History of Lithuania. Vilnius, 2002. P. 265.

11 Ibid.

12 *MacQueen M.* The Context of Mass Destruction. Agents and Prerequisites of the Holocaust in Lithuania // Holocaust and Genocide Studies. № 12. 1998. P. 27–48.

13 *Senn A.E.* Lithuania 1940… S. 31.

14 *Audėnas J.* Paskutinis posėdis. Atsiminimai. New York, 1966; *Kairys S.* Tau, Lietuva. Boston, 1964; Kl*imas P.* Iš mano atsiminimų. Boston, 1979; *Musteikis K.* Prisiminimų fragmentai. London, 1970; *Raštikis S.* Žmogaus ir kario atsiminimai. Los Angeles, 1957; *Šliogeris V.* Antanas Smetona. Žmogus ir valstybininkas. Atsiminimai. Chicago, 1966; *Yčas M.* Atsminimai. Nepriklausomybės keliais. Kaunas, 1936.

15 *Augustaitis J.* Antanas Smetona ir jo veikla. Chicago, 1966; *Biržiška M.* Lietuvių tautos kelias. Los Angeles, 1953.

16 *Merkelis A.* Antanas Smetona. Jo visuomenė, kultūrinė ir politinė veikla. New York, 1964.

17 *Eidintas A.* Antanas Smetona. Politinės biografijos bruožai, Vilnius, 1990.

18 *Truska L.* Lietuva 1938–1953 metais. Kaunas, 1995. S. 25; *Он же.* Antanas Smetona ir jo laikai. Vilnius 1996.

19 *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 13.

20 Миколас Биржишка описывает эпизод из жизни Сметоны, когда он работал банковским служащим в Вильнюсе. Один поляк обвинил Сметону, что он лжет «как все литовцы», после чего полез в драку. *Biržiška M.* Lietuvių tautos kelias. Цит. по: *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 13.

21 *Kiaupa Z.* The History of Lithuania. S. 263.

22 Lietuvos žinios. 1926. 21 дек.

23 Kardas. № 35–36. 1926. S. 550.

24 Ibid. S. 553.

25 Lietuvos žinios. 1927. 13 апр.

26 *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 113.

27 *Šlepaitė L.* Lithuania // Elgar Encyclopedia of Comparative Law. Cheltenham, 2006. P. 438–441.

28 LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 83. S. 14–16.

29 Lietuvos aidas. 1929. 24 сент.

30 Ibid.

31 *Gustainis V.* Demokratizmo negalavimai // Lietuvis. № 25. 1925. S. 7., цит. по *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 95.

32 *Smetona A.* Apie kitų ir mūsų parlamentarizmą // Tevynės balsas. 1922. 4 авг., цит. *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 97.

33 *Merkelis A.* Antanas Smetona… S. 273–277.

34 *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 99.

35 Lietuvių studentų tautininkų korporacija „Neo-Lithuania“ 1922–1964. Boston, 1965; Lietuvių studentų tautininkų korp! Neo-Lithuania 1922–1932. Kaunas, 1932.

36 LCVA. F. 554 Ap. 4. B. 83. S. 73–77.

37 Ibid. S. 73.

38 Ibid. S. 75.

39 Ibid.

[40] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 83. S. 77–78.
[41] Ibid. S. 51–57.
[42] Ibid. S. 94.
[43] Lietuvos aidas. 1931. 11 дек.
[44] LCVA. F. 554 A. 4 B. 83, S. 129.
[45] *Senn A.E.* Lithuania 1940… S. 30.
[46] Ibid.
[47] *Eidintas A.* Antanas Smetona…
[48] LCVA. F. 1686. Ap. 1 B. 109. S. 3–5, 9–11.
[49] Ibid. S. 8.
[50] Ibid. S. 7.
[51] В качестве примера приведен гравюрный портрет литовско-американского художника Витаутаса Казимираса Йонинаса, см.: Lietuvos valstybės kūrejai. XVI–XX a. pirmosios pusės portretai. Vilnius, 2006. S. 8. Больше о Витаутасе Казимирасе Йонинасе см.: *Kezys A.* The Art of Vytatuas *K. Jonynas* // Lituanus. Vol. 37. № 1. 1991. S. 39–48.
[52] Например: Kardas. № 2. 1935. S. 23; Darbininkas. 1934. 8 сент.; Vados pasėke. Antano Smetonos Lietuvos skautų šefo mintys skautiškajam jaunimui. Kaunas, 1937. S. 6.
[53] Behrenbeck S. «Der Führer». Die Einführung eines politischen Markenartikels // Propaganda in Deutschland. Darmstadt, 1996. S. 1–78.
[54] Šiaurės Lietuva. 1931. 15 нояб.
[55] Ibid.
[56] Kardas. № 4. 1933. S. 67.
[57] Ibid.
[58] Ibid.
[59] Ibid. № 12. 1935. S. 249.
[60] Ibid. S. 251.
[61] О литовском национализме см. также: *Jurginis J.* Eigenartige Züge der Nationalbewegung in Litauen // National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century. The 7th Conference on Baltic Studies in Scandinavia; Stockholm, June 10–13, 1983. Uppsala, 1985. P. 33–40; *Krapauskas V.* Nationalism and Historiography. The Case of Nineteenth-Century Lithuanian Historicism. New York, 2000.
[62] О прессе 1883–1917 гг. см. также: *Biržiška V.* Iš mūsų laikraščių praeities // Knygotyros darbai. Vilnius, 1998. S. 382–452; *Merkys V.* Nelegalioji Lietuvių spauda kapitalizmo laikotarpiu. Politinės jos susikūrimo aplinkybės. Vilnius, 1978; *Merkys V.* Draudžiamosios Lietuviškos Spaudos Kelias 1864–1904. Vilnius, 1994; *Urbonas V.* Lietuvos žurnalistikos istorija. Periodinė spauda. Klaipėda, 2001.
[63] О запрещенной прессе см. также: Lietuviškos spaudimos draudimas 1864–1904 m. Vilnius, 2004.
[64] Auszra. № 1. 1883. S. 4.
[65] О прессе и литовском национализме см. также: *Merkys V.* Lietuvos valstiečiai ir spauda XIX a. pabaigoje — XX a. pradžioje. Vilnius, 1982.
[66] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 47. S. 13.
[67] Ibid.
[68] Lietuvos aidas. 1934. 11 июня.
[69] Ibid.
[70] Bregšteinas M. Antanas Smetona. Vilnius, 1934. S. 3.
[71] Ibid. S. 7.
[72] Ibid. S. 3.
[73] О параллелях в биографиях Сметоны и Масарика см. также *Truska L.* Lietuva 1938–1953 metais. S. 286.
[74] *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 151.
[75] *Bregšteinas M.* Antanas Smetona. S. 7.
[76] *Hoffmann R. J.* T.G. Masaryk und die tschechische Frage. München 1988. S. 38.
[77] *Truska L.* Lietuva 1938–1953 metais. S. 288.
[78] *Binkis K.* Antanas Smetona 1874–1934. Šešių dešimčių metų sukaktuvėms. Kaunas, 1934. S. 6.
[79] Ibid.
[80] Ibid. S. 12.
[81] Ibid. S. 10.
[82] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 80. S. 4.
[83] Ibid.
[84] Активисты, примкнувшие к Йонасу Басанавичюсу и выпускающие с ним первую литовско-язычную газету *Auszra* (1883–1886). Название газеты писалось обычно с оригинальным польским буквосочетанием *sz*, название движения *Aušrininkai* писалось с литовским *š*, что стало обычным лишь спустя годы после первого выхода газеты.
[85] Активисты, примкнувшие к Винкасу Кудирке и выпускающие с ним литовско-язычную газету *Varpas* (1889–1905).
[86] Великий сейм в Вильнюсе состоялся 4–5 декабря 1905 года в связи с русской революцией. Несмотря на свой провал, сейм считается важнейшим шагом в направлении независимости.
[87] Целью Вильнюсской конференции, состаявшейся 18–23 сентября 1917 года, было определение основных принципов учреждения независимого государства. На конференции был избран *Lietuvos Taryba* [Литовский совет], провозгласивший независимость Литвы.
[88] Крест Витиса был высшим знаком отличия литовского в период между двумя мировыми войнами и вручался литовцам, которые отличились в борьбе за независимость страны. Сам Сметона был кавалером этого ордена.
[89] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 80. S. 4.
[90] Ibid.
[91] Ibid.
[92] Ibid.
[93] Ibid. S. 1.
[94] Ibid. S. 5.
[95] Darbininkas. 1934. 15 сент.
[96] Mūsų kraštas. 1934. 16 сент.
[97] Lietuvos aidas. 1934. 10 сент.
[98] Ibid.
[99] Ibid.
[100] Ibid.

[101] Mūsų kraštas. 1934. 16 сент.
[102] Lietuvos aidas. 1934. 10 сент.
[103] Ibid.
[104] Ibid.
[105] Ibid.
[106] Ibid.
[107] Ibid.
[108] Mūsų kraštas. 1934. 16 сент.
[109] Ibid.
[110] Ibid.
[111] *Truska L.* Lietuva 1938–1953 metais. S. 105.
[112] *Smetona* Tautos vado kalba, pasakyta tautininkų suvažiavime 1935 met., sausio mėn. 5 d. Kaunas, 1935.S. 22.
[113] Ibid. S. 3–6.
[114] Ibid. S. 9.
[115] Ibid. S. 18.
[116] *Polonsky A.* Fragile Koexistenz, tragische Akzeptanz. Politik und Geschichte der osteuropäischen Juden // Osteuropa. № 8–10. 2008. S. 9–27.
[117] Самообозначение еврейской части населения, проживающей в центральной области бывшего Великого княжества литовского.
[118] *Polonsky A.* Fragile Koexistenz… S. 23.
[119] *Bregšteinas M* Antanas Smetona. S. 6.
[120] О Моисее Брегштейнасе и о «союзе еврейских солдат, принимавших участие в борьбе за независимость Литвы» см. также: *Sužiedėlis S.* The Historical Sources for Antisemitism in Lithuania and Jewish-Lithuanian Relations during the 1930s // The Vanished World of Lithuanian Jews. Amsterdam, 2004. P. 119–154.
[121] *Bregšteinas M.* Antanas Smetona. S. 2.
[122] Ibid. S. 12.
[123] LCVA. F. 1686. Ap. 1. B. 120. S. 10.
[124] Ibid. S. 18.
[125] Lietuvos aidas от 10 сентября 1934 г.
[126] Ibid.
[127] LCVA F. 554. Ap. 4. B. 83. S. 167.
[128] Ibid.
[129] Mūsų kraštas . 1934 г. 16 сентября.
[130] Darbininkas 1934 г. 8 сентября.
[131] Lietuvos zinios 1933 г. 1 мая.
[132] Ibid.
[133] LCVA F. 1696 Ap. 1 B. 115. S. 4.
[134] LCVA. F. 1686. Ap. 1. B. 121. S. 2; *Vareikis V.* Die Rolle des Schützenbundes Litauens bei der Besetzung des Memelgebietes 1923 // Annaberger Annalen. № 8. 2000. S. 5–30.
[135] LCVA. F. 1686. Ap. 1. B. 121. S. 5.
[136] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 80. S. 29.
[137] *Leonavičius J., Maksimavičius J.* Valstiečių streikas Suvalkijoje ir Dzūkijoje 1935 metais. Vilnius 1958.
[138] *Kiaupa Z.* The History of Lithuania. S. 266.
[139] Ibid.
[140] Ibid. S. 268.
[141] Lietuvos aidas. 1938. 15 нояб.
[142] Ibid.
[143] Lietuvos žinios. 1934. 15 нояб.
[144] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 47. S. 109.
[145] Ibid. S. 120.
[146] Lietuvos aidas. 13 июня.
[147] LCVA. F. 554. Ap. 4. B. 47. S. 114.
[148] Ibid. S. 116.
[149] Lietuvos aidas. 1939. 16 фев.; Lietuvos ţinios. 1939. 17 фев.
[150] Lietuvos ţinios. 1939. 17 фев.
[151] *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 152.
[152] Ibid. S. 153.
[153] Ibid.
[154] Ibid.
[155] Ibid. S. 158.
[156] *Senn A.E.* Lithuania 1940… S. 31.
[157] *Eidintas A.* Antanas Smetona… S. 159.
[158] Lietuvos aidas. 1940. 15 июня.
[159] Lietuvos aidas. 1940. 17 июня.
[160] Lietuvos aidas. 1940. 17 июня. Спец. вып.
[161] Lietuvos žinios. 1940. 17 июня.
[162] *Löhmann R.* Der Stalinmythos. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion 1929–1935, Münster 1990. S. 10 ff.
[163] Mūsų kraštas. 1934. 16 сент.

УДК 341.322.6(476) «1939/1941»
ББК 63.3(2Бел)621-4
Й

Эмануил Иоффе

Лаврентий Цанава – исполнитель и организатор политических репрессий в Белоруссии (1939–1941)

С приходом Л.П. Берии в аппарат НКВД СССР ситуация в плане репрессивной политики стала меняться Так, в августе 1938 г. в г. Сталинабаде запретили приводить в исполнение приговоры осужденным по первой категории.

Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1938 года по предложению НКВД СССР принимает решение о передаче оставшихся нерассмотренных следствием дел на арестованных по контрреволюционным национальным контингентам на рассмотрение «особых троек» на местах.

С 23 октября 1938 года арест иностранного подданного производился только с санкции Народного комиссара внутренних дел Союза СССР или его заместителя.

17 ноября 1938 года вышло совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором отмечалась большая работа, проделанная органами НКВД СССР по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок.

В то же время предлагалось запретить проведение всех массовых операций. Ликвидировались судебные «тройки». При арестах и ведении следствия предписывалось строгое соблюдение законности.

Все следователи органов НКВД в центре и на местах могли назначаться только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) в своем постановлении предупреждали, что любой работник прокуратуры и НКВД за нарушение советских законов будет привлекаться к строгой ответственности.

После выхода этого постановления обстановка на местах также изменилась. Если раньше приветствовалось предоставление дополнительных лимитов на репрессии, то после указанного постановления заслугой считался саботаж «ежовской» репрессивной политики.

Все дела должны были направляться через прокурора на рассмотрение суда в соответствие с законами о подсудности. В Особое совещание при НКВД СССР разрешалось направлять дела с заключением прокурора в случаях, когда в деле имеются обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд.

Дела, направляемые в Особое совещание, докладывались лично народными комиссарами внутренних дел союзных и автономных республик и начальниками краевых и областных УНКВД или их заместителями.

Хотя массовые репрессии с 1939 года приостановились, политические репрессии в СССР и БССР продолжались. 10 января 1939 года И.В. Сталин направил шифротелеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий., наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. Вней говорилось:

> *«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)… Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и при том применяют его в самых безобразных формх. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен применяться и впредь. В виде исключения в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод».*[1]

Все поступавшие от НКВД-УНКВД дела на членов семьи изменников родины с после 7 декабря 1940 года предлагалось незамедлительно выносить на рассмотрение ближайшего заседания Особого совещания при НКВД СССР.

21 декабря 1940 года Политбюро ЦК ВКПб) утвердило представленный НКВД проект указа Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении Особому совещанию права применять конфискацию имущества по делам о спекуляции и контрабанде; по делам о контрреволюции и других преступлениях, когда следствием установлено, что имущество приобретено незаконным путем или было использовано в преступных целях. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1940 года узаконил это постановление.

Проводимая практика массовых необоснованных арествв повлекла за собой грубейшие нарушения советской законности в органах следствия, прокуратуры и суда.

Принято считать, что нарком внутренних дел БССР Л.Ф. Цанава был одним из организаторов проведения массовых репрессий в БССР и СССР в конце 1930-х-начале 1950-х год. Согласно оценочным подсчетам историков, только в первый год его деятельности на территории Беларуси было арестовано 27 тысяч человек[2]

Еще в 1992 году белорусские исследователи А.Ф. Вишневский и И.В. Лукошко писали:

«В последнее время, например, стало известно, что на каком-то этапе первым палачом в Белоруссии выступил нарком НКВД Берман. Именно он явился главным режиссером кровавого спектакля, который с благословения Кремля разыгрался в республике в 1937–1938 годах. Копируя сценарии московских процессов, Берман один за другим проводил их в Белоруссии: то в Гомеле, то в Минске, то в Жлобине, то в Лепеле. Не успевал завершиться один процесс, как сразу же разворачивался другой. Достойным продолжателем дела Бермана (он был расстрелян как «германский шпион») были Наседкин (тоже вскоре был расстрелян) и особенно Цанава.

Лаврентий Цанава, ставленник Берия, известен как одна из зловещих фигур эпохи сталинизма. По его команде были исковерканы жизни многих белорусов. В печати появилась цифра о том, что только в первый год пребывания Цанавы в Белоруссии (с конца 1938 г.) по политическим обвинениям здесь было арестовано 27 тыс. человек. Правда, эта цифра не подтверждена архивными документами, однако она наводит на грустные размышления. А ведь Цанава возглавлял НКВД, МГБ республики с декабря 1938 по октябрь 1951 года. Сколько же на его совести невинно погибших людей, исковерканных человеческих судеб? Дать ответ на этот актуальный вопрос — задача белорусских ученых».[3]

Анализ многочисленных источников позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев Лаврентий Цанава был исполнителем массовых политических репрессий, а в некоторых случаях — и их организатором.

В феврале 1939 года первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко послал на проверку наркому внутренних дел республики Л.Ф. Цанаве список передовиков сельского хозяйства БССР. На 23 человека из списка у спецслужб нашелся компромат[4].

К концу 1930-х годов под «наблюдением» находились практически все слои интеллигенции, представители всех звеньев партийного, хозяйственного и советского аппаратов управления.

Республиканские газеты запестрели словами «фашистские наймиты», «проклятые изверги», «шпионское отребье» и прочее. Фабрикуются дела, доказывающие принадлежность к вражеской агентуре большого числа руководителей республики. В тюремные застенки попадают Председатель Совнаркома БССР А.Ф. Ковалев, председатель ЦИК БССР М.О. Стакун, второй секретарь ЦК А.А. Ананьев, секретарь ЦК В.Д. Потапейко, нарком просвещения В.И. Пивоваров, заместители Предсовнаркома республики И.Г. Журавлев, А.И. Темкин и другие партийные, комсомольские и государственные деятели. Следствием по их делу руководил Цанава. Часто он сам самолично вел допросы.

18 марта 1958 года министр юстиции БССР И.Д. Ветров направил письмо Председателю Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС Н.М. Швернику. В нем были такие строки:

«…Во второй половине 1938 года ЦК КПБ под руководством т. Пономаренко провел некоторую работу по исправлению указанных ошибок и грубых нарушений социалистической законности в отношении кадров, но позже, к концу 1938 года, когда в Белоруссии появился посланец Берия, его закадычный друг, единомышленник, нарком внутренних дел Цанава-Ранава (точнее, Цанава-Джанджгава — Э. И.) Л.Ф, исправление этих грубых нарушений законности

по сути дела было приостановлено и уже в конце 1938 года Цанава сам начал создавать, фальсифицировать новые провокационные дела в отношении руководящих большевистских кадров республики.

До Великой Отечественной войны им были созданы провокационные дела в отношении председателя Совнаркома БССР — председателя Минского облисполкома Ковалева А.Ф., секретаря Речицкого райкома партии Рыжова-Рыкова, быв. управделами Совнаркома Кандыбовича, быв. начальника Управления рабпрома БССР Антонова, гл. инженера Минской ТЭЦ Журавлева и многих, многих сотен других дел, часть из которых описана мною в моем письме Генеральному прокурору Союза ССР т. Руденко и секретарю ЦК КПБ Патоличеву Н.С. от 3 и 30 января 1954 года и в моих показаниях от 16 августа 1954 г., копию которых я представил 15.III-58 г. комиссии КПК при ЦК КПСС т т. Шатуновской, Витиевскому, Кузнецову».[5]

Цанава продолжил тактику слежки за студентами и преподавателями вузов, учителями школ Белоруссии, которая характеризовала стиль деятельности прежник руководителей НКВД республики Бермана и Наседкина. Так через два месяца после вступления в должность наркома внутренних дел БССР Лаврентий Фомич посчитал нужным информировать первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К.Пономаренко о ходе и результатах проведенной работы. Приведем фрагменты из текста этого документа:

«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б)Б товарищу Пономаренко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПО АГЕНТУРНОЙ РАЗРАБОТКЕ ПО АНТИСОВЕТСКИ НАСТРОЕННОЙ ЧАСТИ СТУДЕНТОВ МИНСКОГО ПЕДИНСТИТУТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ШКОЛ МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ПО СОСТОЯНИЮ НА 28 ФЕВРАЛЯ 1939 г.

Агентурная разработка “Организаторы” была заведена в июне 1938 г. на основе поступивших до нас агентурных материалов от агента “Полонского” и материалов следствия.

По агентурному делу “Организаторы” нами разрабатываются как активные участники антисоветской группы 6 человек, кроме этого, по материалам дела проходит ряд лиц из числа их связей, разрабатываемых по агентурному делу “Фашисты”.

Наиболее активными участниками разработки являются молодые писатели из числа студентов Минских педагогического и учительского институтов, а также те, кто окончил в 1938 г. Минский пединститут и работает в настоящее время в средних школах Минской и Могилевской областей.

1. НЕХАЙ Гаврила Иосифович, 1915 года рождения, уроженец деревни Селиба Березинского районао БССР, учитель белорусского языка и литературы в средней школе в деревне Колодищи минского района, проживает в деревне Колодищи. Является заочником 2- летнего Минского учительского института.

2. КАЗЕКО Иван Дорофеевич. 1915 года рождения, уроженец деревни Костричи Любавичского сельсовета Кировского района БССР, проживает в местечке Дукоры Руденского района, из крестьян. Работает учителем белорусского языка и литературы в средней школе. В 1938 г. окончил Минский педагогический институт.

3. КОНДРАТЕНЯ Владимир Игнатьевич, 1917 года рождения, уроженец деревни Смоличи Краснослободского района БССР, проживает в Минске, общежитие пединститута, студент 4-го курса литературного факультета Минского педагогического института. Член Союза советских писателей БССР.

4. ГРАМОВИЧ Иван Иванович, 1918 года рождения. Уроженец Крупицкого сельского Совета Минского района БССР, беспартийный студент 4-го курса литературного факультета Минского педагогического института.

5. БАЧИЛО Александр Николаевич, 1918 года рождения, уроженец деревни Лошница Перешского сельского Совета Смиловичского района, проживает в деревн Синега минского района БССР, белорус, преподаватель белорусского языка и литературы в средней школе в деревне Синега. Является заочником 2-летнего учительского института в Минске.

6. ПАНЧЕНКО Пимен Емельянович, 1917 года рождения, член ЛКСМБ, учитель белорусского языка и литературы

одной из средних школ в Кировском районе БССР, член Союза советских писателей. По агентурным данным, в 1921 г. мать его вместе с ним перешла госграницу на сторону СССР из Польши.

Агентурными данными установлено, что разрабатываемые нами лица раньше были связаны с активными участниками контрреволюционного национал-фашистского подполья Белоруссии.

Казеко раньше был связан с разоблаченными участниками контрреволюционной национал-фашистской организации Пиотухувичем, Замотиным, Знаемым, Б. Микуличем и разоблаченными нами врагами народа, бывшими студентами пединститута А.В. Шурпиком и Д.П. Володько, которые показали, что Иван Казеко является участником контрреволюционной национал-фашистской группировки, по заданию которой вербовал для антисоветской работы студентов Высшего педагогического института…

Гаврила Нехай материалами агентуры характеризуется как человек антисоветски настроенный…

Материалами, которые есть у агентурных разработчиков "Организаторы" и "Фашисты", установлено, что Владимир Кондратеня был тесно связан с разоблаченным нами активным участником контрреволюционного национал-фашистского подполья в Белоруссии Кузьмой Чорным…

С Кондратеней был связан на почве общности антисоветских взглядов студент Минского пединститута Иван Грамович…

Пимен Панченко настроен антисоветски, раньше был связан с разоблаченным нами активным участником контрреволюционной нацфашистской организации писателем М.Чаротом (осужден)…

Агент "Полонский" сообщил, что Нехай, Бачило, Кондратеня, Казеко договорились действовать совместно на литературном фронте, помогая один другому в протягивании своих националистических произведений…

Поскольку по разработке «Организаторы» работал один источник «Полонский», нами были приняты меры по проверке материалов агента «Полонского» через агентуру, которая работает по агентурному делу "Фашисты", — "Боевой", "Григорьева", "Писатель", "Петров" (последний отсеян по приказу НКВД № 00827), которые подтвердили агентурные материалы про связь Кондратени и Грамовича с участником нацашистской организации Кузьиой Чорным.

Народный комиссар внутренних дел БССР
Старший майор госбезопасности
Л. Цанава
28 февраля 1939 г.
г. Минск» [6].

4 апреля 1938 года был арестован один из самых таланливых ученых-литературоведов не только БССР, но всего СССР, член-корреспондент АН СССР, академик АН БССР, профессор Иван Иванович Замотин. Как записано в справке, которую представил 15 апреля 1939 года секретарю ЦК КП(б) Белоруссии П.К Пономаренко народный комиссар внутренних дел БССР Л. Цанава, Замотин был арестован как участник контрреволюционной националистически-шпионской организации, существовавшей в Академии наук БССР, куда был привлечен б. вице-президентом АН БССР — Домбалем (осужден к ВМН (высшей мере наказания — Э.И.), по заданию которого занимался шпионской деятельностью в пользу польской разведки и в своих литературных *"трудах" протаскивал контрреволюционную нацдемовскую линию»*.

5 августа 1939 года «Особое совещание» при НКВД СССР осудило академика на 8 лет лагерей. Замотин попал в Коми АССР, где работал в лагерной «инвалидной бригаде».

По официальным данным, И.И. Замотин умер 25 мая 1942 года. Он был реабилитирован 7 мая 1956 года.

Всемирно известный ученый-славист, академик БАН и заслуженный профессор республики, первый ректор Белорусского государственного университета, член ЦИК БССР Владимир Иванович Пичета в сентябре 1930 был арестован органами ОГПУ, лишен академического звания и в августе 1931 года по обвинению в участии в контрреволюционной организации российской профессуры старой школы, осужден на 5 лет высылки в отдаленные районы страны. Свое наказание он отбывал в городе Вятке, где работал нормировщиком, секретарем и экономистом-плановиком в кооперативе общественного питания. В 1935 году Пичета был досрочно освобожден и сначала поселился в Воронеже, а затем переехал в Москву.

В 1939 году снова произошло признание Владимира Ивановича как талантливого ученого и как организатора науки. Почти одновременно он возглавил кафедру истории южных и западных славян Московского государственного университета и сектор славяноведения в Институте истории АН СССР. Был избран членом-корреспондентом АН СССР.

После возвращения к активной научной деятельности Пичета посетил Минск в связи с организацией и проведением исследований по истории Белоруссии, подготовки кадров в области славяноведения. В сентябре 1939 года, когда после возвращения в состав БССР территории Западной Белоруссии решался вопрос о ее новых границах, он был притянут для этой работы. По поручению руководства ЦК Компартии Белоруссии и лично П.К. Пономаренко Пичета подготовил большую записку по проблеме южных границ республики. 20 ноября 1939 года первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко направил ее в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова. В сопроводительном листе говорилось:

«Направляю копию докладной записки члена-корреспондента Академии наук СССР т. В. Пичета, сообщающего интересные матералы по вопросу о разграничениии областей и районов между БССР и УССР»[7].

Эта записка была подписана В.И. Пичетой 18 ноября 1939 года.

В ноябре 1939 года руководство АН БССР поставило перед ЦК Компартии Белоруссии и Совнаркомом БССР вопрос о восстановлении В.И. Пичеты в звании академика АН БССР, учитывая то, что он своей активной и плодотворной работой оправдал себя и исправил прошлые ошибки.

Прежде чем принять свое решение, Пономаренко запросил мнение НКВД БССР, и на его стол легли одна за другой две информации за подписью наркома Л.Ф. Цанавы. Анализ этих документов позволяет сделать вывод, что и после пересмотра «дела», после досрочного освобождения В.И. Пичета оставался под надзором НКВД и в Минске, куда он приезжал по командировкам, и в Москве. Скорее всего, он об этом не знал, не задумывался и в разговорах со знакомыми, коллегами по научной работе допускал высказывания, которые кем-то фиксировались и передавались в НКВД. На таких высказываниях в передаче осведомителя построены информации, подготовленные для Пономаренко.

Приведем несколько фрагментов из первой информации Цанавы:

«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии
Товарищу Пономаренко:

...Пичета выходец из дворянской семьи, отец выходец из герцогов...

В 1939 г. Академия наук БССР возбудила ходатайство перед СНК БССР о восстановлении Пичета в звании действительного члена Академии наук БССР как оправдавшего себя в научной и общественной работе.

По материалам следствия 1937–1938 гг. Пичета В.И. входил в состав националистического фашистского формирования в Белоруссии, в котором принимал активное участие. Был связан с руководителями зарубежных национал-фашистских формирований, имел связь с бывшим министром иностранных дел Чехословакии Бенешем, информировал последнего об антисоветской националистической работе, проводимой контрреволюционными элементами в БССР.

Пичета после отбытия наказания своей контрреволюционной деятельности не прекратил, о чем свидетельствуют факты его антисоветских высказываний...

В сентябре 1939 года Пичета высказал резко отрицательное настроение в отношении заключенного СССР договора с Германией о ненападении:

...Я полагаю, что это ошибка, договор с Германией подписывать не следовало. Гитлер по своему плану через два года все равно на нас пойдет войной и будет добиваться водворения у нас фашизма...

Пичета в разговоре 30 сентября с.г. выразил недовольство внутренней политикой СССР..

Пичета ведет явно двурушническую политику с целью показать себя в глазах общественности советским человеком...

Народный комиссар внутренних дел
Белорусской ССР

Л. Цанава

6 декабря 1939 г.
№ 6608/4
г.Минск» [8].

А через две недели во второй информации Л.Ф. Цанавы отмечалось:

«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б)Б Белоруссии
Товарищу Пономаренко

В дополнение к № 6608/4 от 7.XII.1939 г. сообщаю, что на профессора Пичета Владимира Ивановича поступил дополнительный компрометирующий материал, свидетельствующий о непримиримом, Враждебном его отношении к существующему строю…

Пичета, 14.XI.1939 года, возвратясь из Минска, в кругу своих знакомых распространял провокационные слухи, что, якобы, благодаря невежеству Красной Армии, при занятии Западной Белоруссии было сделано много ошибок…

Дальше Пичета высказал свое крайне озлобленное антисоветское настроение.

Я с политикой Советской власти не согласен и никогда не соглашусь и терпеть ее (власть) не могу. Кругом хамы и больше ничего. Советский Союз — это фашистский застенок, а не социализм. Все, что пишут в газетах, — самохвальство и идиотизм.

На вопрос, почему же Пичета ведет общественную работу, Пичета ответил:

Я делаю это для того, чтобы сохранить себе жизнь.

Жена Пичеты, опасаясь его ареста, предупреждает его, чтобы он не выступал с длинными речами, а то, в конце концов, попадется.

Народный комиссар
внутренних дел БССР
Л. Цанава
20 декабря 1939 г.
№ 7720/4
г. Минск»[9].

На первом листе второй информации П.К. Пономаренко написал:

«*Малину* (тогдашнему секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде — Э. И.). *Кого в академию?*».

В фондах Национального архива Республики Беларусь не удалось выявить каких-нибудь предложений со стороны Малина или других работников ЦК Компартии Белоруссии о восстановлении Пичеты в звании действительного члена АН БССР. Скорее всего, вопрос был решен в устных разговорах или в результате рекомендаций высокопоставленных товарищей из Москвы. В любом случае, несмотря на цанавский «компромат», В.И. Пичета в 1940 году снова стал академиком АН БССР. В 1946 году он был избран академиком АН СССР, назначен заместителем директора Института славяноведения АН СССР. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и принят кандидатом в члены ВКП(б).

Кроме В.И. Пичеты, в 1939 году под надзором НКВД в нашей республике находились и другие известные ученые. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились, например, информации, в которых Цанава сообщал в ЦК КП(б)Б об «антисоветских высказываниях» и склонности к «контрреволюционным действиям академика АН БССР, заслуженного деятеля науки БССР, директора Института истории АН БССР Николая Михайловича Никольского, заведующего кафедрой истории средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Перцева, доктора биологических наук. профессора Тихона Николаевича Годнева, известного ученого-химика, члена-корреспондента АН СССР и АН БССР, профессора Николая Александровича Прилежаева.

В «материалах» НКВД БССР Н.М. Никольский проходил «как участник контрреволюционной национал-фашистской организации», который будто бы заявлял:

«В случае войны не желал бы оставаться на территории СССР»[10].

20 мая 1939 года Л.Ф. Цанава подписал информацию об «*антисоветских настроениях и высказываниях*» Т.Н. Годнева.

По информации Цанавы на имя Пономаренко от 21 мая 1939 года Н.А. Прилежаев значился как «*настроенный антисоветски, подозреваемый во вражеской деятельности и диверсиях*» [11].

Характеризуя Перцева, Цанава в своей информации о нем 2 июня 1939 года сообщал:

«Настроен антисоветски; собираясь у себя на квартире с представителями педагогического института, вел контрреволюционные разговоры, направленные против политики партии и высказывал контрреволюционную клевету по адресу

руководителей партии и правительства…

Перцев в одном из разговоров сказал:

“Задолго до революции, будучи еще студентом, я увлекался партией кадетов”.

Перцев в преподавании своего предмета — истории народов средних веков — ярко выдвигает Германию и предлагает студентам 4-го курса БГУ, едущим на практику в июне месяце 1939 г., разрабатывать материалы, касающиеся исключительно Германии, как то: “Древние германцы”, “Социальная борьба в Кельне в 14-15 веках” и др.»[12]

К счастью, «компромат» Лаврентия Цанавы, «не сработал» и каких-нибудь отрицательных последствий после себя не имел.

Объясняя данное обстоятельство, белорусский историк Р.П. Платонов высказал следующее мнение:

«…На дворе был не 1937, а 1939 год, когда волна политических преследований постепенно сходила. И Н.М. Никольский, и В.Н. Перцев, и Т.Н. Годнев, а также и другие ученые, кого судьба спасла от объятий “ведомства Цанавы”, обогатили науку в своих сферах крупными достижениями и открытиями, за что получили всеобщее признание и были награждены орденами, медалями, Государственными премиями СССР и БССР»[13]*.*

В то страшное время в Белоруссии находились люди, которые, рискуя жизнью, не боялись вступиться за «врагов народа».

Одним из таких людей был Якуб Колас, который хлопотал за свобождение Кузьмы Чорного.

14 октября 1938 года безосновательно был арестован классик белорусской литературы, прозаик, драматург, публицист Кузьма Чорный. А 8 июня 1939 года он был освобожден.

Как это произошло? Ответить трудно.

Заслуживает внимания книга воспоминаний Данилы Мицкевича «Любіць і помніць». В ней есть такие строки:

«Бацька расказваў, што яшчэ да вайны пытаўся ў яго сам Панамарэнка: “Что бы вы сказали о Черном?”. А пісьменнік тады сядзеў у турме. Вядома ж, Колас, як і належыць, пахваліў свайго малодшага калегу — верны, сумленны чалавек, выдатны пісьменнік. Той выслухаў. Набраў тэлефон: “Лаврентий Фомич! Мнения сходятся. Освободить”. Лаўрэнцій Фаміч — гэта Цанава. З чыімі думкамі супалі Коласавы?..»[14]

В фондах Национального архива Республики под грифом «Не подлежит разглашению» в отдельной папке хранится письмо Кузьмы Чорного Пономаренко и Цанаве, впервые опубликованное белорусскими исследователями Виталием Скалабаном и Людмилой Рублевской:

«СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б)Б товарищу ПОНОМАРЕНКО и НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР товарищу ЦАНАВА от писателя РОМАНОВСКОГО Николая Карловича (Чорного Кузьмы)

31 августа и 1 сентября с.г. я вызывался в Минский областной суд в качестве свидетеля по делу писателя Федоровича-Чернушевича. Суд признал, что состава преступления по делу Федоровича нет, и дело пошло на доследование. Моя совесть заставляет меня написать Вам это письмо, чтобы помочь дальнейшему ведению следствия.

В деле Федоровича фигурируют мои показания, данные мной во время моего нахождения под арестом. Эти показания вырывались от меня насильно, под сильнейшим принуждением […] не соответствуют действительности, и я считаю долгом от них отказаться.

Во время ареста меня томили в одиночке (просидел я в одиночке более полугода), меня морально терроризировали, у меня быстро развивалась сердечная болезнь, от которой я впадал в обморочные состояния. Надо мной приходили издеваться некоторые работники НКВД, не имеющие никакого отношения к моему делу.

Еще за несколько лет до ареста, начиная примерно с 1932 года, меня время от времени вызывали отдельные работники ГПУ и потом НКВД и издевались надо мной. Кричали мне, что я “дефензивщик”, грозили “сгноить в тюрьме” (а за что, неизвестно). Еще до ареста я был измучен, издерган, терроризирован. Мне тяжело было работать, я напрягал свои последние силы, чтобы писать свои произведения. Арест, одиночка, карцер, угрозы

расстрела, угрозы запретить моей семье жить в Минске, разлучить моего ребенка с матерью, болезнь в одиночке — довершили дело. Я был окончательно сломлен. Я боялся сойти с ума, я чувствовал себя на краю гибели. Я уже был бессилен бороться даже за самого себя. И я слепо исполнял то, что от меня требовали. Я писал и подписывал все то, что мне диктовали, писал неправду о себе и о других лицах, в том числе о Федоровиче, не чувствуя за собой вины.

В данном случае я хочу этим письмом внести ясность в мои показания о Федоровиче.

К. Чорны (Н. Романовский)
2 сентября 1939 г.» [15]

Через девятнадцать дней Лаврентий Фомич нашел «компромат» на пять белорусских писателей. И кто, вы думаете, стоял в этом списке первым? Чувствую, что вы задумались с ответом. Первым в этом списке стоял Кузьма Чорный, которого Цанава все время считал «врагом народа» — контрреволюционером и национал-фашистом. Приведем текст сообщения Цанавы и Сергеева, адресованного Пономаренко:

«Совершенно секретно
Секретарю ЦК КП(б)Б Белоруссии
товарищу Пономаренко

Сообщаем, что проверяемые Вами писатели:

1. *Чорный-Романовский Николай Карлович*
2. *Каминецкий [правильно Каменецкий — Э. И.] Гирш Мордухович*
3. *Кучер Айзик Евсеевич*
4. *Бядуля-Плавник Самуил Ефимович*
5. *Глебко Петр Федорович*

являются участниками контрреволюционной национал-фашистской организации, в чем изобличаются показаниями ряда разоблаченных и осужденных врагов народа.

Народный комиссар внутренних дел
Белорусской ССР
Л. Цанава
Нач. 2 отдела УГБ НКВД БССР
Сергеев
21 сентября 1939 г.
№ 5547/4
г. Минск». [16]

А теперь вернемся к письму К.Чорного на имя Пономаренко и Цанавы. Сразу отметим, что в то время готовился очередной процесс над «нацдемами», и Кузьму Чорного готовили в качестве свидетеля обвинения. Но, несмотря на возможность тяжелых для него последствий своего поступка, классик белорусской литературы не желал участвовать в расправе над одним из своих коллег.

К сожалению, попытка К.Чорного защитить Миколу Хведоровича (Чернушевича) окончилась неудачей. 16 июля 1940 года последний был осужден Особым совещанием при НКВД СССР за «участие в антисоветской националистической организации на 8 лет ИТЛ. Второй раз он был осужден Особым совещанием МГБ СССР к ссылке на поселение в Красноярский край.

И все же М. Хведорович выжил в сталинских лагерях, вернулся в Минск, издавал книги, много переводил и умер в 1982 году. Что же касается Кузьмы Чорного, чье здоровье было подорвано пытками, то его не стало в 1944 году — в возрасте 44 лет. Эта смерть на совести руководителей НКВД БССР, в том числе Лаврентия Цанавы.

6 февраля 1938 года был арестован брат жены народного поэта БССР Якуба Коласа Александр Дмитриевич Каменский, который работал преподавателем Минского строительного техникума и проживал вместе с Константином Михайловичем. Он был выслан на 5 лет в Пермскую область.

Все попытки Я. Коласа добиться приема у Л.Ф. Цанавы кончились безрезультатно. Данила Мицкевич вспоминал:

«Бацька хацеў дабіцца прыему ў Цанавы (наркома унутраных спраў БССР) па справе А. Дзм. Каменскага, Але яму там сказалі: "Товарищ Цанава Вас сегодня не примет и вообще не примет никогда"[17].

По инициативе наркома НКВД карательными органами «создавались» антисоветские организации, в которые записывали многих дюдей. Согласно информации от 11 ноября 1939 года Лаврентия Цанавы первому секретарю ЦК КП (б) Б Пантелеймону Пономаренко органами НКВД БССР было открыто агентурное дело № 3 «Враги». Оно было заведено на основе агентурных материалов и показаний арестованных участников правотроцкистской организации, которая будто бы существовала на Западной железной

дороге. По этому делу были арестованы начальник железнодорожной станции Минск Ф.А. Фролов, диспетчер станции Минск-Товарная К.С. Мороз и другие[18].

К заключенному 28 сентября 1939 года Договору о дружбе и границах между СССР и Германией придавался секретный протокол, подписанный Молотовым и Риббентропом. Он, в частности, предусматривал, что обе стороны не должны допускать на своих территориях никакой польской агитации. СССР и Германия брали на себя обязательство ликвидировать все источники подобной агитации и информировать один другого о мерах, принятых с этой целью (Народная газета, 25 августа 1995 г.).

Выполняя данное обязательство и исходя из содержания и направленности своей внутренней политики, большевистские власти в значительных размерах осуществляли репрессивную политику на территории Западной Белоруссии, при этом они шли двумя путями — выборочные аресты среди местного населения и проведение крупномасштабных государственных акций по выселению определенных категорий жителей.

Мероприятия, характерные для первого пути, осуществлялись довольно интенсивно с первых дней установления советской власти. Достаточно сказать, что по состоянию на 7 октября 1939 года органами НКВД БССР было арестовано 2 708 жителей западных областей. Через неделю эта цифра возросла до 3 535 человек, а еще через 7 дней достигла 4 315. По данным карательных органов, среди арестованных в первую очередь были помещики, дворяне, капиталисты, руководители и члены политических партий, кулаки, осадники, агенты политической полиции, жандармы, таможенники и другие, кого подозревали в возможном шпионаже[19].

Нельзя не согласиться с такой мыслью белорусского историка С.А.Сильвановича:

«Советская политика в отношении к полякам в 1939–1941 гг. была направлена, во-первых, на подавление влияния поляков в этом регионе. А также как реального, так и возможного сопротивления деполонизации и советизации. Этим целям были подчинены антипольские действия в сентябрьские дни 1939 г., ограничение сферы употребления польского языка и культуры, запрещение и уничтожение атрибутов и символов государственной и национальной жизни, закрытие польских школ»[20].

В течение сентября 1939 — февраля 1941 года по политическим мотивам в западных областях БССР было арестовано 19 610 поляков, 7 371 белорус, 10 233 еврея, 822 украинца.[21]

Такую высокую долю поляков среди арестованных можно объяснить их предвоенным социальным и политическим статусом, а также сопротивлением, которое они оказывали власти. Цифры арестованных представителей других национальностей свидетельствуют о том, что в отношении их применялись такие же репрессии, как и к полякам.

Белорусский историк С.А. Сильванович отмечает:

«Некоторое смягчение отношения к полякам во второй половине 1940 — первой половине 1941 г., вызванное, скорее всего, внешнеполитическими расчетами, было поверхностным и к принципиальным изменениям в положении польского населения не привело.

Свое влияние на антисоветские настроения поляков оказала также тогдашняя общеполитическая и экономическая ситуация, стремление сталинского режима духовно закабалить общество…

Сложное переплетение рассмотренных выше факторов вызвало польское движение сопротивления на всем пространстве Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Начало возникать подполье. Главная роль в подполье отводилась связанной с эмиграционным польским правительством общепольской организации "Службы звышэнству Польский" (СЗП), преименованной в ноябре 1939 года в Союз вооруженной борьбы (СВБ). Кроме нее, на территории Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. действовали такие организации, как "польская организация войскова". Союз борьбы за независимость Польши, Легия Подляска», "Батальон смерти", "Нова Польска". "Шаре шеренги", Союз польских патриотов, "Комиссариат жонду восточных земель Речи Полсполитой" и др. В течение этого периода они были частично разбиты органами НКВД, а их остатко подчинялись СЗП-СВБ. С октября 1939 по июль 1940 г. в Западной Белоруссии было ликвидировано 109 различных подпольных

организаций и филиалов, объединяющих 3 231 участника. Из них 98 организаций были польскими, а 2 904 участника были поляками. Среди подпольных организаций, несомненно, были такие, которые в соответствии с практикой НКВД навряд ли существовали на самом деле. Вызывают сомнения, во-первых, организации религиозного характера. Но нужно признать, что сегодня нет возможности точно определить число существовавших в действительности организаций, а документы НКВД и воспоминания свидетелей и участников сходятся в том, что их было много. И раскрыты были далеко не все. Нераскрытые члены вливались в другие организации или продолжали деятельность по восстановлению разбитого подполья. Места арестованных занимали новые члены. Те же, кому угрожал арест, прятались в лесах и становились партизанами…» [22].

Из справки НКВД БССР от 10 декабря 1940 года видно, что к моменту установления советской власти в западных областях белоруссии, кроме повстанческих организаций, было раскрыто и ликвидировано 28 вооруженных групп с общим количеством 415 участников. К 1 января 1941 года было ликвидировано еще две группы (7 участников) и на учете оставались три группы (18 человек)[23].

Наркомат внутренних дел БССР во главе с Л.Ф. Цанавой в своей борьбе с польским движением сопротивления уделил особое внимание Союзу вооруженной борьбы. Сотрудники наркомата оперативно реагировали на различные стороны деятельности этой организации на территории Западной Белоруссии.

В связи с этим белорусский исследователь В.И. Ермолович замечает:

«Благодаря их усилиям в первой половине 1940 г. Союз вооруженной борьбы (СВБ) потерял только 518 человек арестованными. Еще большие потери понес СВБ в начале 1941 г. В результате таких крупных облав СВБ, как Виленская, Белостокская, Гродненская и Лидская в феврале-аапреле 1941 г. организация потеряла большинство своего состава. Драматизм вызвал тот факт, что почти весь состав Белостокского и Виленского руководящих центров СВБ был арестован органами советской государственной безопасности. В том числе на Белосточине — 400 человек. В Вильно было арестовано около 100 участников СВБ. В Лидском обводе было арестовано более 200 человек из его личного состава.

Кроме того, органы НКВД БССР в значительной степени смогли нарушить связь подпольных структур Союза вооруженной борьбы в Белоруссии с варшавским руководящим центром СВБ и польским эмигрантским правительством. Главный комендант Союза вооруженной борьбы генерал Стефан Ровецкий (“Грот”) в 1941 г. признал, что курьерскую связь с восточными пространствами (это значит — Западной Белоруссией) на должном уровне поддерживать не удается...»[24].

Таким образом, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий НКГБ БССР на территории Западной Белоруссии польскому националистическому подполью был нанесен ощутимый урон.

Что касается второго пути, то он был связан с военнопленными польской армии и привел к Катыни.

В предвоенные годы «врагов народа» на территории Западной Белоруссии искали в разных местах. Ими становились представители разных категорий населения. Снова на поверхность вышли «контрреволюционные диверсионно-повстанческие организации».

По данным НКВД БССР, с октября 1939 года по июль 1940 года в западных областях республики было выявлено и ликвидировано 109 различных подпольных повстанческих организаций, которые объединяли 3 231 участника. Среди них 2 904 поляка, 184 белоруса, 8 евреев, 37 литовцев и 98 человек других национальностей. Кроме этого было арестовано 5 584 членов политических партий и организаций: ППС (Польской партии социалистической), Бунда, «Стронництва нарадовага», ОЗОН, Союза стрельцов, Национально-трудового союза и других.

Не дожидаясь формального запрещения, на территории западных областей Белоруссии после 17 сентября 1939 года исчезли еврейские политические партии. Первыми прекратили свое существование сионисты и бундовцы, затем — все остальные. Только наиболее идейные продолжали политическую деятельность в подполье. По предприятиям и учреждениям органами НКВД БССР велась

активная разработка с последующим выявлением и арестами бывших членов еврейских «контрреволюционнных националистических» партий и организаций: Бунда (Еврейской рабочей партии). сионистов, активистов молодежной, «фашистской» по определению НКВД, организации «Бейтар» и т.д.[25].

Белорусские историки Е. Розенблат и И. Еленская отмечают:

«В ходе “чисток” в 1940 г. органами НКВД в Пинске был арестован лидер бундовской организации Шлякман. Тогда же были выявлены члены так называемых “сионистских боевок” в д. Иваники (возле г. Пинска) Рубаха Юдель, Юзюк Юдель и другие. Многие “бывшие люди” были вынуждены идти работать на заводы. Где на них в первую очередь возлагалась ответственность за все случаи сбоев в работе предприятий. Так, в марте 1940 г. по делу об аварии на фанерном заводе был арестован как диверсант мастер лудильного цеха Гинзбург Израиль Аронович. Согласно критериям НКВД идеально подходивший для этой роли: из семьи раввина. Племянник бывшего владельца завода, бывший член “контрреволюционной националистической организации “бейтар”. По данным НКВД, арестованный Гинзбург в совершении аварии сознался, “но отрицал в этом сознательный диверсионный умысел”. Только среди работников фанерных заводов Пинской области было выявлено 10 бундовцев и 25 сионистов. Репрессии против бывших членов еврейских политических,общественных и культурных партий и организаций продолжались вплоть до начала войны и лишали еврейское общество традиционных лидеров...

Органы НКВД брали на учет и арестовывали не только раввинов, но и весь персонал синагог, активистов религиозных общин. Преподавателей и учеников ешиботников. По Пинской области на оперативный учет были взяты 27 раввинов. 22 резника и 20 человек религиозного актива, который состоял преимущественно из бывших торговцев»[26].

После прихода советской власти на западные земли Белоруссии политические репрессии затронули и ряд белорусских общественных деятелей, занимавших независимую позицию. Одной из первых жертв этих репрессий стал известный белорусский политический и общественный деятель, историк, публицист, литературный критик Антон Луцкевич. После освобождения Западной Белоруссии его пригласили на собрание белорусской интеллигенции, а 30 сентября арестовали и этапировали в Минск. По решению Особого совещания при НКВД СССР от 14 июня 1941 года А.И. Луцкевич был приговорен к 6 годам заключения. Согласно официальной версии, он умер в Семипалатинской области (Казахстан) в 1946 году. Однако наиболее вероятной считается версия, что он погиб между 22 и 30 июня 1941 года по дороге между Минском и Бобруйском во время эвакуации заключенных из Минска, поскольку точно известно, что в начале войны он находился в минской тюрьме. Антон Луцкевич реабилитирован в 1989 году.

Такова же судьба видного деятеля белорусского национально-освободительного движения, поэта, публициста, переводчика Макара Кравцова (Костевича Макара Матвеевича), автора известного стихотворения «Мы выйдзем шчыльнымі радамі», который стал гимном Белорусской Народной Рэспублiкi, его арестовали в конце 1939 года вместе с Я. Позняком, С. Буслом, А. Трепком, В. Гришкевичем, В. Самойлом и другими. Материалы об обстоятельствах смерти М. Кравцова, к сожалению, до сих пор не выявлены.

В тюрьме оказался и бывший редактор «Нашай нівы», белорусский общественный и культурный деятель, издатель, публицист Александр Власов. В сентябре 1939 года он приветствовал поход Красной армии в Западную Белоруссию. Власов высказывался за открытие белорусской средней школы в Родошковичах. После событий 17 сентября 1939 года он явился в редакцию местной газеты в Молодечно, чтобы предложить свои услуги. Когда Власов написал автобиографию, в которой рассказал о своем участии в белорусском национальном движении, его направили в органы НКВД, где он и был арестован 16 октября 1939 года по обвинению в «шпионско-провокаторской деятельности». А. Власов удерживался в заключении в витебской тюрьме.

29 ноября 1940 года Особым совещанием при НКВД СССР он был осужден как «социально опасный элемент» на 5 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Власова выслали в Сиблаг (Новосибирская область, Россия). Он умер от «паралича сердца» (со-

гласно справке) 11 марта 1941 года — на 67-м году жизни на станции Мариинск (теперь Кемеровской области). По другим данным, это произошло на этапе в городе Орле или Республике Марий Эл, Россия. А. Власов реабилитирован в 1961 году.

В апреле 1940 года из Вилейки в Казахстан была выслана белорусская поэтесса Наталья Арсеньева. В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся два интересных документа, связанные с этим событием.

В первую очередь, это письмо секретаря Вилейского обкома партии Б.М. Климковича руководителю партийной организации Белоруссии:

«Секретарю ЦК КП(б)Б
тов. Пономаренко

В середине апреля из Вилейки была выслана вместе с двумя детьми белорусская поэтесса Арсеньева-Кушель Наталья Алексеевна, по-видимому, как жена бывшего польского офицера. Судя по ее творчеству, которое никогда не было направлено против народа, против советской власти еще во время польской оккупации (а творчество в советское время было, безусловно, и искренне советским), судя по ее работе в газете, и по отношению к делу, к людям — здесь могла произойти и ошибка, которая лишает белорусскую литературу очень культурного поэта-лирика, а западную белорусскую поэзию почти одной четверти. Если она была замешана каким-либо образом в предосудительных делах, тогда, конечно, высылка ее — дело вполне естественное и о ней жалеть нечего. Если же она выслана только как жена офицера, то, по всей вероятности, можно было бы и не применять такой меры, сохранив ее для литературы.

Просьба к вам, тов. Пономаренко, затребовать материалы об Арсеньевой и, ознакомившись с ними, решить, не будет ли целесообразным и возможным вернуть ее.

Б.Климкович.
26.IV. 40 г.»[27].

На письме имеется резолюция П.К. Пономаренко:

«Тов. Цанава! Надо было посоветоваться с нами. Прошу Ваше мнение.
Пономаренко
28.IV. 40 г.»[28].

Ответ Л.Ф. Цанавы датирован 4 июля 1940 года:

«Т. Пономаренко лично

Кушель Наталья Алексеевна — литературный псевдоним «Арсеньева» — жена кадрового офицера бывшей польской армии.

Муж ее — Кушель Франц Викентьевич находится в Старобельских лагерях военнопленных.

На основании этих данных Кушель Н.А. была выселена 13 апреля 1940 года.

Со своей стороны считаю, что возвращать ее на жительство в г. Вилейку нежелательно.

Народный комиссар
внутренних дел Л. Цанава»[29].

Н. Арсеньева с двумя детьми находилась в ссылке в Казахстане более года.

В потенциальные «враги народа» в то время была зачислена значительная часть бывших участников коммунистического подполья — членов Коммунистической партии Польши, Коммунистической партии Западной Белоруссии, Коммунистической партии Западной Украины. Это было связано с тем, что еще в 1938 году необоснованным решением Коминтерна Коммунистическая партия Польши и входившие в нее Коммунистическая партия Западной Белоруссии и Коммунистическая партия Западной Украины были распущены как провокационные организации, попавшие под контроль польской политической полиции (дефензивы). Поэтому некоторые члены КПЗБ были арестованы. Так, например, бывший член КПЗБ М.С. Петрович был осужден Особым совещанием НКВД БССР на 5 лет как «социально опасный элемент» за то, что дал согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета БССР без санкции райкома партии[30].

После 17 сентября 1939 года в БССР возникла проблема беженцев из территории Польши, занятой немецкими войсками.

Вопросами, связанными с расселением беженцев в Западной Белоруссии, занимались созданные при городских, областных временных управлениях комиссии по устройству беженцев. Они размещали их в школах, синагогах, на частных квартирах, пытались устроить на работу.

Следует отметить, что численность прибывших в Западную Белоруссию беженцев

была настолько значительна, что местные органы власти оказались не в состоянии в полной мере осуществить эти мероприятия. В оперативной сводке Л.Ф. Цанавы на имя П.К. Пономаренко, датированной 13 октября 1939 года, отмечалось, что в городе Белостоке беженцы проживают чрезвычайно скученно: в одной из еврейских школ, максимальная вместимость которой составляла 1500 человек, проживало 3000 беженцев[31].

Согласно докладной записке народного комиссара внутренних дел БССР Лаврентия Цанавы первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко об агентурно-оперативной работе среди беженцев, которые прибыли из территории, занятой Германией, по состоянию на 5 февраля 1940 года в Белоруссии насчитывалось 72 996 беженцев, среди которых евреи составляли 65 796 человек[32].

Белорусские исследователи А. Хацкевич, К. Козак и другие называют цифры в 100-110 тысяч беженцев из Польши на территории БССР. Так, в действительности можно предполагать, что не все беженцы регистрировались, и на самом деле их количество было значительно большей, чем сообщается в докладной записке Л. Цанавы.

Предоставим слово автору кандидатской диссертации «Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)» Дмитрию Толочко:

«Большинство историков, которые дают цифру в 110 тысяч человек, ссылаются на докладную записку «Об агентурно-оперативной и следственной работе по линии 3-го отдела УГБ НКВД БССР», датированную 16 января 1940 г. Документ был отправлен Л.Ф. Цанавой руководству ЦК КП(б)Б. Согласно указанному документу. На 1 января 1940 г. численность беженцев достигала 110 тыс.

Мы полагаем, что данная цифра также не отражает всех беженцев, прибывших в Западную Беларусь к концу 1939 г. это связано с тем, что к 1 января 1940 г. значительная их часть из Западной Беларуси уже была отправлена на Урал и в другие регионы СССР…

Отмечались также факты уклонения беженцев от регистрации. Об этом сообщал, в частности, первый секретарь Белостокского обкома КП(б)Б С.С.Игаев: “в городе Белостоке многие [беженцы — Д.Т.] не явились на регистрацию, особенно живущие на частных квартирах…”. Не следует, однако, преувеличивать их численность. В документах отмечаются только единичные случаи подобного рода явлений. Таким образом, можно утверждать, что до конца 1939 г. в Западную Беларусь прибыло прядка 125-126 тыс. беженцев»[33].

Между тем руководитель НКВД БССР Лаврентий Цанава выискивал новых врагов. В его докладной записке на имя П.К. Пономаренко говорилось:

«Среди беженцев имеется значительное количество контрреволюционного элемента, который проводит контрреволюционную подрывную деятельность, организует переправочные пункты беженцев в Германию, организовывает нелегальную переправку корреспонденции в Германию, занимается контрабандной деятельностью, спекуляцией, распространяет всевозможные провокационные слухи, так, например:

…Работающий в Белкиномонтаже беженец Венский, опоздавший на 3 мин. на работу и на замечание товарищей по работе, что в СССР опаздывать на работе не разрешается, последний заявил, что он работал в г. Варшаве, опаздывал на работу на 20–30 минут, хозяин никогда его за это не наказывал и, обращаясь к своему товарищу Шиловицкому (беженец) на еврейском языке, сказал: “Здесь не социализм, а фашизм. Нужно целовать камень в Вильно, в СССР одежду купить нельзя, есть нечего”.

В разговоре с секретарем парторганизации кинофикации тов. Миллер Венский заявил: “Карл Маркс, говоря о социализме и коммунизме, не предполагал такого устройства, которое мы имеем в СССР. У нас не социализм и не коммунизм. В СССР не хватает людей потому, что нет организации труда, и люди не умеют работать, не хватает сахару и масла потому, что его вообще нет. Москва город плохой и грязный, а Варшава чистый и большой культурный центр…”.

По делу Венского ведется негласное следствие, после чего Венский будет арестован»[34].

Докладная записка Л. Цанавы от 7 февраля 1940 года заканчивалась следующими словами:

«В целях ликвидации контрреволюционной деятельности, проводимой антисоветским элементом из среды беженцев, органами НКВД БССР арестовано по Белоруссии 204 человека, дезорганизаторов. Саботажников, срывавших работу на производстве и ведущих контрреволюционную разложенческую работу среди беженцев.

Выявление и арест дезорганизаторов, саботажников и другого контрреволюционного элемента среди беженцев продолжается»[35].

Белорусский историк Д.М. Толочко пришел к следующему выводу:

«Таким образом, следует отметить, что беженцы из Польши уже с первых дней нахождения на территории западных областей Беларуси попали в оперативную разработку органов НКВД [ведомстаа Цанавы — Э.И.]. *Первые массовые аресты среди них начали производиться уже в октябре 1939 г. и продолжались до июня 1941 г. Особо следует выделить проведение депортации части беженцев из региона вглубь СССР. Ее осуществление было связано с целым комплексом социально-экономических и политических причин. В процессе проведения депортации можно выделить несколько этапов. Первый — март — 29 июня 1940 г. На этот период приходилась паспортизация беженцев. Ее проведение дало возможность не только учесть численность и состав беженцев, но и выявить степень лояльности их к новой власти, в этот период также проводился дополнительный учет беженцев, изъявивших желание покинуть пределы СССР. Следующим этапом стало уже непосредственное осуществление самой депортации (29 июня — 4 июля 1940 г.). По нашим подсчетам численность высланных беженцев составила порядка от 30 298 до 30 971 человека. Они были размещены в Коми АССР, Красноярском крае, Вологодской, Архангельской, Кировской и Свердловской областях»*[36].

По подсчетам А. Хацкевича, общее количество задержанных только в результате оперативно-следственной работы в западных областях Белоруссии с октября 1939 года по июль 1940 года составило 8 815 человек[37].

Как правило, дела на арестованных за контрреволюционные преступления рассматривались внесудебными органами. А только небольшая их часть рассматривалась в установленном порядке через суды. Так, например, в первом полугодии 1940 года Верховным судом БССР рассматривалось 67 дел, поступивших из пяти западных областей Белоруссии, во втором полугодии — 58[38].

Репрессии против населения западной части Белоруссии продолжались до самого начала Великой Отечественной войны. В Западной Белоруссии было репрессировано более 125 000 человек[39].

Многие «спецпереселенцы» погибли во время транспортировки на восток. Около 5 000 человек приговорили к смертной казни и различным срокам заключения.

Академик НАНБ М.П. Костюк отмечает:

«…Количество репрессированных в западных областях БССР с сентября 1939 года и до начала Великой Отечественной войны составляло около 150 тыс. человек (без военнопленных польской армии, из-за отсутствия точных данных и без выселенных из Белоруссии беженцев).

В это количество входят как высланные в отдаленные районы страны (таких абсолютное большинство), так и перемещенные в пределах республики. Такое насильственное переселение из родных мест также являлось для сельских жителей настоящей трагедией»[40].

Жертвами политических репрессий в Белоруссии в конце 1938 — начале 1941 года, то есть во время, когда Цанава был наркомом внутренних дел БССР, стали многие граждане республики — представители различных социальных слоев — от простого рабочего до руководителя самого высшего ранга.

Назовем только некоторых.

Анатолий Андреевич Ананьев, 1900 года рождения. Заместитель председателя Совета Народных Комиссаров БССР, 2-й секретарь ЦК КП(б)Б. Осужден 29 мая 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР на 20 лет исправительно-трудовых работ и на 5 лет лишения прав. Умер 25 мая 1942 года в пересыльной тюрьме города Аткарска Саратовской области. Реабилитирован 25 декабря 1954 года.

Мария Давыдовна Апина, 1901 года рождения. Сестра-хозяйка 2-й больницы г. Мин-

ска. Осуждена 15 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР «по подозрению в принадлежности к агентуре латвийской разведки» на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирована 23 апреля 1957 года.

Андрей Захарович Асташонок, 1889 года рождения. Старший экономист Минскстройтреста. Осужден 15 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР на 8 лет исправительно-трудовых работ за «участие в контрреволюционно-националистической организации». Второй раз осужден 14 мая 1949 года Особым совещанием при НКВД СССР к ссылке в Красноярский край. Реабилитирован 23 апреля 1956 года.

Сергей Петрович Богдановский, 1891 года рождения. Старший инспектор отдела службы Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР. Осужден 15 августа 1939 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР как «агент польской разведки» на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении 20 января 1942 года. Реабилитирован 28 января 1958 года.

Мария Иосифовна Байгельман-Вельман, 1895 года рождения. Библиотекарь Государственной библиотеки имени Ленина, осуждена 9 февраля 1940 года Особым совещанием при НКВД СССР как «социально опасный элемент» на 3 года ссылки. Реабилитирована 27 августа 1957 года.

Болеслав Петрович Баньковский, 1896 года рождения. Возчик гужевого автотранспорта городского топлива. Осужден 29 июня 1940 года Особым совещанием при НКВД СССР за «принадлежность к агентуре польской разведки и проведение антисоветской агитации» на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 12 августа 1957 года.

Терентий Степанович Бородич, 1902 года рождения. Исполняющий обязанности доцента Минского мединститута. Осужден 11 сентября 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей как «агент польской разведки и член контрреволюционной группы "Культурная помощь". Реабилитирован 22 октября 1957 года.

Давид Иосифович Барон, 1892 года рождения. Товаровед. Уполномоченный Союзного машинного обеспечения сбыта по БССР. Осужден 5 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР как агент германской разведки» на 5 лет ИТЛ В 1947 году выслан на поселение. Реабилитирован 17 апреля 1956 года.

Иван Адамович Буткевич, 1892 года рождения. Слесарь ремонтного треста Мингоркомхоза. Осужден 5 августа 1939 года Особым совещанием при НКВД СССР за «антисоветскую агитацию и пропаганду, принадлежность к польской разведке» на 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 2 апреля 1959 года.

Самуил Аронович Гольдберг, 1920 года рождения. Рабочий артели «16 красных партизан», осужден 29 ноября 1940 года за «нелегальный переход государственной границы» на 3 года ИТЛ. Реабилитирован 14 июня 1989 года.

Сегодня многие юноши и девушки часто задают такой вопрос: «*Почему же совершенно невиновные люди признавались во всех смертных грехах, в различных преступлениях?*»

Ответ будет коротким: «*В результате многочисленных жестоких и невыносимых пыток*».

Вот некоторые виды пыток, которые накануне Великой Отечественной войны применялись в тюрьмах НКВД Белоруссии, и прежде всего в минской тюрьме.

«Стойка на конвейере» — на «конвейере» арестованный стоит по стойке «смирно» со сжатыми ногами, сдвинутыми носками и опущенными вдоль туловища руками. Ему не разрешают двигаться, и не дают пищи, воды. День сменяет ночь, сутки сменяют сутки, а подследственный стоит без движения и сна. У человека после этой экзекуции опухают руки и ноги, он не может идти, падает. От нервного переутомления наступают зрительные и слуховые галлюцинации.

Прием «секретный» или «мозги в потолок». Этот метод заключается в том, что на шею человека набрасывается ремень и сильным ударом по нему около затылка производится сотрясение головного мозга. Применяли и такой метод: вливали в нос нашатырный спирт, который обжигал слизистую оболочку носа, рта, горла. От этого нос распухал, шла кровь. Особенно часто в ходу был «бригадный метод». Когда в избиении принимали участие несколько следователей-садистов. «Бригада применяла одновременно и несколько способов пытки. Один рвал волосы, другой давил горло, третий оплевывал лицо, остальные били кулаками и сапогами по голове, груди, животу, ногам.

Заставляли подследственных лежать часами спиной на остром ребре табуретка со

сведенной головой, могли кричать в ухо через рупор.

Зажимали руки, кисти рук и отдельные пальцы железными дверями. Засаживали иглы под ногти.

Так чем же отличались допросы в НКВД от допросов гестапо?

В книге воспоминаний бывшего Председателя Совета Народных Комиссаров БССР А. Ковалева, арестованного по приказу Цанавы 25 января 1939 года, «Колокол мой — правда», мы читаем:

«Старший по званию, лейтенант НКВД, предъявил ордер на арест и обыск, подписанный наркомом внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавой.

— Вы не имеете права меня арестовывать, — заявил я. — Я депутат Верховного Совета СССР и БССР, член ЦК КП(б)Б. Я протестую против этого беззакония.

— Мы исполняем приказ. А протестовать вы будете там, куда мы вас доставим, — сердито, сверкая глазами, сказал лейтенант.

Мне грубо завернули руки за спину и усадили в угол комнаты.

— Все тщательно обыскать, — сказал подчиненным лейтенант.

В квартире находилось больше десяти работников НКВД. Некоторые были в штатской одежде. Они переворачивали все верх дном, ощупывали каждую подушку, вспаривали матрацы, обстукивали пол и стены. Шарили в шкафах, выбрасывая все на пол. Каждый чемодан также тщательно ощупывался: нет ли двойного дна. Из детской кроватки подняли больного трехлетнего Толю, вспороли его матрац. Заглядывали в печку, духовку, трубу…

После девятисуточного стояния на допросах ноги и руки распухли, лицо отекло. Я с трудом передвигался. Ноги не вмещались в штанины, пришлось разорвать их до колена, а на ноги надеть галоши, которые носил раньше на сапогах. Физически я был почти сломлен, духовно — нет.

В таком виде я предстал перед наркомом внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавой. Он пожелал лично допросить меня.

Посреди кабинета, куда меня ввели, стоял длинный стол, в конце которого сидел небольшого роста человечек. Черный, с большим носом.

Цанаву я встречал, будучи на свободе, на совещаниях в ЦК КП(б)Б, которые проходили в кабинете П.К. Пономаренко. Теперь вот я стоял перед ним как подследстсвенный. По моему виду он мог судить, как старательно потрудились его подчиненные.

“Вот он стоит передо мной, опухший, оборванный, шатается от из неможения, а признаваться не хочет…Нет, я его заставлю. Мне он скажет!” — читал я в блестевших от злобы глазах Цанавы, которые глядели на меня в упор.

— Да, как видно, живется вам тут неважно, комфорт тут тюремный, самый подходящий для врагов народа, ха-ха-ха, — ехидно смеялся Цанава. Ему угодливо улыбались присутствующие здесь же работники старшего состава аппарата НКВД.

Цанава, довольный своим остроумием, продолжал некоторое время молча рассматривать меня с ног до головы, потом изрек:

— Нам нэт неабхадымасти вазиться с тобой, нам все известно. Ты, безусловно, враг, и будэм судить, как врага народа. Но мы хатым облегчить твою участь тэм, что ты чыстасэрдэчна расскажешь о своей враждебной работе...

Это были те же слова, которые много раз говорил следователь. Ничего нового. Это еще больше убеждало меня, что обвинение, построено на клевете…

— Ты должен правдиво рассказать все, — продолжал Цанава. — От нас ничего не скроешь. Гавары!

— Мне нечего скрывать! — ответил я. — Вам, как и следователю, я говорю только правду. Лично вам хочу кое-что добавить.

При этих словах Цанава даже вытянул шею, выпучил глаза, весь напрягся.

— Вот-вот. Давай, все рассказывай!

— Врагом Советской власти, ленинской партии я никогда не был и не буду. Произвол, который творится в этих стенах, — это грубейшее нарушение советских законов! — сказал я. — Вы говорите, что все знаете и можете судить меня. Так судите открытым, гласным судом, где бы я мог выступить перед народом, перед моими избирателями, которые избрали меня депутатом Верховного Совета СССР и БССР, чтобы я мог сказать,

что все предъявленные мне обвинения построены на лжи и клевете…

Цанава стукнул по столу, лицо его налилось кровью, а черные усы неестественно шевельнулись.

— Хватит! Мы тэбя сейчас разоблачим. Введите сюда Пивоварова! — крикнул он…

Задавать Пивоварову [бывшему наркому просвещения БССР — Э.И.] вопросы мне запретили. Он подписал протокол, и его увели.

Цанава с видом победителя заявил, что и мне бесполезно отпираться, нужно, как и Пивоварову, признаться в своей вредительской контрреволюционной работе.

— Все, что я слышал здесь, — вздор, глупейшая ложь, и вы, гражданин нарком, это хорошо знаете.

Цанава вскочил и-за стола, пробежал по кабинету. Остановился возле меня, затопал ногами, закричал:

— Ты подлец, ты злейший враг!

— Я честный человек, а вы совершаете враждебное дело, — отвечал я.

Цанава пришел в ярость.

— Уведите эту сволочь! В карцер его!»[41].

Цанава требовал от следователей добиваться «признаний» любыми способами. В ход пускались жестокие физические пытки, изощренные методы психологического давления.

Лаврентий Фомич фактически продолжил политику массовых репрессий, начатую его предшественниками на посту наркома НКВД, особенно Берманом и Наседкиным.

Даже после того как Военная коллегия Верховного суда СССР в конце мая 1940 года оправдала А.Ф. Ковалева, М.О. Стакуна и других ответственных работников республики, Цанава и Пономаренко опротестовали это решение с целью не допустить их выхода из тюрьмы.

В воспоминаниях А.Ф. Ковалева есть такие строки:

«Примерно через месяц после ознакомления с материалами следствия [в конце мая 1940 года — Э.И.] меня привезли на суд Военной коллегии Верховного Суда СССР. Сюда же привезли и остальных "врагов народа", проходивших по данному делу.

Теперь я впервые увидел всех вместе. Нас было человек десять. Знал я только четверых: А.А. Ананьева, который до своего ареста работал вторым секретарем ЦК КП(б)Б, а ранее, до перехода в ЦК, — моим заместителем в СНК БССР; В.И. Пивоварова, бывшего наркома просвещения БССР; В.Д. Потапейко, бывшего секретаря ЦК КП(б)Б, которого накануне ареста назначили начальником Главного управления по делам искусств при СНК БССР, и М.О. Стакуна, бывшего председателя Президиума ЦИК БССР.

…Пивоваров и Потапейко заявили суду, что они подписали клеветнические показания против меня под физическими и моральными пытками. Теперь же, перед судом, отказываются от этих показаний…

Председательствующий зачитал протокол очной ставки Пивоварова со мной, которую проводил в своем кабинете Цанава.

— Почему вы, — спрашивает судья Пивоварова, — при очной ставке с Ковалевым не заявили наркому, что вас били и принуждали давать ложные показания на Ковалева на себя?

— Нарком Цанава хорошо знал, как идет следствие и какими методами добиваются у арестованных признания вины. Говорить ему об этом было бесполезно, — ответил Пивоваров…

В конце дня был объявлен приговор. Пять или шесть человек суд оправдал. В том числе был полностью оправдан Михаил Осипович Стакун. Ананьева, Пивоварова, Потапейко и других суд признал виновными и приговорил к разным срокам заключения…

А что же случилось с теми, кого суд оправдал? Увы. И их радость оказалась лишь мимолетной. Цанава и Пономаренко опротестовали судебное решение Военной коллегии. Они не могли, они боялись согласиться с тем, что суд оправдал людей, оказавшихся осужденными по их воле. А если эти несколько человек выйдут на свободу оправданными, Пономаренко и Цанаве придется отвечать.

Особенно нежелательным было для Цанавы и Пономаренко освобождение М.О. Стакуна. Коммунист с дореволюционным партийным стажем, он непременно потребует ответа. Итак, протест и

только протест против решения суда! — решили они. Была затеяна длительная волокита, оправданные судом оставались в тюрьме. Некоторые потом были освобождены.

Михаил Осипович Стакун так и не увидел свободы — он умер в тюрьме г. Тамбова в апреле 1943 года.

Мое следственное дело возвращалось обратно в Белоруссию. В Минск, на новое расследование. Суд не нашел основания осудить меня…

В октябре 1940 года Прокурор СССР по надзору за судебно-следственными органами вынес решение об освобождении меня из тюрьмы ввиду отсутствия состава преступления. Постановление было злодейски скрыто, я об этом не знал…

Теперь, седьмого апреля 1942 года выхожу на свободу через узкую дверь железной калитки»[42].

В 1939 году внимание спецслужб было перенесено на территорию Западной Белоруссии. Система политического сыска активно включилась в работу. Уже в апреле 1940 года по материалам секретно-политического отдела НКВД БССР подлежало аресту 132 человека по Новогрудскому, Несвижскому, Пинскому, Столинскому, Лунинецкому, Лидскому уездам. 68 человек находилось в разработке. «*В связи с борьбой с повстанческими контрреволюционными организациями*» все ксендзы в июле 1940 г. были взяты «*в активную агентурную разработку*». В октябре 1940 года в агентурную разработку брались «*все, проходившие по нацдемовским организациям*»[43].

В минской тюрьме НКВД — «американке» был организован особый режимный корпус, куда доставлялись арестованные, уже приговоренные к смерти, но, по мнению следователей, не все рассказавшие на следствии. Осужденные допрашивались с помощью особенно изощренных пыток. Если допрашиваемый давал «показания», положение его облегчали, давали ему еду, сигареты. В особом корпусе содержались 270 человек, из них 88 «дали показания» на 3 489 граждан[44].

3 июня 1988 года в газете «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья старшего научного сотруднка Института истории АН БССР Зенона Позняка и журналиста Евгения Шмыгалева «Курапаты — дарога смерці». В статье утверждалось, что в лесном массиве Куропаты захоронены жертвы политических репрессий 1937–1941 годов. Обобщив все имевшиеся материалы, авторы статьи сделали вывод, что на этом месте в предвоенные годы органы НКВД БССР проводили массовые расстрелы людей. Статья имела массовый резонанс и послужила основанием для возбуждения Прокуратурой БССР 14 июня 1988 года уголовного дела. Это было первое в СССР уголовное дело против тоталитарного государства за преступления против своего народа в 1930-е годы.

Первое следствие по Куропатам проводилось с июня по ноябрь 1988 года, потом было прекращено и возобновлено в январе 1989 года. По оценочным данным, в урочище Куропаты покоится прах не менее 30 тысяч репрессированных.

В ходе расследования было опрошено около 200 очевидцев событий. 55 свидетелей из числа жителей деревень Цна-Иодково, Подболотье. Дроздово, расположенных вблизи лесного массива показали, что в 1937–1941 годах работники НКВД БССР на крытых автомашинах привозили сюда людей и расстреливали их. Трупы закапывали в ямы. Расстрелы начались в 1937 году и продолжались до 1941 года. Судя по характеру и номенклатуре обнаруженных вещей, в Куропатах были захоронены в основном выходцы из Беларуси, в том числе из западных областей и, возможно, из Прибалтики. Есть основания полагать, что там покоится прах заключенных Автодорлага.

В постановлении о прекращении уголовного дела было отмечено:

«Принимая во внимание, что виновные в этих репрессиях руководители НКВД БССР и другие лица приговорены к смертной казни либо умерли, на основании изложенного… уголовное дело, возбужденное 14 июня 1988 года прокурором Белорусской ССР, прекратить»[45].

В 1993 году новое расследование дела по Куропатам было проведено досконально. Был обнаружен и «польский след». В частности, в одном из российских архивов был найден приказ за подписью Л. Берии об этапировании из тюрем НКВД западных областей Белоруссии в Минск 3 000 офицеров польской армии и заочного приговора к их расстрелу. В марте-апреле 1940 года они были доставлены в Минск, их след здесь теряется… Фактически было доказано, что Катынь и Куропаты — звенья одной цепи.

Напоминаем, что наркомом НКВД БССР был в то время Л. Цанава

В ходе последнего, четвертого следствия 1998 года впервые было обнаружено самое большое из всех найденных в Куропатах захоронений, в котором содержались останки более 300 человек) (обычно в ямах находилось до 100 останков). Следствие преподнесло еще одну сенсацию — впервые за всю историю раскопок в Куропатах были найдены вещественные доказательства с конкретными датами и фамилиями, свидетельствовавшие о том, что расстрелы проходили до начала войны. В захоронении № 30 были обнаружены тюремные квитанции об изъятии при аресте ценностей, выданные 10 июня 1940 года Мовше Крамеру и Мордыхаю Шулескесу, т.е. за год до оккупации Минска[46].

Имя Цанавы связано не только с Куропатами, но и с трагедией в Катыни.

Это название хорошо знакомо широкому читателю.

Катынь — это лесной массив за 30 км на запад от Смоленска, где, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года, органами НКВД ССС Р в апреле-мае 1940 года был расстрелян 4 421 польский офицер.

Что предшествовало этому?

После разгрома и раздела Польши в сентябре 1939 года в советский плен попало около 250 тысяч польских солдат и офицеров. Их поручили наркомату внутренних дел СССР.

19 сентября 1939 года нарком Берия подписал приказ об образовании Управления по делам военнопленных и создании сети приемных пунктов и лагерей-распределителей.

В лагеря поступали новые арестованные: оперативные группы НКВД на Западной Украине и в Западной Белоруссии выявляли «чуждые элементы», «антисоветски настроенных лиц», которых тут же арестовывали, а их семьи выселяли в Казахстан. Еще примерно 140 тысяч поляков были насильственно вывезены на Крайний Север и отправлены на лесоразработки.

На Украине этим занимался нарком внутренних дел республики комиссар госбезопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов, в Белоруссии — нарком внутренних дел БССР старший майор госбезопасности, а затем комиссар госбезопасности 3-го ранга Лаврентий Фомич Цанава.

В книге Владимира Абаринова «Катынский лабиринт» (М., 1991) есть такие строки:

«…Вот для того, чтобы было ясно, где и что искать, публикую обещанное продолжение списка сотрудников НКВД-НКГБ, имевших непосредственное отношение к катынской акции:

Баштаков Леонид Фокеевич, начальник 1-го спецотдела НКВД СССР, майор ГБ.

Бегма Павел Георгиевич, начальник особого отдела Белорусского военного округа, майор ГБ.

Белянов Александр Михайлович, заместитель начальника особого отдела ГУГБ НКВД СССР, майор ГБ.

Герцовский Аркадий Яковлевич, заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, капитан ГБ.

Зильберман Константин Сергеевич, заместитель начальника ГТУ НКВД СССР, майор ГБ.

Калинин Анатолий Михайлович, помощник начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, капитан ГБ.

Корниенко Трофим Николаевич (?), начальник 1-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, старший майор ГБ(?).

Маков, начальник 4-го отделения 1-го спецотдела НКВД СС СР, лейтенант ГБ

Масленников Иван Иванович, заместитель наркома внутренних дел СССР, комкор.

Никольский, начальник ГТУ НКВД СССР, майор ГБ.

Ратушный, заместитель наркома внутренних дел УССР, капитан ГБ.

Решетников, (П.М.Решетников назначен на этот пост приказом Цанавы от 25 января 1939 года — Э.И) заместитель наркома внутренних дел БССР.

Ростомашвили Михаил Енукович, начальник особого отдела Харьковского военного округа, полковник.

Сафонов Петр Сергеевич, заместитель начальника ГУЛАГ НКВД СССР, капитан ГБ.

Сахарова, старший уполномоченный 1-го спецотдела НКВД СССР, лейтенант ГБ.

Смородинский Владимир Тимофеевич, капитан ГБ.

Фитин Павел Михайлович, начальник 1-го управления (разведка) ГУГБ НКВД ССР, старший майор ГБ.

Цанава Лаврентий Фомич, нарком внутренних дел БССР, комиссар ГБ 3-го ранга.

Чернышов Василий Васильевич заместитель наркома внутренних дел СССР, комдив.

Яцевич, начальник 2-го отделения 2-го отдела ГУЛАГ НКВД СССР, младший лейтенант ГБ»[47].

В начале 1940 года с Украины от Н.С. Хрущева поступили предложения об укреплении охраны границы в западных областях УССР и БССР, поддержанные Берией и рассматривавшиеся 2 марта 1940 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Предлагалось наряду с очисткой от местного населения 800-метровой полосы вдоль границы депортировать в районы Казахстана на 10 лет семьи репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных поляков, всего 22–25 тыс. семей. «Наиболее злостных» из подлежащих выселению надлежало арестовывать и передавать их дела Особому совещанию при НКВД СССР. Дома и квартиры выселяемых должны были служить для расселения военнослужащих РККВ, партийно-советских работников, командированных для работы в западные области Украины и Белоруссии. Политбюро поддержало эти предложения и приняло специальное решение поданному вопросу. Аналогичное постановление принял и Совнарком СССР[48].

По всей видимости, эти предложения послужили толчком и к принятию всеобъемлющего кардинального решения в отношении судьбы польских офицеров и полицейских — узников лагерей для военнопленных НКВД СССР. 2–3 марта 1940 года по требованию Берии были составлены сводные данные о наличии в системе УПВ польских офицеров, полицейских, священников, тюремных работников, пограничников, разведчиков и т.д. А к 5 марта уже было подготовлено и письмо наркома внутренних дел СССР Сталину, предусматривавшее расстрел этих лиц без всякой судебной процедуры, включая даже такую ее карикатурную форму, как Особое совещание. Кроме 14,7 тысяч военнопленных, предлагалось расстрелять и 11 тысяч узников тюрем западных областей УССР и БССР.

5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло свое печально знаменитое решение о расстреле польских офицеров, которое сегодня известно всему миру как «катынская трагедия».

Приведем текст этого решения:

«144. Вопрос НКВД СССР

I. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях военнопленных 14 700 человек бывший польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей украины и белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр] — р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения. Постановления об окончании следствия — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе тт. Меркулова, Кабулава [Так в тексте. Правильно — Кобулова. — Э.И.] и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК»[49].

Л.Ф. Цанаве представилась возможность «отличиться», проявить свое старание и исполнительность.

Подготовка к проведению расстрела узников трех спецлагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР началась буквально на следующий день после заседания Политбюро. С 7 по 15 марта был проведен ряд совещаний в Москве — с сотрудниками центрального аппарата НКВД, с начальниками Управлений НКВД трех областей — Смоленской, Калининской и Харьковской, с их заместителями и комендантами, с начальниками Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. с руководством НКВД УССР и БССР.

22 марта 1940 года Берия подписал приказ «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР».

Значительную часть заключенных этих тюрем составляли офицеры и полицейские. Переводу в Киевскую, Харьковскую и Херсонскую тюрьмы (для последующего расстрела там) подлежали 900 заключенных из Львовской тюрьмы, 500 — из Ровенской, 500 — из Волынской, 500 — из Тарнопольской, 200 — из Дрогобычской, 400 — из Станиславской; в Минск — 3000 арестованных (из Пинска — 500, из Брест-Литовска — 15 000, из Вилейки — 500, из Барановичей — 450). Всю работу по перевозке заключенных надлежало осуществить в десятидневный срок, т.е. к началу массового расстрела узников лагерей и тюрем[50].

Лаврентий Фомич принял активное участие во всех этих преступных мероприятиях в качестве наркома внутренних дел БССР.

А детали участия Цанавы в катынской трагедии еще предстоит изучить.

Кроме этого, с его именем связаны четыре депортации населения Западной Белоруссии, которые проходили с 13 апреля 1940-го по 20 июня 1941 года.

Анализ политических репрессий 1939–1941 годов на территории БССР позволяет прийти к определенным выводам.

Всего за пределы республики (с западной и восточной частей) в 1939–1941 годах и в послевоенные годы, по официальным данным, выселено в административном порядке 87 729 человек. Таким образом, в 1930–1950-е годы необоснованно репрессировано боеее 349 тысяч граждан БССР, а общее количество жертв политических репрессий в Белоруссиии составляет около 600 тысяч человек.[51]

В то же время белорусский историк И.Н. Кузнецов отмечает: «На основании материалов судов, прокуратуры, НКВД-МГБ СССР и БССР можно сделать предварительную оценку количества репрессированных уроженцев Беларуси в 30-40-е годы [XX века. — Э. И.]. По оценочным данным в 1935-1940 годах за контрреволюционные преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 500 тысяч человек. Если учесть и количество граждан репрессированных в административном порядке, эта цифра составит не менее 1,5 миллионов человек. В том числе по предварительным данным на территории Западной Сибири погибло не менее 30 тысяч уроженцев Беларуси»[52].

В те годы деятельность спецслужб касалась всех сторон жизни общества. За счет развитой системы осведомления они отслеживали любое проявление инакомыслия, изолировали или фактически уничтожали инакомыслящих, контролировали работу аппарата управления, всех государственных и общественных структур, выполнение общереспубликанских, отраслевых, производственных планов.

Трагическим результатом массовых репрессий в БССР явилось практически полное уничтожение дореволюционной интеллигенции и значительной части новой, советской, подготовленной в 1920–1930-е годы высшими учебными заведениями республики.

Репрессии уничтожили элиту белорусской нации, ее интеллектуальный потенциал. Массовый террор против интеллигенции обернулся сворачиванием национально-культурного строительства, научных исследований, производственных разработок.

Была прервана связь поколений, утрачены многие духовные ценности, подавлено национальное самосознание народа. Некому стало защищать национальные идеи, а тем более проводить их в жизнь. Понятно без лишних слов, что все это в огромной мере способствовало русификации белорусов.

В 1939–1941 годах четкое функционирование репрессивной системы обеспечивали карательные органы. Благодаря многочисленному аппарату НКВД машина террора работала безотказно.

Что превращало абсолютное большинство работников НКВД в садистов? Что заставляло их преступить через все законы и нормы человечности? Главная причина — страх оказаться в положении заключенного. Этот страх подавлял все иные чувства. Кроме того, в органы НКВД шел особый отбор. Более гуманных отсеивали, самых жестоких и невежественных оставляли.

Репрессии были источниками озлобления, ненависти к советской власти и коммунистической партии. Они не могли в годы Великой Отечественной войны не породить предателей, полицейских, карателей, которые пошли служить врагу. Они породили и такое явление, как коллаборационизм.

Массовые репрессии на территории Белоруссии в довоенный период носили явно выраженный плановый характер и осуществлялись карательными органами под непосредственным руководством ВКП(б) и КП (б) Б

в крайне жестокой и бесчеловечной форме в отношении ни в чем не повинных граждан. Они были противозаконными, противоречили основным гражданским и социально-экономическим правам человека и обернулись трагическими последствиями, как для жертв этих репрессий, так и для всего белорусского общества.

Что касается Л.Ф. Цанавы, то он был ревностным исполнителем, а временами и организатором политических репрессий в БССР.

---

1 АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146.

2 *Горелик Е.* Кто суд вершил? Интервью с заместителем председателя правительственной комиссии, прокурором БССР Г.С.Тарнавским // Вечерний Минск. 1989. 2 нояб.

3 *Вишневский А.Ф, Лукошко И.В.* О некоторых проблемах исследования деятельности органов НКВД на территории Белоруссии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 119–120.

4 *Протько Т.С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002. С. 407.

5 Страницы минувшего. Минск. 1998. С. 185.

6 *Платонов Р.П.* «Ворагі народа» — беларускія пісьменнікі / Памяць. у 4 кн. Кн. 3. Мінск, 2004. С. 288–290.

7 Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ).Ф. 4. Оп. 21. Д. 1521. Л. 1.

8 Там же. Д. 1691. Л. 291–294.

9 Там же. Л. 337–338.

10 Там же. Д. 1689. Л. 147–150.

11 Там же. Д. 1691. Л. 318–319.

12 Там же. Д. 1689. Л. 233–234.

13 *Платонаў Р.* Лесы. Мінск, 1998. С. 311.

14 *Міцкевіч Д.* Любіць і помніць. Успамінае сын Якуба Коласа. Мінск, 2000. С. 18.

15 *Рублевская Л.И., Скалабан В.В.* Время и бремя архивов и имен: очерки, эссе, пьеса. Минск, 2009. С. 19–21.

16 НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1376. Л. 235.

17 *Міцкевіч Д.* Любіць і помніць. С. 43.

18 НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1700. Л. 3.

19 *Хацкевіч А.* Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939 –1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. № 1. 1994. С. 89.

20 *Сільвановіч С.А.* Польскі рух супраціўлення ў Заходняй Беларусі (верасень 1939 – чэрвень 1941 г.) // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2000. С. 201.

21 *Горланов О.А., Рогинский А.Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. I. М., 1997. С. 74–113.

22 *Сільванович С.А.* Польскі рух супраціўлення ў Заходняй Беларусі… С. 202–203.

23 НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2078. Л. 137–152; Д. 2081. Л. 82–86.

24 *Ермаловіч В.І.* Дзейнасць Саюза ўзброенай барацьбы на тэрыторыі Беларусі (1939–1941 гг.) // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Мінск, 2000. С. 197–198.

25 *Розенблат Е, Еленская И.* Пинские евреи. 1939–1944 гг. Брест, 1997. С. 28.

26 *Розенблат Е., Еленская И.* Пинские евреи… С. 29, 31.

27 НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2206. Л. 157.

28 Там же.

29 Там же. Д. 2184. Л. 330.

30 Там же. Д. 2187. Л. 80–86.

31 Там же. Д. 1683. Л. 39–40.

32 Там же, Д. 2075. Л. 275.

33 *Толочко Д.М.* Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939–июнь 1941 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Мінск, 2007. С. 43–44.

34 НАРБ.Ф. 4. Оп. 21. Д. 2075. Л. 291–293.

35 Там же. Л. 296.

36 *Толочко Д.М.* Беженцы из Польши в БССР… С. 94.

37 *Хацкевіч А.* Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939–1941 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. № 1. 1994. С. 74.

38 ГАРФ. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 132. Л. 54.

39 *Хацкевич А.* Узлы развязывает время, формирование полькой Армии Крайовой на территории западных областей Белоруссии (1943–1944) // Неман. № 1. 1994. С. 137.

40 *Касцюк М.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск, 2000. С. 211.

41 *Ковалев А.* Колокол мой — правда. Минск, 1989. С. 11, 28–31.

42 Там же. С. 63–64, 67–68, 72, 111.

43 По материалам Центрального архива КГБ Республики Беларусь.

44 Там же.

45 *Кузнецов И.* Куропаты: следствие закончено? // Народная воля. 2001. 18 крас. С. 4.

46 Там же.

47 *Абаринов В.К.* Катынский лабиринт. М., 1991. С. 106–108.

48 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 48–490.

49 *Топтыгин А.* Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М., 2005. С. 115–116.

50 *Лебедева Н.С.* Катынь — преступление против человечества. М., 1994. С. 168–170.

51 *Адамушка У.* Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 10.

52 *Кузнецов И.* Репрессии на Беларуси в 1920–1040-е гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ. Вып. 2. Минск, 2007. С. 29.

УДК 341.324.6(74) «1939/1941»
ББК 63.3(2)621-4
С 78

Александр Статиев

Мотивации и цели советских депортаций в западных приграничных районах

Раскрытие российских архивов может привести к переоценке депортационной политики Советского Союза в западных приграничных областях. Ранние исследования данного вопроса, основывались, как правило, на сведениях неопределенной достоверности и националистических политических памфлетах. Для них были характерны бездоказательные утверждения и идеологические предубеждения[1]. Исследователи редко писали о причинах советских депортаций, искажали их цели и никогда не сравнивали их с чистками, применяемыми националистическим сопротивлением. Немногие ученые различали типы депортаций: превентивные, проведенные в ответ на нападения повстанцев, те, которые должны были обеспечить явку с повинной или способствовать определенной экономической политике, уничтожить гражданскую инфраструктуру повстанческого движения, или те, что проводились из геополитических соображений. Даже после того, как российские архивы стали доступны, на Западе не было произведено ни одного сравнительного анализа советских депортаций в западных приграничных областях, хотя некоторые авторы и затрагивают эту тему[2].

После падения коммунистического режима историки в бывших советских республиках опубликовали несколько ценных документальных сборников[3]. Их труды основываются на первоисточниках, но в большинстве из них предлагаются изложения документального материала и статистические данные, а не анализ[4]. Тем не менее, они все же более информативны, чем те, что опубликованы на Западе. К советским партийным документам и документам правоохранительных органов нужно относиться критически, но они все же являются наилучшими источниками информации о причинах депортаций, их масштабах и критериях отбора, использовавшихся для составления черных списков. Данные документы предназначались только для внутреннего пользования и заслуживают большего доверия, чем националистические публикации, преследующие политические цели. Где это возможно, я опираюсь на советские первоисточники.

Целью данной статьи является изучение причин проведения советских депортаций и других видов принудительных миграций в западных приграничных областях и оценка их эффективности в качестве инструментов борьбы с повстанчеством. Сначала я анализирую оценку Советским Союзом угрозы, представленной адресными группами, и обсуждаю адекватность этой оценки. Затем я исследую вопрос, как коммунистическая идеология влияла на рациональность принятых решений. И, наконец, я провожу сравнение архивных данных Советского Союза о масштабе депортаций с утверждениями, сделанными ранее на основе бедной информационной базы, и оспариваю обобщения, которые были обычным явлением в ранних исследованиях по данному вопросу.

Тоталитарная государственная система и решимость советского правительства вести классовую борьбу и осуществить культурную революцию на новых территориях обусловили использование советским государством депортаций наряду с другими мерами обеспечения безопасности. Большинство советских депортаций были рациональными действиями государства перед угрозой повстанчества и не ограниченного в выборе средств. В то же время, идеология играла важную роль в советской политике безопасности. В некоторых случаях она ограничивала масштаб депортаций, но в других она его увеличивала настолько, что эти меры теряли рациональное зерно и только провоцировали сопротивление.

Советский Союз депортировал больше людей, чем любое европейское государство, за исключением нацистской Германии. Его правительство впервые прибегло к депортации в 1918 году, когда было выслано население нескольких мятежных казачьих станиц. В 1920–21 гг. еще большее число гражданских

лиц, подозреваемых в поддержке мятежников, было выслано из Тамбовской губернии[5]. Во время коллективизации депортации намного превысили размеры тех, что проводились во время Гражданской войны. В 1930–1933 гг. коммунисты насильно переселили около 3,6 миллионов крестьян и использовали их имущество в качестве материальной базы при создании колхозов[6]. После того, как в середине 1930-х гг. в советской политике безопасности возник этнический фактор, правительство Советского Союза начало очищать пограничные районы от диаспорных национальностей. Изначально эти депортации были выборочными и направлены только на тех членов диаспорных сообществ, чья лояльность, с точки зрения советского правительства, была под сомнением, но в октябре 1937 года были выселены все корейцы с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Это была первая депортация целой этнической группы. Таким образом, к концу 1930-х гг. депортации стали стандартной мерой политики безопасности Советского Союза.

После того, как пакт Молотова–Риббентропа разделил сферы влияния в Восточной Европе между двумя сторонами-участницами этого пакта, Советский Союз полностью или частично оккупировал территории шести соседних государств: Румынии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Депортации считались средством обеспечения безопасности в нестабильных приграничных районах и продвижения определенных социальных реформ. Советское правительство ожидало сопротивления польской интеллигенции, офицеров, землевладельцев и осадников — крестьян-ветеранов Советско-Польской войны 1919–1920 гг., проживавших в аннексированной части Восточной Польши, названной в Советском Союзе Западной Украиной и Западной Белоруссией. При поддержке польского правительства, которое выделило им лучшие земли, осадники массово мигрировали в Восточную Польшу из других регионов. Восприятие польской диаспоры как основной угрозы безопасности определило субъекты депортаций. Переселение самой большой части поляков, подлежащих высылке, осадников, началось 10 февраля 1940 г. К апрелю 139 500 из них было переселено, в основном, в Сибирь[7]. 5 марта 1940 года правительство приказало расстрелять 21 857 «бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков», содержащихся в советских лагерях для военнопленных. Тремя днями ранее оно выпустило директиву о высылке их семей[8]. Эти депортации изгнали из приграничных районов антисоветскую часть населения, что помогло администрации завершить популистскую аграрную реформу, согласно которой земли, принадлежащие польскому меньшинству, были распределены среди этнического большинства данного региона — украинцев и белорусов, — тем самым, обеспечив некоторую поддержку среди населения. В этих депортациях правительство Советского Союза комбинировало этнические и классовые критерии: большая часть переселенцев была поляками, которые также занимали большинство управленческих должностей и принадлежали к самой обеспеченной части населения. Правительство также депортировало тех, кто продемонстрировал негативное отношение к советскому строю, пытаясь переехать в польские районы под властью Германии, но не смог этого сделать. Кроме того, беженцы из оккупированных Германией областей Польши, среди них — 58 852 евреев, были отправлены во внутренние регионы[9]. Государство не тронуло большинство поляков, проживавших в западных областях, а после амнистии от 17 августа 1941 г., последовавшей за заключением советско-польского альянса, были освобождены почти все польские спецпоселенцы — 389 041 из 389 382 человек[10].

На новых территориях правительство Советского Союза стремилось завоевать сердца представителей титульных наций и поначалу воздерживалось от массовых репрессий против них, хотя поздней весной 1940 года, с началом коллективизации в Западной Украине и Западной Белоруссии, оно все-таки выселило несколько тысяч «кулаков», принадлежащих к титульным национальностям и тех, кто был против советской аграрной политики. Как оказалось, оценка основной угрозы в западных приграничных областях советским правительством была неверной: украинские и балтийские националисты были более опасны, чем деморализованные распадом своего государства польские.

Весной 1941 года советские органы внутренних дел получали информацию о постоянно увеличивающейся активности националистов. Они справедливо полагали, что в случае войны националисты примут сторону Германии. В начале апреля они обнаружили, что Организация Украинских Национа-

листов (ОУН) вела подготовку вооруженного восстания, приуроченного к вторжению Германии. НКВД регистрировал «значительный рост ... убийств и бандпроявлений со стороны украинских националистов» — 47 нападений в апреле и 58 — в мае 1941 года, в результате которых 98 человек, в основном — местных активистов, было убито и 46 ранено. С 1 января по 15 июня 1941 года силами служб охраны правопорядка в Западной Украине было уничтожено 38 националистических повстанческих групп, а также 25 уголовных банд, общей численностью 273 человека. К 15 июня они преследовали еще 51 отряд ОУН, общей численностью 274 человека[11]. В марте 1941 НКВД раскрыл подпольную сеть в Латвии под названием «Tevijas sargi» («Стражи отечества»), члены которой собирали развединформацию для Германии и готовили вооруженное восстание, которое и произошло после 22 июня[12]. В мае 1941 года агент госбезопасности проник в подпольную организацию «Гвардия обороны Литвы». В ее приказах содержалось следующее: «Сигналом к восстанию будет служить переход немецкими войсками границы с Литовской ССР. Члены организации в период военных действий между СССР и Германией должны будут осуществлять следующие задания: арестовывать всех комиссаров и других активных коммунистов; разоружать и арестовывать красную милицию и агентов ГПУ, в случае сопротивления ликвидировать; (...) заставить евреев оставить страну; (...) обрывать телефонные, телеграфные и электрические провода, не трогая столбов; в тылу советских войск уничтожать железные дороги и шоссе»[13]. В тоже время НКВД арестовал несколько членов Литовского фронта активистов (ЛФА) и выяснил, что, по словам его лидеров, «Нападение на СССР Германия произведет весной 1941 года. Мы, литовцы, должны поднять восстание в тылу Красной армии и развернуть большую диверсионно-подрывную работу по взрыву мостов, разрушению железнодорожных магистралей, нарушению коммуникаций»[14].

Позже, в документах литовского временного правительства отмечалось, что «план был разработан [до немецкого вторжения], определяя, где и как повстанцы должны действовать в случае войны, чтобы способствовать быстрейшему наступлению немецких вооруженных сил»[15]. После начала операции «Барбаросса» тысячи членов ЛФА ринулись на борьбу с советской властью.

С увеличением потока информации о немецких армиях, концентрирующихся на границах, советское правительство решило арестовать и депортировать:

«а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций;

б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие их материалы;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников (...);

г) бывших офицеров (...), против которых имеется компрометирующие материалы;

д) уголовный элемент»[16].

22 мая 1941 НКВД выселил 11 329 человек из Западной Украины. 13 июня им было арестовано 5 479 человек в Молдавии и в Черновицкой и Измаильской областях УССР. После этого 14–17 июня последовали аресты 5 664 литовцев, 5 625 латышей и 3 178 эстонцев. Далее, советское правительство депортировало 24 360 человек из Молдавии и Черновицкой и Измаильской областей, а также 10 187 литовцев, 9 546 латышей и 5 978 эстонцев, в основном семьи ранее арестованных, казненных или лиц, находящихся на нелегальном положении[17]. В Украине, во время депортации, некоторые из находившихся на нелегальном положении явились с повинной, чтобы спасти свои семьи. В ответ органы госбезопасности освободили тех из них, кто были бедняками и состояли в ОУН, но не были уличены в террористических актах. Однако очень быстро стало понятно, что эти депортации не смогут уничтожить подполье ОУН. 21 июня Всеволод Меркулов, народный комиссар государственной безопасности, подписал приказ на проведение еще одной массовой депортации членов ОУН и их семей. Вторжение немецких войск помешало этим планам[18].

Историки часто изображают эти депортации как «повальный массовый террор»[19]. В сущности логика этой политики была очевидна: очистить пограничные регионы от немецкой «пятой колонны». Советская власть действовала на этих территориях лишь короткое время и ее органы не имели информации для того, чтобы идентифицировать оппозицию и применить превентивные репрессии. Вместо этого они определяли потенциальных противников, основываясь на

классовой принадлежности и предыдущей деятельности, и с большей подозрительностью относились к диаспорным национальностям. «Пятая колонна» в самом деле существовала, подпольная литовская группа, сформированная в 1940 году в городе Мажейкяй и имевшая связь с ЛФА, называла себя «Пятой колонной»[20]. ОУН начала вооруженное сопротивление задолго до немецкого вторжения, а прибалтийское подполье готовило восстание, которое должно было совпасть с нападением Германии, и 22 июня те подпольщики, кто избежал ареста, восстали против советской власти.

Впрочем, точность определения НКВД «пятой колонны» неясна. Разумеется, как и в любой массовой депортации, многие, а возможно и большинство арестованных и депортированных, были невинными жертвами. Официальные советские историки признали в 1990 г., что «в числе репрессированных оказалось немало лиц, не проводивших в то время активной работы против советского строя»[21]. Однако советское правительство поступало так же, как правительства западных демократий в подобных ситуациях. Советские руководители продемонстрировали большую сдержанность перед лицом более серьезной угрозы и большую избирательность при проведении репрессий, чем американское или канадское правительства, депортировавшие всех своих граждан японского происхождения с тихоокеанского побережья. Конечно, советские переселенцы жили в гораздо худших условиях, чем североамериканские. Однако, несмотря на то, что советская администрация знала, что большинство рядовых членов национальной гвардии, а также младших и средних офицеров полиции и армии были настроены антисоветски, она не выселяла тех представителей данных групп, которых она не подозревала в подрывной деятельности. Более того, эти депортации частично достигли желаемой цели. Зенонас Ивинкис утверждает, что в первые дни немецкого вторжения литовские националистические вооруженные «отряды были, в некоторой степени, ослаблены массовыми депортациями 14 июня 1941 года». Альгирдас Будрецкис признает, что «массовые депортации назрушили связь между лидерами подполья и даже ликвидировали несколько ключевых фигур»[22]. Франц Шталекер, командир айнзатцгруппы А, жаловался, что «значительно сложнее было организовывать чистки и погромы в Латвии [чем в Литве]. В основном это объяснялось тем, что национальное руководство было угнано Советами». Нийоле Гашкайте-Жемяйтене объясняет слабую организацию литовского подполья накануне немецкого вторжения советскими репрессиями в период первой оккупации[23]. Если бы Красная армия остановила немецкие войска неподалеку от границы, как надеялось советское правительство, повстанчество в ее тылу могло повлиять на ход действий на Восточном фронте. На самом же деле, наступление немцев было настолько стремительным, что нападения повстанцев-националистов имели незначительное военное значение.

Западные украинцы и белорусы одобрили высылку поляков, но депортации, направленные на «пятую колонну» среди этнического большинства, провоцировали слухи о том, что коммунисты намеревались полностью выселить все местное население. Эти слухи не имели под собой никакой фактической базы, но они пугали людей. Депортации накалили отношения между властями и населением западных пограничных территорий накануне немецкого нападения и, возможно, привели к тому, что у советского строя появилось больше врагов, чем было уничтожено депортациями.

В 1939–41 гг. советское государство стало практиковать менее жестокую форму этнической чистки — «репатриацию» диаспорных национальностей. В 1939–40 гг. Германия и СССР заключили несколько договоров о «репатриации» немцев, оказавшихся на новых советских территориях. Соглашения были подписаны 16 ноября 1939 г. в отношении немцев в Западной Украине и Белоруссии, 5 сентября 1940 г. — в отношении немцев Северной Буковины и Бессарабии, и 10 января 1941 г. — в отношении немцев в Прибалтике. Многие из этих немцев были сторонниками нацистов. В Бессарабии, на законных основаниях, в каждой немецкой колонии существовали нацистские организации[24]. У советского правительства были веские основания рассматривать этих немцев как наиболее вероятных членов «пятой колонны». Несмотря на то, что в этих соглашениях содержалось положение о том, что «эвакуация является добровольной, и потому принуждение не можно быть применено ни прямо, ни косвенно»[25], на практике и Германия, и Советский Союз воспринимали тех немцев, кто отказывался репатриироваться, врагами и заставляли их

уезжать. К 22 июню 1941 г. только из Молдавии было эвакуировано 133 138 немцев[26].

Масштаб этнических депортаций на старых советских территориях резко увеличился после немецкого вторжения. Они начались с выселения советских немцев и других национальностей, этнически принадлежавших к представителям стран Оси, но затем также был депортирован и десяток недиаспорных меньшинств: карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, армян, турков-месхетинцев, курдов и хемшинов. Эти повальные депортации начались в августе 1941 г. и достигли своего пика в период между октябрем 1943 г. и ноябрем 1944 г. Заявления правительства о том, что депортированные малые народы были нелояльны, имели фактическую основу в некоторых случаях, в других же случаях они были абсолютно беспочвенны. Даже если верить официальным заявлениям, что депортированные малые народы были наказаны за измену, крайне сложно найти логическое объяснение отвлечению человеческих и материальных ресурсов для депортаций, проводимых в глубоких тыловых районах, лишь в небольшой части которых разгорались восстания. Фактически, реальной целью этой политики была ассимиляция этнических групп, по разным причинам внесенных в черные списки. Порой обвинения в антисоветском сопротивлении являлись лишь предлогом. Эту новую политику ассимиляции было проще оправдать и провести в жизнь, обвиняя этнические меньшинства в измене и депортируя их согласно декретам военного времени. Учитывая то, что советское правительство не интересовалось, сколько жизней стоили его грандиозные социально-инженерные проекты, такие депортации и рассеивание малыми группами по Советскому Союзу являлись рациональными средствами для достижения нерациональной цели[27].

На западных приграничных территориях, однако, советские лидеры не планировали повальные этнические чистки. После восстановления советской власти в 1944 году депортации преследовали две основные цели: уничтожение оппозиции и способствование коллективизации. Небольшие, но частые депортации родственников повстанцев и подозреваемых в помощи им предшествовали массовому выселению зажиточных крестьян, произошедшему накануне коллективизации. Советское правительство полагало, и вполне справедливо, что «семьи бандитов представляли собой серьезную укрывательско-пособническую базу для буржуазно-националистических банд», ядро их гражданской инфраструктуры[28]. С советской точки зрения депортации этих сочувствующих разрушали эту инфраструктуру без применения мер крайней жестокости, отделяли рядовых мятежников от убежденных противников, и принуждали рядовых бойцов принять амнистию.

Никита Хрущев — главный пропагандист депортаций — поделился со Сталиным своим намерением начать их в марте 1944 года, когда советская власть была восстановлена на части Западной Украины. Депортации начались в следующем месяце[29]. Однако, до 10 января 1945 года, когда Хрущев выпустил директиву «Об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами», они были беспорядочны. В выпущенной же директиве предлагалась стратегия, которая, в скором времени, оправдала себя. Органы госбезопасности должны были: «провести в сельских местностях западных областей УССР учет жителей в возрасте от 15 лет и выше. (...) При проведении учета населения точно установить, где находится тот или иной гражданин или гражданка. Родственников тех лиц, которых не будет установлено точное местонахождение, предупредить под расписку, что если эти лица не явятся в органы советской власти, то они будут считаться участниками банд и к их родственникам будут применены репресии, вплоть до ареста и выселения. (...) Не пропускать ни одного случая бандпроявлений без ответных репрессий, усилить высылку семей бандитов и кулаков, оказывающих какую бы то ни было помощь бандитам»[30]. Эта директива привела к ежегодным депортациям семей повстанцев. Хрущев играл в открытую, заранее предупреждая повстанцев о надвигающихся репрессиях против их семей и шел на значительный, но оправданный риск, предполагая, что данная угроза выведет людей из лесов, а не заставит их сбежать к повстанцам. После того, как власти закончили перепись, они начали систематически депортировать семьи повстанцев. К 1953 г. 175 063 жителя Западной Украины оказались в ссылке[31]. Инструктор ЦК КП(б)У писал в отчете Хрущеву: «Перепись населения и депортация семей бандитов были самым эффективным средством и сильно способствовали выходу бандитов из лесов и их явку с повинной». С. Олексенко, секретарь

Таблица 1.
Соотношение украинских семей, чьи члены явились с повинной с 10 января по 10 июня 1945 г.

Область	Количество предупрежденных семей	Количество семей, чьи члены-повстанцы явились с повинной	Процентное соотношение семей, чьи члены-повстанцы явились с повинной (%)
Ровненская	7 152	2 301	32,2
Дрогобычская	4 806	2 246	46,7
Тернопольская	4 121	2 116	51,3
Станиславская	6 553	3 991	60,9
Волынская	2 232	1 799	80,6
Львовская	6 718	5 844	87,0
Черновицкая	4 022	4 010	99,7

Рассчитано на основе данных из «Сведения о явке с повинной бандитов» (10 января — 10 июня 1945 г.) // ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1739. Л. 229.

Дрогобычского обкома, писал: «Конечно, депортация семей [повстанцев] есть не цель, а средство для скорейшего искоренения бандитизма, но я должен сказать, что это очень мощное средство»[32].

Некоторые советские чиновники считали, что семьи повстанцев должны были быть «репрессированы как предатели родины», и что должны быть высланы целые деревни, большая часть населения которых присоединилась к повстанцам или поддерживала их[33]. Однако, фактически подобные повальные депортации были исключением. Идентифицировав семьи повстанцев, власти выслали только некоторые из них и угрожали депортировать остальных в ответ на нападения националистов. В конце 1940-х гг. они выселяли несколько семей националистов в ответ на каждое нападение повстанцев. Если повстанцы убивали важного чиновника, вроде секретаря райкома, депортировались все семьи националистов, проживавшие в данном районе[34]. Это было эффективное средство устрашения.

Конечно, многие были депортированы по ошибке или в связи с тем, что местные чиновники стремились заполнить квоты, установленные их начальством. В октябре 1947 г., когда власти начали первую массовую депортацию в Западной Украине, выселив 77 791 человека, органы госбезопасности докладывали, что «значительная часть семей из числа утвержденных в ходе операции была отсеяна вследствие того, что [отсутствующие] члены семей состояли на службе в Советской армии»[35]. Многим другим подобным семьям не повезло. Одновременно с этим, инструктор ЦК КП(б)У отмечал, что иногда власти колебались в отношении депортации даже тех, против кого имелись серьезные улики: «Во время операции в селе Ключи-Великие бандит выстрелил из дома, ранил пограничника в руку и сбежал. Районный прокурор Дамиров отказался санкционировать арест и депортацию семьи, укрывающей этого бандита, заявив, что сначала мы должны выяснить, что это за семья. Меры были приняты только после [моего] вмешательства»[36]. Необходимо отметить, что отчеты ОУН подтверждают, что подавляющее большинство депортированных в наказание за действия повстанцев, были их родственниками.[37]

Угроза депортации и ее умеренное, но незамедлительное применение в связке с амнистиями тех, кто являлся с повинной, были эффективным антиповстанческим методом. Это заставило вернуться из лесов многих бойцов, кто не хотел воевать: крестьян, мобилизованных повстанцами или присоединившимися к ним в то время, пока они скрывались от мобилизации в ряды Красной армии. Фактически, этот метод спас тысячи подобных крестьян от неминуемой гибели (таблица 1).

Необходимо отметить, что перед депортацией органы госбезопасности на некоторое время задерживали в райцентре семьи, в которых отсутствовал кто-либо из родственников, давая фигурантам еще одну возможность явиться с повинной. Если они подчинялись, власти освобождали их семьи и амнистировали тех повстанцев, которые не совершили убийств. Так, в Дрогобычской области из 2 557 задержанных семей 1 356 были освобождены после того, как их члены-повстанцы сдались[38]. Депортации семей пов-

станцев и подозреваемых пособников заставили гражданское население, сочувствующее националистам, задуматься, прежде чем помогать мятежникам. После того, как власти депортировали из Западной Украины 14 535 подозреваемых пособников повстанцев с июля до октября 1947 г., было замечено, что «отношение местного населения к бандитам изменилось; они начали отказываться снабжать бандитов и укрывать их»[39].

Советское правительство Литвы регулярно высылало из страны семьи повстанцев, начиная с лета 1945 года. Однако, до 1948 г. оно пыталось ограничить органы внутренних дел в отношении депортаций. Так, в июне 1945 г. года НКВД запросил разрешение на высылку 20 000 родственников повстанцев, но правительство урезало эту цифру до 767 семей в 1945 году, 501 семьи в 1946 г., и 420 семей в 1947 г. В течение следующих двух лет масштабы депортаций возросли. К 1953 году власти выслали 7 499 семей повстанцев и их пособников[40]. Кроме родственников повстанцев государство депортировало тех, кого оно считало «социально опасными элементами»: представителей духовенства, бывших политических деятелей безотносительно их ориентации, высокопоставленных чиновников, лидеров национальной гвардии и молодежных лиг, немецких коллаборационистов, уголовников, но чаще всего — зажиточных крестьян, депортации которых значительно превзошли депортации политических противников в прибалтийском регионе (таблица 2).

Таблица 2. Депортации из Литвы, 1945–52 гг.

	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	Итого
«Кулацкие» семьи (%)	36,3	-	58,9	73,2	81,9	91,5	81,5	69,6	74,3
Семьи повстанцев и других членов политической оппозиции (%)	63,6	100,0	41,1	26,8	18,1	8,5	18,5	30,4	25,7
Общее число людей	4 479	2 082	3 938	39 482	32 735	761	20 357	2 203	106 037

Как и в 1929–32 гг., власти выселяли состоятельных крестьян для того, чтобы прекратить сопротивление коллективизации и конфисковать достаточное количество собственности для ее проведения. Однако на западных пограничных территориях правительство расправлялось с зажиточными крестьянами особенно жестоко, поскольку идентифицировало их как мятежников, и рассматривало их депортацию как единое целое в борьбе с повстанчеством. Сопротивление возглавляли националисты, но рядовой состав состоял, по большей части, из крестьян, не приемлющих советскую аграрную политику. Советские чиновники всегда утверждали, что «кулачество является социальной базой националистического подполья и его вооруженных банд»[41]. Они заставили органы внутренних дел разработать доктрину борьбы с повстанчеством на основе этого постулата. Они признавали, что национализм являлся важным фактором повстанчества, но считали, что в классовой борьбе он играет второстепенную роль, и рассматривали бедняков, сопротивляющихся властям, отсталыми элементами, слепым орудием кулаков. Грушецкий, секретарь Львовского обкома партии, пытаясь объяснить, почему многие бедняки противостояли коммунистам, говорил: «Мы знаем, что кулак обеспечивает экономическую и политическую поддержку бандитов. (...) Кулак действует ловко и завуалировано.

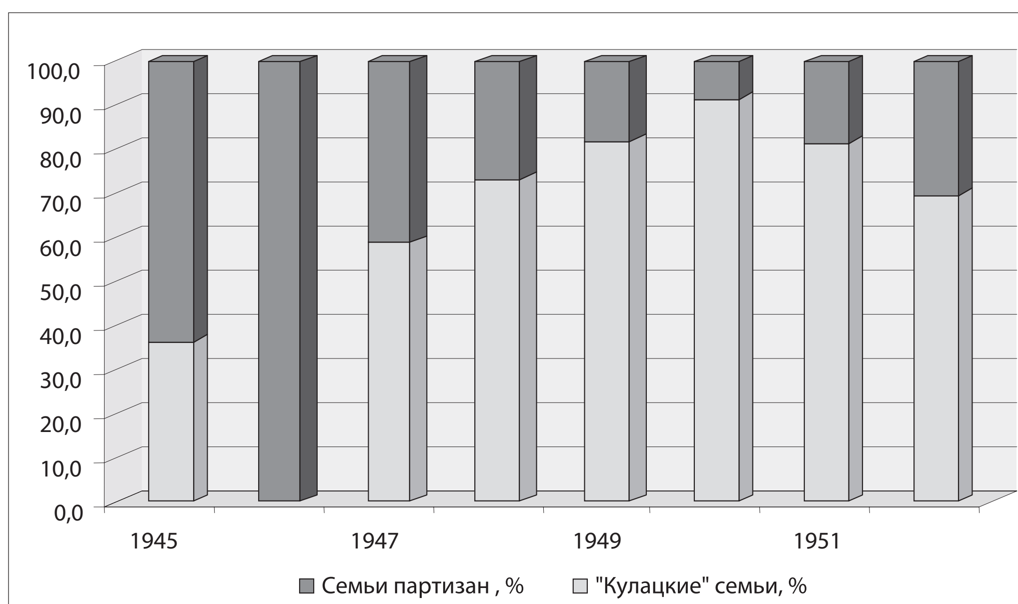

Рисунок 1. Депортации из Литвы, 1945–52 гг.

Он будет действовать через своего работника, Ивана, зависящего от него. Но наши органы не могут поймать кулака, его выявить гораздо сложнее, чем наивного Ивана. Кулак является бандпособником, поэтому, его следует депортировать»[42]. Действуя в рамках этой аксиомы, власти часто прощали таких «Иванов», пойманных с поличным, но наносили удар по их предполагаемым подстрекателям, ожидая, что уничтожение состоятельных крестьян автоматически положит конец мятежам.

Были ли зажиточные крестьяне ключевым элементом сопротивления? Они составляли разное процентное соотношение в различных регионах. В Эстонии до начала советских реформ 19,7 % крестьянских семей владели более,чем 30 гектарами, они и попали под понятие «кулаки»; в Латвии и Литве этот процент составлял 17,0 % и 6,4 % соответственно[43]. На Западной Украине крестьянские хозяйства были более раздроблены. В 1946 г. в Львовской области только 2,6 % крестьян владели более, чем 5 гектарами земли, они и были определены как кулаки[44]. Однако, антисоветское сопротивление было наиболее сильным в Литве и на Западной Украине, что свидетельствует о том, что советские аналитики чрезмерно упростили мотивации и состав повстанческого движения.

Статистические данные органов госбезопасности об экономическом статусе повстанцев фрагментарны и позволяют сделать только ориентировочные заключения. Очевидно, что крестьяне любого достатка участвовали в повстанчестве. Командир советского партизанского отряда Михаил Наумов писал: «Среди ослепленных националистической заразой, есть те, кто гол и бос, пашет узенькую полоску на заморенной лошаденке с допотопной сошкой»[45]. Людас Труска обнаружил, что из 4 800 литовских крестьянских семей, депортированых потому, что их члены присоединились к повстанческому движению в 1944–47 гг.., 27 % были бедняками, т.е. теми, кто владел менее, чем 10 гектарами земли, и 30 % — середняками, т.е. теми, кто владел 10–20 гектарами земли[46]. Сопоставив эти данные со статистикой землевладения, можно подсчитать пропорциональный состав крестьян различного благосостояния в литовском движении сопротивления. В 1946 году крестьяне, владеющие менее, чем 10 гектарами земли, составляли 68,1 % сельских хозяйств, владеющие 10–20 гектарами — 24,8 % хозяйств. Крестьяне, владеющие более, чем 20 гектарами, составляли только 7,1 % хозяйств, но 43 % депортированных именно потому, что их родственники присоединились к повстанцам[47]. Если судить по статистическим данным, приведенным Труска, бедняки и середняки численно превосходили «кулаков» среди повстанцев, но процент бедняков был существенно ниже их процента среди населения, в то время, как

процент зажиточных был значительно выше их доли среди населения. Данный критерий профилирования повстанцев в Литве поддерживается другим — площадью крестьянских хозяйств, которые были конфискованы правительством у семей, согласно Директиве от 22 декабря 1944 г. «О выполнении закона “О ликвидации последствий немецкой оккупации в сельском хозяйстве”». В 1946 г. среднее литовское крестьянское хозяйство владело 9,0 гектарами земли. К 1 июлю 1946 г. советское литовское правительство конфисковало 3 361 крестьянских хозяйств площадью 71 478 гектаров у семей, члены которых присоединились к повстанцам. Соответственно[48], средняя семья повстанцев владела 21,3 гектара и принадлежала к состоятельной части середняков. Во всем прибалтийском регионе именно состоятельные крестьяне доминировали в антисоветском сопротивлении, и со временем их доля увеличилась.

Документы органов госбезопасности и партийные документы не дают возможности уверенно судить об экономическом статусе украинских повстанцев. Разрозненные статистические данные позволяют предположить, что доля бедняков среди повстанцев была гораздо выше на Украине, чем в Прибалтике, частично из-за того, что Украинская Повстанческая Армия (УПА), в отличие от прибалтийских повстанцев, мобилизировала крестьян, большинство из которых были бедны. Например, 19 октября 1947 года из Черновицкой области, было депортировано 49 семей кулаков (8,1 %), 304 середняков (50 %) и 255 бедняков (41,9 %) за поддержку повстанцев[49]. Другой причиной высокого процента бедняков в украинском сопротивлении был страх коллективизации.

Идеология меньше влияла на крестьян, чем на городское население. Некоторые повстанцы-крестьяне разделяли точку зрения своих предводителей о национальной независимости как важнейшей цели сопротивления, однако большинство было озабочено своей собственной безопасностью и достатком. Все крестьяне, и состоятельные и бедные, боялись коллективизации, и советские чиновники в западных областях понимали это, но думали, что коллективизация была неизбежной и прогрессивной политикой. Советское правительство Украины неблагоразумно начало пропагандировать коллективизацию вскоре после того, как Красная армия перешла границы Украины, когда ее было невозможно осуществить из-за нехватки средств для ее финансирования. Попытки организовать колхозы без капитальных инвестиций были в основном тщетными и катастрофически непроизводительными, что сподвигло большинство украинских крестьян, вне зависимости от их экономического статуса, поддерживать повстанцев. Советские же правительства прибалтийских республик не предпринимали попыток начать коллективизацию вплоть до 1949 г., в результате лишь немногие бедные крестьяне сопротивлялись администрации, которая дала им землю.

Большинство советских чиновников в западных областях или чистосердечно верили, или же заявляли под нажимом Москвы, что правительству сопротивляются, в основном, кулаки. Это происходило, якобы, в рамках процесса, раскрытого Сталиным — обострение классовой борьбы на пути к коммунизму. Хотя состоятельные крестьяне ненавидели коммунистов, и их пропорция среди повстанцев была выше их доли среди населения, большинство из них не сопротивлялось, пока угроза депортации не оставила им альтернативы. Советская политика в деревне, насаждаемая центром и полностью поддерживаемая украинскими и белорусскими правительствами, слила воедино две разных стратегии — борьбу с повстанчеством и коллективизацию. Депортация повстанческих семей была рациональным средством подавления мятежей. Высылка зажиточных крестьян способствовала коллективизации, но разжигала восстания, поскольку у тех, кого определили как кулаков, остался единственный выбор — депортация или сопротивление. Однако советские чиновники не воспринимали борьбу с повстанчеством и высылку «кулаков» в рамках коллективизации как конфликтующие стратегии, потому что верили в то, что, депортируя кулаков, они одновременно разрушали социальную базу повстанцев и оппозицию коллективизации.

В советской политике не было прямой корреляции между масштабом депортаций в различных регионах и интенсивности повстанчества в этих регионах, поскольку наиболее состоятельные крестьяне, высланные вне зависимости от того, участвовали ли они в сопротивлении, составляли большинство депортированных. Кампания против кулаков была войной на уничтожение. К 1947 г.

зажиточные крестьяне, не участвующие в сопротивлении, имели больше шансов быть депортированными, чем бедные крестьяне, о которых было известно, что они поддерживают повстанцев. Повальные депортации 1947 года в Украине и в 1948–1949 гг. в Прибалтике, накануне массовой коллективизации, репрессировали не столько повстанческие семьи, сколько наиболее состоятельных крестьян. В результате, тысячи «кулаков» присоединились к мятежникам, не дожидаясь выселения. Во время операции «Запад» около 8 % западных украинцев, которых планировалось выселить, сбежали в леса. Власти собирались выселить в мае 1948 г. 48 000 литовцев, 10 000 из которых удалось скрыться[50]. Процентное содержание состоятельных крестьян среди повстанцев и депортированных постоянно росло не только потому, что государство подвергало их репрессиям вне зависимости от их отношения к сопротивлению, но и потому, что другие повстанцы теряли веру в победу и отказывались от борьбы (таблица 3).

Массовые депортации «кулаков» не изменили общую тенденцию спада сопротивления, но продлили его и изменили его социальную составляющую. Родственники повстанцев были их самой надежной опорой. После того, как состоятельные семьи были высланы, бывшие «кулаки» — большая часть повстанцев на последнем этапе сопротивления — потеряли свою гражданскую инфраструктуру. Ни одно повстанческое движение не может существовать без такой инфраструктуры. Сталинисты верили, что спад сопротивления, произошедший после массовой депортации состоятельных крестьян, доказал, что они правильно определили социальную основу повстанчества (таблица 4). Однако фактически они усугубили проблему, заставляя аполитичных зажиточных крестьян сопротивляться, а затем боролись с последствиями этой политики, разрушая жизни и неся потери в ненужной борьбе.

Советскому правительству понравилось то, как оно решило проблему с немцами на западных приграничных территориях, репатриируя их перед войной. В последний год войны оно решило таким же способом выслать другие диаспорные национальности. К 1945 году в западных областях проживало несколько миллионов поляков. Большинство из них были антикоммунистами, кроме того, советские руководители предполагали, что польское правительство в Лондоне может использовать их в качестве аргумента при обсуждении статуса спорных земель во время мирных переговоров. Советское руководство решило «репатриировать» поляков, но Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО) постановил, что сможет принять их только в обмен на советские диаспоры[51]. В сентябре 1944 Советский Союз и ПКНО договорились об обмене польского населения Западной Украины, Белоруссии и Литвы на украинцев, белорусов и литовцев, проживавших в Восточной Польше. Как и в 1940–41 гг., эта «репатриация» была добровольной только в теории, но полуобязательной на практике. Сначала советское правительство стремились склонить поляков к «репатриации», делая этот процесс насколько возможно безболезненным, прощая все их долги, заставляя ПКНО выдавать кредиты на

Таблица 3. Экономический статус депортированных, Литва, 1947–1949 гг.

	Декабрь 1947 - 15 апреля 1948		22 - 27 мая 1948		25 марта - 3 мая 1949	
	Кол-во семей	%	Кол-во семей	%	Кол-во семей	%
Кулаки	602	58,9	8 385	73,9	7 763	81,7
Середняки	354	34,6	2 388	21,0	1 417	14,9
Бедняки	43	4,2	256	2,3	205	2,1
Другие	23	2,3	316	2,8	122	1,3
Всего	1 022	100	11 345	100	9 503	100
					[sic]	

AntanasTyla (ed.). Lietuvos gyventoju tremimai 1940–41, 1945–53 metais sovietines okupacines valdzios dokumentuose. Vilnius: Pasaulio lietuviu bendruomene, 1995. P. 123. Вполне возможно, что эти данные не отражают точно экономический уровень крестьян, поскольку органы госбезопасности могли регистрировать как кулаков всех, кто сопротивлялся коллективизации.

Таблица 4. Потери литовских повстанцев и их противников

	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
Убито повстанцев	2 436	9 777	2 143	1 540	1 135	1 192	635	590	457	188	20 093
Арестовано повстанцев	2 079	7 747	3 056	1 501	1 338	994	409	548	175	116	17 963
Число военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и мирных жителей убитых повстанцами.	675	4 144	3 004	2 781	1 791	1 116	544	316	127	19	14 517

Документ 191 в Gaškaite. Lietuvos partizanu. P.620–621. Цифры в этой итоговой сводке немного отличается от ежегодных данных, представленных органами внутренних дел.

постройку новых домов и позволяя «репатриантам» брать с собой при переезде имущества весом до двух тонн на одну семью. Государственные комиссии оценивали оставленное имущество и частично компенсировали его стоимость[52]. Несмотря на то, что советская бюрократическая машина обычно заставляла людей предоставлять кипы бумаг по самым незначительным запросам, в данном случае принимались даже устные заявления на репатриацию. От поляков или польских евреев, желающих переселиться, не требовалось никаких доказательств наличия польского гражданства[53].

Однако большинство поляков отказалось покидать свои дома, полагая, что западные союзники заставят СССР вернуть спорные территории Польше. Неудовлетворенные ходом «добровольной репатриации» в Литве, партийные секретари упрекали органы внутренних дел за то, что те не оказывали на поляков достаточного давления, которое бы вынудило их переселиться. Они приказали директорам фабрик уволить поляков, а милиции — забрать паспорта у безработных и преследовать остальных, «организовать проверку документов в некоторых квартирах поляков, уклоняющихся от эвакуации, (...) лишая тех, кто саботировал эвакуацию, продуктовых карточек и прописки»[54]. Органы госбезопасности предполагали арестовать «до 500 поляков, пользующихся наибольшим влиянием, из тех, которые уклоняются от эвакуации или распространяют провокационные слухи, стремясь сорвать эвакуацию». В письмах, перехваченных полицией, поляки жаловались, что советские органы сначала «говорили нам, что она [репатриация] добровольная, а сейчас пугают нас Сибирью»[55]. К ноябрю 1946 года 782 582 поляков «репатриировали» из Украины и 231 152 — из Белоруссии. Взамен Советский Союз получил 497 682 украинцев и 35 961 белорусов. Большинство украинцев, 75,4 %, были поселены за пределами Украины, где их возможная оппозиция властям не имела значения. Обмен населением между Польшей и Литвой происходил в одностороннем порядке. К ноябрю 1946 г. 169 344 поляков переехали из Литвы. Советское правительство планировало доставить 5 000 литовцев из Польши, но из них согласились переехать только 14 человек[56].

10 мая 1946 СССР заключил подобное соглашение с Чехословакией. Ни чехи, ни словаки не сопротивлялись советской власти, но она стремилась таким образом решить по-

тенциальную проблему с еще одним диаспорным меньшинством. К 15 марту 1947 г. было зарегистрировано для «репатриации» 35 690 чехов и словаков. Наконец, советские органы надавили и на евреев, которые были гражданами Румынии до объединения Северной Буковины и Бессарабии, чтобы те переселились в Румынию[57]. Обмен диаспорными национальностями должен был придать больший вес советским претензиям на спорные территории и снизить угрозу сепаратизма.

Советское руководство стремилось лишить повстанцев потенциальных резервов, мобилизуя в ряды Красной Армии как можно больше мужчин. Украинское советское правительство также пыталось удалить молодых людей, не подлежащих воинской службе, из западных районов, мобилизуя их для работы на шахтах Донбасса и других производствах[58]. В отличие от депортированных, мобилизованные рабочие сохраняли за собой все гражданские права. Однако данная мобилизация напоминала ненавистные наборы для работы в Германии и была крайне непопулярна. Органы внутренних дел были уверены, что данная мера приносила больше вреда, чем пользы. Летом 1944 года Москва запретила мобилизацию, но в 1948 году Хрущев попытался возродить ее, породив очередной отток молодежи в леса. Органы госбезопасности пожаловались в центр, который и отменил эту практику. До 1951 года украинские руководители периодически предпринимали попытки переселить людей из западных районов, но данная политика, в целом, провалилась, поскольку не получала поддержки из центра. Правительства других западных[59] республик не применяли труднабор.

Историки времен Холодной войны обычно интерпретировали советские депортации в западных приграничных районах как «политику геноцида», войну против местных национальностей[60]. Их заключения были основаны на трех аргументах: масштаб депортаций, изменение этнического состава западных областей и предположение, что большинство депортированных умерло. Не имея доступа к первоисточникам, они полагались на грубые подсчеты, взятые из националистических публикаций, и слухи. Юргис Глушаускас, бывший народный комиссар коммуникаций в Литве, дезертировавший в июне 1941 г., заявлял, что видел план по депортации 700 000 литовцев, и несколько историков упоминают эту цифру[61]. Однако, после того, как были раскрыты советские архивы, не было найдено ни одного документа, подтверждающего это заявление. Ромуальд Мисюнас и Рейн Таагепера, написавшие информативный и, в общем, сбалансированный труд по конфликту в Прибалтике, признают этот факт, но все же уверены, что «подобная цифра, грубо говоря — четверть довоенного населения [Литвы], не кажется преувеличенной». Однако они не могут подтвердить это утверждение какими бы то ни было доказательствами[62]. Их собственные данные, которые они называют «очень приблизительными догадками», отличаются от статистических данных органов госбезопасности, предназначенных для внутреннего пользования. Мисюнас и Таагепера утверждают, что между 14 и 18 июня 1941 года было депортировано 34 260 литовцев. Альбертас Герутис оценивает это количество как 30 000–40 000[63]. Однако, в отчете органов госбезопасности от 17 июня 1941 года по поводу окончательных итогов операции по аресту и выселению, говорится, что было арестовано и выслано из Литвы 15 851 человек, т.е. около 50 % от предоставленной Мисюнасом и Таагеперой цифры[64]. При обсуждении советской депортационной политики нужно различать невинные жертвы, такие, как семьи арестованных, состоятельные крестьяне, и выселенные диаспорные национальности, от тех, кто был пойман с поличным при совершении противоправительственных действий. В последнем случае советское правительство действовало так же, как остальные государства. Никто не называет «депортацией» переброску немецких военнопленных в Северную Америку во время Второй мировой войны. Точно также, едва ли можно считать прибалтийских солдат, служивших в армии Германии и отрядах СС, плененных Красной армией и отправленных в Сибирь, депортированными, что, однако, делают некоторые историки[65]. Получив доступ к советским первоисточникам, Ян Гросс обнаружил, что польские историки преувеличили число депортированных или арестованных в Западной Украине и Белоруссии примерно на 300–400 %[66]. Такая разница между данными органов госбезопасности, предназначенных для внутреннего пользования и оценками, датированными годами Холодной войны, характерна для каждой депортации (таблица 5).

Будь у правительства планы на выселение 700 000 литовцев, ничто не могло бы его остановить, однако фактические депортации были гораздо меньших размеров. В пересчете на душу населения, по Литве был нанесен больший удар, чем по другим западным республикам, однако депортирование 128 068 из примерно 2,5 миллионов человек[67], или 5 %, большая часть из которых выжила, не может быть приравнена к геноциду.

Авторы, утверждающие, что правительство вело войну против местных национальностей, указывают на тот факт, что их соотношение к русскому населению постепенно уменьшилось, и потому утверждают, конечной целью депортаций была русская колонизация[68]. Однако фактически, ни одна из недиаспорных национальностей на западных приграничных территориях не попала в черный список. Эти новые советские граждане были менее лояльны, чем малые народы, выселенные со старых территорий, но правительство и не ожидало от них той же лояльности, что от большинства граждан СССР. Из этих регионов коммунисты депортировали только тех, кто, по их мнению, был в оппозиции или мог оказаться в оппозиции к советской власти. Состоятельных крестьян они воспринимали как классового врага и притеснялиих вне зависимости от их национальности. Действия советского правительства, переписка между партийными чиновниками и отчеты органов внутренних дел показывают, что депортации в этих областях не имели этнической мотивации, за исключением изгнания диаспорных национальностей, что только приветствовалось остальным местным населением. Государство стремилось «осоветизировать» эти территории как можно скорее. Поскольку советская

Таблица 5. Советские депортации в западных приграничных регионах, 1940–53 гг.

	Мисюнас и Таагепера				Будрецкис Депортировано 1940–53	Силде-Карклинс Депортировано из Эстонии, Латвии и Литвы 1949	Щесняк (цитируемый Биласом) Депортировано из Украины и Белоруссии 1940–41	Депортировано в 1940–53, советские архивы
	Депортировано в 1940–41	Депортировано и расстреляно в 1944–45	Депортировано и арестовано в 1946–53	Итого, 1940–53				
Эстония	13 000	30 000	80 000	123 000				32 540
Латвия	33 500	70 000	100 000	203 500		456 000		57 546
Литва	33 900	50 000	260 000	343 900	Более 400 000			128 068
Молдавия								66 726
Белоруссия							1 080 000	105 275
Украина								570 826 (в основном поляки, амнистированные в августе 1941г.)

Misiunas and Taagepera. The Baltic States. P. 354–358. Budreckis. 'Lithuanian Resistance'. P. 314; Alexander Shtromas. 'The Baltic States'. In Robert Conquest (ed.). The Last Empire (Stanford: Hoover University Press 1986) P. 212; Білас. Репресивно-каральна система. 1. 138; Бугай (ред.). Депортация народов Крыма. С. 23; Документ № 14 // Grunskis (ed.). Lietuvos gyventoju tremimai. P. 206; «Мероприятия по выселению». Источник 1. (1996). С. 138. Советские источники информации исключают польских солдат, интернированных в 1939 г., и прибалтийских военнопленных. Советские статистические данные по различным группам депортированных слегка отличаются в различных источниках. Для этой таблицы взяты максимальные цифры.

политика проводилась в жизнь коммунистами и специалистами из центра, в основном русскими, то это все привело к русификации различной степени в различных республиках, однако архивные данные показывают, это было не столько четко сформулированным намерением колонизировать западные приграничные территории, сколько побочным эффектом советизации.

Последним доводом в пользу концепции этнического геноцида, является предположение, что большинство или очень большая часть депортированных погибла[69]. Ян Гросс утверждает, что до амнистии 1941 года погибло до 25 % депортированных поляков, в то время как Норманн Дэвис, которого Гросс цитирует, утверждает, что погибла почти половина. Основываясь на этих предположениях, Гросс делает заключение, что депортированные «были отобраны не для переселения. Их предполагалось уничтожить»[70]. Отчеты НКВД показывают, однако, что до амнистии умерло менее 5 % осадников, что ставит под сомнение данное заключение[71]. Сложно оценить уровень смертности депортированных из западных приграничных территорий после 1944 г. В 1945–50 гг. умерло 4 071 литовских спецпоселенцев и 14 435 украинцев, депортированных за поддержку националистов, а родилось 689 литовских и 2 181 украинских детей[72]. Однако, уровни рождаемости и смертности не могут быть рассчитаны по этим данным, поскольку эти группы спецпоселенцев росли каждый год, начиная с 1944. Но значительное большинство депортированных с западных приграничных территорий однозначно выжило, и их тяжкие испытания должны быть рассмотрены в историческом контексте. В годы войны уровень смертности превышал уровень рождаемости во всем Советском Союзе. Мужчины в возрасте от 17 до 45 лет, депортированные до мая 1945 года, имели лучший шанс выжить в ссылке, чем в рядах Красной армии. Советские депортации из западных приграничных территорий были менее убийственны, чем этнические чистки, проводимые прибалтийскими националистами летом 1941 года и украинскими националистами в 1943–44 гг.[73] Депортировав 58 852 еврейских беженца из Польши[74], правительство, само того не желая, спасло их от уничтожения нацистами и националистами. То же случилось и с поляками, высланными в 1940–41 гг. из Западной Украины: в 1943–44 гг. УПА уничтожила почти 20 % польского населения Волынской области[75] — то есть уровень смертности среди них был существенно выше, чем у депортированных поляков. В 1930–33 гг., когда советское правительство проводило коллективизацию на своих старых территориях, оно выселило 3,6 миллиона крестьян, т.е. 2,4 % из 150 миллионов советского населения. В 1948–49 гг. во время коллективизации в Литве, согласно различным источникам, было депортировано, от 72 217 до 76 785 человек, т.е. около 3 % из 2,5 миллионов населения республики[76]. Коллективизация на старых территориях вызвала только слабое вооруженное сопротивление, в то время как в Литве антисоветское сопротивление было ожесточенным. Вполне резонно полагать, что, если бы на старых советских территориях коллективизация вызвала подобное сопротивление, то соотношение высланных было бы точно таким же. Эти данные опровергают предположение, что депортации в западных приграничных областях ставили целью геноцид местного населения, и они не выделялись по уровню жестокости на фоне чисток, проводимых в то время националистическими повстанцами или правительствами Восточной и Центральной Европы. Советская власть относилась одинаково к своим реальным и воображаемым врагам и в западных приграничных областях, и в Российской Федерации.

Заключение

Советское государство боролось с повстанчеством в западных приграничных регионах, сочетая популистские реформы и принуждение. Оно стремилось привлечь на свою сторону тех, кто выиграл от советской политики, и склонить остальных к нейтралитету. Если радикальная аграрная реформа, бесплатные здравоохранение и образование, беспрецедентная возможность роста по социальной лестнице для бедняков, а в случае с Западной Белоруссией и Западной Украиной — стимулирование местной этнической культуры, предназначались для того, чтобы население поддержало советскую политику, то репрессии были необходимы для борьбы с теми, кто ее не принимал. Органы внутренних дел боролись с большими повстанческими отрядами; сеть осведомителей помогала уничтожать мелкие ячейки сопротивления; открытые судебные процессы над захваченными повстанческими лидерами уст-

рашали население, чтобы оно не помогало повстанцам; добровольческие истребительные отряды помогали властям превратить борьбу с повстанчеством в гражданскую войну среди крестьян; а широкие амнистии в сочетании с жестокими репрессиями отделяли рядовых повстанцев от их лидеров. Депортации и другие подобные меры предназначались для того, чтобы обезвредить не только активную оппозицию, но и всех потенциальных оппонентов: семьи повстанцев, «классовых врагов», тех, кто продемонстрировал враждебность по отношению к советской власти во время немецкой оккупации, и «пятую колонну» предполагаемого противника. Они также использовались для облегчения проведения аграрной реформы и коллективизации. Депортации затронули больше людей, чем какие-либо другие репрессивные меры.

Обладая широким набором средств принуждения и не имея нравственных проблем, советское правительство готово было применить любые методы, которые помогли бы ему уничтожить сопротивление. Поэтому его политика должна оцениваться с точки зрения ее рациональности, а не нравственности. Советские депортации на западных приграничных территориях были столь же выборочными, сколь и те, что проводились другими государствами, хотя их масштаб был больше, а условия жизни депортированных — хуже. Большая часть депортаций была жестокой, но, вероятно, рациональной мерой для достижения поставленных задач: «репатриация» диаспорных национальностей в 1939–40 гг. и 1945–47 гг. ликвидировала угрозу сепаратизма; высылка польских осадников и землевладельцев изгнала антисоветскую часть населения из пограничных районов, обеспечила земельные ресурсы для проведения аграрной реформы, тем самым обеспечив хоть какую-то поддержку среди местных крестьян; депортации в мае–июне 1941 г. уничтожили значительную часть подполья в приграничных областях; угрозы высылки семей повстанцев, если их члены не прийдут с повинной, вкупе с амнистиями, спасли больше жизней, чем разрушили; а малые депортации подозреваемых в сочувствии к повстанцам в отместку за каждое нападение заставляли крестьян порвать связи с повстанцами или доносить на них.

Коллективизация на западных приграничных территориях была неизбежна, так же как и депортация «кулаков»: как только данная цель была поставлена, она могла быть достигнута только после того, как ее самые ярые противники высланы, а их имущество конфисковано. Однако, спешка в коллективизиции и неправильная интерпретация сопротивления как классовой борьбы, возникшая на основе идеологической догмы, в конце концов спровоцировали именно межклассовое противостояние, создав врагов, чьего сопротивления коммунисты ожидали с самого начала, не оставив им другого выбора, кроме как только давать отпор. Несмотря на огромные потери, которые несли повстанцы, постоянный приток подкреплений из крестьянской среды, спровоцированный неослабевающим давлением со стороны правительства, продлил сопротивление. Однако советские руководители верили, что кулаки были непримиримыми врагами, которые рано или поздно должны были быть уничтожены либо в бою, либо другими методами.

Массовые этнические высылки на старых территориях были самым нерациональным аспектом советской депортационной политики. После 1944 г. и до 1953 г. правительство выселяло людей, в основном, с западных приграничных территорий, где депортации не имели этнической направленности, кроме «репатриаций» диаспорных национальностей, в большинстве своем завершенных в 1946 г. Последние были самой большой принудительной миграцией после высылки «кулаков» в 1929–33 гг., но едва ли их можно квалифицировать как типичную депортацию, поскольку «репатрианты» сохранили часть своего имущества и двинулись, сами того не зная, к более светлому будущему, чем то, которое ждало советский народ. В западных приграничных регионах основными критериями для отбора подлежащих депортации были класс, гражданство, прошлая деятельность и предполагаемая поддержка сопротивления. В противоположность широкомасштабным этническим депортациям на старых советских территориях, большинство тех, что были проведены в западных приграничных районах, были настолько логичны и выборочны, насколько этот примитивный метод обеспечения безопасности мог быть. Жертвы этой политики пережили ту же трагедию, что и занесенные в черные списки члены «лояльных» национальностей на старых территориях.

Благодарность

Я хотел бы поблагодарить Джона Ферриса и Джефри Бардса за советы, которые помогли мне улучшить эту статью.

[1] *Jurgela C. R.* Lithuania: the Outpost of Freedom. St. Petersburg, 1976; Lithuania Under the Soviets. New York, 1965; Lithuania: 700 Years. New York, 1969; *Laar M.* War in the Woods: Estonia's Struggle for Survival Washington, 1992.

[2] *Reklaitis G.* A Common Hatred: Lithuanian Nationalism during the Triple Occupation, 1939–53: diss… Ph.D. Boston, 2003; *Strods H.* The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 2000; *Gross J.* T. Revolution from Abroad. Princeton, 2002; Білас І. Репресивно-каральна система в Україні 1917–53. Київ, 1994.

[3] Депортація поляків з України. Київ, 1999; Lietuvos gyventoju tremimai 1940–41, 1945–53 metais sovietines okupacines valdzios dokumentuose. Vilnius, 1995; Lietuvos partizanu kovos ir ju slopinimas MVD-MGB dokumentuose. Kaunas, 1996; Мероприятия по выселению являлись чрезвычайной мерой // Источник. № 1. 1996; Трудные страницы истории Молдовы: 1940–50-е годы. Москва, 1994.

[4] *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. № 5. 1991; *Бугай Н.* Депортации населения из Украины, 30–50-е годы // Украинский исторический журнал. № 10. 1990; Lietuvos gyventoju tremimai 1940–41, 1945–53 metais. Vilnius, 1996; *Алферова И. В.* Государственная политика в отношении депортированных народов (30–50-е годы): дисс… док. ист. наук. Москва, 1997; *Пассат В.* Депортации с территории Молдавской ССР 1940–51. Москва, 1996.

[5] *Аптекарь П.А.* Крестьянская война // Военно-исторический журнал. № 1. 1993. С. 53–54; *Holquist P.* To Count, to Extract and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations. Oxford, 2001. P. 117–21.

[6] Неизвестный ГУЛАГ. Москва, 1999. С. 101.

[7] Документ № 107 // Неизвестный ГУЛАГ… С. 86.

[8] Документ № 73 // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Т. 1. Москва, 1995. С. 156; *Бугай Н.* Депортации населения из Украины… С. 35.

[9] *Бугай Н.* 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история № 4. 1993. С. 179.

[10] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 116. Л. 3, 4; ГАРФ. Ф. 6401. Оп. 2. Д. 64. Л. 380.

[11] Органы государственной безопасности СССР. Кн. 2. Т. 1. С. 85–7, 194, 234, 235, 240.

[12] Там же. С. 79–81.

[13] Там же. С. 215–216.

[14] Там же. С. 163.

[15] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 160. Л. 12.

[16] Органы государственной безопасности СССР. Кн. 2. Т. 1. С. 145.

[17] Там же. С. 154, 155, 247; Трудные страницы истории Молдовы: 1940–50-е годы. Москва, 1994. С. 165, 187. Общее количество депортированных из прибалтийских регионов в 1941 г. было немного больше потому, что некоторые люди были арестованы и депортированы до 14 июня.

[18] Органы государственной безопасности СССР. Кн. 2. Т. 1. С. 155, 156, 297.

[19] *Taagepera R.* Estonia. Boulder, 1993. P. 67; Lithuania: 700 Years. P. 286.

[20] *Brandisăuskas V.* Anti-Soviet Resistance in 1940 and 1941 and the Revolt of June 1941 // *Anušauskas A.* The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 2000. P. 14.

[21] *Кузнецов С. и др.* Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 1940-х–1950-х годах // Известия ЦК КПСС. № 8. 1990. С. 170.

[22] *Ivinskis Z.* Lithuania During the War // Lithuania Under the Soviets. New York, 1965. P. 65; *Budreckis A.* Lithuanian Resistance, 1940–52 // Lithuania: 700 Years. P. 322.

[23] *Алов Г.Г.* Палачи // Военно-исторический журнал. № 6. 1990. С. 30; *Gaškaite-Žemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 2000. P. 27.

[24] Органы государственной безопасности СССР. Кн. 2. Т. 1. С. 19; *Пассат В.* Депортации с территории Молдавской ССР. С. 48.

[25] Трудные страницы истории Молдовы. С. 91.

[26] *Пассат В.* Депортации с территории Молдавской ССР. С. 93.

[27] *Statiev A.* The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942–44: The North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. № 6/2. 2005. С. 285–318.

[28] РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

[29] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 703. Л. 18.

[30] ОУН и УПА в другій світовій війні // УІЖ. № 3. 1995. С. 103, 104.

[31] Ссылка калмыков: как это было. Элиста, 1993. С. 232.

[32] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1695. Л. 32; ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1695. Л. 328.

[33] Десять буремних літ. Київ, 1998. С. 577.

[34] ГАРФ, Ф. 6401, Оп. 2, Д. 64, Л. 172; ОУН и УПА в другій світовій війні // УІЖ. № 3. 1995. С. 110; Десять буремних літ. С. 708–11, 789–91.

[35] Донесение командира 62-ой стрелковой дивизии МГБ, полковника Михайлова, от 21 октября 1947 // Коллекция мятежей и ответных карательных действий в Украине (Потичный П.). Университет Торонто. Ролик 175. С. 223. Collection on Insurgency and

Counterinsurgency in Ukraine, University of Toronto, далее именуемая PC, Ролик 175. С. 223; *Білас І.* Репресивно-каральна система. 1. С. 284.

[36] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1697. Л. 5.

[37] Десять буремних літ. С. 603–17.

[38] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1695. Л. 79.

[39] Коллекция мятежей и ответных карательных действий в Украине (Потичный П.). Университет Торонто. Ролик 173. С. 243.

[40] Lietuvos partizanu kovos ir ju slopinimas MVD-MGB dokumentuose. Kaunas, 1996. P. 621; ГАРФ. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 440. Л. 11.

[41] РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

[42] ЦГИАУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 59.

[43] РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 3. 62; РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 23. Л. 71; РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

[44] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 793. Л. 49. Использование искусственной классификации крестьян на бедняков, середняков и кулаков при обсуждении советского принципа принятия решений неизбежно, потому что государство проводило свою политику в сельских районах, основываясь именно на этих определениях.

[45] *Наумов М.* Западный рейд. Киев, 1985. С. 124.

[46] *Труска Л.* Война после войны // Родина. № 7. 1997. С. 131. Труска не раскрыл своего источника информации.

[47] РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 27. Л. 44.

[48] Там же. Л. 12, 44.

[49] ОУН – УПА в роки війни. Київ, 1996. С. 601; Десять буремних літ. С. 721, 849.

[50] Рассчитано на основании данных, предоставленных в: Донесение командира 62-ой стрелковой дивизии МГБ, полковника Михайлова, от 21 октября 1947 // Коллекция мятежей и ответных карательных действий в Украине (Потичный П.). Университет Торонто. Ролик 175. С. 222; *Reklaitis G.* A Common Hatred… P. 194, 196.

[51] *Білас І.* Репресивно-каральна система. С. 239.

[52] Компенсации, выплачиваемые за оставленное имущество, были неравноценны и многих «репатриантов» ограбили советские военные отряды на их пути в Польшу.

[53] ГАРФ. Ф. 6401. Оп. 2. Д. 105. Л. 63, 64; Там же. Д. 68. Л. 84; РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

[54] РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 33; Там же. Л. 116.

[55] ГАРФ. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 440. Л. 11; *Хрущев Н.С.* Время, люди, власть. Москва, 1999. С. 822.

[56] Рассчитано на основании данных, предоставленных Кругловым Сталину (31 октября 1946). ГАРФ, Ф. 6401. Оп. 2. Д. 139; РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1. Л. 47; Білас І. Репресивно-каральна система. С. 231.

[57] ГАРФ. Ф. 6401. Оп. 2. Д. 168. Л. 497; ГАРФ. Ф. 6401. Оп. 2. Д. 105. Л. 400; Бугай Н. Депортації населення з України, 30–50-ті роки. С. 23.

[58] Власти практиковали использование труднаборов по военным декретам также и в восточных районах, чтобы компенсировать дефицит рабочей силы в промышленности.

[59] Депортація поляків з України. С. 660, 812–14; ОУН – УПА в роки війни. С. 418; *Судоплатов П.* Спецоперации. Москва, 1999. С. 415, 416.

[60] *Jurgela C. R.* Lithuania… P. 235; *Strods H.* The Latvian Partisan War… P. 159; Lithuania: 700 Years… P. 286; *Tys-Krokhmaliuk Y.* UPA Warfare in Ukraine. New York, 1972. P. 11.

[61] Lithuania: 700 Years… P. 286; *Ivinskis Z.* Lithuania During the War. P. 68.

[62] *Misiunas R.*, *Taagepera R.* The Baltic States. London, 1993. P. 43.

[63] *Misiunas R.*, *Taagepera R.* The Baltic States. P. 42; Lithuania: 700 Years… P. 285.

[64] Органы государственной безопасности. Кн. 2. Т. 1. С. 247. Согласно другому отчету, составленному в 1953 г, в течение 1941 года было депортировано 15 028 человек, см.: Lietuvos gyventoju tremima. P. 207.

[65] *Misiunas R.*, *Taagepera R.* The Baltic States. P. 73.

[66] *Gross J. T.* Revolution from Abroad. Princeton, 2002. P. XIV.

[67] Lietuvos gyventoju tremimai. P. 206.

[68] *Taagepera R.* Estonia. P. 81–84.

[69] *Laar M.* War in the Woods. P. 8; Lithuania: 700 Years. P. 299; *Misiunas R.*, *Taagepera R.* The Baltic States. P. 104.

[70] *Gross J. T.* Revolution from Abroad. P. XIV, 222, 229. Во введении к новому изданию своей книги, Гросс признает, что его данные по количеству депортированных в 1939–1941 поляков неточны, но он оставляет сильно преувеличенные цифры в тексте без изменений.

[71] Из 139 590 депортированных осадников к августу 1941 г. В изгнании осталось 132 463. ГАРФ. Ф. 6479. Оп. 1. Д. 116. Л. 1, 2; Неизвестный ГУЛАГ. С. 86.

[72] Ссылка калмыков. С. 228, 229. Все категории депортированных обозначались сводным термином «спецпоселенцы».

[73] Карл Егер, командир айнзатцкоманды 3, доложил 19 сентября 1941 г., что в результате операций, в которых помогали литовцы, было убито 47 000 из 85 000 литовских граждан, в основном евреев, уничтоженных его айнзатцкомандой, см.: *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. New York, 1985. P. 313. Джордж Реклайтис утверждает, что«значительное число литовцев, а не только маленькие банды уголовников или озлобленных антисемитов» участвовали в уничтожении евреев, см.: *Reklaitis G.* A Common Hatred. P. 103.

[74] *Бугай Н.* 20–50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР. С. 179.

[75] *Poliszczuk W.* Bitter Truth. Toronto, 1999. P. 271, 272.

[76] Неизвестный ГУЛАГ. С. 101; *Misiunas R., Taagepera R.* The Baltic States. P. 353; Lietuvos gyventoju tremimai, P. 206; Lietuvos partizanu kovos ir ju slopinimas MVD-MGB dokumentuose. P. 621. В 1926 году численность населения СССР равнялась 147 миллионам человек, см.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Москва, 1992. С. 21.

УДК 341.344+341.322.5 «1941/1945»
ББК 63.3(2)622
С83

Дмитрий Стратиевский

Советские военнопленные Второй мировой и гуманитарное право. Могла ли Москва спасти своих граждан?

В годы Великой Отечественной войны 1941–45 гг. в германский плен попало не менее 4,5 миллионов советских солдат и офицеров[1]. Западные историки, в частности, немецкие, приводят еще более высокие цифры. Как правило, в монографиях называется от 5,2 до 5,7 миллионов советских военнопленных[2]. Согласно подсчетам германских исследователей, в немецком плену умерли или были убиты около 3,3 советских военнослужащих или почти 60 %[3]. В рамках одного сражения, например, во время Киевского и Харьковского окружений, в «котле» под Брянском и Вязьмой, в немецкий плен было взято более полумиллиона солдат Красной Армии. За годы войны в оперативном окружении побывали 36 советских армий. В истории человеческой цивилизации и в истории войн ранее не было столь массового пленения военнослужащих противника и, в особенности, столь высокой смертности пленных[4]. Эта статистика несопоставима с Первой мировой войной и другими вооруженными конфликтами XX века. Эти цифры требовали пояснений. Если массовое пленение советских солдат и офицеров в 1941–42 гг. получило свое объяснение уже после смерти Сталина, пусть и в косвенной форме (внезапность нападения вермахта, ошибки верховного, окружного и армейского командования и т.д.), то факт гибели в германских лагерях более половины пленных граждан СССР в военной форме требовал иных разъяснений.

Нацистская политика уничтожения советских военнопленных посредством голода, непосильного труда и массовых казней, исходя из расистского отношения верхушки Третьего рейха к «фанатичным большевикам» и «славянским недочеловекам», считается доказанной на уровне фактологии и архивных материалов. Несмотря на это, практически повсеместно в обществе, от научной литературы и журналистских статей до бытовых дискуссий и сообщений любителей истории на интернет-форумах, распространено представление о взаимосвязи между высоким уровнем смертности советских военнопленных и «отсутствием подписи СССР под Женевской конвенцией». Такое мнение идеально соответствует концепции пересмотра истории войны. Б. Хавкин, названный в аннотации к немецкому изданию своей книги *«одним из лучших российских знатоков Германии и немецких архивов новейшей истории»*[5], пишет в германоязычной работе в рамках двухстороннего исследовательского проекта:

> *«Советский союз ратифицировал в 1931 г. конвенцию “Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях”, но не подписал Гаагскую и Женевскую конвенции о военнопленных. Тем самым Сталин предал своих солдат еще до начала советско-германской войны. Это дало повод Гитлеру еще до нападения на Советский союз объявить о том, что русские не признали Гаагскую конвенцию, и обращение с их пленными не будет соответствовать положениям Гаагской конвенции»*[6].

П. Полян, осуждая действия нацистов, тем не менее, констатирует: «Отсутствие подписи СССР под Женевской конвенцией, действительно, развязало руки, — но это были руки вермахта, руки гестапо, руки СС и СД. (…) Неприсоединение СССР к Гаагской (как правопреемник России СССР отказался подтвердить подпись и под ней) и Женевской конвенциям о военнопленных и явилось таким “юридическим” основанием для фактического геноцида Германии в отношении советских военнопленных в годы Второй мировой войны»[7]. Намного более резкие высказывания можно найти даже в «Архипелаге ГУЛАГе» Александра Солженицына[8]. Весьма популярно такое убеждение и у самих пост-

радавших. Иван К. из Могилевской области Беларуси попал в плен в августе 41-го, прошел четыре лагеря, участвовал в подпольной деятельности. Он пишет: «Сталин не подписал Женевскую конвенцию и тем самым оставил нас умирать в руках немцев. Получается, мы, советские солдаты, были даже вовсе и не пленными, если рассматривать наш статус юридически. С нами можно было делать, что угодно»[9]. Данный вопрос требует более тщательного рассмотрения.

А. Штрайм начинает свою книгу, посвященную обращению с военнопленными Красной Армии в операции «Барбаросса», со следующего абзаца: «Плен был для солдата тяжелой судьбой еще на заре человеческой цивилизации. Столетиями прилагались усилия по уменьшению тягот войны и плена. Но долгое время они были безуспешны»[10]. В античной древности военнопленные, равно как и мирное население захваченных территорий, не имели никакой юридической защиты и полностью были зависимы от милости победителя. Римский полководец имел право на триумф лишь в том случае, если в сражении погибало не менее 5 000 солдат противника. Тем самым фактически стимулировалось немедленное убийство сдавшихся врагов. Попавший в плен легионер автоматически утрачивал римское гражданство[11]. В Средние века военнопленные также оставались бесправны, но появилась возможность их выкупа. Начиная со второй половины XIX века, в первую очередь после создания Международного Красного Креста в 1863 г.[12] и Франко-прусской войны 1870–1871 гг. с ее значительными жертвами, мировое сообщество стало предпринимать систематизированные попытки гарантировать военнопленным цивилизованное и по возможности гуманное обращение. Такой гарантией могло служить лишь интернациональное соглашение в рамках тогдашнего международного права. Не менее сильное воздействие оказали пацифистские настроения в Европе. Основной идеей этих начинаний было обеспечение солдатам противника, попавшим в плен, таких же прав, как и раненым, находившимся на поле боя[13]. В результате данных усилий получили развитие два параллельных процесса, которые можно назвать Гаагским и Женевским.

Гаагское право. По инициативе Российской империи в мае-июне 1899 г. в Нидерландах прошла Первая Гаагская конференция. В ее работе приняло участие 27 стран, в том числе 19 европейских. Это международное совещание одобрило ряд деклараций и конвенций, регламентировавших правила ведения боевых действий на суше и на море. Также они ограничивали или запрещали применение новых типов вооружений, наносящих особый вред противнику, например, легко сплющивающихся в теле человека пуль. Однако часть решений конференции носили весьма условный характер. Целые отрасли гуманитарного права остались без внимания собравшихся. Поэтому, спустя восемь лет, по инициативе президента США Т. Рузвельта и при активной поддержке России, была созвана Вторая Гаагская конференции. На нее прибыли представители более 40 стран, включая всех участников предыдущего совещания, новообразованную независимую Норвегию и ряд государств Центральной и Южной Америки. 18 октября 1907 г. были приняты 13 различных итоговых документов. В их числе выделяется первое международное гуманитарное соглашение касательно обращения с пленными военнослужащими противника: конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны». Глава II Первого отдела «Положения о законах и обычаях сухопутной войны», состоявшая из 17 статей, была целиком и полностью посвящена подробному изложению правил гуманного обращения с военнопленными. Основные положения этого документа:

Ст. 4 предписывала человеколюбивое обращение с военнопленными и гарантировала им сохранность личного имущества, за исключением оружия и амуниции.

Ст. 6 исключала привлечение военнопленных офицеров к любым работам, а рядовых — к тяжелому труду или деятельности военного характера. Военнопленный имел право на денежное содержание.

Ст. 8 освобождала военнопленных, совершивших побег и снова взятых в плен, от каких-либо санкций или наказаний за это действие.

Ст. 14 обязывала создать справочное бюро с целью информировать заинтересованные стороны о каждом военнопленном, включая место пленения и нынешнее местонахождение.

Ст. 18 гарантировала военнопленным свободу отправления религиозных обрядов[14].

Необходимо заметить, что Гаагская конвенция 1907 г. распространялась только на страны, ее подписавшие (ст. 2). Конвенцию

подписали и ратифицировали все государства-участники конференции, включая Германскую и Российскую империи.

Вопрос признания данной конвенции правительствами РСФСР/СССР в период между 07.11.1917 и 22.06.1941 гг. является спорным. В качестве аргумента в пользу признания конвенции большевиками в литературе приводится указ ВЦИК от 04.06.1918 г. за подписью В. Ленина и г. Чичерина. Москва признала Женевскую конвенцию в редакции на момент выхода указа и заявила, что «*а также все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1915 г., признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях*»[15]. Формально Гаагская конвенция 1907 г. не являлась соглашением в рамках Красного Креста, но была содержательно и текстуально связана с предыдущими и последующим международными обязательствами в рамках Женевского права, что позволяет истолковывать указ ВЦИК как взятие на себя обязательств и Гаагского соглашения. С другой стороны, однозначного заявления применительно к данной конвенции не последовало. В сборнике работ г. Чичерина «Статьи и речи по вопросам международной политики», изданном в Москве в 1961 г., нет никакого прямого указания на сей факт, хотя сама конвенция и Гаагское совещание неоднократно упоминаются в контексте положения российских пленных в Германии и немецких в РСФСР.

Женевское право. Под этим понятием подразумевается целый ряд соглашений, включая четыре конвенции и три дополнительных протокола, подписанные в течение длительного периода времени вплоть до 2005 г. Все они в той или иной степени касаются различных аспектов международного гуманитарного права[16]. Нас интересуют документы, принятые до начала Второй мировой войны. В августе 1864 г. 12 государств, присутствовавших на дипломатической конференции в Женеве, ввели известную нам символику Красного Креста и подписали «Женевскую конвенцию об улучшении участи раненых солдат на поле боя». Россия в работе данной конференции участия не принимала, но подписала конвенцию в 1867 г. Германию в ее современном понятии на конференции представляли отдельные государства: Баден, Гессен, Пруссия и Вюртемберг. Германская империя, как новое государственное образование, основанное в 1871 г., подписала соглашение лишь в 1907 г., что было связано с затяжками в ратификации отдельными субъектами, в основном по причине трений между Австрией и Пруссией. В короткий срок после подписания конвенции в научном мире Европы появились публикации с критикой положений соглашения с точки зрения его догматизма и несоответствии современным условиям[17]. В 1906 г. первая Женевская конвенция была переработана и принята в измененной редакции. Крайне важным изменением была отмена прежней поправки, предписывавшей соблюдение условий конвенции только странами-подписантами. Данные изменения были также одобрены Германией и Россией. Первая Женевская конвенция в редакции 1906 г. использовалась для разработки текста Гаагской конвенции 1907 г., что позволяет говорить об общей гуманитарно-правовой базе двух международных соглашений. Все же следует отметить, что некоторые видные юристы, например, германский правовед К. Мойрер, выражали сомнение в прямой взаимосвязи двух или даже трех конвенций (1864/1906, 1899 и 1907 гг.), исходя из принципа *Lex posterior derogat priori* («Позднейшим законом отменяется более ранний»)[18].

Первая мировая война явилась качественно новым вооруженным конфликтом. Впервые были применены современные технические средства, позволявшие достигнуть высокой степени мобильности и наносить доселе невиданный урон противнику: танки, гаубичные орудия, аэропланы, дирижабли, быстроходные корабли, подводные лодки и т.д. Для этой войны было характерно большое количество пленных, а также серьезные нарушения в области соблюдения их прав. Частично эти проблемы в правовой плоскости удалось решить Бернскими соглашениями 1917–1918 гг., однако требовался международный документ высокого уровня. В июле 1929 г. в Женеве были подписаны три новых соглашения гуманитарного права: «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» (модернизированный вариант соответствующего соглашения 1864/1906 гг.), «Об улучшении участи раненых, больных и жертв кораблекрушения в Военно-морском флоте» и, наконец, «Об обращении с военнопленными».

Новый международный акт касательно гуманного обращения с пленными военно-

служащими противника состоял из 97 статей и был заметно объемнее Гаагского документа 1907 г. Непосредственно в ст. 1 говорилось о том, что положения данного соглашения распространяются на лиц, перечисленных в ст. 1, 2 и 3 Гаагского соглашения 1907 г. В ст. 89 присутствовала прямая ссылка на Гаагские конвенции1899 и 1907 гг. Основные положения и нововведения данного документа:

Ст. 2 подчеркивала, что военнопленные находятся во власти неприятельской державы, но отнюдь не отдельной воинской части, взявшей их в плен. С ними необходимо постоянно обходиться человечно, защищать от насилия, оскорблений и любопытства толпы. Статья запрещала репрессии по отношению к ним.

Ст. 3 впервые говорила об особом обращении с пленными женщинами («в соответствии их полу»).

Ст. 4 строго регламентировала, в каких случаях возможно различное содержание военнопленных, что являлось значительным уточнением в сравнении с 1907 г.

Ст. 5 запрещала оскорбления, издевательства и угрозы, если пленный отказывается сообщать сведения военного характера.

Ст. 7 впервые регулировала протяженность пути маршевых колонн.

Ст. 10 предусматривала гарантии для гигиены, здоровья, отопления и освещения в зданиях для размещения военнопленных. Площадь помещений и индивидуальное пространство в распоряжении военнопленного должны были быть не меньше, чем у солдата державы, в руках которой находился пленный.

Ст. 13–15 посвящались вопросам медицины и гигиены, подробнее, чем в 1907 г.

Ст. 16–17 гарантировали военнопленным возможность удовлетворять религиозные и умственные потребности, а также заниматься спортом.

Ст. 25 запрещала передвижение больных и раненых, если это не было обусловлено характером боевых действий.

Ст. 30 предоставляла военнопленному право на 24-х часовый непрерывный еженедельный отдых, предпочтительно в воскресенье.

Ст. 45–53 оговаривали наказания за различные нарушения. В числе прочего, воспрещались телесные наказания, заключения в карцер, лишение дневного света, а также групповые наказания за индивидуальные проступки.

Ст. 56 запрещала направлять наказанных пленных в пенитенциарные учреждения, в частности в стационарные тюрьмы.

Ст. 64 предусматривала порядок обжалования приговора в отношении военнопленного[19].

Авторы конвенции зафиксировали в ней важное новшество в сравнении с Гаагским соглашением 1907 г. Ст. 82 гласила: «Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших».

Соглашение «Об обращении с военнопленными» подписали и ратифицировали 47 государств. Германия подписала данное соглашение непосредственно на конференции. В 1934 г. документ был ратифицирован и получил в Германии наивысший юридический статус «имперского закона»[20]. Советский Союз не принимал участие в работе конференции и, соответственно, не подписал данное соглашение.

Причины неподписания Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» со стороны СССР считаются в историографии доказанными. А. Шнеер указывает:

> *«Одной из причин, по которым Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию в целом, было несогласие с разделением пленных по национальному признаку. По мнению руководителей СССР, это положение противоречило принципам интернационализма»[21].*

Однозначный ответ на вопрос дает Заключение консультанта Малицкого по проекту постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных» от 27.03.1931 г. Данный документ возник после принятия ЦИК и СНК СССР Постановления № 46 об утверждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных» от 19.03.1931 г.[22], т.е. национального законодательства из 45 статей о гуманном обращении с военнопленными. Малицкий перечисляет отличия советского «Положения» от Женевской конвенции 1929 г., которые необходимо процитировать полностью:

> *«а) отсутствуют льготы для офицерского состава, с указанием на возмож-*

ность содержания их отдельно от других военнопленных (ст. 3);

б) распространение на военнопленных гражданского, а не военного режима (ст. 8 и 9);

в) предоставление политических прав военнопленным, принадлежащим к рабочему классу или не эксплуатирующему чужого труда крестьянства, на общих основаниях с другими находящимися на территории СССР иностранцами (ст. 10);

г) предоставление [возможности] военнопленным одинаковой национальности по их желанию помещаться вместе;

д) так называемые лагерные комитеты получают более широкую лагерную компетенцию, имея право беспрепятственно сноситься со всеми органами для представительства всех вообще интересов военнопленных, а не только ограничиваясь получением и распределением посылок, функциями кассы взаимопомощи и т.п. (ст. 14);

е) воспрещение носить знаки отличия и неуказание на правила об отдании чести (ст. 18);

ж) воспрещение денщичества (ст. 34);

з) назначение жалования не только для офицеров, но для всех военнопленных (ст 32);

и) привлечение военнопленных к работам лишь с их на то согласия (ст. 34) и с применением к ним общего законодательства об охране и условиях труда (ст. 36), а равно распространение на них заработанной платы в размере не ниже существующей в данной местности для соответствующей категории трудящихся и т.д.»[23].

Итак, можно отметить, что в действительности все отличия между национальным советским и международным правовыми актами в этой области находились в идеологической плоскости. Неравноправное положение солдат и офицеров, денщичество и ограниченные функции коллективных представительств военнопленных (лагерных комитетов) противоречили основополагающим господствующим установкам в СССР. Следовательно, Женевское соглашение «Об обращении с военнопленными» не могло быть подписано от имени Советского Правительства. Дальнейшее сравнение двух документов показывает, что Москва давала военнопленным возможность при их желании не работать вовсе (ст. 34 Положения 1931 г.), намеревалась подчеркнуть верховенство советских законов на территории лагеря (ст. 8.), но вместе с тем не препятствовала отправлению религиозных культов в случае отсутствия помех распорядку лагеря (ст. 13), хотя в начале 30-х гг. в СССР продолжала действовать идеология воинствующего атеизма. Также обращает на себя внимание лаконичность формулировок. В целом, сравнительный анализ двух документов позволяет сделать вывод, что основные права военнопленных были в одинаковом ключе и с идентичным содержанием прописаны как в Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 г., так и в Постановлении ЦИК и СНК СССР «Положение о военнопленных» 1931. Однако существенным недостатком советского законодательного акта был его национальный статус, что препятствовало норме обязательного выполнения данных предписаний армиями других государств мира по отношению к пленным военнослужащим РККА.

В августе 1931 г. в декларации главы НКИД М. Литвинова Москва объявила о своем присоединении к одной из трех конвенций, утвержденных в 1929 г. в Женеве, «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», причем решение ЦИК датируется маем 1930 г.[24] Факт присоединения СССР к данной конвенции подтверждают иностранные источники, к примеру, об этом говорится в ратификационном документе Австрии и в комментариях к международному гуманитарному праву, размещенных в базе законодательных актов ведомства федерального канцлера Австрии[25]. Соглашение состояло из 39 статей. Оно предписывало обращаться человечно с ранеными и больными вне зависимости от их гражданства и принадлежностью к определенной воюющей армии (ст. 1), а в ст. 2 особо подчеркивался характер отношения к раненым военнопленным: с применением общего международного права.

Непосредственно после начала Второй мировой войны Имперское правительство Германии в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. назначило Специального уполномоченного по вопросам военнопленных. Им стал секретарь Германского Красного Креста В. Хартманн. Он возглавил «Бюро С» и занимал данный пост с 01.09.1939 по 08.05.1945 гг. Несмотря на это, служба не занималась вопросами пребывания советских

военнопленных в немецких лагерях. Нацистская Германия еще до первого выстрела на германо-советской границе провозгласила расовый и «цивилизационный» характер будущей войны против СССР. Принятая вермахтом в 1938 г. «Инструкция касательно военнопленных» GDv 38/2, которая, в общем и целом, соответствовала положениям Женевской конвенции[26], была неактуальной для новой военной кампании. Позиция официального Берлина касательно будущего обращения с пленными солдатами и офицерами РККА была озвучена Гитлером еще 30.03.1941 г. в выступлении перед германским генералитетом: «Большевистский враг и до, и после [пленения — Д.С.] не является товарищем»[27]. Давно опубликованы и широко известны распоряжение начальника OKB/ABA генерала г. Рейнеке, которому подчинялось и ведомство по делам военнопленных, от 16.06.1941 г.[28] и его приказ № 3058/41 с прилагаемой «Памяткой по охране советских военнопленных» от 08.09.1941 г.[29] В этих документах командование вермахта открыто предписывало обращаться с пленными военнослужащими Красной Армии в четком противоречии с положениями Гаагской и Женевской конвенций. Наконец, в приказе ОКВ и ОКХ от 21.10.1941 г. за подписью генерал-квартирмейстера Э. Вагнера было прямо заявлено о несоблюдении Женевского соглашения 1929 г. в отношении советских военнопленных: «…7. Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными от 27 июня 1929 г. По этой причине с нашей стороны нет обязательств обеспечивать советских военнопленных установленным этим соглашением количеством продовольствия и предусмотренной квотой (…) Неработающие советские военнопленные могут умирать от голода»[30]. Историки постсоветских государств нередко выражают свое согласие с тем, что нацистский государственный аппарат использовал факт отсутствия советской подписи под Женевской конвенцией 1929 г. для особой дискриминации советских военнопленных. Ю. Зверев называет это обстоятельство «исходным положением большинства немецких документов»[31]. К. Штрайт, наиболее крупный специалист по исследованию пребывания советских солдат и офицеров в немецком плену, резюмирует:

> *«Оно [германское руководство. — Д.С.] не хотело подчинять себя каким-либо ограничениям ни в методах ведения войны, ни в отношении к советским военнопленным, ни в оккупационной политике»*[32].

Не менее значимым фактором, определявшим судьбу советских военнопленных, было желание руководства Германии расходовать минимальное количество ресурсов на поддержание жизни пленных. Доминирующим было снабжение вермахта за счет продовольственных запасов оккупированных территорий, что предусматривалось планом «Барбаросса», а также использование советских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы, заменявшей призванных на фронт немцев[33].

На практике в 1941–1945 гг. советские военнопленные голодали, находились в неприспособленных для жизни условиях, вплоть до земляных нор, сталкивались с массовым нарушением санитарно-гигиенических норм. После пленения военнослужащие РККА и советские партизаны принуждались к разглашению сведений военного характера, в том числе с применением угроз и пыток. Согласно ряду приказов[34] определенные категории советских военнопленных (евреи, партработники, комиссары, нередко и офицеры) подлежали «селекции» и расстрелу. В прифронтовой полосе германских армий, во время пеших маршей и в «дулагах» раненые и ослабевшие военнопленные казнились охраной на месте. Медобслуживание в лагерях было минимальным. Раненые и больные пленные не освобождались от транспортировки в другие лагеря, в том числе и на территории Германии, без военной необходимости. Советские пленные привлекались к принудительному труду в военной промышленности Рейха, работали без выходных. Практически во всех индустриальных отраслях (металлообработка, химическая и горная промышленность, железнодорожный сектор, погрузочные работы) советским пленным приходилось работать в условиях, вредных здоровью; нормы технической безопасности не соблюдались. Приговоры в отношении «провинившихся» советских военнопленных приводились в исполнение «на скорую руку», следствие и суд были скорее исключением, чем правилом. В каждом лагере существовал карцер либо иное изолированное место строгого содержания. В отношении пленных советских военнослужащих повсеместно применялись телесные наказания, например,

за невыход на работу (даже в случае болезни либо физической невыполнимости действий) или за отказ вступать в РОА и другие коллаборационистские формирования. Советские военнопленные нередко направлялись в стационарные места заключения, не предназначенные для их содержания в смысле международного права, например, в тюрьмы гестапо и в концлагеря под юрисдикцией СС. За небольшим исключением советские пленные не имели возможности отправлять корреспонденцию на родину. Ни государственные структуры СССР, ни семьи не знали об их местонахождении. Об удовлетворении культурных и религиозных потребностей не могло быть и речи, за исключением подвижнической деятельности отдельных представителей церкви, что, впрочем, разрешалось нацистами лишь в пропагандистских целях, на оккупированной территории и в короткий период. Военнопленные-женщины подвергались насилию и издевательствам[35]. Таким образом, вермахт и руководство Германии сознательно и целенаправленно нарушали большинство положений Гаагской и Женевской конвенций[36].

Для советского руководства внезапными стали не только само нападение вермахта на СССР, но и трагические неудачи первых дней и недель войны, и, как следствие положения на фронте, большое количество пленных. Военные действия означали разрыв дипломатических отношений, а, следовательно, и прямых контактов между Москвой и Берлином. Первой реакция на создавшуюся ситуацию стало принятие СНК СССР нового «Постановления о военнопленных» № 1798–800с от 01.07.1941 г.[37] Оно вступило в действие вместе с приказом НКВД СССР № 0342 от 21.07.1941 г. Постановление состояло из семи глав: общие положения, эвакуация военнопленных, размещение военнопленных и их правовой статус, уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных, справочные сведения и помощь военнопленным. Новые правила предусматривали тесное сотрудничество с Международным комитетом Красного Креста[38]. Содержательная часть постановления соответствовала Гаагской и Женевской конвенциям. Форма постановления во многом повторяла структуру этих документов[39].

17.07.1941 г. Кремль обратился к правительству Швеции с нотой, в которой выразил готовность соблюдать Гаагскую конвенцию 1907 г. на условиях взаимности со стороны Германии. По мнению Штрайта, «Советский Союз, объявив для себя обязательным соглашение, подписанное царским правительством, завершил процесс своего присоединения к Гаагской конвенции»[40]. Германия отклонила эту ноту 25.08.1941 г.[41] Доказательством серьезных намерений Москвы является следующий документ, редко цитируемый в российской литературе:

> *«Телеграмма из Москвы 8 августа 1941 г. господину Хуберу, президенту Комитета Международного Красного Креста, Женева. В ответ на Вашу [ноту] № 7162 НКИД СССР по указанию Советского правительства имеет честь сообщить, что Советское правительство своей нотой от 17 июля уже заявило правительству Швеции, представляющей интересы Германии в СССР: Советский Союз считает для себя обязательным соблюдать перечисленные в IV. Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. правила ведения войны касательно законов и обычаев сухопутной войны, при обязательном условии соблюдения указанных правил Германией и ее союзниками. Советское правительство согласно с обменом информацией о раненых и больных военнопленных, как это предусмотрено ст. 14 в приложении к названной конвенции и ст. 4 Женевской конвенции от 26 июля 1929 г. "Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях". Вышинский, заместитель народного комиссара иностранных дел»[42].*

Следующие ноты протеста за подписью В. Молотова последовали 25.11.1941 г. и 27.04.1942 г. НКИД СССР в ноте от 25.11.1941 г., фигурировавшей на Нюрнбергском процессе в качестве документа «СССР-51», приводил конкретные примеры негуманного и жестокого обращения нацистов с советскими военнопленными. Глава 6 этого документа называлась «Истребление советских военнопленных». Данная нота служит показателем отсутствия замалчивания проблемы со стороны Кремля и противоречит тезису о якобы «равнодушии Сталина» к судьбам советских военнопленных. На этом попытки косвенных обращений к германскому правительству, по существу, были прекращены.

Необходимо отметить усилия МККК. Уже 22.06.1941 г. президент М. Хубер направил в адрес руководства СССР, Германии, Финляндии и Румынии одинаковые по тексту телеграммы, содержащие рекомендации составить списки раненых и убитых военнослужащих, а также подготовиться к возможному обмену информацией о пленных. Хубер ссылался на Женевскую конвенцию 1929 г., что позволяет Штрайту сделать вывод: несмотря на то, что СССР не был страной-подписантом указанной конвенции, этот факт не служил МККК препятствием для такого предложения, если на него согласятся государства, присоединившиеся к конвенции[43]. 27.06.1941 г. Молотов положительно отреагировал на эту инициативу, настаивая, как и в правительственной ноте от 17.07.1941 г., на принципе взаимности. Положительные ответы поступили и от трех других адресатов телеграммы. Это внушало оптимизм. 22.07.1941г. представитель МККК М. Юнод встретился в Анкаре с советским послом С. Виноградовым и провел с ним первый раунд переговоров. Позднее Юнод узнал, что Москва создала справочную службу для фиксирования информации о военнопленных и почтового сообщения. Для осуществления дальнейших шагов советская сторона настаивала на признании Германией положений Гаагской конвенции в отношении советских военнопленных. Берлин был к этому не готов. Августовские попытки зондажа ситуации с привлечением посла СССР в Англии И. Майского и его коллеги в Швеции А. Коллонтай не привели к желаемому результату. В октябре-декабре 1941 г. к переговорам подключились высокопоставленные представители США, включая госсекретаря К. Халла. Американцы пробовали убедить Москву безоговорочно признать все положения Женевской конвенции 1929 г., аргументируя тем, что это решение существенно улучшит гуманитарную ситуацию советских военнопленных. Кремль не дал однозначного ответа на это предложение. Госдепартамент вынужден был к концу 1941 г., уже после вступления США во Вторую мировую войну, констатировать бесплодность дальнейших попыток[44]. Новый, 1942 г., принес некоторое оживление переговоров между СССР и МККК при посредничестве Вашингтона. В мае 1942 г., т.е. уже после повторного оглашения обязательств СССР по соблюдению Гаагской конвенции в ноте от 27.04.1942 г., состоялся визит Молотова в США. Глава НКИД во время беседы с президентом США Ф. Рузвельтом заявил, что Москве известно о жестоком и бесчеловечном обращении с советскими военнослужащими в германском плену. Его правительство не готово взять на себя какие-либо обязательства, которые фактически легитимировали бы действия немцев, не соблюдающих положения Гаагского соглашения, в то время как СССР прилагает соответствующие усилия[45]. Переговорный процесс окончательно зашел в тупик.

Параллельно Советский Союз продемонстрировал иным путем соблюдение международного гуманитарного права в отношении немецких военнопленных. В период с ноября 1942 по январь 1943 гг. с использованием различных источников, главным образом, через советское посольство в Турции, МККК и далее германской стороне были переданы 6 000 почтовых открыток, адресованных немецкими военнопленными членам своих семей. Карточки были получены ОКВ и Германским Красным Крестом. В июле 1943 г. ведомство Хартманна получило еще 333 открытки. Германское командование и лично Хартманн наложили вето на передачу открыток родственникам военнопленных. Берлин усмотрел в советской инициативе пропагандистскую кампанию, либо попытку шпионажа. После проверки гестапо 2 000 адресов было установлено, что только 52 человека зарегистрированы в нацистских картотеках в качестве «подозрительных лиц». Остальные были вне подозрений, либо даже членами НСДАП[46].

Несомненно, что весомую роль в предубеждениях советской стороны касательно дальнейшего сотрудничества с МККК сыграла как информация об обращении с советскими пленными на практике, так и распоряжения командования вермахта, включая приказ от 08.09.1941 г., полученные разведкой. В самой Германии окончательное слово в вопросе отношения к пленным солдатам и офицерам противника оставалось за Гитлером. Однако, несмотря на централизацию власти в Рейхе, можно отметить наличие дискуссии между различными группами влияния в Берлине. В частности, ряд высокопоставленных офицеров разведки и дипломатов высказывали сомнения в целесообразности «излишней жестокости» по отношению к советским военнопленным. Наиболее влиятельным сторонником пересмотра нацистской политики в этом направлении был сотрудник Иностранного отдела Абвера граф г. Мольтке. Гол-

ландский историк Г. ван Роон приводит высказывания Мольтке на совещаниях ОКВ:

> «*Репрессии против военнопленных абсолютно недопустимы и нецелесообразны. (…) Наши меры не только противоречат Женевской конвенции, но и представляют угрозу жизням будущих немецких военнопленных*»[47].

Ван Роон, на основе выступлений и личной переписки Мольтке, приходит к выводу, что он и его сторонники считали нужным оказать сильное давление на ОКВ и партийную верхушку, добившись в итоге применения норм Женевской конвенции по отношению к советским военнопленным. Отправной точкой для подобной позиции были все же не соображения гуманитарного характера, а желание защитить соотечественников в советским плену[48]. Известно, что аргументы Мольтке оказывали значительное влияние на И. Риббентропа, беседовавшего на эту тему с Гитлером, но не встретившего понимания даже у Рейнеке. В. Кейтель оставался непреклонным. На письмо шефа Абвера В. Канариса с предложением отменить приказ от 08.09.1941 г. Кейтель ответил довольно резко:

> «*Это сомнения соответствуют восприятию рыцарской войны, основанной на чувстве солидарности! Тут же речь идет об уничтожении мировоззрения! Поэтому я одобрил данные меры [приказ от 08.09.1941 г. — Д.С.] и поддерживаю их*»[49].

Причиной столь категоричной позиции военной верхушки и партийного руководства, наряду с упомянутыми идеологическими и экономическими факторами, автор статьи считает тот факт, что значительная часть берлинской элиты до конца 1941 г. продолжало рассчитывать на непродолжительную войну. Также весьма переоценивались мощь вермахта и стойкость немецких солдат. Следствием этого стало распространенное мнение: в советский плен попадет минимальное количество германских военнослужащих, поэтому данный вопрос не является первоочередным.

В послевоенный период западная историография и ФРГ как государство однозначно возложили вину за бесчеловечное обращение с советскими военнопленными на тогдашнее нацистское руководство. Р. Отто сравнивает планомерное истребление советских военнопленных с Холокостом еврейского народа[50]. А. Штрайм называет отношение к советским военнослужащим в германском плену «акцией уничтожения»[51]. В 2011 г. президент Бундестага Н. Ламмерт назвал советских военнопленных «*жертвами войны на уничтожение, которая ознаменовалась убийственным подавлением и жестокой экономической эксплуатацией*». Крупнейшая оппозиционная партия СДПГ в своем заявлении к 70-ой годовщине начала советско-германской войны, отметила, что репрессии против советских военнопленных были преследованиями по расовому принципу, против «*неполноценной славянской расы*»[52].

Германский Красный Крест (DRK) выражает свою официальную позицию касательно идеологического компонента в политике нацистов в данном вопросе в информационном бюллетене № 4/2009:

> «*Идеологически мотивированную политику [нацистов. — Д.С.] по угнетению или уничтожению народов ощущали на себе не только евреи, но и славянское население на Востоке. Их объявили "недочеловеками". Это касалось как гражданского населения, в отношении которого у оккупационной власти были свои обязательства, так и солдат Советского Союза, попавших в немецкий плен. (…) После начала военных действий правительство СССР прилагало усилия к достижению договоренности с Германией. Германское правительство отвергало эти усилия, что позднее повлекло за собой ухудшение ситуации для множества немецких солдат в русском плену*»[53].

Согласно документам Нюрнбергских процессов по делу нацистских преступников и заключительному выступлению американского обвинителя Т. Тейлора, судьи пришли к выводу, что, несмотря на отсутствие подписи СССР под Женевской конвенцией 1929 г., на советских военнопленных распространялось ее действие, и они находились под ее защитой[54]. Такого же мнения придерживается и Штрайт:

> «*Германское руководство использовало это [отсутствие подписи СССР под Женевской конвенцией. — Д.С.] для утверждения, что оно не имеет по отношению*

к СССР никаких международно-правовых обязательств. Данное утверждение не является верным. По нормам международного права обе стороны несли обязательства согласно общему праву касательно ведения войны. Это означало следующее. Жизнь военнопленных находилась под защитой. С ними должны были человечно обращаться. Они должны были получить такие же питание, одежду и условия проживания как немецкие резервистские части. Кроме того, Советский Союз ратифицировал Женевскую конвенцию о раненых 1929. Это сделала и Германия. В данном случае имели место совершенно конкретные обязательства, которые немецкое руководство сознательно «отодвинуло в сторону»[55].

Выводы. На основании фактов, изложенных в статье, можно сделать следующие выводы:

1. К моменту начала Великой Отечественной войны в международном гуманитарном праве были четко прописаны условия гуманного обращения с военнопленными.

2. Советская сторона признавала Гаагскую конвенцию 1907 г. Даже если не рассматривать указ ВЦИК 1918 г. как признание сего документа, ноты от 17.07.1941 г., 25.11.1941 г. и 27.04.1942 г. не оставляют никаких сомнений в однозначности обязательств Москвы.

3. Женевская конвенция 1929 г. содержала обязательства воющей стороны соблюдать условия соглашения в отношении военнослужащих армии противника, не подписавшего конвенцию.

4. Национальное советское гуманитарное право в отношении военнопленных противника 1931 и 1941 гг. соответствовало Гаагским и Женевским конвенциям.

5. Нацистская Германия после 22.06.1941 г. продолжала быть связанной обязательствами международного гуманитарного права. Она намеренно отказалась соблюдать их в отношении советских военнопленных, что было зафиксировано документально и реализовывалось на практике. Причины отказа были идеологического, военного и экономического характера. Берлин систематически нарушал и Женевскую конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», которую еще до войны признали обе стороны.

6. Проблематично определить, являлись ли «достаточными» попытки Москвы облегчить судьбу своих граждан в нацистском плену. Значительную роль сыграла неготовность Германии окончательно и бесповоротно признать нормы международного гуманитарного права по отношению к советским военнопленным. Длительный и безуспешный переговорный процесс вызвал у Москвы скепсис касательно возможности МККК серьезно повлиять на ситуацию. Негативно необходимо оценить излишнюю подозрительность советского руководства, ее готовность любой ценой оградить себя «от вмешательства во внутренние дела» со стороны «капиталистов», а также нежелание по ортодоксально-идеологическим причинам признать Женевскую конвенцию полностью. Тем не менее, сомнительно, что дальнейшие усилия наладить контакт с руководством Германии через посреднические государства и структуры привели бы к успеху.

7. В условиях череды военных поражений 1941–1942 гг. и тотального характера войны советское руководство имело крайне ограниченные возможности влиять на положение своих граждан в плену. К числу таких возможностей относились ноты протеста и заявления в адрес Международного Красного Креста и правительств нейтральных государств. Это реализовывалось на практике. Иных рычагов влияния на судьбу пленного советского солдата с момента пленения и до момента освобождения у Москвы не было.

---

1 *Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах 20 века. Потери вооруженных сил, Москва, 2001. С. 477.

2 Якобсен Х.-А., Штрайт К., Штрайм А., Отто Р. и др.

3 *Osterloh J.* Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa/Sa. 1941 bis 1945. Leipzig, 1997. S. 7. К. Штрайт на основе длительных подсчетов указывает 58,7 %. *Streit Ch.* Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Bonn, 1997. S. 244–246.

4 Для сравнения из 232.000 американских и британских военнослужащих, находившихся в немецком плену, погиб 8.348 человек или 3,5 % от общего числа пленных. Более подробно см. *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945, Stuttgart 1978.

5 URL: http://shop.strato.de/epages/61235722.sf/de_DE/?ObjectPath=/Shops/61235722/Products/3-89821-756-6 (Дата обращения: 01.08.2011).

6 *Chavkin B.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955. URL: http://www.ku-eichstaett.

de/fileadmin/190806/Netzwerk/projekt-6-quelle01.pdf (Дата обращения: 01.08.2011).

7 *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. Москва, 2002. С. 70.

8 См.: *Солженицын. А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Москва, 1989. С. 86.

9 Письмо за 2006 г. из личного архива автора.

10 *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangenenlager im „Fall Barbarossa". Heidelberg/Karlsruhe 1981. S. 1.

11 По данной теме см.: *Kissel T.* Beute Mensch // Abenteuer Archäologie. № 1. 2007.

12 Даже первоначальное название Международного Красного Креста, «Международный комитет обществ по оказанию помощи раненым войнам», говорит о главных задачах этой организации.

13 Подробнее см.: *Overmans R.* Kriegsgefangenschaft in der Geschichte // *Overmans R.* Kriegsgefangenschaft im Zweiten Weltkrieg, Eine vergleichende Perspektive. Ternitz, 1999.

14 Полный русский текст соглашения см.: URL: http://voenprav.ru/doc-1439-1.htm (Дата обращения: 01.08.2011).

15 Известия ВЦИК. № 112. 1918. 04 июня.

16 Подробнее см.: *Hasse J., Müller E., Schneider P.* Humanitäres Völkerrecht: politische, rechtliche und strafgerichtliche Dimensionen. Baden-Baden, 2001; *Bennett A.* The Geneva Convention. The Hidden Origins of the Red Cross. Gloucestershire, 2005.

17 Одним из наиболее последовательных критиков Женевской конвенции 1867 г. был немецкий юрист, профессор университета в Эрлангене К. Людер. Свои замечания он выразил в основной работе: Die Genfer Konvention: Historisch und kritisch-dogmatisch mit Vorschlägen zu ihrer Verbesserung, unter Darlegung und Prüfung der mit ihr gemachten Erfahrungen und unter Benutzung der amtlichen, teilweise ungedruckten Quellen bearbeitet. Erlangen, 1876 (вышла и на французском).

18 См.: *Meurer Ch.* Die Genfer Konvention und ihre Reform 1906. München, 1906 (repr. 2010); *Meurer Ch.* Die völkerrechtliche Stellung der vom Feinde besetzten Gebiete. Tübingen, 1915. Юридический спор был продолжен и после Второй мировой войны, когда в тексты III. и IV. Женевских соглашений 1949 г., соответственно в ст. 135 и 154, были внесены слова о том, что настоящие положения дополняют положения Гаагской конвенции 1907 г.

19 ЦХИДК. Ф. 1/п. Оп. 21а. Д. 47. Л. 22–48.

20 RGBL. 1934. Teil II. 1939. 29 апр.

21 Цит. по: *Шнеер А.,* Дороги в ад. (Глава из книги «Плен»). URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=44852 (Дата обращения: 01.08.2011).

22 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1049. Л. 2, 4–12.

23 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1049. Л. 1–1а.

24 Документы Внешней Политики. Москва, 1968. Т. 14. С. 493.

25 URL: http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000190 (Дата обращения: 01.08.2011); В тексте «Sowjetrußland».

26 *Möller Ch.* Massensterben und Massenvernichtung — Das Stalag 305 in der Ukraine 1941–1944. Norderstedt, 2000. S. 6.

27 *Halder F.* Kriegstagebuch, Bd. 2. Stuttgart, 1963. S. 336. (запись от 30.03.1941 г.).

28 OKW/AWA. Abt. Kriegsgef… 16.06.1941; BA-MA. RW 4/v. 578.

29 OKW/AWA. Abt. Kriegsgef… 08.09.1941. 1519-PS.

30 OKH. Gen.St.d.H./Gen.Qu… Abt. KV/Qu IVA Nr. I/23738-41 geh., 21.10.1941 // BA-MA. RH 19/III638.

31 *Зверев Ю.В.* Документы Национального архива Республики Беларусь о судьбе советских военнопленных // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. Дрезден-Минск, 2004. С. 79.

32 *Streit Ch.* Die Behandlung und Ermordung der sowjetischen Kriegsgefangenen // Gegen das Vergessen. Der Vernichtungskrieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Frankfurt am Main, 1992. S. 92.

33 Вопрос привлечения трудовых ресурсов регламентировался еще довоенным постановлением от 18.05.1941 г. о применении рабочей силы советских военнопленных на территории будущих рейхскомиссариатов. (См.: *Möller Ch.* Massensterben und Massenvernichtung… S. 9.) Принудительный труд советских пленных за короткое время стал важным экономическим фактором для Германии. У. Герберт приводит документы ведомства Четырехлетнего плана и промышленных объединений, которые подчеркивают необходимость привлечения советских военнопленных для работы практически во всех отраслях германской экономики. (См.: *Herbert U.* Fremdarbeiter. Politik und Praxis des „Ausländer-Einsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Bonn, 1999. S. 159, 160, 169). Соблюдение гуманитарных конвенций существенно осложнило и замедлило бы этот процесс.

34 В первую очередь, по «Директиве об обращении с политическими комиссарами» («Приказу о комиссарах») от 06.06.1941 г.

35 В тогдашнем немецком лексиконе существовал специальный термин для обозначения «фанатичных большевичек» — Flintenweiben (примерный перевод «вооруженные бабы-ведьмы»). В первую очередь, подразумевались летчицы ВВС СССР, считавшиеся особенно преданными коммунистической идее, а также партизанки, женщины-офицеры, нередко и все военнослужащие Красной Армии женского пола, включая санинструкторов.

36 В связи с ограниченным объемом данной статьи не проводятся отдельные примеры негуманного обращения с советскими военнопленными. На сайте http://kontakte-kontakty.de/ регулярно публикуются оригинальные воспоминания бывших советских

военнопленных на русском и немецком языках, которые содержат соответствующие подтверждения.

[37] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 297–299.

[38] Далее в тексте сокращенно МККК.

[39] Штрайт замечает, что «постановление не ограничивалось использованием норм Гаагской конвенции, но и содержало в себе *отдельные* положения Женевской конвенции». (См.: *Streit Ch.* Keine Kameraden… S. 226.) Однако в ходе сравнительного анализа автором статьи всех трех документов не были обнаружены основополагающие различия. Сохранялись особенности идеологического характера, как и в Положении 1931 г., но отказ от применения данных норм не мог нанести урон здоровью, жизни либо чести и достоинству немецких солдат в советском плену. В целом, постановление 1941 г. было намного менее идеологизированным, чем его предшественник 1931 г.

[40] *Streit Ch.* Keine Kameraden… S. 226.

[41] Штрайт приводит экспертную оценку специалиста ОКВ о «преимуществе с точки зрения ведения войны» для Германии, если «русские не доведут до конца намеченное присоединение» к Гаагской конвенции 1907 г. (См.: *Streit Ch.* Keine Kameraden… S. 226.).

[42] Цитируется по немецкому тексту, приведенному в: *Uhlig H.* Der verbrecherische Befehl // Vollmacht des Gewissens. Frankfurt a. M. — Berlin, 1965. S. 323.

[43] *Streit Ch.* Keine Kameraden… S. 225.

[44] Ibid.

[45] Ibid. S. 235.

[46] Ibid. S. 236.

[47] Roon van G. Graf Moltke als Völkerrechtler im OKW // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. № 1. 1970. S. 33.

[48] Ibid.

[49] *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945 // Ich werde es nie vergessen. Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006. Berlin, 2007. S. 16.

[50] *Otto R.* Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München, 1998.

[51] *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangenenlager… S. 7.

[52] Русский перевод см. здесь: URL: http://www.kontakte-kontakty.de/russisch/aktualsoob.htm (Дата обращения: 01.08.2011).

[53] URL: http://drk.ac/fileadmin/user_upload/Rotkreuz-Info/RK-Info-2009-04-kompakt.pdf (Дата обращения: 01.08.2011).

[54] IfZ MB, 14/29, протокол и заключительное выступление стороны обвинения от 24.11.1947 г. К такому же выводу приходит группа немецких историков при рассмотрении вопроса правомочности привлечения советских военнопленных к труду в военной промышленности концерна Ф. Флика, см.: *Bähr J., Drecoll A., Gotto B.* Der Flick-Konzern im Dritten Reich. München, 2008. S. 627.

[55] *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die… S. 16.

УДК 355.015(430.81)+341.324.2(430.81)
ББК 63.3(2)622
К 56

Иван Ковтун

Охранные дивизии вермахта: уничтожение гражданского населения и борьба с партизанами

Вопрос об участии вооруженных сил Третьего рейха в истребительной кампании на Востоке неоднократно рассматривался специалистами и получил серьезное освещение в научной литературе. Исследования В. Ветте, Г. Вильгельма, М. Мессершмидта, К. Мюллера, Ю. Ферстера, К. Штрайта и др., прояснившие роль немецкой армии в реализации гитлеровской концепции войны, внесли значительный вклад в изучение данной проблемы и позволили пересмотреть целый ряд положений-стереотипов[1]. Многочисленные документы и свидетельства, опубликованные на сегодняшний день, развенчивают миф о непричастности вермахта к геноциду еврейского народа, к преступлениям против советских военнопленных и гражданского населения.

Тем не менее, историография участия германских воинских формирований в злодеяниях на советской территории продолжает развиваться. В частности, в последнее десятилетие немалое внимание уделяется органам и структурам, ответственным за проведение карательных мероприятий, их взаимодействию со службой безопасности СС и полицией порядка в решении задач, напрямую вытекавших из расово-идеологической программы Гитлера. В фокусе исследовательского интереса оказались практика насилия, расстрелов мирных граждан, боевые операции против партизан, уничтожение населенных пунктов, принудительное использование людей при строительстве оборонительных рубежей и т.д.

В рамках предлагаемой статьи затрагиваются проблемы, связанные с преступной деятельностью охранных дивизий вермахта в захваченных регионах Советского Союза. Эти соединения, выделенные для поддержания оккупационного режима, являлись важной опорой «нового порядка», связующим звеном между различными инстанциями, которые действовали на советской территории.

В преддверии восточного похода

Война против СССР с самого начала рассматривалась Гитлером не только как борьба за «жизненное пространство» на Востоке, но и как битва двух диаметрально противоположных мировоззрений. В своих программных речах, произнесенных перед руководящими деятелями нацистской партии и военачальниками в первой половине 1941 г., он достаточно четко обозначил цели, предстоящей экспансии. Среди них — завоевание обширных территорий для колонизации; обезвреживание «еврейско-большевистской интеллигенции»; сокращение местного населения и удаление оставшейся его части из экономически выгодных областей; эксплуатация природных ресурсов, в соответствии с политическими интересами рейха[2].

Значительная роль в осуществлении этих замыслов, нашедших свое отражение в плане «Барбаросса», отводилась вооруженным силам Германии. Высшие военные органы — верховное командование вермахта (ОКВ) и главное командование сухопутных войск (ОКХ) — еще до вторжения в СССР издали ряд основополагающих приказов, сориентированных на ведение расово-идеологической войны. Директивы, подписанные армейским руководством, снимали с солдат и офицеров всякую ответственность за безжалостные действия. Все лица, в том числе и гражданские, оказавшие неповиновение войскам или подстрекавшие к этому, подлежали казни. В тех случаях, когда воинские части и соединения становились объектом нападения, и не представлялось возможным идентифицировать виновных, рекомендовались коллективные меры наказания против целых населенных пунктов или групп населения[3].

В обязательном порядке требовалось выявлять и уничтожать непримиримых врагов нацизма — коммунистов и комсомольцев, государственных чиновников, армейских политработников, советских активистов и просто образованных людей. Немедленной

ликвидации должны были подвергаться партизаны, подпольщики и саботажники, а по национальному признаку — евреи и цыгане[4].

При подготовке нападения на Советский Союз высшее военное командование достигло согласия с органами рейхсфюрера СС в вопросах, касавшихся использования в тылу сухопутных войск формирований «Черного ордена», предназначенных для выполнения «специального задания». Решительных возражений по поводу того, чем будут заниматься подчиненные Гиммлера, со стороны военных не последовало, хотя они знали, какие, например, акции «усмирения» проводили СС в Польше. Теперь же речь шла о преступлениях в больших масштабах, в прифронтовой полосе и в районах, где предусматривалось политическое управление рейхскомиссаров[5].

Цели и задачи операции «Барбаросса», а также незаконные методы, которые нацисты собирались использовать, чтобы реализовывать свои стратегические амбиции на Востоке, были взаимосвязаны с доктриной молниеносной войны. Эта доктрина, представлявшая на тот момент передовой образец военной мысли, меньше всего учитывала возможность возникновения массового партизанского движения. Германский генеральный штаб считал повстанческие действия тактической аномалией, а выступления добровольцев из «толпы» — «бандитизмом», поэтому советских «франтиреров» следовало устранять без промедлений, чтобы задушить в зародыше любое сопротивление[6].

Нельзя сказать, что подобные взгляды представляли собой инновацию, то, с чем немецкие военные прежде не сталкивались. При вторжении в Чехословакию и во время оккупации Польши уже имели место случаи, когда войска уничтожали партизан в бою или арестованных при попытке к бегству. Практика конфискации оружия, введения комендантского часа, запретов на собрания также была знакома и считалась вполне традиционной. Действительно новым было другое: понятие «партизан» в содержательном плане получило весьма широкое толкование и выводилось из расового мировоззрения нацизма, которое, наряду с преступными приказами вермахта, определило криминальную модель поведения германских военнослужащих, и существенно увеличило круг потенциальных жертв запланированного блицкрига[7].

Немецкое командование также занималось созданием аппарата для обеспечения безопасности в занятых областях СССР. На территории, подконтрольной военным учреждениям — в тыловых районах армий и групп армий, — должны были действовать военные комендатуры, группы тайной полевой полиции (ГФП), подразделения полевой жандармерии, охранные батальоны, бригады и дивизии. Помимо этого, по договоренности с Гиммлером, планировалось использовать моторизованные полицейские полки, отдельные части и соединения, подчиненные высшим фюрерам СС и полиции[8].

По мере продвижения линии фронта, военным следовало передавать захваченные районы под юрисдикцию гражданских властей. В переходный период органы военного управления предполагалось постепенно упразднить. Командующих войсками, чьи формирования будут еще находиться в гражданской зоне оккупации, приказано было оставлять при рейхскомиссарах в качестве представителей ОКВ для решения военных, политических и экономических вопросов[9].

В ОКХ считали главной опорой военной администрации охранные дивизии. Появление соединений подобного типа оправдывалось тем, что имелись данные о планомерной работе СССР по подготовке к партизанской войне. В январе 1941 года началось создание дивизий, а 3 марта командующий армией резерва генерал-полковник Фридрих Фромм подписал приказ, узаконивший существование этих соединений в вермахте. На основании этого приказа было расформировано три пехотных дивизии — 207-я, 213-я и 221-я, а их офицерские и унтер-офицерские кадры пошли на укомплектование 9 соединений[10].

Формирование охранных дивизий завершилось 15 марта 1941 года. Половина личного состава соединений набиралась за счет ландвера — военнообязанных 2-й очереди запаса (35–45 лет), хотя в некоторых случаях привлекались и военнообязанные 3-й очереди запаса (старше 45 лет) — из ландштурма. К примеру, в течение войны возраст командиров 221-й охранной дивизии был не ниже 42–47 лет, командиров рот — 44–53 лет, солдат — 36–39 лет. В основном это были преподаватели учебных заведений, экономисты, управляющие имений и фабрик, бургомистры и налоговые инспекторы. Примерно такая же картина наблюдалась и в других соединениях[11].

Разумеется, уровень боеготовности охранных дивизий оставлял желать лучшего. Ни о каком жестком отборе кадров речь

не шла. Жалобы, поступавшие из войск в ОКХ, неоднократно это подтверждали. Желая изменить неблагоприятную ситуацию, немецкое командование в марте 1941 года выпустило несколько директив, потребовав заострить внимание на полном обеспечении военнослужащих оружием и необходимыми средствами, и самое главное — повысить качество боевой подготовки, для чего в апреле 1941 года были введены новые учебные планы. Генерал от инфантерии Макс фон Шенкендорф, назначенный начальником 102-го тылового района группы армий «Центр», отдал приказ о воспитании солдат и офицеров в наступательном беспощадном духе. Он запретил сводить учебный процесс к несложным тренировочным упражнениям. Эти меры возымели свое действие: когда в мае 1941 года начальник генерального штаба генерал-полковник Франц Гальдер посетил занятия офицеров охранных дивизий, он положительно оценил их выучку[12].

Обучение рядовых и унтер-офицеров проводилось в ускоренном темпе. Учебные планы предусматривали упражнения в болотистой местности, по прочесыванию лесных массивов, занятия по огневой подготовке и тактике. Практически отрабатывались вопросы по организации взаимодействия между воинскими частями и структурами военного управления. Так, 403-я охранная дивизия участвовала в командно-штабных учениях с привлечением личного состава военных комендатур, в ходе которых выполнялись задачи по защите транспортных коммуникаций[13].

«Мировоззренческих» занятий с военнослужащими не проводили. Институт политкомиссаров в вооруженных силах Третьего рейха тогда отсутствовал. Это, однако, не означало, что рядовой и офицерский состав охранных соединений оказался вне поля действия нацистской пропаганды. С приходом к власти Гитлера гражданское общество постоянно находилось под идеологическим прессингом. К началу 1941 года большинство немцев глубоко впитали базовые элементы идейно-политической программы нацистов: преклонение перед фюрером, преданность народу, вера в справедливость завоевательной политики и в существование еврейской угрозы. Тем, кому выпало право германизировать бескрайние восточные территории, уже получили в мирное время дозу расистского яда. Вчерашние учителя, экономисты, рабочие и мелкие служащие, надевшие военную форму, были в психологическом плане подготовлены к борьбе с «еврейским большевизмом»[14].

В апреле 1941 года 6 охранных дивизий (213-я, 221-я, 286-я, 403-я, 444-я, 454-я) дислоцировались в VIII военном (корпусном) округе (Бреслау) и подчинялись штабу округа. Еще 3 дивизии (207-я, 281-я и 285-я) располагались во II военном (корпусном) округе (Штеттин)[15]. Охранные соединения имели следующую структуру:

I) *Штаб соединения, рота связи, полевая комендатура;*

II) *Ударная группа (Eingreifgruppe):*

<u>Пехотный полк</u> (штаб части, взвод связи, саперный взвод, самокатный взвод):

• 3 батальона в каждом по 3 стрелковые роты (в каждой роте 12 ручных пулеметов, 3 легких миномета, 150 самокатов);

<u>Огневая поддержка полка</u>:

• пулеметная рота (12 станковых пулеметов, 6 средних минометов);

• противотанковая рота (12 противотанковых орудий);

• рота пехотных орудий (6 легких пехотных орудии);

• артиллерийский дивизион (3 батареи легких полевых гаубиц).

III) *Силы безопасности и порядка (Sicherungs- und Ordnungskräfte):*

<u>Полк ландвера</u> (полк ополчения — Landesschützen-Regiment):

• 3 батальона по 3-4 роты в каждом. Численность рот и батальонов была меньше, чем в полевых войсках, вооружение в основном трофейное — чешское или французское.

• Танковые, охранные, полицейские, инженерные, строительные подразделения и части, полевая жандармерия придавались в случаях, когда соединение принимало участие в боевых действиях на фронте или в операциях по борьбе с партизанами.

• Командирам охранных дивизий подчинялись полевые и местные комендатуры, группы тайной полевой полиции (каждая группа в составе 50–90 сотрудников). Например, в задачу ГФП входила не только борьба с изменой, разведкой и пропагандой противника, но также ликвидация подпольщиков, партизан, евреев и коммунистов[16].

По соглашению с СС, 7 из 9 охранных дивизий получили в свое распоряжение по одному охранному батальону[17]. Кроме того, каждое соединение, после распределения по тыловым корпусам, которые подчинялись командующим охранными войсками и на-

чальникам тыловых районов групп армий, могло быть усиленно, в зависимости от сложившейся обстановки, моторизованным полицейским батальоном. Так, в 1941–1942 гг. охранным дивизиям в разное время придавались следующие части полиции:

101-й тыловой корпус (группа армий «Север»):
105-й полицейский батальон — 207-й охранной дивизии;
2-й полицейский батальон — 281-й охранной дивизии;
65-й полицейский батальон — 285-й охранной дивизии.

102-й тыловой корпус (группа армий «Центр»):
309-й полицейский батальон — 221-й охранной дивизии;
317-й полицейский батальон — 286-й охранной дивизии;
131-й полицейский батальон — 403-й охранной дивизии;

103-й тыловой корпус (группа армий «Юг»):
318-й полицейский батальон — 213-й охранной дивизии;
311-й полицейский батальон — 444-й охранной дивизии;
82-й полицейский батальон — 454-й охранной дивизии[18].

Силы охранных соединений были постоянно подвержены изменениям. Деление дивизий на подразделения и подчинение им других частей являлось характерной чертой немецкой военно-оккупационной политики[19]. Вся деятельность тыловых органов строго регламентировалась приказами, и основным критерием для оценки войск, распределяемых для операций, служила их боеготовность. Боевой состав охранных дивизий не превышал 3–5 тыс. солдат и офицеров, хотя средняя численность соединений колебалась от 8 до 9 тыс. человек, включая служащих, состоявших на довольствии[20].

Эти силы, конечно, были незначительными, чтобы с их помощью контролировать оккупированные территории, поэтому к 1 июня 1942 г. было завершено формирование еще двух охранных дивизий — 201-й и 203-й[21].

К выполнению охранных функций привлекались и регулярные войска. Так, в тылу группы армий «Центр» в августе 1941 г., кроме трех охранных соединений, действовали части 87-й, 102-й, 252-й, 339-й и 707-й пехотных дивизий. Некоторые из них — 339-я и 707-я дивизии — редко использовались на фронте, зато активно подключались к карательным акциям[22].

Таким образом, в системе безопасности в оккупированных областях Советского Союза охранным дивизиям изначально отводилось центральное место. Круг служебных задач, возложенных на эти формирования, позволяет говорить о том, что им предстояло радикальным путем устанавливать немецкую власть, а самим превратиться в ее проводников. И хотя роль охранных дивизий была несколько иной, чем у СС и полиции, от «борьбы двух мировоззрений» отделить ее вряд ли возможно, как и от практики истребления.

«Замирение» занятых областей. Охранные войска и «еврейский вопрос»

Вторгшаяся в СССР 22 июня 1941 г. германская армия быстро продвигалась вглубь страны. Охранные дивизии сформировали мобильные группы, которые шли непосредственно за войсками, чтобы уже на занятой территории разыскивать и уничтожать оставшихся или скрывавшихся советских военнослужащих; они также выполняли задачи по содержанию в порядке автомобильных и железных дорог, для чего им придавались роты саперов, подразделения имперской трудовой службы (Reichsarbeitsdienst, RAD) и организации Тодта (Organisation Todt, OT), обеспечивали сохранность материальных ценностей и безопасность объектов военного значения, охрану мест дислокации немецких частей и т.д.[23]

С началом военных действий в тылу группы армий «Север» действовали 207-я (командир — генерал-лейтенант Карл фон Тидеман), 281-я (генерал-лейтенант Фридрих Байер) и 285-я (генерал-майор Вольфганг фон Плото) охранные дивизии; в тылу группы армий «Центр» — 221-я (генерал-лейтенант Иоганн Пфлюгбайл), 403-я (генерал-лейтенант Фольфганг фон Дитфурт) и 286-я (генерал-лейтенант Курт Мюллер); в тыловом районе группы армий «Юг» — 213-я (генерал-лейтенант Рене де л'Хомме де Корбье), 444-я (генерал-лейтенант Вильгельм Русвурм) и 454-я (генерал-майор Герман Штайнбауэр)[24].

Вместе с армейскими органами в районах дислокации передовых воинских частей и в глубоком тылу сухопутных войск находились, согласно «специальному заданию», 4 айнзатцгруппы полиции безопасности и

СД (Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD). Оперативные группы состояли из 4–5 зондер- и айнзатцкоманд (ЗК и АК), которым предписывалось «выявлять и уничтожать враждебные рейху элементы». Особое внимание обращалось на «еврейский вопрос»: его решение являлось едва ли не центральной задачей «крестового похода» против «еврейско-большевистской» системы. Оперативная группа «А» проводила расстрелы в тылу группы армий «Север». Группа «В» — в тылу группы армий «Центр». Группы «С» и «D» — в тылу группы армий «Юг»[25].

Для выполнения таких же «мероприятий» привлекались соединения войск СС и батальоны полиции порядка высших фюреров СС и полиции[26]. Убийством гражданского населения занимались полицейские полки «Север», «Центр» и «Юг», 1-я кавалерийская, 1-я и 2-я мотопехотные бригады СС[27]. По представлению Гиммлера, эти формирования должны были двигаться за командами СД, образуя, таким образом, «вторую волну», после которой в армейском тылу не должно было остаться в живых ни евреев, ни партизан[28].

С различной периодичностью охранные дивизии участвовали в акциях по «замирению» оккупированных областей. В содержательном плане боевые приказы для войск нередко представляли собой сочетание военных и карательных элементов. Так, в приказе по 221-й охранной дивизии, изданном до вторжения в СССР, говорилось, к чему должны быть готовы военнослужащие: «войска Красной Армии выступают против нас не только как против вооруженных сил, но и как политические враги. Согласно еврейско-большевистскому учению, Красная Армия использует не только военные методы. Личный состав должен быть готов к этому, и если необходимо, нужно применять решительные и жесткие меры в отношении вражеского населения»[29].

Военнослужащие 221-й охранной дивизии действовали решительно. 27 июня 1941 г. 45-й полк (командир — полковник Мартин Ронике) совместно с 309-м полицейским батальоном (командир — майор полиции Эрнст Вайс) вступили в Белосток. Многие улицы были сразу оцеплены. По городу прокатилась волна насилия, особенно над евреями. К концу дня полицейские согнали 700 человек в центральную синагогу Белостока, здание облили бензином и подожгли. Чтобы усилить действие огня, синагогу забросали гранатами. Тех, кто пытался из нее выскочить, тут же расстреливали на месте. В общей сложности в течение дня было уничтожено 2000 евреев. Истребление людей в Белостоке продолжалось и в последующие дни, вплоть до 13 июля 1941 г. За это время жертвами охранных войск стали более 6 000 человек[30].

Разумеется, не все солдаты 45-го полка считали крутые меры оправданными, но их возмущение не имело ровным счетом никакого смысла. 221-я охранная дивизия и дальше продолжала убивать евреев. Какое-то время вместе с соединением действовала АК-8 (командир — штурмбанфюрер СС Отто Брадфиш), которая проводила расстрелы в Белостоке, Барановичах, Бобруйске, Борисове, Гомеле, Минске, Могилеве, Новогрудке, Орше и в других крупных населенных пунктах[31].

8 июля 1941 г. в журнале боевых действий 221-й охранной дивизии было зафиксировано: «*На основании утверждения, что повсюду, где живут евреи, очистка территории наталкивается на трудности, — так как евреи поддерживают формирование партизанских отрядов и дестабилизацию обстановки на данной территории вследствие присутствия отставших от своих частей русских солдат — предписывается незамедлительное выселение всех евреев-мужчин из всех деревень севернее Бяловицы*»[32].

Схожая интонация встречается и в донесении 350-го пехотного полка. В документе, датированным 18 августа 1941 г., отмечалось, что в некоторых местах, где запланирована «зачистка», еврейское сопротивление еще не сломлено. Чтобы положить этому конец, предлагалось подавить евреев жесткими средствами, поскольку именно они поддерживают связь с Красной Армией и «бандитами», предоставляют им информацию о немецких войсках, после чего происходят нападения. Командир 350-го полка — полковник Кох — переслал донесение в штаб соединения с пометкой: «Еврейский вопрос нужно решать более радикально»[33].

В том же тыловом районе (группа армий «Центр») действовали 286-я и 403-я охранные дивизии. 403-я дивизия, например, поддерживала тесные контакты с АК-9 (командир — оберштурмфюрер СС Альфред Фильберт). Эта команда СД убивала евреев в Вильнюсе, Вилейке, Витебске, Гродно и Молодечно. 354-й полк 286-й охранной дивизии уничтожил в июле 1941 года около 2 000 евреев в деревнях Крупки (по разным оценкам от 912 до 1 900 человек) и Холопеничи в районе Минска[34].

Аналогичным образом поступали 213-я, 444-я и 454-я охранные дивизии. Командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Юг» генерал от инфантерии Карл фон Рок издавал для них антиеврейские приказы. Свой вклад в истребление евреев внес III батальон 375-го пехотного полка 454-й охранной дивизии. 30 июля 1941 г. его солдаты расстреляли 143 человека в Горошках (Володарск-Волынском). В августе военнослужащие того же полка, при поддержке 82-го резервного полицейского батальона, «освободили» от евреев села Червоное, Андрушковка и Старая Котельная (Житомирская обл.), в которых подверглось экзекуции 315 человек. В декабре 1941 года, во время операции против партизан в Новомосковском лесу (Днепропетровская обл.), подразделения 444-й охранной дивизии ликвидировали 136 евреев[35].

Это только некоторые примеры участия охранных дивизий в военно-полевом Холокосте. Конечно, на фоне массовых злодеяний, совершенных оперативными командами СД, они могут показаться не такими уж и значительными[36]. Однако если учесть, что эти акции являлись частью комплекса репрессивно-карательных мер, имевших разных исполнителей, подобные «усмирительные» операции были важным дополнением к программе по истреблению людей.

Вместе с тем, взгляды военных и СС на «еврейский вопрос» не всегда совпадали. «Специальное задание» Гитлера было все-таки возложено на «Черный орден», а не на армию. В директиве от 5 июля 1941 г. командира 207-й охранной дивизии (тыловой район группы армий «Север») генерал-лейтенанта Карла фон Тидемана, например, говорилось, что «*…действия против политически и расово недопустимых элементов являются не задачей вермахта, а предназначенных для этого органов, особенно СД*»[37].

Кроме того, в понимании некоторых военных убийства евреев или кого-либо еще из мирных граждан должны были иметь под собой «законные» основания. Просто хватать людей и расстреливать, как это практиковали эсэсовцы, запрещалось. В инструкции 454-й охранной дивизии, вышедшей в сентябре 1941 г., внимание военнослужащих обращалось на то, чтобы предотвращать линчевание евреев «*всеми средствами. Вермахт не потерпит смены одного террора другим*»[38].

И, наконец, для прекращения стихийных расправ над еврейским населением, имевших место в Белоруссии и на Украине, охранным дивизиям, полевым и местным комендатурам давались распоряжения, чтобы они препятствовали «бесчинствам одних групп гражданского населения против других», поскольку в «усмиренной» стране нет места проявлениям самосуда[39].

Случались и настоящие «казусы». Немецкое командование, в нарушение приказа Гитлера о чисто условных наказаниях для военнослужащих, совершивших преступления против гражданских лиц, выпускало директивы о необходимости наказания солдат, причастных к убийствам мирных граждан. К примеру, командующий охранными войсками группы армий «Юг» 29 июля 1941 г. издал директиву № 1125, где отмечалось:

> *«Самовольные акты насилия против гражданского населения на усмиренной территории являются актами произвола. Поэтому уголовное преследование на этих территориях против солдат, посягнувших на жизнь и имущество безоружных жителей, должно применяться в полной мере»*[40].

Впрочем, подобные директивы были, скорее, благими пожеланиями, чем твердым руководством к действию. Многое зависело от командиров воинских частей, которые могли поступать по своему усмотрению, исходя из обстановки определять, кого казнить или миловать. Мотивация офицеров, втянутых в истребительную войну, была разной, но с гуманностью ее чаще всего мало что связывало[41].

13 августа 1941 г. ОКВ приказало во всех тыловых районах армий и групп армий создать гетто. Для охранных войск это распоряжение новостью не стало, поскольку процесс изоляции евреев уже шел полным ходом. В указаниях 281-й охранной дивизии от 30 июля 1941 г. содержался соответствующий пункт:

> *«Поведение евреев вынуждает отделить их от остального населения и помещать в гетто. Представляется целесообразным расположить гетто в некоторых немногочисленных пунктах и округах, и собрать там всех евреев округа. Продовольственное снабжение нужно обеспечить работой всякого рода в гетто и привлечением… к работам вне гетто. Нужно опре-*

делить лавки и время, в течение которого в гетто разрешено делать покупки»[42].

Концентрируя евреев в определенных местах, военные органы вовсе не считали эту задачу первоочередной для себя. Создание гетто мыслилось как временная мера, пока к делу не подключатся СС. Но до того как это произойдет, следовало взять ситуацию под контроль. Для начала военная администрация издавала приказы о средствах визуального выделения евреев — они были обязаны носить на верхней одежде специальные знаки: либо шестиконечную звезду, либо желтые нарукавные повязки с ее изображением. Затем, чтобы провести регистрацию и привлечь людей к принудительному труду, вводились еврейские советы (юденраты), члены которых несли персональную ответственность перед военными властями и полицией. Далее евреев отправляли в гетто, где они находились до своего уничтожения или до перевода в более крупное гетто. Все указанные мероприятия проводились в сжатые сроки, с применением репрессий и террора[43].

В армейском тылу гетто существовали сравнительно недолго. В восточных регионах Белоруссии, попавших в сферу деятельности военной администрации, почти все гетто прекратили свое существование с осени 1941 г. по весну 1942 г. Такая же картина видна в северо-западных и центральных областях РСФСР. Именно в указанный период СС и полиция проводили наиболее масштабные расправы над евреями[44].

Тыловые войска оказывали помощь СД в проведении массовых расстрелов, начиная от предоставления грузовых автомобилей для транспортировки тех, кто подлежал ликвидации, и заканчивая герметическим оцеплением тех районов, где осуществлялись экзекуции. Наряду с этим не прекращался поиск евреев, коммунистов и цыган в транзитных лагерях для военнопленных, подконтрольных охранным дивизиям. Все «расово неугодные элементы», обнаруженные там, передавались СД, чьи сотрудники их сразу убивали. Словом, между военными и СС постепенно налаживалось сотрудничество, перешедшее в последующем в разряд симбиотических отношений, определивших дальнейший облик немецкой оккупации[45].

Наиболее известным примером взаимодействия вермахта с СС является деятельность 707-й пехотной дивизии. Это соединение формально не входило в состав охранных войск, и район его дислокации был даже не оперативный тыл — в данном случае группы армий «Центр», а территория гражданских властей — генерального комиссариата «Белоруссия». Однако обязанности, возложенные на 707-ю пехотную дивизию, позволяют ее отнести к категории охранных соединений. Дивизия находилась на особом положении, а ее командир — генерал-майор Густав фон Бехтольсхайм — занимал должность военного коменданта Белоруссии, являясь также представителем германского командования при генеральном комиссаре[46].

707-я дивизия состояла из двух пехотных полков, 727-го (командир — подполковник Йозеф Паузингер) и 747-го (командир — полковник Карл фон Андриан), 657-го артиллерийского дивизиона, 707-го саперного батальона и подразделений обеспечения. В количественном отношении соединение было небольшим — в мае 1942 г. стояло на довольствии только 4 911 человек (в то время как обычная дивизия вермахта насчитывала около 17 000 человек). Численность каждого пехотного полка не превышала 2 000 военнослужащих (например, в 747-м полку было 45 офицеров, 332 унтер-офицера и 1 720 рядовых)[47].

С августа 1941 г. по февраль 1942 г. 707-я дивизия занималась охраной района в 60 тысяч кв. км. С ее скромными силами сделать это было весьма проблематично. Зная о постоянных передвижениях партизан, командование дивизии, не имевшее резервов, по-своему выходило из нелегкого для себя положения: систематически отдавало приказы о расстреле гражданского населения, и преимущественно евреев[48].

Инициатором и вдохновителем карательных мероприятий выступал командир соединения — генерал фон Бехтольсхайм, неустанно отдававший войскам антисемитские распоряжения. Вот, например, выдержка из его приказа № 24 от 24 ноября 1941 г.:

«Евреи и цыгане: (смотри приказы № 9 от 28.9.41 пункт 6, № 11 от 04.10.41 пункт 2 b, № 13 от 10.10.41 пункт 18). Как требуют вышеперечисленные приказы, евреи должны исчезнуть, а также уничтожены цыгане. Проведение крупных акций против евреев не входит в обязанности подразделений дивизии. Их должны проводить гражданские или полицейские власти в случае необходимости под руко-

водством военного коменданта Белоруссии — если он располагает необходимыми для этой цели подразделениями, или по соображениям безопасности, или в случае коллективных мероприятий. Если в сельской местности подразделениям попадутся большие или малые группы евреев, с ними могут разобраться — либо сами эти подразделения, либо этих евреев следует собрать в гетто, организованные специально для этой цели в больших городах, где их следует передать гражданской организации или СД. В случае проведения крупных акций такого рода гражданскую администрацию необходимо ставить в известность заранее»[49].

В октябре 1941 г. 707-я пехотная дивизия приступила к ликвидации евреев в сельской местности, координируя свою деятельность с командами СД, чей личный состав проводил массовые казни в городах Белоруссии[50]. 727-й полк, I и II батальоны которого дислоцировались в районе Барановичи — Новогрудок, получил задачу уничтожать гетто. 30 октября 8-я рота полка расстреляла 4500 евреев в Несвиже, 2 ноября — 1 000 евреев в Ляховичах, 5 ноября — 1 000 евреев в Туреке и Свержне, 9 ноября — 1 800 евреев в Мире. 6-я рота ассистировала СД в акции по ликвидации гетто Слонима, где 13–14 ноября было убито 9 000 евреев. 7-я рота 8 декабря помогла СД расстрелять 3 000 евреев Новогрудка[51].

С середины октября до конца декабря 1941 г. подразделения 707-й пехотной дивизии уничтожили примерно 19 000 человек. Минское руководство СД не преминуло отметить в одном из сообщений в конце 1941 г., что вермахт считал «решение еврейского вопроса» необходимым, однако не находил поддержки у гражданской администрации, отклонившей экзекуции евреев, исходя из экономических соображений. Тем не менее, военные органы генерального комиссариата «Белоруссия» не унывали, и как только появлялась возможность, подключались к расстрелам. В результате в течение 1-го полугодия 1942 г. воинские части убили еще около 20 000 евреев[52].

Борьба с «бандитизмом» в оперативном тылу

Несмотря на участие охранных дивизий в расстрелах, не только это было их основной задачей[53]. Фактически с первых дней вторжения вермахта в СССР в немецком тылу вспыхнула партизанская война. Уже в начале июля 1941 г. в германский генеральный штаб стали поступать тревожные известия о проблемах, связанных с «усмирением» тыловых районов[54].

Первый обобщенный доклад в ОКВ о действиях партизан был представлен 15 июля 1941 г. отделом ОКХ «Иностранные армии Востока». На основании этого доклада в войска направили срочную директиву, предписывавшую повсеместно вести борьбу против партизан. В ней подчеркивалось требование Гитлера считать эту борьбу обязанностью не только охранных соединений и полиции, но и регулярных войск[55].

Вскоре, однако, со стороны ОКВ последовало напоминание, как надо разбираться с повстанческим движением. 23 июля 1941 г. вышло дополнение к директиве № 33 «О применении жестоких мер к населению, оказывающему сопротивление оккупационным властям». В 6 пункте документа разъяснялось, что *«не в употреблении дополнительных охранных частей, а в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства для поддержания порядка в своих районах»*[56].

Рекомендации ОКВ были приняты к сведению. В тыловых районах групп армий стали проводиться «акции по очищению». Так, для уничтожения партизан в тылу группы армий «Север», как зафиксировано в сводке ОКВ от 2 августа 1941 г., были переброшены «дополнительные охранные части»[57]. 281-я и 285-я охранные дивизии (а затем и 207-я, после вывода из Эстонии), по приказу командующего охранными войсками генерала от инфантерии Франца фон Рокка, перешли к боевым действиям против партизан и частей РККА. Упорные бои продолжались три месяца. 9 ноября 1941 г. на имя командующего группы армий «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба был отправлен доклад о борьбе со скрывавшимися регулярными частями Красной Армии и партизанами. Результаты были следующие: взято в плен 283 офицера и 4 457 рядовых, убито в боях партизан 1 767, казнено по приговору военно-полевого суда 1 813 партизан, арестовано гражданских лиц 5 677 человек, из них 648 передано органам СС и полиции[58].

Весьма сомнительным выглядит большое количество партизан, расстрелянных по приговору военно-полевого суда. Скорее всего, речь идет не о тех, кто оказывал сопротивление вермахту, а о мирных жителях, ставших жертвами карательных акций. На такую

мысль наводит и отчет 281-й охранной дивизии, поддерживавшей порядок в тылу 16-й полевой армии (тыловой район № 584). В первой половине декабря 1941 г. дивизия отчиталась о проведении антипартизанской операции в районе между рекой Ловатью и железной дорогой Дно — Новосокольники (Ашевско-Белебековский партизанский край). Согласно документу, солдаты расстреляли 317 партизан, сожгли 23 деревни, уничтожили 11 повстанческих лагерей, захватили 7 складов с боеприпасами, разрушили 12 жилых лагерей и 3 военных госпиталя. Собственные потери дивизии оказались на удивление небольшими — всего 6 убитых и 8 раненых[59].

Напряженная обстановка сложилась в тылу группы армий «Центр». Во второй половине августа 1941 г. охранные войска получили приказ скорейшим образом прочесать территорию. На севере Минской (Борисовский и Крупский районы) и юге Витебской (Лепельский и Чашникский районы) областей была проведена операция с участием III батальона 354-го полка 286-й охранной дивизии, 317-го полицейского батальона, моторизованной команды ГФП и специальной группы с 25 собаками-ищейками. В ходе операции было расстреляно 185 человек[60].

В сентябре 1941 г. 221-я охранная дивизия вместе с полицейским полком «Центр» вели бои против партизан, действовавших вдоль участка дороги Бобруйск-Кошевичи, 403-я охранная дивизия — севернее Витебска вдоль железной дороги Витебск-Городок. Почти непрерывные карательные акции севернее и южнее Минска (Борисовский, Пуховичский и Червенский районы) осуществляла 707-я пехотная дивизия. Жертвами этих «зачисток» стало 2 770 мирных граждан[61].

По приказу командира 403-й охранной дивизии генерал-лейтенанта фон Дитфурта военные комендатуры, замыкавшиеся на соединение (в начале в Гродно и Лиде, а чуть позднее — в Глубоком, Вилейке и Молодечно), под предлогом борьбы с «политически неблагонадежными» лицами занимались вылавливанием мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет и, выдавая за военнопленных, отправляли в специально созданные лагеря. Используя такие методы, дивизия пыталась решить проблему потенциальных партизан, но на улучшение обстановки эти «профилактические» меры не повлияли[62].

Охранные соединения группы армий «Центр» (на 2 октября 1941 г. в состав 102-го тылового корпуса входили 707-я и 339-я пехотные, 221-я, 286-я, 403-я охранные дивизии, 1-я кавалерийская бригада СС) пытались компенсировать свои неудачи за счет радикализации оккупационной политики. В приказе генерала фон Шенкендорфа от 16 декабря 1941 г. говорилось о необходимости применения карательных мер:

> *«Образовавшиеся в тылу пространства требуют того, чтобы борьба против партизан и всех сочувствующих им элементов велась как можно активнее. Жителей, которые симпатизируют или помогают партизанам, нужно уничтожать»*[63].

По указанию Шенкендорфа, планировалось проводить систематические проверки деревень на предмет сотрудничества гражданских лиц с партизанами, и постепенно лишить народных мстителей поддержки местного населения. Но эти намерения потерпели крах, так как советскому руководству удалось интенсифицировать партизанскую борьбу в захваченных немцами областях зимой 1941–1942 гг[64].

Жестоко подавлялось всякое сопротивление и в тылу группы армий «Юг». Здесь основную роль сыграли части полицейского полка «Юг» и 1-й мотопехотной бригады СС, расстрелявшие только в августе 1941 г. 44125 человек (в основном евреев)[65]. Охранные войска тоже в стороне не остались. 213-я и 444-я охранные дивизии провели несколько операции по истреблению «бандитов» в районе Кривого Рога и Никополя. В результате им удалось уничтожить 1 025 партизан[66]. 454-я дивизия в ноябре 1941 г. сообщала, что во время одной из «очистительных» акций ее подразделения расстреляли 189 «партизан, коммунистов, евреев и сотрудников НКВД»[67].

Несмотря на постоянные доклады с мест о результативной борьбе с «бандами», общее положение в тылу вермахта не улучшалось. Напротив, охранным войскам все чаще приходилось вступать в бои с партизанами, численность которых по сравнению с летними месяцами 1941 г. заметно возросла. По немецким оценкам, к декабрю 1941 г. в тыловых районах германской армии действовало минимум 50 тысяч народных мстителей[68].

Более того, в связи с потерями и недостатком резервов части охранных дивизий перебрасывали на фронт. Так, в начале октября 1941 г. по приказу генерал-фельдмаршала

фон Лееба из охранных частей группы армий «Север» была сформирована «группа Рокка» и отправлена на волховский участок фронта. Но уже в середине ноября эти части были срочно отозваны[69].

В еще более сложной ситуации оказалась группа армий «Центр». В сообщении от 12 декабря 1941 г., подготовленном в штабе генерала фон Шенкендорфа, отмечалось: *«обеспечение безопасности, оставшимися силами, больше невозможно»*[70]. Правда, надо сказать, что еще осенью 1941 г., когда обозначилась нехватка охранных войск, военные органы попытались компенсировать недостаток в людях за счет привлечения на службу местного населения и пленных красноармейцев. Из советских граждан активно создавали отряды вспомогательной полиции (Hilfspolizei) и службы порядка (Ordnungsdienst), но эти формирования все равно не смогли обезопасить тыловые коммуникации. Под контроль партизан попали большие территории[71].

В тылу группы армий «Центр» основными центрами партизанского движения зимой-весной 1942 г. стали районы севернее Борисова, между Бобруйской и Червенем, южнее Бобруйска (Октябрьский партизанский край), между Ельней, Дорогобужем и Днепром (Дорогобужский партизанский край), район между Демидовом и Духовщиной (Северо-Западный партизанский край) и район восточнее Гомеля[72]. Угроза, исходившая от «бандитских» зон, потребовала проведения крупных антипартизанских мероприятий.

Одной из первых была подготовлена операция (кодовое наименование «Бамберг» — Bamberg) против Октябрьского партизанского края (Калинковичский, Петриковский, Светлогорский районы Гомельской, Бобруйский район Могилевской обл.). В партизанскую зону была направлена 707-я пехотная дивизия. В своем приказе от 18 марта 1942 г. генерал-майор фон Бехтольсхайм проинструктировал военнослужащих:

> *«На территории наших боевых действий войска должны вести борьбу против партизан и других элементов, враждебных немецкой нации, со всей твердостью, как это осуществлялось в Белоруссии осенью 1941 г. и принесло успех. Распоряжения, касающиеся беспощадного обращения с мужчинами, женщинами и детьми, должны использоваться и в районе наших действий»*[73].

Операция «Бамберг» проводилась с 29 марта по 3 апреля 1942 г. В течение этих дней части 707-й пехотной дивизии уничтожили 3 423 человека, в основном мирных жителей[74]. Немецкие потери оказались настолько низкими (6 убитых и 10 раненых), что генерал фон Шенкендорф критически отозвался о результатах операции[75]. Тем не менее, в запросе командующему группы армий «Центр» он написал:

> *«… район южнее Бобруйска в период с 29.3 по 3.4.1942 г. был очищен от партизан силами 707-й пехотной дивизии, находящейся в подчинении командующего охранными войсками. Ввиду того, что на проведение этих операций было предоставлено мало времени, не удалось произвести очистку других районов под Бобруйском…»*[76].

Командиры охранных дивизий рассматривали контрпартизанские акции как наступательные. Возможность оборонительных действий ими исключалась. Вследствие этого подавляющая часть выделенных сил и средств сосредотачивалась в первом эшелоне с целью немедленного обеспечения успеха. Партизаны разгадывали эти замыслы, и уходили из-под ударов карателей. Не достигнув цели — уничтожения народных мстителей, солдаты и офицеры вымещали злобу на мирных жителях. Едва ли не каждая экспедиция против партизан начиналась или завершалась истреблением мирного населения[77].

Так, в июле 1942 г. 201-я охранная дивизия уничтожила в Полоцком и Россонском районах Витебской области 112 человек. Подразделения 221-й дивизии в том же месяце расстреляли 29 человек в Гомельском районе. 603-й запасной пехотный полк (с 17 марта 1943 г. — охранный) в Узденском районе Минской области сжег деревню Александрово и расстрелял ее мужское население. 203-я и 286-я дивизии в конце июля — в начале августа 1942 г. участвовали в операции «Орел» (Adler), в которой 1 381 человек был расстрелян, 400 отправлены в лагеря смерти[78].

28 августа 1942 года партизаны осуществили налет на станцию Славное (участок железнодорожной магистрали Орша — Борисов), полностью вывели из строя станционное оборудование, ликвидировали около 300 коллаборационистов. Гитлер, узнавший об этом нападении, потребовал от командования

группы армий «Центр» немедленно провести «операцию возмездия». Эта задача была возложена на 286-ю охранную дивизию. Немцы арестовали 100 ни в чем не повинных людей и на глазах у местных жителей, сог-нанных к месту казни, расстреляли их. Но одного расстрела, видимо, показалось мало. Охранные войска сожгли дотла все деревни, расположенные справа и слева от железной дороги на протяжении от Орши до Борисова (среди них Ухвалы, Гаенку, Горожаново, Падры, Сомры, Ильяны, Черный Осов и многие другие)[79].

В целом 286-я охранная дивизия уничтожила в 1942 г. более 50 населенных пунктов, многие из них находились в Витебской области[80].

Иногда войска по охране тыла не стеснялись привлекать гражданское население для разминирования дорог. В приказе по 281-й дивизии от 16 июля 1943 г., например, указывалось на необходимость подобных действий. Военнослужащим не следовало сомневаться в правильности таких решений, так как речь шла об их безопасности. А что касается мирных граждан, то они «работают рука об руку с бандитами», отмечалось в приказе, поэтому излишня чувствительность и снисхождение к ним считались неуместными[81].

Борьба с партизанами потребовала от вермахта координирования своих действий с СС. Еще в сентябре 1941 г. по инициативе генерала фон Шенкендорфа были проведены сборы по «обмену опытом» между представителями армии и СД. В них участвовали офицеры, «отличившиеся» при проведении операций против народных мстителей. На сборах выступили высший фюрер СС и полиции «Россия-Центр» группенфюрер СС фон дем Бах, командир айнзатцгруппы «В» бригадефюрер СС Артур Небе, начальник штаба тылового района группы армий «Центр» подполковник Рюбзам и др. Между командирами СС и военными было достигнуто «взаимопонимание»[82].

Тесные отношения армейских органов с «Черным орденом» не раз подкреплялись соответствующими приказами[83]. На практике это выливалось в совместное использование охранных войск и эсэсовских формирований в масштабных антипартизанских операциях, — в частности, «Хватка» (Greif), в которой вместе с частями 286-й охранной дивизии (9 батальонов), двумя пехотными батальонами LIX армейского корпуса действовали 13-й и 14-й полицейские полки, особая команда СС «Дирлевангер»[84]. Итогом операции стало то, что было расстреляно 795 человек, еще 599 угнано на работы в рейх[85].

Вместе с тем истребительный характер антипартизанских акций негативно отражался на попытках военной администрации наладить хоть какое-то отношение с гражданским населением. Командующий охранными войсками группы армий «Центр» фон Шенкендорф в приказе от 3 августа 1942 г. признавал, что «сожжение деревень и расстрел жителей, особенно женщин и детей, дают обратную реакцию». Генерал, как видно далее из документа, постарался упорядочить террор, сделать его адресным — только в отношении тех лиц и населенных пунктов, где «однозначно доказана помощь партизанам»[86].

Указанной точки зрения начальник тылового района группы армий «Центр» придерживался и в дальнейшем. Правда, его рекомендации войскам — об использовании тактики избирательного террора — не перестали быть кровожадными. Кара для сотрудничавших с партизанами жителей, — а таких в оккупированных регионах было большинство — предусматривалась жестокая.

> *«Партизан, захваченных в бою, после короткого допроса расстреливать, — писал Шенкендорф в приказе от 14 декабря 1942 г. — При каждом партизанском нападении устанавливать срок явки виновных. По истечении срока расстреливать 100 человек из местного населения. Никаких предупреждений! Никаких штрафов! Только коллективные мероприятия против партизанских деревень, против населения, поддерживающего партизан»*[87].

Если армейское командование позволяло себе небольшие отклонения в вопросах применения репрессий, то руководство СС «полумеры» не признавало. «Ограничения» в борьбе с «бандами» могли вызывать у эсэсовских начальников лишь недоумение, но на взаимодействии с вермахтом эти «разногласия», в целом, не отражались, за исключением некоторых организационных моментов, служивших порою «камнем преткновения».

Для примера можно привести операции «Заяц-беляк» (Schneehase) и «Зимнее волшебство» (Winterzauber), которые проводились в январе-феврале 1943 года в Дриссенском, Освейском, Полоцком и Рассонском районах Белоруссии. Командир 201-й охранной дивизии генерал-майор Альфред Якоби

руководил операцией «Заяц-беляк». Экспедиция завершилась провалом. Стремясь реабилитироваться в глазах начальства, Якоби посетовал в докладе на то, что акция была бы гораздо эффективней, если бы органы СС и полиции рейхскомиссариата «Остланд», подготовившие операцию «Зимнее волшебство», провели ее одновременно с войсками группы армий «Центр»[88].

Конечно, основная причина провала карателей заключалась в упорном сопротивлении партизан и в немалых потерях оккупантов (около 1 000 человек убитых и раненых). Именно это попытался скрыть Якоби, говоря об отсутствии согласованных действий с СС. Зато для уничтожения людей и населенных пунктов взаимодействие с эсэсовцами не понадобилось. Во время двух экспедиций было убито и заживо сожжено 3 629 мирных жителей, главным образом старики, женщины и дети. Свыше 2 000 человек было угнано на принудительные работы в Германию. Более 1 000 детей отправили в концлагерь Саласпилс. На местах многих деревень остались одни печные трубы[89].

По такому же сценарию проводились и другие операции. В общей сложности, в ходе многочисленных акций (особенно таких, как «Орел», «Хватка», «Заяц-беляк», «Шаровая молния» (Kugelblitz) и «Громовой клин I и II» (Donnerkeil)), а также локальных зачисток, репрессиям и уничтожению подверглось более 140 000 мирных жителей[90].

* * *

Массовые и жестокие преступления охранных войск на захваченной территории Советского Союза свидетельствуют о том, что военные административные органы активно принимали участие в реализации истребительной политики Гитлера на Востоке. Причем охранные дивизии и части, выделенные для установления и поддержания «нового порядка», занимались террором и подавлением партизанского движения в течение всего периода оккупации. И если в уничтожении евреев роль соединений по охране тыла была незначительной, то в проведении антипартизанских операций, жертвами которых стали сотни тысяч советских граждан, она была определяющей, в чем вермахт вполне составил серьезную «конкуренцию» СС.

Систематические расстрелы, захваты заложников, сожжение населенных пунктов являлись типичными чертами деятельности охранных войск при проведении акций по «очищению завоеванных областей» от «враждебных элементов». В результате этих действий многие районы РСФСР, БССР и УССР были превращены в «зоны отчуждения», а население было либо вывезено, либо истреблено.

Все перечисленные злодеяния совершались по заранее утвержденным планам германского командования. И, разумеется, виновные должны были понести суровое наказание. Однако справедливое возмездие настигло далеко не всех[91].

---

1 *Wette W.* Sowjetische Erinnerungen an den deutschen Vernichtungskrieg // *Kohl P.* Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. Sowjetische Uberlebende berichten. Frankfurt-am-Main, 1995. S. 315–337; *Wette. W.* Juden, Bolschewisten, Slawen. Rassenideologische Russland-Feindbilder Hitlers und der Wehrmachtgeneräle // Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt-am-Main, 2000. S. 37–55; *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. Сборник статей. М., 2005. С. 94–124; *Wilhelm H.H.* Rassenpolitik und Kriegführung. Sicherheitspolizei und Wehrmacht in Polen und in der Sowjetunion 1939–1934. Passau, 1991. 242 s.; *Idem.* Die "nationalkonservativen Eliten" und das Schreckgespenst vom "judischen Bolschewismus" // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1995. Heft 4. S. 333–349; *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination // Soldatische Menschenführung in der Deutschen Militärgeschichte. Bd. 2. Hamburg 1969. S. 390–411; *Мессершмидт М.* Вермахт, восточная кампания и традиция // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 251–262; *Müller K.-J.* Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940. Oldenburg, 1989. 726 s.; *Förster J.* Das Unternehmen "Barbarossa" als Eroberung- und Vernichtungskrieg // Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 413–447; *Streit C.* Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen und völkerrechtliche Probleme des Krieges gegen die Sowjetunion // "Unternehmen Barbarossa". Der deutsche Uberfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Padeborn, 1984. S. 197–218; *Штрайт К.* «Они нам не товарищи…»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. 480 с.

2 *Hillgruber A.* Die Endlösung und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms

des Nationalsozialismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1972. № 20. S. 140; *Юбершер Г.* «Пакт с сатаной ради изгнания дьявола». Германо-советский договор о ненападении и военные намерения Гитлера в отношении Советского Союза // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 455.

3 *Uberschar G.K.* Hitler Entschluss zum «Lebensraum» — Krieg im Osten // Uberschar G.K., Wette W. Die deutsche Uberfall auf die Sowjetunion. Unternehmen «Barbarossa» 1941. Frankfurt-am-Main, 1991. S. 41; *Ферстер Ю.* Вермахт против СССР: война на уничтожение // Яд Вашем: Исследования. Вып. 1. Иерусалим, 2009. С. 01; *Шлеммер Т.* Меч фюрера. Вермахт // *Зюсс Д., Зюсс В.* Третий рейх. Расцвет и крах империи. Харьков; Белгород, 2009. С. 264; *Бордюгов г.* Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения // Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировой войнах. М., 2010. С. 964.

4 *Jacobsen H.-A.* Komissarbefehl und Massenexekution sowjetischer Kriegsgefangener / Anatomie des SS-Staates. Gutachten des Instituts fur Zeitgeschichte // *Hrsg. H. Buchheim, M. Broszat, H.-A. Jacobsen und H. Krausnick.* Bd. 2: Konzentrationslager, Komissarbefehl, Judenverfolgung. Olten und Freiburg im Breisgau, 1965. S. 170–182; Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992. С. 46; *Князьков А.С.* Оккупационный режим. Партизанское движение // Война и общество, 1941–1945. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2004. С. 264–265; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1992. С. 37.

5 *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt-am-Main, 1985. S. 99–100, 110–112; Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1985. С. 21.

6 *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im "Unternehmen Barbarossa". In: Zeitgeschichtliche Forschungen 23. Berlin, 2005. S. 414.

7 *Umbreit H.* Deutsche Militärverwaltungen 1938–1939. Die militärische Besetzung der Tschechoslowakei und Polens. Stuttgart, 1977. S. 151; *Штрайт К.* «Они нам не товарищи…». С. 32.

8 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2003. С. 261–262; *Жуков Д.* Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. № 2–3. 2010. С. 38–44; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 772–773.

9 Преступные цели — преступные средства. С. 21–22; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии... С. 262; Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 80.

10 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 107; *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945. М., 2008. С. 39; *Дробязко С.И.* Вторая мировая война. Пехота вермахта. М., 1999. С. 7.

11 *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 421; *Gerlach Chr*. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wehrmachts — und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 139. К 15 марта 1941 года завершилось формирование 8 охранных дивизий, 9-я дивизия — 454-я — была сформирована тремя днями позже, 19 марта. См.: *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Bd. 10: Die Landstreitkräfte 371–500 / Bearbeitete auf Grund der Unterlagen des Bundesarchiv-Militärarchivs; herausgegeben mit Unterstützurig des Bundesarchivs und des Arbeitskreise für Wehrforschung. Osnabrück, 1975. S. 209.

12 *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 424–425.

13 Ibid.

14 *Wette. W.* Juden, Bolschewisten, Slawen. Rassenideologische Russland-Feindbilder Hitlers und der Wehrmachtgeneräle. S. 52; *Кунц К.* Совесть нацистов. М., 2007. С. 239, 276.

15 Белорусский исследователь К.И. Козак считает, что корпусное управление VIII военного округа, которому подчинялось 6 охранных дивизий, было якобы создано в апреле 1941 года. См.: *Козак К.И.* Германские оккупационные органы управления: военные формирования, структура, задачи // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2010. С. 59. Хотя известно, что в военных округах Третьего рейха функции управлений корпусов и округов совмещались, и никаких дополнительных военных органов в VIII округе не создавали. См., например: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии... С. 83, 490, 622.

16 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии... С. 622; *Томас Н.* Немецкая армия на Восточном фронте, 1941–1943. М., 2002. С. 6; Уильямсон г. Немецкая военная полиция, 1939–1945. М., 2005. С. 16–18. Встречается точка зрения, что каждая охранная дивизия состояла из 3–5 полков и 1–3 полицейских батальонов. См.: *Пережогин В.А.* Вермахт и СС против партизан и населения // Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 84. В ведении

охранных дивизий также находилось 2–3 полевые и 6–10 местных комендатур, 2–3 пересыльных лагеря для военнопленных.

[17] Незадолго до нападения охранные дивизии, предназначенные для выполнения служебно-боевых задач в тылу группы армий «Центр», получили следующие части: 213-я охранная дивизия — 703-й охранный батальон, 286-я охранная дивизия — 704-й охранный батальон, 403-я охранная дивизия — 705-й охранный батальон. См.: *Munoz A.J., Romanko O.V.* Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Belorussia, 1941–1944. New York, 2003. P. 124–126. В тыловом районе группы армий «Север» действовало два охранных батальона: 706-й в составе 207-й охранной дивизии и 707-й в составе 281-й охранной дивизии. См.: *Крысин М.Ю.* Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М., 2004. С. 308–309. 701-й и 708-й охранные батальоны были переданы в состав 221-й и 444-й охранных дивизий.

[18] *Curilla W.* Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941 bis 1944. Paderborn, 2006. S. 58; *Campbell St.* Police Battalions of the Third Reich. Atglen, PA. Schiffler Military History, 2007. P. 29–30.

[19] Так, в приказе № 52 от 14 сентября 1941 года генерала Шенкендорфа отмечалось: «Для более успешной борьбы с партизанами… части дивизий охраны тыла распределить вплоть до взводов, и занять по возможности большее число населенных пунктов». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 132.

[20] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 417; *Пережогин В.А.* Вермахт и СС против партизан и населения. С. 84. В октябре 1941 года в 213-й охранной дивизии стояло на довольствии 16 тыс. чел., в 444-й охранной дивизии — 10 976 чел. См.: *Hammel K.* Kompetenzen und Verhalten der Truppe im rückwärtigen Heeresgebiet, in: Die Soldaten der Wehrmacht. Hrsg. von Generalleutnant *a.D. H. Poeppel*, *W.-K. Prinz von Preußen*, Staatssekretär a.D. *K.-G. von Hase* im Verein zur Aufarbeitung der jüngeren Geschichte e.V., München, 1998. S. 194. В начале ноября 1942 года боевой состав 286-й охранной дивизии составлял 4 088 чел., еще 9330 чел. стояли в соединении на довольствии. См.: *Козак К.И.* Германские оккупационные органы управления. С. 67.

[21] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 419–420; *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Bd. 8: Die Landstreitkräfte 201–280/ Bearbeitete auf Grund der Unterlagen des Bundesarchiv-Militärarchivs; herausgegeben mit Unterstützurig des Bundesarchivs und des Arbeitskreise für Wehrforschung. Osnabrück, 1973. S. 2, 12.

[22] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Начало (22 июня – 31 августа 1941 года). Т. II. Кн. 1. М., 2000. С. 193; *Дин М.* Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944. СПб., 2008. С. 51. В августе-сентябре 1941 года в тылу группы армий «Центр» также действовала 1-я кавалерийская бригада СС. См.: *Литвин А.М.* Убийцы // *Ковтун И.И.* Дивизия СС «Мертвая голова». История Третьей танковой дивизии войск СС. М., 2006. С. 181–189.

[23] *Хаупт В.* Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1944. М., 2005. С. 319–320.

[24] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 182; *Хаупт В.* Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 339–340; *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». М., 2006. С. 433–434; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии...С. 780–781. Данные о распределении охранных дивизий между тыловыми корпусами групп армий, которые приводит в своей книге Н. Мюллер (См.: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 107), не совсем точные: 221-я охранная дивизия была передана в 102-й тыловой корпус (группа армий «Центр»), а 213-я — в 103-й тыловой корпус (группа армий «Юг»).

[25] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 110–112, 124–126; Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 97; *Ковтун И.И.* По кровавым следам: преступления зондеркоманды 4-а в июне 1941 — январе 1942 года // Военно-исторический журнал. № 5. 2008. С. 17. См. также: Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941–1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Bd. 6. Berlin, 1997. 438 s.; *Angrik A.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion. 1941–1943. Hamburg, 2003. 796 s.; The Einsatzgruppen Reports. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squards' Campaing against the Jews July 1941 — January 1943. New York, 1988. 378 p.

[26] Были предусмотрены три должности высших фюреров СС и полиции: «Россия-Север» — для тыла группы армий «Север», «Россия-Центр» — для тыла группы армий «Центр» и «Россия-Юг» — для тыла группы армий «Юг». Высшим фюрером СС и полиции «Россия-Север» был группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Ганс-Адольф Прютцман, «Россия-Центр» — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Эрих фон дем Бах, «Россия-Юг» — обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих Еккельн. С 1941 года планировалась и четвертая должность высшего фюрера СС и полиции на Кавказе, которую должен был занимать бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Геррет Корземан. См.: Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 191–193; Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 100–101; *Breitman R.* Friedrich Jeckeln. Spezialist für die «Endlösung» im Osten // Die SS: Elite

unter dem Totenkopf. 30 Lebensläufe. Paderborn, 2000. S. 267–275.

[27] Полицейский полк «Север» состоял из 61-го, 112-го и 132-го полицейских батальонов, полк «Центр» — из 307-го, 316-го и 322-го батальонов, полк «Юг» — из 45-го, 303-го и 314-го батальонов. См.: *Campbell St.* Police Battalions of the Third Reich. P. 59, 63, 93–94, 96–97, 105–106, 117–120, 126–127, 130–131, 134–137; Холокост на территории СССР: энциклопедия. М., 2009. С. 192–193, 764–766, 773–774.

[28] *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1998. S. 333; *Ковтун И.И.* Бригада СС специального назначения // Тайны СС. «Черный орден» Гитлера: сборник. М., 2010. С. 155.

[29] Цит. по: *Westermann B.E.* Hitler's police battalions: Enforcing Racial War in the East. Lawrence, 2005. P. 174.

[30] Ibid. P. 175; *Browning Ch.* Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York, 2001. P. 11–12; *Gerlach Chr.* Kontextualisierung der Aktionen eines Mordkommandos — die Einsatzgruppe B // Täter im Vernichtungskrieg. Der Uberfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin — München, 2002. S. 87–88; *Кнопп Г.* Холокост. Неизвестные страницы истории. Харьков, 2007. С. 49; Холокост на территории СССР: энциклопедия. М., 2009. С. 68.

[31] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 157–158; *Gerlach Chr.* Die Einsatzgruppe B 1941–1942 // Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941–1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Bd. 6. Berlin, 1997. S. 54; *Чуев С.Г.* Спецслужбы Третьего рейха. Кн. II. СПб., 2003. С. 34. К 14 ноября 1941 года АК-8 уничтожила около 28 тысяч человек. См.: *Залесский К.А.* Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М., 2009. С. 279.

[32] Цит. по: *Heer H.* Killing Fields. Die Wehrmacht und der Holocaust // Mittelweg 36. Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung, 1994. 3. Jg. Juni/Juli. S. 16.

[33] Ibid. 27 июля 1941 года солдаты 350-го полка уже успели расстрелять «несколько русских солдат и евреев». См.: *Gerlach Chr*. Kalkulierte Morde. S. 542.

[34] *Gerlach Chr.* Die Einsatzgruppe B 1941–1942. S. 54; *Gerlach Chr.* Kontextualisierung der Aktionen eines Mordkommandos — die Einsatzgruppe B. S. 91; *Залесский К.А.* Охранные отряды нацизма. С. 358; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 243; *Кнопп Г.* История вермахта. Итоги. СПб., 2009. С. 118; Холокост на территории СССР: энциклопедия. М., 2009. С. 481, 1036. В общей сложности АК-9 уничтожила свыше 11 тысяч человек.

[35] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 60. Д. 281. Л. 15. 324об; Д. 288. Л. 1об, 3; *Pohl D.* Die Einsatzgruppe C 1941–1942 / *Klein P. (Hrsg.).* Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941–1942. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Bd. 6. Berlin, 1997. S. 78; «Unsere Ehre heißt Treue». Kriegstagebuch des Kommandostabes RFSS. Tätigkeitsberichte der 1. und 2. SS-Infaterie-Brigade, der 1. SS- Kavallerie-Brigade und von Sonderkommandos der SS. Frankfurt-am-Main-Wien-Zürich, 1965. S. 103–105; *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 243; Холокост на территории СССР: энциклопедия. М., 2009. С. 147–148. Что интересно, 20 октября 1941 г. штаб 444-й охранной дивизии извещал вышестоящее командование о том, что «еврейский вопрос» на юге Украины «решен окончательно». См.: *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 223.

[36] Например, только одна зондеркоманда 4-а, входившая в состав оперативной группы «С», в период с конца июня до конца ноября 1941 года расстреляла 59 тысяч 18 человек. См.: The Einsatzgruppen Reports. P. 282. Айнзатцгруппа «А» до января 1942 года уничтожила на территории Прибалтики и Белоруссии 330 тысяч евреев. См.: *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg — verbrecherische Wehrmacht? // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. München, 2004. Heft 1. S. 31.

[37] Auszüge aus der Direktive der Sicherungs-Division 207 vom 5. Juli 1941 über die «Durchführung von Sicherungsaufträgen» // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944 // *Benz W., Kwiet K., Matthäus J.* Berlin, 1998. S. 85.

[38] Цит. по: *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 202; *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. München, 2004. Heft 1. S. 32; *Якобсен Г.-А.* В ловушке идеологической войны. К вопросу о роли германского вермахта в походе против России (1941–1945) // Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 года. М., 2008. С. 229.

[39] *Hesse E.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spigel deutscher Kampfweisungen und Befehle. Göttingen, 1969. S. 76.

[40] Ibid. S. 76–77.

[41] Еще в распоряжении ОКВ «о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г. подчеркивалось, что офицеры, занимавшие должность не ниже командира батальона, получали право проводить массовые насильственные меры против гражданского населения, если войска подверглись «коварному» нападению. См.: Преступные цели — преступные средства. С. 28.

[42] Auszug aus den Verwaltungsanweisungen der Sicherung-Division 281 vom 30. Juli 1941 betr. Juden // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 122.

[43] Именно такая последовательность действий по созданию гетто прослеживается в приказах командующего охранными войсками и начальника тылового района группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа. См. его приказы: Auszug aus Verwaltungs-Anordnung Nr. 1 des Befehlshaber des rückwärtigen Heeres-Gebiets

Mitte (v. Schenkendorff) vom 7. Juli 1941 u.a. betr. Kennzeichnung von Juden, Verbot des Schächtens // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 118–119; Auszüge aus der Verwaltungs-Anordnung Nr. 2 des Befehlshaber des rückwärtigen Heeres-Gebiets Mitte (v. Schenkendorff) vom 13. Juli 1941 u.a. betr. Behandlung von Juden, Einsetzung von Judenräten und Beerdigung von Leichen // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 120–121.

44 *Розенблат Е.С.* Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2010. С. 218; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти... С. 98–100; *Дин М.* Пособники Холокоста… С. 108.

45 *Якобсен Г.-А.* В ловушке идеологической войны. С. 229; *Westermann B.E.* Hitler's police battalions. P. 188–189.

46 Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Hamburg, 1995. S. 474; *Strang K.* Hilfspolizisten und Soldaten: Das 2./12 litauische Schutzmannschaftsbataillon in Kaunas und Weißrußland // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 867. Полное имя Бехтольсхайма — Густав Фрайхерр Мария Бенно фон Маухенхайм (16.6.1889–25.12.1969). Родился в Мюнхене. Участник Первой мировой войны. Летом 1939 года был назначен на должность командира 404-го пехотного полка. В начале мая 1941 г. командир 707-й пехотной дивизии. 1 августа 1941 г. получил воинское звание генерал-майора. С лета 1941 по февраль 1943 гг. на Восточном фронте. Военный комендант генерального округа «Белоруссия» (1941–1942 гг.). С 1 апреля 1943 г. инспектор управления по комплектованию войск в Гейдельберге. Скончался в Ноненхорне. См. также: *Кнопп Г.* История вермахта. Итоги. С. 259–260.

47 *Lieb P.* Die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941–1942 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. München, 2002. Heft 4. S. 531.

48 Ibid. S. 545; *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg — verbrecherische Wehrmacht? // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. München, 2004. Heft 1. S. 27.

49 Auszug aus dem Befehl Nr. 24 des Kommandanten in Weißruthenien (v. Bechtolsheim) vom 24. November 1941 u.a. betr. «Juden und Zigeuner» // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 78. См. также другие приказы фон Бехтольсхайма: Auszug aus dem Befehl des Kommandanten in Weißruthenien (v. Bechtolsheim) vom 20 Oktober 1941 u.a. betr. Juden // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 77–78; Auszug aus dem Befehl Nr. 29 des Kommandanten in Weißruthenien (v. Bechtolsheim) vom 15 Dezember 1941 u.a. betr. «Juden auf dem flachen Lande» // Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». S. 123; Выписки из отчетов военного коменданта Белоруссии генерала фон Бехтольсхайма за период с 1 по 10 ноября 1941 г., с 1 по 30 ноября 1941 г., от 8 января 1942 г., от 15 февраля 1942 г. См.: *Ферстер Ю.* Вермахт против СССР: война на уничтожение. С. 113–114.

50 *Gerlach Chr.* Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland 1941–1943 // Projektgruppe Belarus im Judenclub Courage Köln e.V. (Hg). «Existiert das Ghetto noch?». Weißrussland: Jüdisches Uberleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Berlin; Hamburg; Göttingen, 2003. S. 203.

51 *Heer H.* Killing Fields. S. 25; Холокост на территории СССР: энциклопедия. С. 148. По некоторым данным, рота 707-го саперного батальона 707-й пехотной дивизии принимала участие в уничтожении евреев минского гетто осенью 1941 года. См.: *Campbell St.* Police Battalions of the Third Reich. P. 52.

52 *Heer H.* Killing Fields. S. 26; *Gerlach Chr.* Kalkulierte Morde. S. 617. Немецкий исследователь Петер Либ считает, что до конца 1941 г. 707-я пехотная дивизия расстреляла 10000 евреев. См.: *Lieb P.* Die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941–1942. S. 544.

53 В работе Ханнеса Геера встречается утверждение, что в войсках доминировала расистская точка зрения, касавшаяся истребления мирного населения, а потому серьезного внимания проблеме формирующегося партизанского движения немецкое командование почти не уделяло (См.: *Heer H.* Killing Fields. S. 16–17). На наш взгляд, такая позиция представляется несколько упрощенной. На партизанскую проблему немецкое командование обращало внимание всегда, просто карательные и антипартизанские мероприятия настолько переплелись между собой, что провести между ними четкое разграничение было довольно трудно, хотя все фазы подготовки и проведения таких акций внешне и отчасти внутренне носили военный характер.

54 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба генерал-полковник Ф. Гальдер был вынужден отметить в своем дневнике, что «серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района. Своеобразный характер боевых действий обусловил необеспеченность тыла, где нашим коммуникациям угрожают многочисленные остатки разбитых частей противника. Одних охранных дивизий совершенно недостаточно для обеспечения всей занятой территории. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии». См.: «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 240.

55 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. Т. II. Кн. 2. М., 2000. С. 509.

56 ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 140.

57 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtfürungsstab). Bd. I. Frankfurt-am-Main, 1961. S. 452.

[58] *Хаупт В.* Группа армий «Север». С. 321.

[59] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 233. Более подробно об операции в тылу 16-й немецкой армии см.: *Hesse E.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg. S. 116–118.

[60] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т. Т. I. Минск, 1983. С. 151; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944). Минск, 1984. С. 234, 241.

[61] Органы государственной безопасности СССР. Т. II. Кн. 1. С. 193; Нацистская политика геноцида. С. 242.

[62] Нацистская политика геноцида. С. 221.

[63] Цит. по: *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 432; *Пережогин В.А.* Вермахт и СС против партизан и населения. С. 84. В декабре 1941 г. в состав 102-го тылового корпуса входили: 339-я и 707-я пехотные дивизии, 221-я, 286-я и 403-я охранные дивизии, 1-я мотопехотная и 1-я кавалерийская бригады СС, 229 пехотных рот, 12 рот истребителей танков, 9 рот тяжелого пехотного оружия, 11 артиллерийский батарей. См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 401.

[64] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 433.

[65] См.: The Einsatzgruppen Reports. P. 158.

[66] *Hesse E.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg. S. 86.

[67] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 243.

[68] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 429.

[69] *Петров Ю.П.* Партизанское движение в Ленинградской области. Л., 1972. С. 137, 165.

[70] Цит. по: *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 431.

[71] К началу января 1942 года численность различных полицейских частей, обеспечивавших вооруженную опору оккупационного режима, составляла 60 420 чел. См.: *Förster J.* Die Sicherung des «Lebensraumes» / Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 1061.

[72] См.: Запрос генерала Шенкендорфа о выделении сил для борьбы против партизан от 16 апреля 1942 г. / «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 398.

[73] Цит. по: *Heer H.* Killing Fields. S. 26–27.

[74] *Lieb P.* Die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941–1942. S. 551; *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 243; *Уайберг Г.* Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области // *Армстронг Дж.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М., 2007. С. 51. Следует сказать, что в операции «Бамберг» также принимали участие 315-й полицейский батальон и части 102-го словацкого полка. См.: *Campbell St.* Police Battalions of the Third Reich. P. 130.

[75] *Heer H.* Killing Fields. S. 27.

[76] Цит. по: Запрос генерала Шенкендорфа о выделении сил для борьбы против партизан от 16 апреля 1942 г. // «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 398–399.

[77] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. I. С. 440.

[78] Нацистская политика геноцида. С. 244–245.

[79] Из допроса подсудимого Иоганна Рихтера, генерал-лейтенанта, бывшего командира 286-й охранной немецкой дивизии, о расстреле гитлеровцами 100 мирных советских граждан в районе станции Славное в августе 1942 г. от 15 января 1946 г. / Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944. Документы и материалы. Минск, 1965. С. 331–332; *Семенова А.В.* Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами // Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 380–381.

[80] Нацистская политика геноцида. С. 236.

[81] Befehl der 281. Sicherungsdivision vom 16. Juli 1943 über den zwangsweisen Einsatz der Zivilbevölkerung zum Minenräumen // *Kohl P.* Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. Sowjetische Uberlebende berichten. Frankfurt-am-Main, 1995. S. 272.

[82] *Krausnick H.* Hitlers Einsatzgruppen. S. 217–218; *Förster J.* Die Sicherung des «Lebensraumes». S. 1044; *Gerlach Chr.* Kalkulierte Morde. S. 566; *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 456.

[83] Например, для обеспечения тесного взаимодействия между СС и охранными войсками группы армий «Центр» при проведении антипартизанских операций в прифронтовой полосе 27 октября 1942 года было подписано специальное соглашение между «уполномоченным рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом» фон дем Бахом и генералом фон Шенкендорфом. См.: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. С. 182.

[84] Befehl des Kommandierenden Generals der Sicherungstruppen und Befehlshaber im Heeresgebiet Mitte vom 8. August 1942 über geplante Aktionen gegen die sowjetische Partisanenbewegung // *Kühnrich H.* Der Partisanen Krieg in Europa 1939–1945. Berlin, 1965. S. 512; Нацистская политика геноцида. С. 245. В этой же операции участвовали 638-й пехотный полк и подразделения РННА (Русской национальной народной армии). См.: *Kosak K.I.* Franzosen in den Verbänden der Wehrmacht // Täter im Vernichtungskrieg. Der Uberfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin — München, 2002. S. 161–162; *Казицкий А.* Коварство «Седой головы» // Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М., 1985. С. 136.

[85] Нацистская политика геноцида. С. 235, 245.

[86] Приказ командующего охранными войсками и начальника тылового района группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа от 3 августа 1942 г. о карательных мерах в отношении гражданского на-

селения в вверенном ему районе // Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 133–134.

[87] Цит. по: *Лещинский Л.М.* Хойзингер — военный преступник! М., 1961. С. 46.

[88] *Захаров И.* Война в краю озер. Минск, 1973. С. 225, 241.

[89] Auszüge aus dem Schriftwechsel des RKO, Abt. I, mit dem Generalkommissar Lettland vom Juli 1943 betr. "Unternehmen Winterzauber" // Einsatz im "Reichskommissariat Ostland". S. 244–246; Нацистская политика геноцида. С. 252; *Захаров И.* Война в краю озер. С. 226. В ходе операции «Заяц-беляк» части 201-й охранной дивизии при поддержке ГФП расстреляли 184 «бандитских помощника», 321 партизана. См: *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 468.

[90] *Arnold K.J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik… S. 479; *Gerlach Chr*. Kalkulierte Morde. S. 899–904, 955.

[91] Например, в СССР на скамье подсудимых оказалось 300 солдат и офицеров 286-й охранной дивизии, включая ее командира — генерал-лейтенанта Иоганна Рихерта, а также командиры полков 707-й пехотной дивизии — полковник Фриц Бах и подполковник Гейнц Генрих Франке. См.: *Шарков А.* Сталинские приговоры иностранным военнопленным в БССР / *Карнер С., Селеменев В.* Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. Грац — Минск, 2007. С. 117, 139–141, 155; *Руггенталер П.* «Борьба против партизан» и «угон населения на принудительные работы» как пунты обвинения в совершении военных преступлений военнопленных австрийцев и судетских немцев // *Карнер С., Селеменев В.* Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. Грац — Минск, 2007. С. 287–289.

УДК 355.411.1(474.3) «1944/1945»
ББК 63.3(2Лат)622 «1944-1945»
П 12 Э 14

Эдвинс Эвартс
Юрис Павлович

«Курляндский котел» 1944–1945: повседневность в условиях блокады[1]

Изложение некоторых результатов нашего изучения одной из любопытных, но незнаменитых страниц Второй мировой войны хотелось бы предварить кратким экскурсом в социально-политическую историю Курляндии, во многом определившую и социокультурные особенности ее жителей к 40-м годам XX века.

Название «Курляндия» имеет несколько значений. Географически это полуостров на западе Латвии. Исторически — бывшая территория герцогства Курляндского, вошедшего в состав России в 1795 году. Наконец, этнографически это бывшая область племени курсов вдоль Балтийского моря, занимающая большую часть полуострова. Именно о Курляндии этнографически-культурной и пойдет речь.

Регион Курляндии невелик — чуть больше 13 тысяч квадратных километров, общая численность населения никогда не превышала полумиллиона, а в 18–19 веках и 300 тысяч[2]. Долгие столетия немецкого владычества оставили свой отпечаток на обычаях и характере людей. До середины 20 века сельское население Курляндии было исключительно латышским, с небольшой областью на севере региона, где проживали финно-угорские ливы. В городах до начала 20 века проживали в основном немцы. Проникновение немецкой культуры в латышскую среду было медленным, отношения обоих народов — крайне напряженными. В позднее средневековье курляндские немцы не видели особой разницы между своими латышскими холопами и скотом, да и позднее, если взять хотя бы мемуары помещицы мызы Айзупе от 1823 года, немцев не переставала удивлять «дикость» и «некультурность» холопов.

За каких-то полвека так называемого первого латышского национального пробуждения («Атмода», сер. — II пол. XIX в.) сельское население края преобразилось, выдвинув из своей среды чиновников, предпринимателей и людей искусства. Позиции немцев были поколеблены, и культура региона начала становится подавляюще латышской.

Многовековые тяготы, войны и мор сформировали сложный и неоднозначный характер жителя Курляндии. В глазах латышей из других регионов курляндцы были нелюдимы, неприветливы и в одинаковой мере склонны к стяжательству и расточительности под влиянием разгульной жизни своих немецких хозяев. Инородцев курлянд-цы не то чтобы не любили, но не привечали, о чем свидетельствует, например, местная привычка называть хама «сварливым поляком». В течение столетий образ жизни курляндцев попадал под все большее немецкое влияние в быту, развлечениях, но не в языковой сфере.

Первая Мировая война нарушила плавное поступательное развитие как приграничной с Восточной Пруссией Курляндии, так и других населенных латышами губерний Российской империи (Лифляндия и латгальская часть Витебской губернии). В 1915 году, в связи с отступлением Русской императорской армии под ударами германских войск, примерно половина населения Курляндии вместе со скотом и скарбом отправилась в вынужденное изгнание на восток. Изрядная часть эвакуированных добралась даже до столь далеких городов, как Пермь и Уфа. Домой большинство из них вернулось уже после окончания мировой и гражданской войн в 1920 году[3].

Последствия вынужденной массовой эвакуации были различными по своему характеру. С одной стороны, из-за нарушения повседневного хозяйства Курляндский регион (Курземе) отстал от более удачливой Лифляндии, не затронутой войной столь глубоко и длительно. С другой стороны, большинство местного населения Курземе теперь владело разговорным русским язы-

ком, имело ясное представление о своих восточных соседях и не испытывало «страха перед медведем». С точки зрения 20-х годов подобные познания давали мало выгоды, но все переменилось в 1939 году с прибытием в Латвию многочисленного контингента советских военных баз и позднейшего потока беженцев из России на исходе Второй Мировой. Последний год войны население региона вместе с десятками тысяч беженцев и войск немецкой оккупационной армии было вынуждено существовать в условиях блокадной жизни «Курляндского котла», где обыденность и роковые события перемешивались самым причудливым образом.

Начало войны и последующая смена властей для Курляндии прошла быстро и почти незаметно. Единственным исключением был город Лиепая и его окрестности, где из-за боев между передовыми германскими частями и гарнизоном военно-морской базы произошли значительные разрушения, включая бессмысленный поджог немцами уже покинутой советскими солдатами деревни. Для остальной Курляндии события развивались следующим образом: 27 июня 1941 года все представители советской власти внезапно снялись с мест и уехали в неизвестном направлении. После короткого периода безвластия к 1 июля (самое позднее — к 3 июля) во всех волостях Курляндии появились небольшие немецкие патрули, а в городах были оборудованы комендатуры[4]. Это не означало немедленное установление оккупационной власти — в приграничных с Литвой областях немцев впервые увидели лишь к 10 июля, а в остальных местах они не менее месяца были заняты организацией системы береговой обороны.

В сельских общинах Курляндии начало немецкой оккупации привело к расколу на основе политических предпочтений, а чаще бытовых разногласий, где прежняя работа в советских учреждениях служила лишь удобной причиной для сведения счетов. В течение первого года оккупации наступила неизбежная нехватка почти всех промышленных товаров, особенно одежды и обуви. Это привело к образованию узкого слоя спекулянтов, наживавшихся на нелегальной торговле предназначенного для распределения среди неимущих «еврейского добра» (вероятно, так и было, но прямых свидетельств того, что бывшие в употреблении вещи являлись имуществом уничтоженных еврейских семей, не обнаруживалось). К 1943 году в Курляндии свои позиции прочно восстановила традиционная волостная и городская элита, используя для сохранения власти почти рабское следование всем инструкциям и указаниям своих немецких хозяев. В условиях жестокой распределительной системы это означало существование на грани прожиточного минимума для тех, кто не получал особых привилегий. Для сельских «самозанятых» людей возможность получения талонов на промтовары — сахар и водку, определялось не только количеством сданных продуктов, но и признанием благонадежности со стороны волостных властей.

В 1944 году, после трех лет нахождения в немецком тылу, в Курляндию пришла война. 30 июля волна советского наступления, пройдя через Литву, пересекла южную границу Латвии и достигла берега Рижского залива. Линия фронта вплотную приблизилась к Курляндии. В тот же день почти во всех курляндских городах и селах случилось нечто доселе невиданное — паника среди немецких солдат и чиновников, бросивших подчиненные им земли на произвол судьбы, дабы искать спасения в ближайших портах. В сущности, три-четыре дня органов оккупационной власти в Курляндии, можно сказать, попросту не было.

Мощным танковым контрударом советское наступление в сторону Курляндии было остановлено, но на других участках фронт неумолимо катился на запад. В течение августа-сентября 1944 г. непрерывно нарастал поток беженцев. К октябрю в Курляндии проживало 230 тысяч местного населения и 150 тысяч беженцев[5], не имеющих возможности двигаться дальше. Как минимум треть беженцев составляли жители оккупированных областей России и Белоруссии, отправившиеся в изгнание не только по прямому принуждению, но и под воздействием весьма эффективной нацисткой пропаганды, стращавшей людей возвращением «красного террора». Если в оккупированных славянских областях подобным призывам внимала лишь малая часть населения, то Прибалтика оказалась охвачена приступом страха, чему заметно способствовала и поддержка нацистской пропаганды со стороны местной творческой интеллигенции, имевшей антисоветские взгляды.

В результате подавляющее большинство беженцев-латышей восприняли происходя-

щее как подлинный конец света. Дневниковые записи того времени, даже если их авторы слыли людьми весьма образованными, скорее напоминают религиозные тексты, нежели мысли о текущем моменте[6]. Вполне очевидно, что подавляющее большинство жителей Латвии, бежавших на запад и бесцельно осевших в Курляндии, стали жертвами нацистского обмана и, оставшись на месте, они избежали бы значительных материальных и личных потерь. Вне пределов Германии немецкие власти не проявляли ни малейшего интереса к потокам беженцев (не считая издания вороха бесполезных циркуляров), переложив в Латвии заботу о них на местные латышские самоуправления и полуофициальную благотворительную организацию «Tautas Palīdzība» («Народная помощь»), средства которой иссякли уже к ноябрю.

10 октября 1944 года советские войска вышли к Балтийскому морю, отрезав сухопутное сообщение между Курляндией и Германией. Образовался просуществовавший до конца войны так называемый «Курляндский котел», включавший в себя большую часть западной Латвии. Полмиллиона жителей и беженцев оказались в фактическом окружении и блокаде, которая не стала полной лишь из-за ограниченных возможностей советского Балтийского флота, лишенного ближних мест базирования. Вплоть до капитуляции немецкий оккупационный режим пытался создать видимость тотального контроля, продолжая вмешиваться во все сферы гражданской жизни. Возможностей для этого было достаточно, поскольку военный гарнизон «котла» по численности был сравним с коренным населением.

Вопрос об особенностях повседневной жизни в условиях Курляндского котла в первую очередь является частью проблемы замкнутых оккупированных областей в условиях Второй мировой войны. Речь идет о территориях под контролем войск противника, так или иначе отрезанных от своих центров снабжения и вынужденых существовать обособленно. В западной историографии, как правило, ведутся весьма активные исследования повседневной жизни на нормандских островах Джерси и Гернси, занятых в 1940 году немецкими войсками. Отличие обычной оккупации от «замкнутой» в том, что при чрезвычайных условиях обособленного существования ни войска, ни администрация более не способны соблюдать собственные же законы и правила, вольно или невольно закрывая глаза на произвол.

Даже на столь ограниченном пространстве можно выделить пять «регионов» с различными условиями жизни.

Во-первых, это такие города и относительно крупные населенные пункты, сохранившие остатки былой инфраструктуры, но страдавшие от серьезной нехватки продовольствия, как Лиепая, Вентспилс, Кулдига и Талси. Повышенным риском для населения был тот факт, что города больше остальных мест бомбардировались, особенно Лиепая в октябре-декабре 1944 г.[7] Повседневная жизнь малых населенных пунктов слабо отличалась от жизни на селе. При этом стоит отметить, что в Тукумсе, после кратковременного его пребывания под контролем советских войск, самоуправление немцами и местными жителями больше не восстанавливалось.

Во-вторых и в-третьих, это 20-километровая прифронтовая полоса и курляндское морское побережье глубиной 10 км, где выселялась большая часть жителей[7]. В приморской зоне сохранились почти лишь только те селения, в которых занимались рыболовством.

В-четвертых и в-пятых — соответственно, западная и восточная половины Курляндии. В западной части, ввиду избытка лесов, наблюдалась повышенная концентрация вооруженных групп как известной, так и нелегальной принадлежности: от советских разведотрядов, до дезертиров и уголовников. В восточной части главной угрозой для населения являлось растущее самоуправство немецких и местных властей.

Историю жизни в «Курляндском котле» можно разделить на три периода. Первый — с июля по октябрь 1944 г., перед образованием собственно «котла», характеризуется крушением немецкого гражданского управления, экономики и культурной жизни, прибытием в Курляндию основной массы беженцев, всеобщей паникой и распространением слухов. Во время второго периода — с октября до конца января 1945 г., оккупационным властям, благодаря краткому затишью на Восточной фронте и активному морскому сообщению с Германией, еще удается поддерживать видимость порядка и остатков гражданской жизни. Третий период — с февраля до мая 1945 г. ознаменовал фактическое крушение современной циви-

лизации в пределах Курляндии — с отменой денег и большинства общественных институтов и полнейшим произволом со стороны любого немецкого военнослужащего. Лишь окончание войны предотвратило начало полного социального коллапса.

Развал нацистского оккупационного режима на территории Латвии осенью 1944 г. означал конец немецкой распределительной системы также и на территории Курляндии. Несмотря на все ее недостатки и низкую эффективность, карточная система была единственной возможностью пропитания для городского населения ввиду недоступности для большинства цен «черного рынка». Введенное в Германии распределение промышленных товаров не распространялось на оккупированные страны, хотя сельское население Латвии могло обменять сданные сверх обязательных норм продукты на водку, сладости и некоторые предметы одежды. Символом «начала конца» в июле 1944 г. для многих сельских жителей Курляндии стал отказ властей продолжать отоваривать так называемые «премиальные талоны», а также полное прекращение уже и без того минимальных продаж сахара[9].

С октября 1944 г. горожане Курляндии, имевшие право на карточку, получали 225 гр. хлеба в день и 350 гр. говядины в неделю. Неразумное обращение со стадами[10] пригнанного беженцами скота вызвало массовый падеж. Уже к концу года говядину все чаще приходилось заменять кониной, а к марту 1945 г. уменьшить мясной паек до 100 гр. в неделю[11]. Выдача других продуктов, кроме некоторого количества соли, предусмотрена не была, и лишь высокое качество пайкового хлеба немного спасало от полного недоедания. Любой завод или мастерская, способные предложить крестьянам хоть что-то в обмен на продукты, совершали бартерные сделки и таким образом кормили своих рабочих обедом. Хотя в это трудно поверить, но голод в Курляндском «котле» так и не наступил — благодаря значительным сельхозресурсам и находчивости жителей, использовавших любые пригодные в пищу растения.

В качестве важного продукта питания использовалась сахарная свекла, не столь подверженная строгостям немецкого контроля. Свеклу ели свежей, варили и делали из нее сироп. В воспоминаниях многих курляндских детей военной поры сахарная свекла часто давала единственную возможность наполнить желудок вечером. В весьма обширных лесах собирали грибы, ягоды и заячью капусту. Ввиду отсутствия разрешенного оружия была невозможна охота и сколько-нибудь продолжительное пребывание в глубоком лесу. Из-за ограничений на использование лодок и принудительной эвакуации прибрежной зоны прекратилась обменная торговля между рыбаками и крестьянами.

Не менее серьезной проблемой было почти полное отсутствие спичек, керосина и мыла. Керосин обычно покупали у немцев в обмен на продукты, но в январе оккупационные власти провели реквизицию керосиновых ламп, оставив лишь по одной на каждое хозяйство. Качественное мыло ценилось буквально на вес золота и являлось главной валютой бартерного обмена. В случае краж с военных складов сначала искали не деньги или ценности, а мыло, зная, что обменяют на него все остальное. Заниматься мыловарением на дому было невозможно из-за отсутствия жиров, поскольку весь скот находился под строгим учетом властей и беспричинный забой жестоко карался. В подобных условиях было трудно поддерживать чистоту и гигиену, особенно в зимнее время, и большинство сельского населения страдало от вшей[12].

Приобретение новой одежды и обуви совершалось либо путем обмена на продукты тканей и обмундирования со складов Вермахта с последующим перешивом или покупкой чего-либо из запасов состоятельных беженцев. Отлично осознавая обменную ценность качественной одежды, беженцы из латышской элиты и интеллигенции везли с собой лучшие предметы гардероба, в случае необходимости выменивая на продукты или уплачивая одеждой за квартиру или дрова. Ввиду того, что численность оккупационного гарнизона почти равнялась числу коренного населения, возможностей выторговать хоть какую-то одежду было немало. И в конце войны, и в первые послевоенные годы одежда курляндцев, даже в перешитом виде, имела полувоенный вид, а брюки из-за нехватки чулок носило даже большинство женщин.[13]

Использование немецкой униформы в качестве гражданской одежды приводило курляндцев к немалым проблемам уже в послевоенные годы. В сельской местности и небольших городках перешитые немецкие шинели не привлекали ни малейшего внимания местных жителей, но

в конце 40-х гг. нередко делали человека подозрительным при встрече с представителями власти. Но другого выхода не было, поскольку начать смену гардероба курляндцы смогли только в 50-е гг.

В 1944 г. сельскохозяйственный сезон в Европе и Латвии был относительно благоприятным, приводя Вермахт к ошибочному выводу, что в Курляндии ожидается обильный урожай и войска смогут полноценно жить на местном довольствии. Кроме того, зима оказалась мягкой, и первые серьезные заморозки были во второй декаде ноября, а снег выпал лишь в декабре. Холода случались редко, и уже в марте настала теплая погода. Благодаря умеренности климата не началась эпидемия брюшного тифа. Заболевания отмечались к январю 1945 г. лишь в густонаселенной Лиепае[14], но даже там не достигали масштабов эпидемии.

Медицинская помощь для жителей, также как и ветеринария, в целом были очень плохо организованны и даже пережили кратковременний коллапс. Все зависело от того, остался ли местный врач, фармацевт или медицинский работник на своем посту. Даже такие крупные города, как Кулдига на короткий момент оставались без всякой медицинской помощи[15]. Часто врачи-беженцы старались не раскрывать свою личность[16], не желая осложнять и без того непростую жизненную ситуацию. Существовало много мест, где медицинская помощь вообще была недоступна, и люди были вынуждены вспоминать древние методы лечения. Следует отметить и то, что присутствие рядом немецких врачей и наличие военных госпиталей вовсе не означало их открытость для нужд местного населения или беженцев, однако в редких случаях помогали и немцы. Так, в конце октября 1944 г. из Павилосты уехали все врачи и младший медицинский персонал, оставив город без помощи, и медобслуживанием жителей были вынуждены заняться немецкие военные врачи, обеспечивая хоть какой-то врачебный уход[17].

Совершенно новое социальное значение приобрело публичное употребление горячительных напитков. Выдача населению водки по карточкам прекратилась с образованием «котла», а бутылка скверного немецкого шнапса на «черном рынке» стоила не меньше месячной зарплаты рабочего. Расцвет самогоноварения был естественным и неизбежным, несмотря на все запреты. Запасы зерна и сахарной свеклы позволяли задействовать на полную мощность самогонный аппарат почти в каждом середняцком хозяйстве. Ввиду регулярного надзора за домами со стороны волостных чиновников и полицаев, изготовление самогона обычно производилось на опушке леса[18] под «охраной» какой-либо местной вооруженной группы. При этом очень часто наблюдалось полное взаимопонимание между «зелеными»

и «красными». Употребление горячительных напитков в компании званых, а часто и незваных вооруженных гостей, было важной и необходимой частью повседневной жизни в «котле» для любого сельского жителя среднего достатка. Таким путем добивались покровительства, а чаще — невмешательства «лесных гостей» и представителей власти, откупались от них, пытаясь оставить себе достаточно продуктов для выживания. Присутствие пьяных «людей с ружьями» было крайне рискованным и в некоторых случаях вело к гибели целых семей, но другого выхода в то время не видели.

Пережившие войну дети Курляндии познее характеризовали свои ощущения как чувства страха и голода, или, вернее, недоедания. Источником страха была не боязнь за собственную безопасность — случаи беспричинного нападения на детей почти не зафиксированы, а ужас при виде беспомощности собственных родителей перед лицом любого вооруженного незнакомца. Даже пройдя годы войны без ранений, выросшие дети страдали от нервных расстройств и прочих проблем эмоционального характера. Былые детские страхи они передали своему потомству, и даже в современной Латвии тысячи зрелых людей имеют скрытые недуги, происхождение которых кроется во мраке военного времени. Также нет прямых доказательств того, что нехватка продовольствия серьезно повлияла на рост и здоровье детей. Чуство голода было в основном психологическим, от простой, невкусной и однообразной пищи, от опасений, что завтра может не найтись даже свеклы и капусты, а также полного отсутствия любых детских лакомств. Повседневность подобного рода, при всем падении нравов, приводила не к преждевременному полноценному взрослению, а скорее к чувству безысходности и потере интереса к жизни, если не тогда, то через годы и десятилетия.

Военная пора для детей подросткового возраста была временем очень разнообразных впечатлений. В Лиепае, Вентспилсе и Талси молодые люди, особенно из семей среднего класса, продолжали посещать школу, которая вновь открылась в ноябре–декабре 1944 г.[19] По крайней мере, некоторые из них позже в воспоминаниях не видели большой разницы между повседневной жизнью войны и первых послевоенных лет.

За пределами трех городов для большинства молодых людей это было время двух упущенных лет в получении образования, из-за которых многие впоследствии вынуждены были изменить послевоенные карьерные планы. После того, как ведущие чиновники Земельного самоуправления в октябре 1944 г. в полном составе уехали в Германию[20], школьные учителя Курземе были оставлены на произвол судьбы без адекватного финансирования. Потребовалось несколько месяцев для того, чтобы немецкие власти переложили заботу о школах на плечи местного самоуправления. Одновременно вермахт и немецкие гражданские власти заняли для своих нужд почти все учебные здания, которые являлись таковыми до сих пор. К тому же различные немецкие армейские подразделения часто рассматривали учебные материалы в качестве топлива или выбрасывали их в мусор.

Школьные администраторы были вынуждены сами искать новые помещения. Проблему отсутствия подходящих классных комнат решали путем создания так называемых школьных точек. В деревнях это были сельские дома, несколько в каждом приходе (как правило, в нескольких километрах друг от друга), а функцию городских школ выполняли меблированные частные квартиры, зачастую весьма тесные. Неудивительно, что 1944/45 учебный год в Курляндии был неудачным и неполноценным.

Скученность блокадной жизни «котла» приучала к сосуществованию людей разных национальностей и взглядов. Ввиду опыта эвакуации 1915 г., почти в каждой курляндской семье хоть кто-то сносно говорил по-русски, а почти все ветераны «германской войны» — по-немецки. Без их навыков и опыта более чем двадцатилетней давности для замкнутых в своей волостной общине курляндцев было бы крайне сложно принять не только беженцев-иностранцев, но даже и своих попавших в несчастье соотечественников. Адаптация к новым условиям оказалась очень быстрой и уже к осени 1944 г. род, племя, да и происхождение человека перестали иметь какое-либо особое значение, заменяясь практическим расчетом выгоды и возможностей выживания. Воспоминания современников сохранили немало конфликтов и преступлений ради личной выгоды, но межнациональные трения в них почти не упоминаются. Национализм и чванство

в условиях блокады были непозволительной роскошью.

Взаимопонимание впервые нарушилось в момент окончания войны. Среди русских беженцев, вполне естественно, были и люди с уголовным прошлым, имевшие серьезные причины бежать от советской власти. Сразу после капитуляции немецких войск, видя невозможность бежать куда-либо дальше, они обычно предпочитали изображать себя жертвами войны и обвиняли приютивших их людей в разных подлинных и мнимых прегрешениях. Местное население воспринимало происходящее как «неблагодарность русских» и начинало склоняться в сторону стереотипов немецкой пропаганды. Одновременно в момент капитуляции по всей Курляндии прокатилась кровавая волна нападений и грабежей, в которых, опять же, обвиняли «красных» без всякой на то причины. В «котле» находилось слишком много разных вооруженных людей, чтобы выделять одну конкретную виноватую сторону. Убийства мая 1945 г. кончились столь же быстро, как и начинались, но недоверие осталось.

«Фильтрация» всего мужского населения «Курляндского котла» в мае 1945 г. навсегда разделила людей на сторонников и скрытых противников восстановленной советской власти.

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке латвийской государственной программы исследований «Национальная идентичность».

[2] Latviešu konversācijas vārdnīca. S. 10. Rīga, 1934. L. 190.–197.

[3] *Bērziņš V* Latvija Pirmā pasaules kara laikā. Rīga, 1987. L. 82.–86.

[4] *Pavlovičs J.* Okupācijas varu maiņa Ziemeļkurzemē 1941 gada vasarā // Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. S. 10. Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1959. gadā. 2004. Rīga, L. 161.-162.

[5] Максимально возможное число беженцев. См: *Freivalds O.* Kurzemes cietoksnis: dokumenti, liecības un atmiņas par latviešu tautas likteņiem, 1944/1945 gadā. Jelgava, 2007. L. 100.

[6] Яркие примеры такого отношения: *Murāns F.* Svešumā klīstot (izvilkumi no dienasgrāmatas 1944. gada rudenī) // Katoļu kalendārs 1996 gadam. Rīga, 1995. L. 186.–194.; *Rožkalne A.* Pirmais gads Talsos (Kārļa Zariņa dienasgrāmata) // Talsu vēstis. 1989. 12 dec.

[7] *Šneiders E.* Ernesta Šneidera apkopotā hronika. Pāvilostas novadpētniecības muzejs. L. 103.

[8] *Freivalds O.* Kurzemes cietoksnis... L. 225

[9] *Šneiders E.* Ernesta Šneidera… L. 100.

[10] *Siliņš K.* Mana dzīve: manu dienu atmiņas. Veiverlija, 1965. L. 97.

[11] Tēvija. 1945. 6 janv.

[12] *Suta T.* No mazā velnabērniņa līdz lidojošajai žurnālistei. Rīga, 2004. L. 167.

[13] *Vaivods J.* Septiņi mēneši Liepājas cietoksnī: (1944. gada 9. oktobris – 1945. gada 9. maijs). Rīga, 1990. L. 66.

[14] Tēvija. 1945. 31 janv.

[15] *Freivalds O.* Kurzemes cietoksnis… L. 237.–238.

[16] Tēvija. 1944. 11 dec.

[17] *Šneiders E.* Ersnesta Šneideres apkopotā… L. 100.

[18] Krimuldas novada vēsture. Ragana, Turaida, Inciems, Eikaži, Lēdurga, Aijaži, Lode. Rīga, 2011. L. 146.

[19] Tēvija. 1944. 16 dec.

[20] *Dravnieks A.* Es atceros. Latvijas skolas un skolotāji. Bruklina, 1970. L. 230.

УДК 332.2.021(474) «1945/1953»
ББК 63.3(2Лат)631-4
Ф 63

Дэвид Фист

Коллективизация сельскохозяйственного сектора в прибалтийских советских республиках

В истории коллективизации в прибалтийских советских республиках выделяются два вопроса: почему сельскохозяйственный сектор не был коллективизирован непосредственно после присоединения этих республик к Советскому Союзу, в июле 1940 года или после их повторного завоевания в 1944 году? И почему с этим процессом произошла такая спешка в 1948–1949 гг.? Оба эти вопроса тесно связаны с вопросом, почему правительству СССР вообще было столь важно провести коллективизацию? Эти вопросы нельзя осмыслить без принятия во внимание организационных проблем, с которыми советская власть столкнулась в попытке подчинить себе эти маленькие республики, идеологического словаря, используемого для выработки концепции этих проблем, и того, как этот словарь соотносился с существующими толкованиями конца 1920-х — начала 1930-х гг., когда, через массовый террор и депортации, сельское хозяйство было коллективизировано в старых советских республиках.

В данной статье я покажу, что хотя коллективизация и провалилась в экономическом плане в старых советских республиках, тем не менее, у нее были политические и символические функции, наличие которых обещало свести к нулю отсутствие экономических выгод. И если в первые годы после прихода к власти существовало множество причин для того, чтобы не торопить события, то к 1948 году как внутренняя, так и внешняя ситуации изменились настолько, что в Москве выбрали подход, напоминавший жестокую предвоенную коллективизацию в Советском Союзе, тем самым разрушив любые мечты местных коммунистов о взлелеянной ими идее «третьего пути».

1. Почему коллективизация?

Случай с республиками Прибалтики может помочь внести ясность в дискуссию по поводу того, для чего была нужна коллективизация. После работы Виктора Данилова было опровергнуто экономическое обоснование коллективизации, доказывающее, что она была необходима для добычи средств, необходимых для начала индустриализации, которая не имела смысла в случае с прибалтийскими странами[1]. Здесь партийная элита не могла даже *подумать* о том, что в сельском хозяйстве Прибалтики необходима коллективизация, поскольку им прекрасно был известен тот разрушительный эффект, который она могла в недалеком будущем. Поэтому среди причин коллективизации в Прибалтике необходимо искать внешние экономические обоснования. Разбирая данный вопрос, Линн Виола привлекла внимание к концепции, являющейся основной в советском подходе к управлению. Утопические представления о создании нового человека и образы «устройства государства» (Бауман) были свойственны не только Советскому Союзу, но являлись характерными чертами «высокого модернизма», который в XX веке особенно процветал в странах с тоталитарным режимом[2]. Однако большевистское государство выделяется своей слабостью среди этих стран, особенно в сельской местности, где у коммунистической партии было очень мало сторонников, и где ей было крайне сложно поддерживать порядок. Большевистская элита, питаемая марксистскими лозунгами и военными умонастроениями, воспринимали сельскую местность как поле битвы, на котором сражались силы добра и зла[3]. Анализируя проблемы, они искали не *причину*, но *виновников*, и вскоре была сформулирована идея об отсутствии прогресса в построении утопического государства вследствие «вездесущей конспирации»[4]. Таким образом, коллективизация всегда была больше, чем просто борьбой за зерно. Это была война с врагами социализма.

Это не значит, что большевистские лидеры не были заинтересованы в экономической стороне коллективизации. В тоже время

невозможно полностью разделить силовую и экономическую сторону коллективизации. В результате глубоко укоренившегося недоверия к частному рынку, даже незначительно контролируемая государством экономика стала казаться более предпочтительной, чем частный рынок в любом проявлении. «Сельскохозяйственные товары, исчезнувшие в частной экономике, — писал Пол Грегори, — считались утерянными, даже если эти товары появлялись в городе»[5]. В конечном итоге сталинская «революция сверху» положила конец «анархии рынка» и, ценой значительного снижения производственных показателей, ликвидировала предполагаемых врагов социалистического государства

Процесс наращивания большевиками влияния в сельской местности и различения своих и чужих всегда сопровождался построением идеологических концепций, объяснявших сложившуюся ситуацию в деревнях и оправдывавших предпринимаемые государством действия. Однако иногда сложно сказать, насколько на самом деле был глубок анализ таких теоретических подходов, а когда он просто служил оправданием действий, берущих свое начало в политике грубой силы. Эти интерпретационные трудности стали особенно заметны в послевоенные годы в Прибалтике. В контексте данной ситуации термины «Ленинский кооперативный план», «классовая борьба в деревне» или «добровольный путь к коллективизации» обозначали не то, как коллективизация была проведена в старых советских республиках, а то, как эти события воспринимались и обосновывались, в соответствии с желаниями большевиков. Использование этих терминов в послевоенные годы было двусмысленным. Для тех, кто воспринимал их более буквально, они обозначали возврат к определенным идеалам (и иллюзиям) 1920-х годов и возможного альтернативного пути развития, в то время, как для других они были просто кодом к маршруту, на котором коллективизация была навязана *исторически* — с жестокостью и террором. Эта двойственность подпитывалась тем фактом, что, казалось, сразу после войны прагматизм, появившийся в военные годы, допускал возможность существования менее грубого подхода к сельскохозяйственной политике. В прибалтийских советских республиках это выражалось еще явственнее, поскольку они попали под власть Советов непосредственно перед началом войны, и сельскохозяйственный рынок, по большей части, все еще находился там в частных руках. Таким образом, эти республики могут служить примером взаимоотношения между силовой политикой, экономическими интересами и идеологией.

2. Причина промедления?

Хотя московское правление, в конечном итоге, вряд ли позволило бы новоприобритенным республикам иметь свои собственные экономические системы, несовместимые с системами старых советских республик, коллективизация не стояла на повестке дня до и сразу после Второй мировой войны. Более того, в контексте долгосрочного плана о ней даже не говорили. В Латвии разговоры о коллективизации были объявлены «простыми слухами», а в Эстонии первый секретарь Коммунистической Партии Эстонии, Николай Каротамм, заявил, что слухи о коллективизации были происками врагов или основывались на пагубных предубеждениях. Коллективизация была строго запрещена[6].

Одной из причин этого я бы назвал *политику увещевания,* которая была основной среди советских политик со времени оккупации и последующего вхождения прибалтийских республик в состав Советского Союза в 1940 г. Формирование правительств из либеральных интеллектуалов, а не из коммунистов, создало в сознании местных жителей и иностранных наблюдателей идею о том, что у Москвы был специальный подход к прибалтийским республикам, вошедшим в состав СССР. Однако, массовые депортации 14 июня 1941 г., разрушили все иллюзии[7]. В то же время, когда, после двухлетней немецкой оккупации, Красная Армия вошла на территорию балтийских республик, пропаганда велась в том же духе. Теперь соображения по поводу внешней политики и отношения к бывшим врагам приобрели огромное значение, и это стало ясно на Конференции по проблемам мира в Париже, проходившей в период с 29 июля по 15 октября 1946 года, где прибалтийские советские республики были представлены их собственными министрами иностранных дел.

Такие знаки сильно влияли на то, как местные партийные элиты представляли будущее развитие своих республик. Так, если латвийские коммунисты в середине 40-х годов мечтали о «третьем пути», то некоторые

из их эстонских оппонентов даже обсуждали «монгольский путь», который бы превратил Эстонию в полунезависимую народную республику[8]. Незамедлительная коллективизация не укладывалась ни в московскую *политику увещевания,* ни в долгосрочное планирование местных коммунистов.

Отдельно от попыток вернуть доверие населения, все еще пребывающего в шоке после массового террора 1941 года, и принимая во внимание международные отношения, также вполне могли существовать и экономические соображения, повлиявшие на наличие аккуратного подхода к вопросу коллективизации. После ужасных разрушений, оставшихся после войны, натуральное хозяйство находилось на одном уровне с техническими возможностями и фактически помогло экономике восстановиться. То, о чем заявил историк экономики Влодзимеж Брус в отношении Венгрии и Польши, применимо также и к прибалтийским советским республикам: у крошечных ферм была возможность начать производство «с интенсивностью труда, не испуганного расчетами себестоимости в денежном выражении»[9]. В этих условиях может показаться крайне преждевременным подвергать сельское хозяйство (а с ними — и обеспечение Красной Армии) опасности посредством насаждения коллективизации, которая, как показал опыт, хотя бы частично, ведет к разрушению экономического производства[10].

Таким образом, поддержка коммунистической партии в сельской местности была слишком слабой для того, чтобы усилить темпы коллективизации. Несмотря на то, что даже на территории Литвы, где вооруженное сопротивление было наиболее сильно, повстанцы, атаковавшие советские заведения и чиновников, возможно, и не могли угрожать советской власти в целом, тем не менее, они представляли собой угрозу для функционирования сельских институтов власти[11]. Необходимо отметить, что между сельскими жителями и повстанцами, скрывающимися в лесах, чтобы избежать воинской обязанности и террора, никогда не существовало четко проведенной разделительной линии. Для местных жителей лес не являлся чем-то неизвестным, а личностные отношения так и остались непостижимыми для понимания оккупантов. Говорят, что в Эстонии у «лесных братьев» были свои связи даже в таллиннской штаб-квартире КГБ[12]. Таким образом, наиболее важными и срочными целями советского правительства были уничтожение вооруженного сопротивления и формирование сильной политической базы в деревне, в то время как коллективизация, когда это позволяли обстоятельства, предназначалась для поддержки этих целей.

Можно не сомневаться, что данная линия поведения была одобрена в высших эшелонах коммунистической партии. В то время как Андрей Жданов, Андрей Вышинский и Владимир Деканозов отвечали за политику умиротворения, начатую в 1940 году, в столице каждой прибалтийской республики были созданы Бюро ЦК ВКП(б), которые должны были наблюдать за политическими настроениями[13]. До 1947 года в прибалтийских республиках эти бюро являлись центральными органами власти, ответственными за обеспечение аккуратного подхода к коллективизации[14].

3. Отделяя друзей от врагов: перераспределение земли и слияние кооперативов

3.1 Особенности земельных реформ в Прибалтике

Основной задачей советской власти было получение поддержки местного населения и проведение четкой линии между предполагаемыми друзьями и врагами в деревне. Первым средством для достижения данной цели была крупномасштабная земельная реформа, проведенная после оккупации прибалтийских республик в 1940 г. В результате этой реформы были отчуждены фермерские хозяйства с земельным участком более 30 гектар[15]. Земля этих фермерских хозяйств была перераспределена между сельскими жителями с меньшими земельными участками или вообще не имеющими их. В гораздо более радикальном виде эта реформа была продолжена после 1944 года. Теперь 30 гектаров воспринимались только как самая верхняя планка, а под реформу попадали и фермерские хозяйства с 20 гектарами земли[16]. В сравнении с другими послевоенными земельными реформами на Ближнем Востоке, в Европе и Советской оккупационной зоне в Германии эти стандарты были очень жесткими[17]. Если довоенная реформа 1940 года вряд ли могла претендовать на то, чтобы провести четкую линию между двумя различимыми группами, то послевоенная реформа в этом отношении

могла еще меньше. Земельная реформа ударила в самое сердце деревни. Установление 30 гектаров в качестве законного максимума можно объяснить только тем фактом, что в годы войны прибалтийские республики уже претерпели радикальные земельные реформы, в результате которых старые поместья были практически уничтожены[18]. Вследствие этого, нужны были новые (и во многом — исторические) разделительные линии, которые бы помогли создать идеологически предполагаемую классовую борьбу. Это оказалось тяжелой задачей[19]. Мало того, что солидарность в деревне оказалось выше, чем ожидали большевики, так они не поняли и исторических закономерностей. Даже те, кто выигрывал от такого перераспределения — безземельные крестьяне и мелкие фермеры — часто оказывались перегруженными задачей управления их новыми или расширением уже имеющихся угодий, в условиях минимальной государственной поддержки, отсутствия исследования сельскохозяйственных ресурсов, и коротких периодов, когда новоиспеченные фермеры освобождались от выполнения норм по поставкам. Кроме того, поскольку для многих устойчивость советской власти в этом регионе казалась сомнительной, огромное количество крестьян проявляло слабый интерес к подаркам, предлагаемым государством, и экспроприированная земля чаще оказывалась в государственном земельном фонде, чем под плугом[20].

Это была проблема многих сельских хозяйств. После провала идеи выстроить в сельской местности нечто похожее на патронажную систему, попытки советских властей реорганизовать население деревни согласно их идеологическим образам пошли насмарку. Там, где ожидалось, что бедные крестьяне с энтузиазмом воспримут предложения Советов, а богатые — будут цепляться за свои привилегии, на свет выходила сбивающая с толку смесь традиционных групп, личных отношений и взаимопомощи, которая не могла быть объяснена в социо-экономических терминах. Если даже в советской России потребовалось достаточно много времени, чтобы в сознание крестьян проникло достаточно неуклюжее разделение на бедных (*бедняки*), средних (*середняки*) и богатых (*кулаки*), то для прибалтийских крестьян, уже имевших опыт бескомпромиссного перераспределения земель двадцатью годами ранее, это разделение имело еще меньше смысла[21]. Поэтому, несмотря на существующие напряженные отношения внутри самой деревни, особенно в конце тридцатых годов, классовой войны в сельской местности, какой ее представляла себе новая власть, не было. Снизу не было никакого давления в пользу советских решений, в результате которых были бы ликвидированы существующая сельская элита и произошла бы массовая коллективизация. Что было хуже: даже представители партии в сельской местности испытывали проблемы, пытаясь примирить идеологию и реальность, и, зачастую, не оправдывали возлагаемых на них ожиданий[22]. Если реализация земельной реформы происходило медленно, то это объяснялось доказательством живучести вражеских сил в сельских районах.

3.2 Посредники: местные партийные деятели

Официальные партийные лица на муниципальном уровне никогда не попадали в число доверенных членов нового аппарата власти. Так как для этих кадров необходимыми критериями были знания языка и местных обстоятельств, партийные лидеры столкнулись с дилеммой доверить ли приведение в жизнь сельскохозяйственной политики людям, чьи знания советской идеологии совершенно не внушали доверия. Для того чтобы обеспечить минимальный уровень лояльности в первые послевоенные годы, доступ в местные партийные организации был почти полностью ограничен до тех эстонцев, латышей и литовцев, кто вырос в одной из старых советских республик или был недавно демобилизован из Красной Армии. Как правило, партийные деятели в деревнях были молоды и стали членами партии только во время войны. В Литве их характеризовали как *«откровенно необразованные и неопытные люди, вызывающих недоверие в выполнении большей части своих обязанностей»*[23] и это также относилось и к двум другим республикам. При этом на данную работу они были брошены без всякой подготовки[24].

Местные партийные деятели находили различные пути реализации земельной реформы. В то время как некоторые охотно принимали идею о заговоре, предлагаемую центральной властью для объяснения всех недостатков, другие следовали более мягко, что позволяло им и выполнять плановые

квоты. Поскольку при наличии в те годы постоянного дефицита личные связи играли основополагающую роль, неудивительно, что партийный центр неоднократно жаловался на слишком тесную связь сельских партийных деятелей с местным населением. Выражение «выпивать с кулаками» было не только широкоизвестным фактом, но также стало условным обозначением нежелательного братания со старыми элитами. Из-за слабого контроля со стороны центра пышным цветом цвела коррупция. В отчетах в Центральный комитет постоянно появлялись сведения о том, что местные партийные работники вводили специальные налоги, вымогали у населения продукты и водку, или иначе злоупотребляли своим положением[25].

Столкнувшись с этими трудностями, партийное руководство прибегло к моделям объяснения и практикам, которые были разработаны в конце двадцатых годов и тем самым как бы доказали свою универсальную законность. Вместо поиска причин такой разнузданности местные кадры просто полностью заменялись[26]. В Литве в 1945 и 1946 число людей, исключенных из партии и уволенных с правительственных должностей почти равнялось числу назначенных, в то время как в Эстонии между 1945 и 1947 годами в коммунах были заменены 50–65 % парторгов и 100 % председателей исполкомов[27]. Лишь начиная с 1947 года, кадровая ситуация приобрела относительную стабильность, и все-таки так никогда и не стабилизировавшись до конца.

3.3 Первые шаги по пути коллективизации? Слияние кооперативов

Другой стратегией власти было слияние существующих организаций. Здесь, кооперативы говорили сами за себя. Сеть кооперативов — в основном производящих товары общего потребления, молоко, товары для содержания животных, или выдающих кредиты — существовали с конца девятнадцатого века, а во время войны были централизованы. Вследствие этого коммунистический режим начал реорганизацию кооперативов практически сразу, продолжив политику их централизации (особенно начиная с 1947 года и далее), очищая руководящие должности и членские места в кооперативах от более богатых крестьян и расширяя базу постоянных членов[28]. В данном случае коммунистическая партия также не была уверена в политической поддержке для себя в сельской местности, но подтвердила идеологические требования, явившиеся результатом политики и теоретических дискуссий двадцатых годов. Как говорится в официальной интерпретации, коллективизация в старых советских республиках представляла собой конечную точку «кооперативного плана», разработанного Лениным. Этот план — фактически, достаточно свободное собрание мыслей, выдержанных из некоторого количества статей — охватывал идею, что в рамках социалистического общества, маркетинговые, кредитные и потребительские кооперативы, являющиеся, по сути, капиталистическими организациями, медленно превратятся в «более высокую форму» социалистических производственных кооперативов: в советские колхозы, где работа и средства производства будут социализированы[29]. Хотя, по факту, в довоенном Советском Союзе, кооперативы так и не преобразились в колхозы, «кооперативный план Ленина» оставался частью идеологической разработки и после войны.

Существовал ли хотя бы потенциальный шанс, что в отличие от русского примера, эта реструктуризация кооперативов могла стать первым шагом на пути к коллективизации в особых условиях прибалтийских республик? На первый взгляд растущее число кооперативов с более широким спектром задач, чем у специализированных кооперативов военных лет, казалось, указывает именно в этом направлении, также как и растущее доминирование в кооперативах машин[30]. Однако при более близком рассмотрении видно, что вряд ли когда-либо кооперативы могли бы развиться в форму коллективного производства. Во-первых, прибалтийские крестьяне традиционно воспринимали себя как организации, нацеленные больше на содействие, чем на замену одиночного ведения сельского хозяйства. Во-вторых, рассредоточенное местонахождение фермерских хозяйств превращало любую попытку поддержать коллективное ведение сельского хозяйства на кооперативной земле при сохранении системы одиночных ферм в сложную задачу. Это особенно стало заметно с 1947 года, когда на основании скоропалительного решения в кооперативах, предназначенных для обработки земли, были организованы так называемые «коммунальные фермы»[31].

Эстонский случай наглядно показывает, что крестьяне, будучи чрезмерно нагружены работой на своих частных фермах, были неспособны и не имели желания дополнительно обрабатывать практически полностью обособленные земли кооперативов. В итоге, пришлось использовать наемный труд, а некоторые кооперативы даже отдавали земли в частное использование[32]. Даже с точки зрения Советов, такие *«коммунальные фермы» могли функционировать только через «усиление рыночных отношений»*[33]. Не было никаких возможностей для того, чтобы эти фермы выросли в колхозы советского типа. Даже в советской Литве, где к ноябрю 1949 года 352 кооператива, в конечном счете, были превращены в колхозы, кажется более чем просто сомнительным предположение, что это произошло органически[34]. В прибалтийских республиках, как и в России, колхозы появились не из кооперативов, а скорее заменили их согласно декрету, спущенному сверху[35].

4. Развитие коллективизации. 1947–1949 гг.

4.1 Почему произошло ускорение в 1947 году?

Поскольку ни давлению снизу, ни развитию кооперативов невозможно приписать подготовку почвы для развития коллективизации, которая началась в 1947 году, объяснения нужно искать в политической сфере. Жоффрей Свейн описал главную роль московских представителей в прибалтийских советских республиках — Бюро ЦК КП — как создание ситуации недопонимания, *«сначала отменяя, а после ускоряя развитие коллективизации»*[36].

Причины поворота стратегии, произошедшего в 1947 году, можно найти в переменах во внутренней и внешней ситуации в Советском Союзе. Во-первых, ухудшение отношений с западными союзниками и начало Холодной Войны определенно убедили московское руководство, что особое отношение к западным республикам СССР больше неосуществимо. Во-вторых, в августе 1946 года, отчеты по колхозам в старых советских республиках показали, что прагматичное ослабление колхозной дисциплины в военные годы в конечном итоге привело к массовой утере контроля. Практически коллективные хозяйства были разрушены. Везде присутствовала коррупция, прогулы и кражи[37]. И снова партийные лидеры не стали искать объяснений в закостенелой и непродуктивной колхозной системе, которая заставила фермеров нарушать правила, чтобы выжить, а искали их в отклонениях от нее[38]. Уже в сентябре 1946 года, внутри Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза был создан «Совет по вопросам колхозного хозяйства» для того, чтобы поближе присмотреться к тем идеологическим стандартам, которым подчинялись колхозы[39].

Кроме того, начавшаяся в 1946 году в Центральной России, Украине и Молдавии засуха явилась одним из факторов, связывающих эти события с прибалтийскими советскими республиками. В Прибалтике откровенно очень хорошие урожаи 1946 года позволили оставить излишки для продажи, а крестьяне получили прибыль от возросшего спроса. «Голодные» беженцы из республик, в которых был недостаток продовольствии, отправились в новые республики, чтобы закупить зерно и картофель. Эта ситуация подчеркнула важность прибалтийского сельского хозяйства. Она также подогрела страхи об «анархии рынка», которая казалась столь очевидной в неконтролируемых массовых передвижениях и торговле вне досягаемости государства. Для жителей Прибалтики так называемые «мешочники» из старых республик представляли собой всю убогость колхозной системы. Одним своим появлением они создавали образ того, что пропаганда была неспособна уничтожить. В популярных стихах литовцы поносили их как «сталинских попрошаек», а эстонские крестьяне высмеивали «мешочников» в песенке: «Я бедный русский *колхозник*»[40]. В тоже время для московского руководства «мешочники» стали напоминанием о черном рынке и спекуляции конца двадцатых[41]. В напряженной обстановке, возникшей вследствие засухи, существование этих «мешочников» указывало на необходимость существования надежного и простого доступа к зерну[42]. И снова предположения выходили за пределы экономических обоснований. В свете неприятностей, которые породила земельная реформа, провалом контроля над местными кадрами и коррупцией в государственном и партийном аппарате, в результате чего возникли проблемы с поставками, вопрос о том, были ли способны и хотели ли партийные организации этих республик передать центральную власть вниз на деревенский уровень, становится крайне важным.

4.2 Приготовления к коллективизации

В Москве изменившееся отношение не привело к сиюминутному изменению сельскохозяйственной политики в прибалтийских республиках. Планы на коллективизацию — это одно, фактические возможности их осуществления — другое. Осторожный подход так и не был забыт. Реальные перспективы проведения коллективизации обсуждались в апреле 1947 года в Оргбюро ЦК КП СССР, на встрече с первыми секретарями эстонской, латвийской и литовской коммунистических партий — Николаем Каротаммом, Антанасом Снечкусом и Янисом Калбержинсом. Спустя некоторое времяспустя, 21 мая 1947 года, ЦК КП СССР издал распоряжение: «Об основании колхозов в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР»[43]. Была организована специальная комиссия по коллективизации в прибалтийских советских республиках, возглавляемая Андреем Ждановым, а Центральные Комитеты коммунистической партии попросили к июню предоставить предложения о «своих идеях по поводу практических вопросов об организации колхозов»[44]. Кроме этого, мало что произошло[45]. Необходимо отметить, что стратегия секретности оставила в неведении относительно смены направления не только крестьян, недоверие развилось глубже: теперь секретность распространялась до низших эшелонов самой Коммунистической Партии. Таким образом, если коллективизация зимой 1929/30 годов осуществлялась практически без участия сельских Советов, состоявших, в основном, из местного населения[46], то, в случае с прибалтийскими республиками, ни сами Советы, ни партийные организации муниципального уровня не были в полной мере проинформированы о решении к началу коллективизации, и были просто исключены из основания коллективных хозяйств в 1947 году[47]. Соответственно, на нижних уровнях коммунистической партии была широко распространена точка зрения о том, что вряд ли коллективизация настанет в обозримом будущее, если вообще настанет[48]. Некоторые партийные деятели полагали, что типичное для Прибалтики рассредоточенное поселение превращало коллективизацию в бессмысленное занятие.[49]

Помимо изначального незнания планов в отношении коллективизации, у местных партийных деятелей были и другие подходящие причины для отношения к своей работе без желания. Они прекрасно знали, насколько среди крестьян, слышавших о советских колхозах из первых рук, от «мешочников», были непопулярны коллективные хозяйства. Также, российский опыт 1920–1930-х годов в полной мере был известен в деревнях Эстонии, Латвии и Литвы. Когда летом 1947 года на острове Саарема был практически организован первый колхоз в Эстонии, местные крестьяне в протестном письме к представителю Верховного Совета ЭССР в открытую ссылались на негативный опыт старых советских республик, указывая, насколько много времени займет компенсирование тех потерь, которые это принесет: «Большинство из нас знает о проблемах коллективизации в СССР. Этот процесс занимает годы, а иногда и десятилетия». В текущей ситуации, заключали крестьяне, коллективное хозяйство привело бы к большей потере продукции для государства, чем для крестьян[50].

Партийное руководство республик не осталось глухо к этим доводам, что, возможно, вполне отражает их собственный страх разрушить то, что осталось от сельскохозяйственного производства. В отчете ЦК КП СССР первый секретарь коммунистической партии Эстонии Николай Каротамм прояснил, что «ускорение хода коллективизации через короткое время может привести к нарушению функционирования республиканского скотоводческого хозяйства, для исправления которого потребуются годы»[51]. Намек на реакцию на коллективизацию в России, выразившейся в массовом забое скота, здесь вполне прозрачен и очевиден. Планы, которые партийные лидеры прибалтийских республик торопливо составили и представили в Оргбюро ЦК, были скромны и, более того, очень отличались от колхозов, которые фактически были организованы в том же году. В конце 1947 года в Литве было организовано 17 опытных колхозов, 30 — в Латвии, и 5 — в Эстонии[52]. Поскольку множество усилий было направлено на то, чтобы выполнить требования указа о коллективизации, согласно которому члены колхозов являются всего лишь небольшими землевладельцами, первые колхозы должны были очень сильно субсидироваться государством.

К лету 1948 года эта атмосфера стала меняться. Связано это было с тем, что начал терять свое влияние Андрей Жданов, кото-

рый, очевидно, являлся одним из разработчиков «политики увещевания» в прибалтийских республиках, и, одновременно, в самом разгаре была Холодная война[53]. Также, ухудшались отношения с премьер-министром Югославии Тито, что демонстрировало, как даже близкие союзники могут отвернуться от ВКП(б)[54]. Растущие налоговые массивы из советских прибалтийских республик могли вызвать опасения, что данным республикам предоставили слишком большую независимость[55].

Напряженные отношения нарастали и внутри самих прибалтийских советских республик. Трения между местными партийными деятелями и чиновниками, прибывающими из старых советских республик, становились тем более заметными, чем яснее становился провал земельной реформы в отношении обеспечения советской власти надежными союзниками в деревне. В попытке создать лояльные местные элиты важную роль играла национальная риторика, хотя Москва подозрительно присматривалась к случаям, в которых национальный принцип угрожал ее притязаниям на централизованную власть[56]. Поэтому, поскольку в партийных аппаратах всех трех республик очень скоро стали доминировать неместные русские, негативные взгляды на национальные прерогативы приобрели особую важность[57]. Это открыло широкий простор для разработки стратегии. Иммигрировавшие партийные деятели, — а также и стратегически мыслящие местные, — недовольные латвийским, эстонским и литовским руководством, в значительной степени «национализировали» существующие проблемы, заявляя, что произошли они от нежелания местных кадров принимать крутые меры против своих соотечественников. Такой подход нашел поддержку и в Москве. Показательно, что в то время как в Эстонии партийное руководство обвиняло деревенских партийных работников в том, что те чувствовали себя «слишком уж как дома» в своих деревнях, позже уже партийных лидеров самих республик упрекали в «чрезмерном семейном подходе» к проблеме состоятельных фермеров–«кулаков»[58]. В попытке установить свою собственную патронажную систему советское руководство все в большей степени подозревало, что местные сети стоят у него на пути.

В этих сражениях за власть коллективизация оказалась очень важным пунктом. Ее воспринимали как отличительный символ того, кто управляет страной, и в скором времени отношение к ней стало восприниматься как важный знак проявления лояльности к московскому партийному руководству. Должно быть, новости о том, что даже деревенские коммунисты не хотели вступать в колхозы, были тревожными для центра[59]. И снова поразительное сходство с предыдущим опытом, в конечном итоге, возможно, внесло свой вклад в принятие решения о том, чтобы решить данную проблему посредством тех же средств. В России большинство деревенских коммунистов очень сдержанно относились к коллективизации, и даже их обоснования были схожими с доводами их прибалтийских аналогов: в большинстве случаев они обвиняли своих жен, которые отказывались вступить в колхоз[60]. В обоих случаях местная социальная среда — включая людей, связанных весьма близкими родственными связями — стала препятствием для большевистской жажды власти. К этому в Прибалтике добавлялось национальное разграничение, которое московское руководство все больше воспринимало как негативный фактор.

Зимой 1947 года, в попытке продавить контроль вплоть до уровня деревни, те же самые партийные деятели, которым парой месяцев ранее не доверяли информацию, касающуюся планов о коллективизации, теперь обвинялись в том, что проявили недостаточное рвение при организации колхозов. В то же время, за то, что не был решен вопрос классовой борьбы в деревне, во всех трех республиках подвергались критике и снимались со своих должностей политические деятели, руководящие в сфере сельского хозяйства[61]. Теперь коллективизация явно возникла на повестке дня. Однако, хотя в начале 1948 года и было принято решение о значительном увеличении числа коллективных хозяйств, как только с нижних партийных органов будет снято давление, скорость процесса коллективизации снизилась. Очеь многие партийные деятели восприняли процесс коллективизации 1947–1948 гг. просто как очередную кампанию, которая в скором времени будет закончена и забыта. В некоторых случаях распространялись слухи, что благодаря хорошим результатам по поставкам дальнейшая коллективизация навсегда снята с повестки дня[62].

4.3 Налоговая политика и ее результаты

Если в 1948 году и существовал какой-то фактор, который мог мотивировать вступление в колхозы, то это были повышающиеся налоги[63]. В этом отношении советская власть прибегла к инструменту, который был разработан в 1929–1930 гг., объединяя его с так называемыми «экстраординарными мерами» поставок зерна. В прибалтийских советских республиках налоги на сельскохозяйственную продукцию были достаточно скромными вплоть до лета 1947 года, когда были установлены обязательства по поставкам, состоявшим по большей части из взносов крестьян. С 1947 года обложение сельского хозяйства налогами стало самым важным политическим инструментом в деревне. Хотя налоговые ставки оставались на одном уровне, величина предположительно изготовленных товаров, на основе которой рассчитывалась сумма к оплате, была значительно увеличена. Когда вдобавок к этому в декабре 1947 года денежная реформа одним махом лишила крестьян их сбережений, в то время как цены на свободном рынке упали почти на 50 %, у большинства фермерских хозяйств не осталось дальнейшего будущего[64]. Поскольку выплаты косвенно зависели от средств производства, шанс выжить имели только крошечные фермерские хозяйства с очень маленькими земельными наделами и ограниченным количеством инвентаря. Как результат, в течение 1947 и 1948 годов наиболее богатые фермы были практически уничтожены[65].

Стремительные изменения в системе налогового обложения имели долгосрочные результаты. Одним из них стал феномен «самоликвидации». Переставая бороться, многие фермеры использовали то, что у них оставалось, для выплаты своих непомерных налогов и перебирались в города, чтобы найти работу в развивающихся промышленных областях. Эта утеря трудоспособных рук спровоцировала острый спад в поставках[66]. Другие зажиточные крестьяне отреагировали организацией объединенных фермерских хозяйств. Парадоксальный результат этого заключался в том, что в то время как мелкие фермеры цеплялись за свои скромные хозяйства, колхозы управлялись людьми, которые не соответствовали идеологическим принципам, изложенным в положении о коллективизации.

В итоге, посредством введения в обиход термина «кулак», новый налог выделил особый подвид зажиточных крестьян. До того времени в прибалтийских советских республиках эта категория использовалась лишь в качестве пропагандистского термина. Во многих случаях параллельно использовались такие местные варианты как «серый барон» в Эстонии, означающий крестьянина, ставшего богатым в десятилетия после получения вольной холопами в прибалтийских провинциях. Однако, теперь «кулак» стал техническим термином, которым, в конечном итоге, был обозначен целый слой деревенских жителей–преступников. Согласно налоговому кодексу прибалтийских республик кулаком считался любой человек, у которого в ходе немецкой оккупации или после войны на постоянной основе имелась наемная рабочая сила, кто получал прибыль от использования машин или ветряных мельниц, или кто сдавал землю в аренду[67]. В действительности же, как и ранее в России, строгие определяющие критерии были не так важны, как убежденность в том, что крестьянин каким-то образом эксплуатировал труд своих собратьев[68]. Поскольку списки «кулаков» составлялись местными партийными активистами, которые во многих случаях даже не знали о существовании официальных критериев оценки, вся процедура отдавала очень субъективным душком, и результат, соответственно, был иным. Схожесть с российским опытам поразительна. В то время как в некоторых деревнях число «окулаченных» фермерских хозяйств было непомерно высоко, другие партийные активисты заявляли, что в их деревнях кулаков нет[69]. Многие использовали эту возможность, чтобы свести старые счеты. Попадание в такие списки имело для крестьянина серьезные последствия. К предполагаемому доходу кулацких ферм добавлялся определенный процент, что быстро перемещало их в более высокую налоговую категорию. В 1948 году дальнейший рост этого процента показал, что за очень короткое время будут разрушены все кулацкие хозяйства. Совсем не удивительно, что тысячи крестьян использовали свое право возмущаться против этого решения, и во многих случаях их имена исключались из этих списков. И снова, как и в России, для того, чтобы позже оправдать эксцессы, партийное руководство развязало местные

кампании, что вызывало у простого народа озлобленность и разногласия[70].

В конце 1947 года в Эстонии 5,3 % фермерских хозяйств были объявлены кулацкими, в Латвии — 4,1 %, в Литве — 2,4 %[71]. Жители этих хозяйств были раздавлены не только в экономическом смысле, но и заклеймлены как враги, которым ни при каких обстоятельствах нельзя верить. Многие кулаки были осуждены за саботаж, когда они не смогли выплатить те немыслимые налоги, которые им вменялись[72]. Также крестьяне из списка «кулаков», за некоторыми исключениями оказались среди жертв массовых депортаций в марте 1949 г.

4.4 Вопрос жестокости

Несмотря на очевидно деструктивные тенденции налоговой политики, некоторые историки характеризовали период вплоть до 1949 года, как доступный для других путей развития, нежели путь массовой жестокости, который был избран в конечном итоге. Они заявляют, что до этого момента коллективизации планировалось достичь только посредством экономического давления. Для обозначения сосуществования государства и частных форм производства, в которых коллективные формы могли бы быть сформированы только на основе «добровольной коллективизации» и «самоликвидации» на исключительно экономическом обосновании использовался термин «мини-НЭП»[73]. Была ли возможность для развития направления, которое бы достигло целей коллективизации не только лишь посредством экономического давления? Рассмотрение коллективизации в более широком контексте не позволяет согласиться с данной точкой зрения. Не только указ о коллективизации, но также и многочисленные последующие решения местных партийных ячеек, подчеркивали абсолютно добровольный характер коллективизации, но, как уже указывалось выше, эти термины могли быть использованы как в буквальном, так и в историческом смыслах, и в 1948 году «историческое» истолкование победило по причинам, которые обсуждались выше. К тому же в послевоенные годы, во время земельной реформы, борьба с антисоветскими партизанами, жестокие действия против любого заподозренного в оппозиции к новой системе и формирование образа врага служили объяснением всех сложностей страны. «Классовая борьба в деревне» воспринималась не только как объяснение недопоставок, но и как прямая необходимость. Хотя для балтийских республик термин «кулак» до 1947 года не имел определения, он всегда играл центральную роль в партийной риторике. Не было никакой возможности жить с «кулаками» в мире. «Кулаков» постоянно изображали неисправимыми. Вследствие этого, когда термин все же закрепился за определенной социальной группой, ей вменялись в вину не обстоятельства, связанные с текущей ситуация, а дела минувших дней. Таким образом, «кулаки» не подлежали признанию в качестве работников ни на фабриках, ни в колхозах. В идеологическом смысле не осталось ни одной лазейки, чтобы интегрировать «кулаков» в общество мирным путем[74].

В конечном счете, возможно, использование жестокости, чтобы заставить обычных крестьян присоединиться к колхозам, не всегда соответствовало интересам партийного руководства, но возвращение к нему казалось, в принципе, неизбежным. На самом деле, в своем обширном исследовании Елена Зубкова приходит к выводу о том, что между 1947 и 1948 годами московский центр не одобрял давления, оказываемого на крестьян в целях заставить их вступить в колхозы[75]. Однако, чем чаще партийное руководство проявляло свое недовольство медленных ходом процесса коллективизации, особенно в конце 1948 года, тем, по-видимому, сильнее местные партийные работники рисковали быть обвиненными в слабой пропагандистской работе, или даже в вовлечении в преступную деятельность, если они не прибегали к незаконному давлению. Таким образом, жестокость являлась последствием того, что требовалось от партийных деятелей, а не отступлением.

5. Массовая коллективизация

5.1 Террор

Разгром через налоговое вымогательство наиболее продуктивных фермерских хозяйств привел к резкому снижению сельскохозяйственных поставок и тревожному обвалу животноводства, что, опять же, отлично подходило под пропаганду о вредительстве кулаков и «врагов народа». Мас-

совые депортации, проведенные в 1948, и особенно в 1949 годах, показали, насколько коллективизация и борьба с врагами были двумя сторонами одной монеты. Весной 1948 года из Литвы в Сибирь были депортированы 43 300 человек (операция «*Весна*»). Меньше чем через год после этого — в марте 1949 года — 33 496 человек из Латвии и 20 660 человек из Эстонии были также депортированы (операция «*Прибой*»). Выбор жертв этих операций четко показывает, что коллективизация была единственной преследуемой целью. Эти депортации были направлены против существовавшего деревенского общества. Кроме семей мнимых кулаков в число жертв также попадали семьи уже депортированных так называемых «врагов народа», т.е. партизан и других «националистов»[76], в результате большинство депортированных в марте 1949 года составляли женщины и дети. В 1951 году в Литве было депортировано еще 19 000 кулаков[77].

Даже если предположить, что коллективизация не была бы единственной целью, то данные депортации оказали ошеломляющий эффект на скорость ее реализации. Опасаясь депортации, крестьяне очень быстро согласились отказаться от своих независимых фермерских хозяйств. К маю 1949 года 66 % всех хозяйств Эстонии и 71,6 % хозяйств Латвии присоединились к коллективным хозяйствам, в то время как в Литве даже к концу 1949 году только 60 % всех хозяйств были коллективизировано, а депортации продолжались. Однако к концу 1950 года было коллективизировано 90 % литовских хозяйств[78].

5.2 Начало

Хаотичное основание колхозов, происходившее с 1948 года, не принесло удовлетворительных результатов. Многие колхозы существовали только на бумаге, и часто крестьяне все еще обрабатывали свои старые участки при помощи своего старого инвентаря. В Эстонии некоторые даже и не знали, что являются членами коллективного хозяйства[79].

Вместе с тем, второпях назначенные председатели колхозов часто вполне четко осознавали, кого они хотят видеть в своих колхозах, а кого не хотят. В 1949 году первый секретарь Эстонской Коммунистической Партии, Николай Каротамм, выражал недовольство тем, что «мелкие фермеры, получатели новых земель, мелкие фермеры старшего возраста, семьи середняков, имеющие долги и другие бедные фермерские хозяйства» не были приняты в колхозы[80]. Другие в качестве предварительных условий выдвигали такие требования, как, например, знание эстонского языка[81]. С другой стороны, многие председатели не возражали против принятия тех крестьян, которых заклеймили в качестве «кулаков». В 1948 году в Латвии из колхозов было исключено более 200 «кулаков». В других случаях местные партийные органы и районная администрация допускали некоторые исключения из правил для того, чтобы сохранить в составе коллективных хозяйств квалифицированных в сельскохозяйственных работников. У некоторых партийных деятелей были просто другие идеи касательно опасности, которую представляли эти предполагаемые бывшие эксплуататоры деревни. В Эстонии местный партийный организатор оправдывал свой снисходительный подход по отношению к четырем «кулакам» в местном коллективном хозяйстве утверждением, что он «не заметил с их стороны никаких действий по незаконному проникновению», а другой получил выговор за свое предположение о возможности «переучить кулаков»[82]. Председатель латвийского колхоза заявил, что он не видел проблемы в отношении «кулаков», работающих в колхозах в качестве рядовых членов[83]. Один литовский колхоз пошел еще дальше: в официальном решении было определено точное количество помощи, которое это хозяйство могло бы предоставить партизанам в лесах[84].

Озабоченность партийного руководства старыми личными связями и традициями, сохранившимися в колхозах даже после коллективизации, имеет свой прототип. В 1930-х гг. охота на «кулаков» в колхозах длилась несколько лет[85]. И даже после войны остатки старых традиций в коллективных хозяйствах воспринимались как проблема государственного уровня. В мае 1950 года Никита Хрущев, назначенный ответственным за сельское хозяйство в ЦК, отмечал, что, не смотря на строгую политику, начатую в 1946 году, многие колхозы все еще имели черты получастных хозяйств[86]. Поэтому они подлежали объединению в более крупные хозяйства. Кампания по укрупнению также была проведена и в прибалтийских респуб-

ликах, хотя здесь коллективные хозяйства даже не начали обретать опору под ногами. Перемены были ужасные. В Литве 6 500 колхозов, которые существовали до укрупнения, к 1954 году были превращены в 1 809, в Эстонии 2 213 колхозов, существовавших в 1950 году, к 1952 году были объединены в 937[87]. Принимая во внимание эти эффекты, данная кампания была названа «второй коллективизацией»[88]. В отсутствии необходимого инвентаря огромное количество ферм, замещавших теперь маленькие колхозы, по существу, не могло функционировать. С другой стороны, они больше не могли получать прибыль от таких преимуществ ведения мелкомасштабного фермерства как гибкость и самопожертвование. Укрупнение уничтожило оставшуюся ответственность крестьян за скот и инвентарь в маленьких колхозах. «Остатки мелкой буржуазии», от которых Хрущев хотел избавиться, скоро были заменены стратегиями выживания советского человека.

Выводы

Если в конце 1920-х — начале 1930-х годов коллективизация, во все более жестоких попытках обрести контроль над сельским населением, проводилась методом проб и ошибок, то после войны данные стратегические методы и их идеологическое обоснование оказались неизменны. Некоторые историки, как например Дайна Блейере из Латвии, тем не менее заявили, что коллективизация в прибалтийских республиках «применялась системно и последовательно и, вопреки всеобщему отрицательному отношению к оккупационному режиму в сельских районах, привела к значительным результатам»[89]. В данной статье я попытался показать, что послевоенная политика в Эстонии, Латвии и Литве не была открытой и однородной. Идеология основных направлений была понятной, но толкование, а также графики реализации сельстхозяйственных преобразований в Прибалтике оставляли простор для размышлений. Более того, стратегический расчет с учетом международных и внутренних дел заставил думать, чтобы на первых порах медленное продвижение к коллективизации казалось более уместным.

Из-за этой двусмысленности, которая усугублялось определенной секретностью, местные коммунисты часто разрабатывали свое собственное понимание того, как должна выполняться сельскохозяйственная политика. Однако надежды на альтернативный путь к социалистическому сельскому хозяйству осуждались с самого начала. Чем больше проваливались попытки добиться устойчивого контроля, тем чаще элита обращалась к интерпретациям и методам 1920-х и 1930-х годов, которые были уже испробованы и доступны. Поскольку само понятие систематических ошибок являлось табу, которого нельзя было касаться, единственным приемлемым объяснением для недопоставок стали происки врагов. Напряженные отношения, как в масштабах Союза, так и на международном уровне, в дальнейшем только добавляли новых красок в эту картину.

Именно эта связь коллективизации с уничтожением врагов стала насущным вопросом, когда московские партийные элиты почувствовали, что, не смотря на земельную реформу и борьбу с партизанами, село не попало под их абсолютный контроль. Эта концепция поддерживалась местными членами партии, активно оперировавшими понятиями «буржуазный национализм» и «кулаки», когда крестьяне вели себя не так, как ожидалось, или при желании отомстить своим личным врагам.

Совпадение коллективизации с террором было неслучайным. Как прибалтийских крестьян было невозможно грубой силой убедить присоединиться к коллективным хозяйствам, также и большевики не могли представить коллективизацию без классовой борьбы, в результате чего видели враждебное кулацкое проникновение практически на каждом углу. Возможно, изначально проведение коллективизации не шло в точности так, как в русском примере, но определенный образ мысли, унаследованный от коллективизации довоенных лет, действительно определил тот путь, на котором объяснялись и решались связанные с контролем проблемы.

Кроме того, в противоположность русскому примеру, в прибалтийских республиках коллективизация была также крепко связана с вопросом разъединения национальной солидарности. Когда в марте 1950 года прошла чистка эстонской государственной и партийной верхушки, ее членов обвиняли не только в терпимом обращении с «кулаками», но также и в «буржуазном

националисме», который часто и незамедлительно ассоциировался с последним. «Эстонское дело» явно показало, что московское руководство не было намерено выпускать из рук ситуацию. Оно также послужило предупреждением для Латвии и Литвы[90].

---

1 *Данилов В.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. Олаф Мертлесманн в своей книге о советской рестуктуризации экономики Эстонии утверждает, что основные причины коллективизации были экономическими, однако он больше ссылается на книги по экономической истории 1920-х гг., чем на реальную послевоенную ситуацию в прибалтийских странах. См.: *Mertelsmann O.* Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft. Hamburg; Kovac, 2006.

2 См. например: *Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Ithaca; N.Y., 1989.

3 На это в своей статье особое внимание обратил Йорг Баберовски. См.: *Baberowski J.*, Stalinismus 'von oben'. Kulakendeportationen in der Sowjetunion 1929–1933 // JGO. № 46. 1998. S. 572–595.

4 Термин заимствован из статьи Габора Т. Риттерспорна, которая, однако, не была сконцентрирована на вопросах сельской местности. *Rittersporn G. T.* The Omnipresent Conspiracy. On Soviet Imagery of Politics and Social Relations // Stalinism: Its Nature and Aftermath. London, 1992. P. 101–120; По теории конспирации см. также: *Getty J. A.* Afraid of their Shadows: The Bolshevik Recourse to Terror, 1932–1938 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. München, 1998. P. 169–192.

5 *Gregory P. R.* The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. Cambridge, 2004. P. 31.

6 *Labsvirs J.* The Sovietization of the Baltic States. Collectivization of Latvian Agriculture 1944–1956. Indianapolis, 1988. P. 13. *Kivimaa E.* EKP tegevus vabariigi põllumajanduse kollektiviseerimisel aastail 1944–1950. Dissertatsioon ajalooteaduste kandidaadi kraadi taotlemiseks, [неопубликованная рукопись в в филиале Эстонского Государственного Архива], 1970. S. 25.

7 Согласно официальным данным из Эстонии было депортировано 6 700 человек, 16 564 — из Латвии и 12 569 — из Литвы. См.: Народы стран Балтии в условиях сталинизма, 1940-е–1950-е гг. Stuttgart, 2005. С. 268.

8 *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture // Europe-Asia-Studies. № 55 (1), 2003. P. 39–58; Eesti 1939–1940. Fakte, probleeme, meenutusi. Tallinn, 1989. S. 71.

9 *Brus W.* Postwar Reconstruction and Socio-Economic Transformation // The Economic History of Eastern Europe 1919–1975. Vol. 2. Oxford, 1986. S. 564–641.

10 Для Литвы данный аргумент был внесен Кестутисом Гирниусом, см.: *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture, 1944–1950 // Soviet Studies. № 40(3). 1988. P. 460–478. Решение же не подвергать коллективизации Латвию Жофрей Свейн объяснил, среди прочего, «хаосом в сельской местности и необходимостью выполнения поставок. См.: *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 40.

11 Обзор по антисоветскому сопротивлению см.: The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999.

12 *Laar M.* The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. P. 209–241.

13 В Эстонии данное бюро возглавлял Николай Шаталин, а позже — Георгий Перов, в Латвии — Василий Рязанов, в Литве — Михаил Суслов.

14 *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 40.

15 ≈ 75 акров.

16 ≈ 50 акров.

17 В то время как в Советской оккупационной зоне Германии или в Польше частично лишались права владения только те фермерские хозяйства, где земельные наделы превышали 100 гектар (≈ 247 акров). В Венгрии максимум был зафиксирован на 114 гектарах (≈ 280 акров) для крестьян и 57 гектар (≈ 141 акров) для непринадлежавших к крестьянскому сословию, а в Чехословакии максимумом были 250 гектар (≈ 618 акров) и до 50 гектар (≈ 123 акров), начиная с 1947 года. См.: *Bauerkämper A.* Die Bodenreform in der Sowjetischen Besatzungszone in vergleichender und beziehungsgeschichtlicher Perspektive // 'Junkerland in Bauernhand'? Durchführung, Auswirkungen und Stellenwert der Bodenreform in der Sowjetischen Besatzungszone. Stuttgart, 1996. S. 7–19; *Brus W.* Postwar Reconstruction… P. 591–592; *Hollos M., Maday B. C.* «Introduction», New Hungarian Peasants: An East Central European Experience with collectivization. New York, 1983. P. 1–24.

18 *Pistohlkors G. von*. Estland, Lettland und Litauen 1920–1940 // Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Vol. 6. Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte vom Ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1987. S. 729–768.

19 См., например, *Feest D.* Terror und Gewalt auf dem estnischen Dorf // Osteuropa. № 6. 2000. S. 656–671.

20 В то время как в Литве примерно 45 % отчужденных земель оставалось в государственных земельных фондах, в Латвии эта цифра составляла 42 %, в Эстонии — 33. См.: *Zunde P.* Die Landwirtschaft Sowjetlitauens. Marburg; Lahn, 1962. S. 6; *Labsvirs J.* The Sovietization of the Baltic States. P. 29; *Feest D.* Zwangs-

kollektivierung im Baltikum. Die Sowjetisierung des Estnischen Dorfes 1944–1953. Cologne; Vienna, 2007. S. 517. По крестьянам, отказывавшимся брать дополнительную землю, см. также *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 170. Гирниус, утверждающий, что удерживание земли было сознательным политическим решением, недооценивает объективные причины крестьян и необходимость советской власти создать поддерживающий класс в сельской местности. *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 468.

[21] Шейла Фитцпатрик указала на то, насколько эти термины были сомнительными в русском контексте, и на то, как они использовались в историческом и идеологическом смысле: *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. New York, 1994. S. 30–33, 249–252. По групповой идентификации в Эстонии см *Kõll A. M.* Peasants on the World Market. Agricultural Experience of Independent Estonia 1919–1939. Stockholm, 1994. В общем о трех прибалтийских республиках см.: *Pistohlkors G. von*. Estland, Lettland und Litauen 1920–1940.

[22] См.: *Feest D.* Dealing With the Unruly Reality: Rural Party Workers in Estonia, 1944–1950 // Padomju okupācijas režīms baltijā 1944.–1959. Gadā: Politika un tās sekas. Starptautiskās konferences materiāli 2002. gada 13.–14. jūmijs, Rīga, 2003. S. 93–108.

[23] *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 461.

[24] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 98–101.

[25] Ibid; *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953 // The Hidden and Forbidden History of Latvia under Soviet and Nazi Occupations 1940–1991. Riga, 2005. P. 242–253.

[26] По зачисткам в региональных партийных организациях в старых республиках с 1927–1929 см. see *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum…; *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 242–253.

[27] *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 462; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 152.

[28] По Литве см.: *Ефременко А.П.* Развитие форм сельскохозяйственной кооперации в Литовской ССР // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971. С. 169–171. По Эстонии см.: *Руусман А.* О роли сельскохозяйственной кооперации при восстановлении и социалистическом переустройстве сельского хозяйства в Эстонской ССР (1945–1950 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971. С. 173–176; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 277–309.

[29] *Ленин В. И.* О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1964. С. 369–377; *Ленин В. И.* О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // Полное собрание сочинений. Т. 43. М., 1963. С. 205–245; *Ленин В. И.* Заседание I съезда сельскохозяйственных рабочих петроградской губернии 13 марта 1919 г. // Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1963. С. 22–30.

[30] *Руусман А.* О роли сельскохозяйственной кооперации… С. 175.

[31] Несколько ферм этого типа существовало и раньше.

[32] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 304.

[33] *Matin V., Bronštein M.* Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine ning selle sotsiaalsed ja majanduslikud tulemused, Tallinn, 1959. S. 66.

[34] *Ефременко А.П.* Развитие форм сельскохозяйственной кооперации… С. 173.

[35] *Biggart J.* The Collectivization of Agriculture in Soviet Lithuania // East European Quarterly. № 9. 1975/76. P. 60. Данная точка зрения была принята и в советской историографии. См.: Kabanov V. NSV Liidu läänerajoonide põllumajanduse tähtsamaid probleeme // Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. Tallinn, 1976. S. 39. По советской Эстонии Антс Руусманн прояснил ситуацию уже в 1971 тем, что в Эстонии не было случаев, когда обычные кооперативы постепенно превращались колхозы и артели. См.: *Руусман А.* О роли сельскохозяйственной кооперации… С. 176.

[36] *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 40.

[37] *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992. С. 24; *Channon J.* Stalin and the Peasantry: Reassessing the Postwar Years, 1945–53 // Politics, Society and Stalinism in the USSR. New York, 1998. P. 185–209.

[38] *Zubkova E.* Russia after the War. Hopes, Illusions, and Disappointment, 1945–1957. London, 1998. P. 66.

[39] *Dunmore T.* Soviet Politics 1945–53. New York, 1984. P. 80.

[40] *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 473; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 368.

[41] *Merl S.* Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunionss. München, 1985. S. 63–66.

[42] Елена Зубкова уделяет особое внимание изменению атмосферы взаимоотношений между Москвой и Прибалтийскими Коммунистическими Партиями в виду засухи. См.: *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. С. 172–173.

[43] Поставновление ЦК ВКП(б) от 21 мая 1947 г. О колхозном строительстве в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в пяти томах. Т. 3. 1941–1952. М., 1968. С. 427–423.

[44] Там же. С. 428.

[45] *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 45. *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 351. *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 468.

[46] *Merl S.* Die Anfänge der Kollektivierung… S. 97.

[47] *Kivimaa E.* EKP tegevus vabariigi… S. 163.

[48] *Biggart J.* The Collectivization of Agriculture… S. 57. *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 45.

[49] *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 246.

[50] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 356.

[51] *Tõnurist E.* Traagiliste sündmuste aasta // Ausalt & avameelselt EKP Keskkomitee VIII pleenumist, Karotammest ja Käbinist, hinge harimatusest. Tallinn, 1989. S. 34.

[52] *Biggart J.* The Collectivization of Agriculture… S. 63. *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 247; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 362.

[53] Биггарт указывает на важность «доктрины Трумэна» от марта 1947 г., а также на интерес польской и чешской коммунистических партий в получении помощи Маршалла в июне 1947 года. *Biggart J.* The Collectivization of Agriculture… S. 61.

[54] Hahn W. G. Postwar Soviet Politics. The Fall Of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–53. Ithaca, 1982. P. 98.

[55] По налоговым массивам см.: *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 54

[56] В то время как в России национальные настроения могли не играть такой роли вообще, на Украине в 1930 «местный национализм» уже рассматривали в качестве задерживающего фактора. *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. Munich, 1998. S. 477. По изменениям в отношении к национальности в «Эстонском деле» см.: *Feest D.* 'Neo-Korenizacija' in den baltischen Sowjetrepubliken? Die Kommunistische Partei Estlands nach dem zweiten Weltkrieg // Zeitschrift für Geschichtswissenschaften. № 54. 2006. S. 263–280.

[57] К 1 января 1948 года в Литве 18,5 % литовской коммунистической партии состояло из литовцев, в то время как в других прибалтийских коммунистических партиях национальная доля была, соответстсвенно, 43,5 % в Эстонии и 53 % (в 1949 г.) в Латвии. По Латвии см.: *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 463; по Эстонии: Коммунистическая партия в Эстонии в цифрах, 1920–1980: Сборник статистических данных. Талинн, 1983. С. 108–109. По Литве: *Misiunas R. J., Taagepera R.* The Baltic States. Years of Dependence 1940–1990. Berkeley, 1993. P. 80. Во всех случаях засчитывались те члены партии, кто имел литовское, латвийское или эстонское происхождение, но не разговаривал на соответствующем языке, поскольку выросли в одной из старых советских республик. Это объясняет заметно низкое число латышей в сравнении с числом эстонцев и литовцев в соответствующих партийных организациях, поскольку в Советском Союзе до войны проживало лишь лишь малое число латышей.

[58] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 155–156, 344.

[59] Ibid. S. 371–374; *Taagepera R.* Soviet Collectivization of Estonian Agriculture: The Taxation Phase // Journal of Baltic Studies. № 10 (3). 1979. P. 273.

[60] По России см.: *Merl S.* Die Anfänge der Kollektivierung… S. 104.. По Эстонии: *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 372. В прибалтийских советских республик сопротивление женщин коллективизации никогда не достигало уровня русского «бабьего бунта», который заставил советскую власть отступить в вопросах обладания собственными коровой и земельным участком. После войны такие бунты были особенно широко распространены в Польше. Viola L. Bab'i Bunty and Peasant Women's Protest during Collectivization // RR. № 45 (1). 1986. S. 23–42; *Merl S.* Die Anfänge der Kollektivierung… S. 148–153; *Merl S.* Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. Berlin, 1990 S. 257–258; *Jarosz D.* Polish Peasants versus Stalinism // Stalinism in Poland, 1944–1956. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warszawa, 1995. New York, 1999. P. 63.

[61] *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 246; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 218–220.

[62] *Kivimaa E.* EKP tegevus vabariigi… S. 215; *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 45.

[63] *Taagepera R.* Soviet Collectivization…

[64] *Ruusmann A.* Põllumajanduse taastamine ja kollektiviseerimine Eesti NSV-s aastail 1944–1950. Dissertatsioon ajalooteaduste kandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks, [неопубликованная рукопись в Академии Наук Эстонии]. Таллин, 1967. С. 359; *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 242 По денежной реформе в общем см.: *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. С. 51–55; Chlevnjuk O. Die sowjetische Wirtschaftspolitik im Spätstalinismus und die Affäre 'Gosplan' // Osteuropa. № 9. 2000. S. 103–104.

[65] *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 245; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 380–381; *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P. 469.

[66] *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 245.

[67] Talumajapidamiste maksustamisest Eesti NSV-s. Eesti NSV Ministrite Nõukogu määrus. 30. august 1947 // Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine: Dokumentide ja materialide kogumik. Tallinn, 1978. S. 231. См. также: *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 244.

[68] По России см.: *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. P. 32. В качестве примера для прибалтийских республик см.: *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 393.

[69] Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996. P. 88–89.

[70] По ситуационному исследованию по окулачиванию в Эстонии см.: Kõll A. M. Tender Wolves. Identification and

Persecution of Kulaks in Viljandimaa, 1940–1949 // The Sovietization of the Baltic States. Tartu, 2003. P. 127–149. По Латвии: *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953.

[71] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 170, 400; *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 244; *Biggart J.* The Collectivization of Agriculture… S. 63.

[72] Данная процедура привела к появлению раздражительности даже среди местных партийных деятелей, которые задумывались, было ли правильным испытывать людей законными и противозаконными инструментами «если каждый хорошо знает, у обвиняемого нет никакой возможности выполнить задачи, и, если такие возможности существуют, у обвиняемого нет прав, которые он мог бы продать для того, чтобы свести счеты с государством». См.: Policy of Occupation Powers in Latvia 1939–1991. Riga, 1999. P. 349–350.

[73] *Labsvirs J.* The Sovietization of the Baltic States. P. 83. См. также : *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 41.

[74] Это также было заметно и в отношении русских «кулаков»: «Для того, чтобы выжить, бывшие кулаки были, фактически, вынуждены некоторым образом нарушать советские законы, что они и делали постоянно». См.: *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. P. 241.

[75] *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. С. 179.

[76] Эти данные часто игнорируются. Так, например, Жоффрей Свейн утверждает, что в целом «было депортировано 50 000 латышских «кулаков». См.: *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 39.

[77] *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. С. 181.

[78] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum, 443; *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 247; *Girnius K. K.* The Collectivization of Lithuanian Agriculture. P 461, 471–472.

[79] Там же. S. 461. *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. С. 184–185. *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum…

[80] Там же. S. 449.

[81] *Kivimaa E.* EKP tegevus vabariigi… S. 280.

[82] *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 456.

[83] *Swain G.* Deciding to Collectivize Latvian Agriculture. P. 53.

[84] *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. С. 185.

[85] См.: *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. P. 238–246.

[86] *Boterbloem K.* Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, 1999. P. 142.

[87] *Biggart J.* The Collectivization of Agriculture… S. 66.; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 461.

[88] *Boterbloem K.* Life and Death… P. 142.

[89] *Bleiere D.* Repressions against Farmers in Latvia in 1944–1953. P. 242.

[90] По «Эстонскому делу» см.: Зубкова Е. Феномен местного национализма: «Эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // Отечественная история. № 3. 2001. С. 89–101; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. S. 427–439.

Дискуссии

УДК 94(47)08 «1861/1917»
ББК 63.3(2)5
Ш 95

Александр Шубин

Спор о благосостоянии: система и голод

В 2009 г. развернулась дискуссия о благосостоянии российского крестьянства, которая с легкой руки одного из ее участников С.А. Нефедова получила неофициальное название «о причинах русской революции»[1]. Благосостояние большинства населения — далеко не единственный и даже не главный фактор, вызывающий и объясняющий революцию. Голод в большинстве случаев не ведет к революции. Революция — результат не столько безысходности, сколько обманутых ожиданий. К тому же обе Российские революции начались не в деревне, а в городах.

В центре дискуссии оказался уровень жизни крестьянства, точнее — было ли это балансирование на грани голода, или дела обстояли лучше. С.А. Нефедов, опираясь на неомальтузианский подход, придерживается первой точки зрения, а исследователь социальной истории дореволюционной России Б.Н. Миронов — второй.

С.А. Нефедов использует мальтузианскую модель, которая уже в начале XX в. служила объяснением основных аграрных проблем, с которыми столкнулась Россия[2]. Этот взгляд был выражен, например, экономистом-аграрником Л.Н. Литошенко: «*Теперь все одинаково сходятся в том, что русский агарный кризис конца XIX в. был не чем иным, как проявлением аграрного перенаселения или несоответствия между увеличением продукции сельского хозяйства и ростом сельского населения*»[3]. С.А. Нефедов выносит демографический приговор империи: «*Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения*»[4].

Б.Н. Миронов, возражая С.А. Нефедову, утверждает: «*Таким образом, весь XIX и начало XX в. в России отмечены ростом сельскохозяйственного производства и доходов крестьянства, снижением налогового бремени, что вело к повышению уровня жизни. Эта позитивная для крестьян тенденция была особенно заметна после Великих реформ. Тезис о мальтузианском кризисе в России в XIX — начале XX в. не находит подтверждения и, на наш взгляд, должен быть пересмотрен*»[5]. Росло благосостояние или падало — это половина проблемы. Важно, в каких пределах и на каком уровне оно менялось. Даже повышающийся уровень жизни трудно назвать благосостоянием, если это медленный рост на уровне нищеты.

Наследие 1861 года

Обсуждение социальной ситуации конца XIX — начала XX вв. неизбежно связано с оценкой крестьянской реформы 1861 г., которая создала систему аграрных отношений, просуществовавшую до 1906–1917 гг. Социальная ситуация в России обуславливалась тремя факторами: индустриальной модернизацией, демографической ситуацией и этой системой 1861 года.

Б.Н. Миронов полагает, что «*уровень жизни крестьян повышался, и этому способствовали три принципиальных фактора: получение в результате крестьянской реформы достаточных наделов, умеренный выкуп за полученную землю и уменьшение налогового бремени в пореформенное время*»[6]. Прежде всего, непонятно, почему полученные крестьянами наделы названы «достаточными». Достаточными для чего? До реформы помещичьи крестьяне владели б**о**льшими наделами.

Б.Н. Миронов высоко оценивает результаты реформы 1861 г.: «*Условия проведения реформы способствовали тому, что большинство крестьян взяли надел, который обеспечивал их стабильное существование, и остались в деревне*»[7]. Упоминаемое «большинство» — это в первую очередь государственные и удельные крестьяне. То, что положение бывших государственных и удельных крестьян было относительно благополучным, утверждает и С.А. Нефедов. А вот с помещичьими крестьянами, жизни которых реформа коснулась в наибольшей степени, не все так однозначно.

Откуда бы взяться периодическим голодовкам, если положение крестьян было «стабильным». А уж то, что крестьяне «остались в деревне» — это и вовсе не аргумент. Возможно — это даже главный «не аргумент» апологетов пореформенной России — в городе просто не было социальных ниш, чтобы принять большинство крестьянства. И куда бы крестьянин мог податься, если не был доволен своей жизнью, даже если иногда голодал? Емкость рынка труда в России была ограничена уровнем урбанизации и развития наемного труда в деревне. Наличные вакансии быстро занимались, и остальным крестьянам было некуда деться из деревни.

Важнейшие социально-экономические черты реформы — это разрезание обрабатываемой крестьянами земли на крестьянскую и помещичью, а также изменение платежей.

По реформе 1861 г. были определены максимальные и низшие пределы наделов — для Черноземной и Нечерноземной зон от 7 до 1 десятины и даже меньше — 2200 сажен[8]. Средний надел при освобождении составлял 4,8 десятин на человека, а к 1900 г. упал вдвое[9]. В результате реформы 1861 г. у помещичьих крестьян отрезали в Нечерноземной и Черноземной зонах от 10,9 до 32 % земли[10]. Впрочем, тут уже и Б.Н. Миронов признает, что часть бывших помещичьих крестьян получила недостаточные наделы, но, ссылаясь на работы А.А. Кауфмана 1908 г. и Л.Д. Ходского 1891 г. оценивает количество таких наделов в 28 %[11]. Учитывая масштабы «урезаний», это очень скромная оценка. По мнению Б.Н. Миронова, *«в большинстве случаев в ходе крестьянской реформы исчезли очень большие и очень маленькие наделы, и произошло массовое их выравнивание…»*[12] В черноземной зоне землю потеряли 50,1 % крестьян и получили 6,7 %, в нечерноземной — потеряли 57,3 %, получили 14 %[13]. Таким образом, произошло не просто выравнивание, а выравнивание на более низком уровне, чем размеры крестьянских наделов до реформы.

По мере роста населения наделы еще сокращались. Сохраняли ли они при этом «достаточность»? В 1877–1914 гг. крестьяне купили у помещиков 27 миллионов десятин (около 30 % их первоначальных владений) и еще столько же арендовали[14]. Судя по тому, что крестьяне арендовали землю помещиков и тратили немалые средства на ее покупку (вместо того, чтобы тратить эти деньги на интенсификацию производства на своих наделах или на рост потребления), сами крестьяне не считали свои наделы достаточными.

Участник дискуссии Л.Е. Гринин считает, что *«следовало бы разделить две стороны проблемы, которые у С.А. Нефедова являются практически синонимичными: малоземелье и балансирование на грани физиологического вымирания. Малоземелье, причем постоянно усиливающееся, — да. Но балансирования на грани голодного физиологического выживания, как описывает С.А. Нефедов, или не было, или оно постепенно ослабевало, хотя было немало "голодноватых районов". В деревне могли убить за землю (или за коня-кормильца), но не за хлеб»*[15]. Это не совсем так. В 1905 г. в голодающих районах крестьяне, рискуя жизнью, не останавливаясь перед насилием, растаскивали помещичий хлеб[16]. Малоземелье и недоедание были тесно связаны, несмотря на попытки крестьян решать проблему с помощью заработков на стороне.

Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, правительственная комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн., а процент излишних рабочих к наличному их числу составлял 53 %. Особенно высоким этот процент был в Центральном Черноземье, где он составлял от 64 до 67 %[17]. Люди, которые не могли приложить свои руки к получению пропитания, найти себе работу ни на селе, ни в городе — это бедствующая масса.

Б.Н. Миронов трактует наличие излишков рабочей силы иначе — *«они существовали не столько вследствие аграрного перенаселения и невозможности найти работу, сколько ввиду того, что русские православные крестьяне следовали принципам моральной экономики. Как установил А.В. Чаянов и его коллеги по организационно-производственной школе, для крестьян нормы напряжения труда, или степень самоэксплуатации, значительно ниже полного использования труда…»*[18]. Если бы крестьяне хотели жить лучше, они могли бы трудиться понапряженее. Однако проблема в том, что у крестьян не было возможности применить этот более интенсивный труд, так как они не имели пока навыков и оборудования для того, чтобы увеличить производительность труда на своих клочках земли. Если бы они располагали большим количеством земли — может быть, и трудились бы больше, а так — сокращали рабочее время.

Как писал Л.Н. Литошенко: «*Русская земельная община превратилась в своеобразный институт страхования от безработицы*»[19]. Б.Н. Миронов полагает, что крестьяне могли трудиться на стороне, но для этого индустриальный сектор должен был развиваться быстрее, дабы обеспечить больший рынок труда. Таким образом, «резервы рабочей силы» в деревне все же являются свидетельством системного социально-экономического кризиса, связанного с малоземельем, а не с благополучной ленью крестьян.

Какова была ситуация к началу Первой русской революции? Пригодно для земледелия в 1905 г. было 440 млн. десятин. 154,7 млн. десятин находилось в руках государства и в большинстве своем не обрабатывалось или не могло обрабатываться (леса, болота, северные территории). 138,7 млн. находилось под общинными наделами, а 101,6 млн. — в частной собственности. Из частных земель 53,2 млн. принадлежали дворянам, 13,2 млн. — крестьянам, остальные — другим сословиям и обществам. При этом во владении 28 тысячи крупных собственников, имевших свыше 500 десятин, находилось 62 млн. десятин (2,2 тыс. десятин на каждого) — 72,2 % всей земли личного владения[20]. Л.Н. Литошенко считал, что «не паразитарные», то есть капиталистически помещичьи хозяйства имели только 8 млн. десятин[21].

То, что земельные наделы при сложившихся условиях недостаточны, признавал и министр земледелия А.С. Ермолов: «*дело… в недостаче земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства, не соответствовавших более ни изменившимся условиям жизни, ни современной численности населения*»[22]. Отметим и мальтузианский мотив у министра. Конечно, лучше бы, если бы крестьяне перешли от стародавних экстенсивных методов обработки земли к современным интенсивным, лучше всего — с применением сельскохозяйственной техники (если, конечно, она сможет развернуться на крестьянских клочках земли). Но ведь для всего этого нужны вложения средств, а средств не хватает, потому что при данных условиях земли недостаточно, а средства уходят на арендные платежи, прямые и косвенные налоги и в лучшем случае — на покупку земли у помещиков. Замкнутый круг.

По мнению Б.Н. Миронова, доля платежей в доходе крестьянского хозяйства составляла 38,6 % в 1850-е гг. и снизилась к началу XX века до 20,6 % (8,71 рубля на душу), а в 1912 г. — до 14,6 %[23].

Большинство оброчных крестьян платило помещикам 7–9 рублей на мужскую душу[24]. С.А. Нефедов, ссылаясь на М.А. Анфимова, оценивает совокупные арендные платежи в 340 млн. руб.[25] Б.Н. Миронов не оспаривает эту цифру. Получается около 4 рублей на душу (включая и тех крестьян, которые не арендовали землю). Но это — в среднем. Землю арендовала примерно половина крестьян, преимущественно бывшие помещичьи. Получается, что для той части крестьян, которые были вынуждены арендовать помещичью землю, нагрузка было еще примерно на 4 рубля выше. Учитывая, что хозяйство в условиях малоземелья было вести тяжелее, то и доходы здесь были ниже средних. Так что если соотношение платежей и доходов у бывших помещичьих крестьян и уменьшилось, то не столь значительно. Жизнь стала легче для тех крестьян, кто мог позволить себе не арендовать землю. Для них платежи сводились к государственным.

Б.Н. Миронов обращается к изменениям налоговой политики: «Важнейшим фактором повышения жизненного уровня трудящихся была налоговая политика правительства. Рабочие налогов не платили, а обремененность налогами крестьянства уменьшилась благодаря тому, что в пореформенное время в налоговой политике произошли три важных изменения»: к платежу прямых налогов были привлечены новые группы населения, налоговая система стала переходить с подушных на прогрессивные налоги, рост цен обгонял номинальный рост прямых платежей, повысилось значение косвенного налогообложения. «*Но благодаря этому податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина*»[26]. А почему только на зажиточные? А как же быть с рабочими, которые «налогов не платили», если центр тяжести налогообложения перемещается на косвенные налоги, которые платили горожане вообще, зависимые от покупной продукции, а не только богатые люди? Налоговая политика правительства, таким образом, перемещала давление с крестьян не только на средние и высшие слои, но и на рабочих. Они тоже покупали спички, керосин, табак и сахар, пили водку. Да и крестьян из числа плательщиков косвенных налогов нельзя исключать.

При этом Б.Н. Миронов настаивает, что тяжесть косвенных налогов ложилась преимущественно на город: «*Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе*». Например, питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет лишь 30,2 % общего питейного дохода этого года, в 1912 г. — 26,9 %[27]. Запомним этот аргумент, потому что ниже Б.Н. Миронов и его союзники в споре будут приводить рост потребления крестьянами спичек и водки как свидетельство их растущего благосостояния. Но тогда нужно признать и вклад крестьян в уплату растущих косвенных налогов.

Другая черта реформы 1861 г. — выкупные платежи. Б.Н. Миронов также относит их к «принципиальным факторам» повышения уровня жизни крестьян[28]. Замечательный парадокс — чтобы лучше жить, нужно платить бывшим барам. Сомнительно, чтобы изъятие в первые двадцать лет после реформы 15,31 рублей в год выкупных платежей с каждого хозяйства способствовало росту уровня жизни. Для сравнения, одна корова приносила хозяйству 7 рублей в год[29]. Получается, что две коровы работали на выкупные платежи, а не на крестьянское благосостояние.

Исследователь земельных отношений П.Н. Зырянов отмечает: «*В первые пореформенные годы в наиболее трудном положении оказались крестьяне нечерноземных губерний, чья земля была обложена выкупными платежами выше ее доходности*»[30].

Выкупные платежи в совокупности были на 20,1 % меньше прежнего оброка. На этом основании Б.Г. Литвак делает вывод: «*Итак, из двух хищников, обиравших крестьян, предпочтительнее в данном случае была казна, так как в год крестьяне должны были платить выкупных платежей на 20 % меньше, чем оброка*»[31]. Это было бы так, если бы не урезание крестьянских наделов. Ведь оброк платился за несколько большую землю. И второй хищник теперь никуда не исчез. Как и раньше, крестьян «обирали» два «хищника», и к выкупным платежам нужно прибавить арендную плату.

Пытаясь отделить выкупные платежи от государственных налогов, доказать полезность выкупа для крестьян, Б.Н. Миронов приводит интересную аналогию: «*Как бы ни оценивать величину и справедливость выкупа, его нельзя считать налогом ни по существу, ни по форме. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит землю или квартиру*»[32]. Это было бы верно, если бы крестьянин решил прикупить новую землю, а современный горожанин — новую квартиру. Но в 1861 г. большинство крестьян не получили, а потеряли часть земли, которой распоряжались. Так что и с квартирой уместна другая аналогия — в 1992 г. было признано, что государственная собственность на жилье должна быть отменена, а жилье должно находиться в частной собственности. Если бы реформаторы брали пример с Александра II, то часть жилплощади бы урезали, а за остальное нас всех посадили бы на ипотеку. Боюсь, что в этом случае восстание против Ельцина в 1993 г. было бы на порядок сильнее.

Нет, не подходят выкупные платежи под обычную ипотеку. Ипотека по форме, а по сути — платежи помещикам и государству, оправданность которых, мягко говоря, сомнительна.

Уровень жизни крестьян, таким образом, мог расти не в результате введения этого «умеренного выкупа», а вопреки ему, — в результате его сокращения со временем. В 1881 г., вняв жалобам крестьян на непосильность платежей, правительство понизило их до 11,22 рублей с хозяйства. То есть речь и здесь идет все о том же снижении платежей, в среднем весьма незначительном.

Килограммы и сантиметры

Итак, к какому «достаточному» или «недостаточному» уровню жизни вела система 1861 г., наложенная на демографические и модернизационные процессы?

Оценивая минимальную норму нормального питания крестьянина в 15,5 пудов в пересчете на хлеб, а потребление фуража в 7 пудов, С.А. Нефедов делает вывод: «*Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX века привело к тому, что потребление приблизилось к минимально возможной норме*»[33] и в начале XX в. балансировало на уровне 19,5–22,7 пудов, то есть ниже минимальной нормы в 24,6 пудов[34]. Таким образом, по С.А. Нефедову, половина крестьян вела полуголодное существование. Это подтверждается оценками общего объема произведенного в стране хлеба за вычетом посевов, потребления горожан, а также помещичьего хлеба или экспорта (эти два

показателя сопоставимы, и по С.А. Нефедову это — хлеб, выпадающий из крестьянского потребления).

С.А. Нефедов считает, что «*потребление крестьян даже в лучшие для России времена поддерживалось лишь на уровне минимальной нормы*». Но были годы, когда среднее потребление было меньше нормы, и тогда «недоедало больше половины населения»[35]. При этом С.А. Нефедов напоминает о недавнем выводе Б.Н. Миронова: «*рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30 % всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией*»[36]. Но любой специалист имеет право корректировать свои взгляды в ходе дальнейших исследований. Б.Н. Миронов оценивает минимальное потребление в 237 кг (14,8 пудов), а затраты на фураж и другие траты в 68 кг (4,3 пуда). Итого 305 кг.[37] Среднее потребление крестьян Б.Н. Миронов оценивает в 422 кг. Это поделенный на число крестьян валовый сбор минус семена на посев, поставки в города, армии, экспорт и винокурение. С.А. Нефедов считает оценку затрат на фураж Б.Н. Мироновым явно заниженной и приводит данные Министерства продовольствия, где они оцениваются даже в 154 кг.[38]

Подвергнув статистические аргументы друг друга острой критике, участники дискуссии подтвердили, что сельскохозяйственная статистика Российской империи далека от точности и всеохватности[39].

Нужно искать дополнительные источники. «Конек» Б.Н. Миронова — биологические параметры населения (биостатус), которые можно определить, например, через рост новобранцев. В Российской империи он рос, начиная еще с XVIII в., и в пореформенное время — быстрее. Но доказательность этого аргумента также вызывает множество возражений у оппонентов. С.А. Нефедов указывает на то, что до 1901 г. рост призывников сопровождался и ростом числа отбракованных по здоровью новобранцев, что ставит под сомнение значение роста призывников как четкого индикатора здоровья и, следовательно, благосостояния[40]. Рост населения и в частности новобранцев — важный показатель, но все же для начала XX века — не безусловный аргумент при оценке уровня жизни.

Однако даже с этими поправками биостатус — важный показатель благосостояния. И, что важно для дискуссии о революции, в 1901–1905 гг. он снижался[41]. Б.Н. Миронов демонстрирует график роста новобранцев и мужского населения с XVIII в. по 1915 г. и делает вывод: «*Таким образом, только со вступлением России в эпоху рыночной экономики после Великих реформ произошел прорыв в уровне биостатуса и соответственно благосостояния*»[42]. Однако рост новобранцев согласно тому же графику в 90-е гг. «проваливается» ниже дореформенного уровня и «возвращает позиции» уже после революции 1905–1907 гг. Так что можно говорить, что бесспорный «прорыв» произошел только после революции. А вот насколько он был фундаментальным и мог ли быть долговременным — трудно судить, если учесть, что «устойчивый» подъем наблюдается на материале всего нескольких лет. Нет согласия и в том, о чем точно свидетельствует средний рост людей. Ведь они растут много лет, и все это время питание сказывается на темпах роста человека. Как напомнил С.А. Нефедов, повышение роста людей относится не только к годам рождения 1906–1914 гг., но и к последующим, включая гражданскую войну. А ведь в 1919–1921 гг. положение населения явно ухудшилось. Но если учесть, что люди «набирали рост» несколько лет, то улучшение показателей, который Б.Н. Миронов относит к заслугам Российской империи, в большей степени вызван благополучием более позднего советского НЭПа[43].

По мнению С.В. Циреля, «*удовлетворительные средние значения индекса массы тела новобранцев и увеличение среднего роста населения (даже если данные не содержат погрешностей), говорят лишь о том, что в среднем питание людей находилось в пределах нормы, но отнюдь не отрицают того, что отдельные области и слои населения могли сильно недоедать, а все продовольственное благополучие живущей в долг страны висело на ниточке, которая могла оборваться во время войн, климатических флуктуаций и внутренних катаклизмов*»[44]. А ведь для того, чтобы в стране складывалась «революционная ситуация», необходимо, чтобы существовали массовые группы бедствующих людей, не обязательно большинства населения.

Важный аргумент в пользу роста уровня жизни — падение смертности (впрочем, очень неустойчивое и медленное). Уровень смертности 35–41 человек на 1000 населения, характерный для пореформенного периода

конца XIX в., был окончательно преодолен в конце 90-х гг., и после этого колебался в пределах 26,5–33,3. По мнению С.А. Нефедова, «потребление в этот период не оказывало почти никакого влияния на смертность», и причиной ее падения является прогресс медицины и гигиены. Раскритиковав статистические аргументы С.А. Нефедова, Б.Н. Миронов предложил свой статистический анализ, в результате которого признал за санитарно-гигиеническим фактором более скромные заслуги в снижении смертности (на уровне 4–18 % от общего снижения)[45].

И все же различие точек зрения Б.Н. Миронова и С.А. Нефедова, на мой взгляд, не носит качественного, принципиального характера. Тем более, что дискуссия о благосостоянии крестьян, при всей ее полемической жесткости и излишней политизации, привела к сближению взглядов сторон.

Уже в ходе дискуссии Б.Н. Миронов иногда высказывался более осторожно, сопровождая отрицание хронического недопотребления крестьян оговорками: *«хроническое (именно хроническое, а не эпизодическое ввиду неурожая) недопотребление многомиллионных масс крестьянства»…*[46] Вообще-то ситуация, где «эпизодически» голодают миллионы крестьян, далека от прежней оптимистической картины «стабильного существования» на «нормальных наделах». Почему бы «эпизодически» голодающим крестьянам не купить хлеба? Или: *«питание, за исключением неурожайных лет, находилось в норме»*[47]. Учитывая, что неурожайные годы — это почти половина периода начала XX в., ту же фразу можно сформулировать иначе: «питание крестьян почти половину времени находилось ниже нормы». Учитывая, что норма — это биологический минимум, картина не выглядит оптимистично. Во всяком случае, позиция С.А. Нефедова не так уж далека от этой картины.

Конкретизируя свою позицию в итоге дискуссии, Б.Н. Миронов писал, что широкие массы *«жили по-прежнему небогато, уступая населению западноевропейских стран. Но уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию — медленно, но верно увеличиваться… Прогресс был бы, несомненно, большим, если бы крестьяне работали в полную меру своих сил, используя все рабочее время»*[48]. Интересно, где бы крестьяне в условиях преимущественно экстенсивного хозяйства, могли применить свои силы? Крестьянство было стеснено в своем главном средстве производства, возможности отходничества лимитировались темпом урбанизации, который был недостаточен для того, чтобы проблема рассосалась сама собой. А чтобы успешно шла интенсификация аграрного производства, требовалось вложение средств, которых у крестьян было явно недостаточно. Этот порочный круг и вызывал «циклические колебания», в которых было все дело — каждое из них создавало ситуацию, которая могла закончиться революцией. Но только при условии, что возникнут и другие необходимые для нее причины.

Спор ведется о том, улучшалось ли положение крестьян или ухудшалось. Но если улучшалось, то крайне медленно (недостаточно быстро, чтобы выйти из кризиса) и с откатами, которые, как раз, и могли провоцировать социальные конфликты. Но не обязательно революцию.

С.В. Цирель предлагает шире смотреть на уровень жизни: «Независимо от того, росло или сокращалось потребление хлеба на душу населения в начале XX в., с одной стороны, общий уровень жизни населения, безусловно, в среднем поднимался (рост грамотности, уровня медицинской помощи, усвоение гигиенических навыков (пресловутые мыло и карболка), снижение смертности, увеличение потребления мяса и овощей и т.д.), а с другой стороны, расстояние до порога голода оставалось очень малым. И относительно небольшие расхождения в данных между двумя оппонентами не в состоянии изменить неопределенный прогноз ни на положительный, ни на отрицательный»[49].

Итоги дискуссии не подтвердили полностью ни «идеалистическую» позицию Б.Н. Миронова, ни «апокалипсическую» позицию С.А. Нефедова. Уровень жизни большинства жителей России повышался, но медленно, неустойчиво, с откатами, оставаясь для значительной части населения Европейской части России (от трети и может быть выше) уровнем на грани нищеты и голода. Периодически часть крестьянства и городского населения оказывалась в ситуации голода — либо в случае недорода, либо — временной потери источников доходов. Однако, вопреки мнению С.А. Нефедова, такое положение не вело к революции автоматически. Тогда бы революция должна была разразиться уже в начале 1890-х гг., когда положение крестьян было наиболее бедственным.

Голод и экспорт

Из-за неурожая в 1891 г., на Россию обрушился страшный голод, поразивший 29 губерний с населением 35 млн. человек. От голода и последующей эпидемии холеры умерли сотни тысяч людей. Этот факт — серьезно подрывает модель «достаточного» благосостояния. Б.Н. Миронов относит к сильным неурожаям только 1871–1872 и 1891–1892 гг., ссылаясь на то, что железные дороги позднее позволяли перебрасывать продовольствие в голодающие районы, в том числе за счет импорта. Но не приводит цифры этого спасительного импорта в голодные годы[50]. Однако этот хронологический ряд надо бы расширить. Голод вызывали также неурожаи 1901–1902, 1905–1907 и 1911–1912 гг. Каждый раз голодали десятки миллионов крестьян.

Чаще всего, 17–21 раз, неурожаи в 1861–1908 гг. происходили в Таврической, Самарской, Пензенской, Оренбургской и Новгородской губерниях[51]. А ведь это не были территории наиболее тяжелого малоземелья. Но причины неустойчивости сельского хозяйства в Малороссии и Заволжье не были связаны с малоземельем — из-за земельного голода в центре России крестьянство вытеснялось в зону рискованного земледелия.

Само наличие голода в Российской империи, конечно, подрывает вывод о некоем «нормальном» питании среднего крестьянина. Впрочем, М.А. Давыдов, поддержавший в дискуссии Б.Н. Миронова, не склонен считать, что голод в Российской империи это — принципиальный аргумент в пользу С.А. Нефедова. Разве ж это голод: *«одни и те же слова с течением времени могут обретать иной смысл, менять семантику. Что, в частности, представления людей конца XIX — начала XX в. о голоде и сопряженных с ними бедствиях народа весьма отличаются от наших современных, воспитанных на историческом опыте советской эпохи»*[52]. Прежде чем перевернуть страницу, я попытался постичь этот вклад в методологию исследования голода. Действительно, в тот период советской эпохи, который протекал на наших глазах (вряд ли взгляды С.А. Нефедова и М.А. Давыдова формировались в сталинские времена) голода не было. И чем этот наш советский опыт меняет смысл слова «голод»?

Перевернув страницу, я понял, что под советским опытом М.А. Давыдов имеет в виду только период 20–40-х гг., будто после Сталина советская история прекратила течение свое. Но даже с учетом этого раннесоветского опыта остается непонятным, чем очень страшный голод 1932–1933 гг. оправдывает для М.А. Давыдова просто страшный голод 1891 г., количество жертв которого он оценивает в 400 тыс. человек[53]. Что случилось у М.А. Давыдова с семантикой и этикой, если при таких жертвах он ссылается на «меру вещей». Миллионы жертв оправдывают сотни тысяч? Сотни тысяч жизней в 1891–1892 гг. — допустимая погрешность?

Советская история дает примеры гигантских катастроф и трагедий. Но — и достижений, которые оказались не по плечу Российской империи. И одно из них — СССР научился десятилетиями обходиться без голода. Именно это сформировало наше отношение к термину «голод» и к нравственной мере вещей, в которой голодное существование миллионов — это нравственный приговор существующей во время голода социальной системе — и сталинской, и царской.

М.А. Давыдова справедливо возмущает экспорт продовольствия в 1932 г., который он называет голодным экспортом без кавычек. А вот экспорт накануне и в начале голода 1891 г. его не возмущает. «Мера вещей».

Экспорт хлеба вырос в последние 40 лет XIX в. с 1,55 млн. т. до 6,5 млн. т. За границу шла половина товарного зерна, ¾ льна, яиц, половина масла. Не удивительно, что вопрос о «голодном экспорте» стал одним из центральных в дискуссии о благосостоянии. Логика С.А. Нефедова такова: *«Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но душевой чистый сбор в период с середины XIX века по начало XX века существенно вырос.* ***Если бы все произведенное зерно оставалось в стране, потребление в начале XX века достигло бы примерно 25 пудов на душу — уровня социальной стабильности…*** *На связь экспорта с помещичьим землевладением указывали ранее многие авторы (см., например: Кауфман 1918: 51). При 712 млн. пудах среднего ежегодного вывоза в 1909–1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн. пудов (Ковальченко 1971: 190). Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн. руб. арендной платы (Анфимов 1962: 502). Чтобы оплатить арен-*

ду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн. пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн. пудов — эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары; но это количество (около 700 млн. пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских — на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса.

Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества? Возьмем для примера данные за 1907 г. В этом году было вывезено хлеба на 431 млн. руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн. руб. и примерно 140 млн. руб. составили расходы русских за границей — дело в том, что часть русской аристократии практически постоянно жила за границей. Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн. руб., сельскохозяйственной техники — на 18 млн. руб. (Ежегодник России… 1910: 191–193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта»[54]. Б.Н. Миронов утверждает, что в указанных источниках этих данных нет, и «Ежегодник» рисует иную картину — производился, прежде всего, ввоз товаров широкого потребления[55].

Другой участник дискуссии Л.Е. Гринин обращает внимание на положительные стороны экспорта хлеба, который стимулирует высокие цены на хлеб, выгодные крестьянам (но выгодна ли они рабочим, что так важно именно для понимания причин революции. — А.Ш.), позволяет делать внутренние займы, что снижает налоговую нагрузку (но ведь займы нужно возвращать с процентами, что увеличивает налоговую нагрузку. — А.Ш.), ввозить капиталы и машины[56]. Но ввоз капиталов напрямую не связан с доходами от хлебного экспорта — капитал шел туда, где есть сырье, дешевая рабочая сила и другие возможности получить повышенную прибыль. В условиях периферийного характера российской экономики, производя металл, уголь, нефть и другое промышленное сырье и полуфабрикаты, Россия ввозила машины, потребительские товары, в том числе, конечно, и предметы роскоши.

Б.Н. Миронов выступает категорически против тезиса о голодном экспорте: «*В условиях рыночного хозяйства хлеб из внутренних регионов мог идти на экспорт только в том случае, если бы не находил спроса на внутреннем рынке по соответствующей цене»[57]*. Это, с точки зрения Б.Н. Миронова, свидетельствует о том, что продовольственные потребности в пореформенной России удовлетворялись. С.А. Нефедову было нетрудно показать, что Россия экспортировала хлеб и во время неурожая, ведущего к голоду. Так, в 1889/1890–1890/1891 гг., накануне страшного голода 1891 г. из страны было вывезено 29 % чистого сбора хлебов[58]. Либеральный догмат предполагает, что если человек не покупает продовольствие по соответствующей (в данном случае — мировой) цене, то он сыт. А человек при этом может и голодать, но не иметь средств, чтобы заплатить «по соответствующей цене». Не случайна и фраза министра финансов И.А. Вышнеградского, сказанная при сведениях о надвигающемся неурожае 1891 г.: «Сами не будем есть, но будем вывозить»[59]. Впрочем, сам министр не ограничивал себя в еде, когда крестьяне голодали.

Б.Н. Миронов считает, *«что изъятие хлеба на продажу «изо ртов голодных детей» — вещь легендарная и маловероятная. Человек устроен так, что удовлетворяет потребности в порядке их важности, начиная с самых важных. У людей самое насущное — удовлетворение физиологических нужд. Уплата налогов, расходы на водку, керосин, спички или ситец несравненно менее настоятельно, чем спасение от голодной смерти»[60]*. Позвольте, но ведь выше Б.Н. Миронов показывал, что рост потребления ситца и водки во многом объясняется ростом городов (тогда именно с помощью этого аргумента Б.Н. Миронов доказывал, что снижается налоговый пресс). А теперь потребление ситца, водки и ке-

росина в губернии позволит доказать, что крестьяне не голодали.

Тут уж одно из двух. Или крестьянин страдает от косвенных налогов, или все покупные прелести цивилизации потребляет не тот крестьянин, который голодает. В действительности, крестьяне участвовали в потреблении этих продуктов и страдали от косвенных налогов. Но это не значит, что они не голодали.

Экономика Российской империи и многих других стран, движущихся по пути капиталистической модернизации, устроена не так, как описанный Б.Н. Мироновым человек. В этих странах голодные дети существуют рядом с роскошью и товарными излишками. Н.Г. Чернышевский мог убеждать своих современников, что нравственно здоровый человек не может наслаждаться обедом, когда рядом — голодные. Но проповедовать эти «провокационные идеи» ему позволяли недолго. Разгадка проблемы голодного экспорта (то есть ситуации, при которой в одном и том же государстве есть и голод, и экспорт продовольствия) не так сложна. Просто голодают одни, а спички и ситец покупают другие. А помещикам и вовсе ничто не мешает экспортировать хлеб и наслаждаться обедом — Чернышевского с его упреками уже убрали с глаз долой.

С.В. Цирель напоминает, что «*на экспорт шла в основном пшеница, слишком дорогая для российской бедноты и специально производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке (в среднем экспортировалось от 1/3 до 1/2 ее чистого сбора)*»[61]. Однако экспортировалась не только пшеница. М.А. Давыдов считает, что против «голодного экспорта» свидетельствует тот факт, *что «экспорт ржи стабильно снижался»*[62]. Из приводимой ниже таблицы видно, что это стабильное снижение с уровня 6,4–8,1 % от сбора до 2,7–5,6 % произошло в 1906 г.[63], то есть, получается — уже в результате революции 1905–1907 гг. и ее последствий.

По данным М.А. Давыдова экспорт пшеницы составлял в 1893–1898 гг. в среднем 32,7 %, в 1899–1903 гг. — 21,7 %, в 1904–1908 гг. — 24,2 %; экспорт ячменя в те же периоды, соответственно — 30,5 %; 25 %; 32,4 %. После революции 1905–1907 гг. население стало потреблять больше пшеницы, что свидетельствует о росте благосостояния. Но то — после революции, когда действительно произошел подъем уровня жизни — непродолжительный и неустойчивый. Тем не менее, рожь сохраняла свою роль хлеба для народа. И это скажется в дни начала революции 1917 г.

Поставщики хлеба на внешний и внутренний рынок различаются и географически. Основную часть вывозной пшеницы давали Новороссия и Предкавказье, «главными поставщиками пшеницы на внутренний рынок были Самарская и Саратовская губернии, а также Донская область»[64]. Однако после строительства железных дорог, если бы не поощрялся экспорт, новороссийских хлеб тоже мог направляться на спасение российских крестьян (в том числе и саратовских) от недоедания.

М.А. Давыдов в своих исследованиях показал, что в 12 случаях, большинство которых приходится на время неурожаев 1901, 1908 и 1911 гг., вывоз зерна из губернии *«превышает, иногда более чем вдвое (!), урожай данного года»*, что кажется ему надежным доказательством занижения данных об урожае[65].

Однако С.А. Нефедов без большого труда парировал этот аргумент: «*Это "недоразумение", однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 г. (а может быть и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, который был исключительно обильным*»[66]. Характерно, что такие данные М.А. Давыдова как раз свидетельствуют в пользу концепции «голодного экспорта». В стране неурожай, часть населения голодает, но огромные массы хлеба, превышающие нынешний скудный урожай, продолжают вывозиться.

Раз в голодные годы хлеб направлялся не голодающим, а на экспорт — такой экспорт является «голодным». М.А. Давыдов убедительно показал, что этот экспорт сокращался, но он сохранялся и во время последнего голода в Российской империи в 1911 г. — было вывезено 33,7 % пшеницы, 48,9 % ячменя, 12,1 % овса и 3,1 % ржи[67]. Из общего количества хлеба, перевезенного по железным дорогам, даже в 1912 г. 48,8 % предназначалось к вывозу[68].

Вывоз усугублял продовольственные проблемы, хотя не был их причиной.

А вот оборотная сторона медали — земский отряд борется с голодом в столыпинском 1911 г. Количество голодающих существенно превышает возможности благотворителей: «*На сходке крестьяне выбрали из своей среды двух уполномоченных, доверенных людей и этим уполномоченным поручено было составить список двухсот человек самых бед-*

ных. На следующее утро вновь собрали сход, и уполномоченные представили список. Список этот раза в три превышал норму, и мы читали его вслух и всем миром обсуждали, кого оставить, кого пока выбросить. На каждом шагу сходка останавливалась в недоумении, не зная как быть, так как многих крестьяне не находили возможным выкинуть, а увеличить список мы тоже не могли. Как бы то ни было, список в конце концов был фиксирован, сходка разошлась, и на душе у нас осталось очень тяжелое чувство.

Когда мы ехали на голод, то много думали о том, как и откуда будем получать хлеб и друге продукты. В действительности же оказалось, что почти всюду, где нам пришлось кормить, можно было или в этом же селе или по соседству найти богатых мужиков, у которых хлеба сколько угодно»[69]. Приедут благотворители, заплатят — выживут бедные голодающие крестьяне. Не приедут спасители в эту деревню — голодающие умрут (формально — от болезни, реально — от вызвавшего ее голода), а хлеб пойдет в города или на экспорт. Впрочем, многих «доходяг» столыпинской поры не могли спасти и благотворители: «*Масса народу не попала в столовые; они целыми днями осаждали нашу избу, ловили нас на улицах и умоляли "пожалеть", "подписать на столовую". Мы разъясняли, что не можем больше никого "подписывать", что, ведь, мы на сходке говорили миру и выясняли, что больше 200 человек мы не можем кормить, но все это было для них непонятно. Иной раз для нас ясно было, что данному человеку необходимо помочь как можно скорее, что он "дошел", но чем помочь?*». Государственная помощь была недостаточна, и даже там, где она поступала, ее при скромном расходе хватало только на 20 дней месяца[70].

Критики наличия «голодного экспорта» приводят еще один важный аргумент: пьянство. М.А. Давыдов показывает, что даже в голодные годы крестьянство продолжало потреблять алкоголь, тратя на него значительные средства. Так, в 12 голодающих губерниях в 1906–1907 гг. крестьяне получили государственную помощь на 128 329 000 рублей, а пропито здесь было 130 505 000 рублей[71]. Правда, нет гарантии, что на водку тратились те же самые люди, которые и голодали (по М.А. Давыдову получается — делали вид, что голодали?), но это возможно — пересекающиеся множества.

Значит ли это, что на самом деле крестьяне не бедствовали, а просто хитро прикидывались, чтобы получить и пропить казенные денежки. Сомнительно — даже министр земледелия А.С. Ермолов, рассуждая о пьянстве, признает, что 1906 год был голодным[72]. Оценивая выпитое в губернии, не будем забывать: Б.Н. Миронов утверждает, что этот вид «роста благосостояния» шел в большей степени за счет города.

Но действительно, «подсаженные» на водку (не без участия все того же самодержавия) крестьяне нуждались в ней, как и в продовольствии. Эту трагическую ситуацию иллюстрируют и сообщения о крестьянских волнениях в 1905 г., когда крестьяне, рискуя жизнью и свободой растаскивают помещичий хлеб, но тут же и требуют у помещика налить им водки. Алкоголизм сродни наркомании — не доесть, но выпить. Однако это никак не отменяет сам факт голода, который усугубляется голодным пьянством, как и голодным экспортом. Две беды — одна не отменяет другую. И обе беды имеют социальную природу. Алкоголь связан с казенным интересом, пьянство крестьян стимулировалось веками. Бедственное социальное положение и низкий культурный уровень способствуют пьянству.

Но дело не только в алкоголизме. Русские мужики хоть и любили выпить, но, как справедливо отмечает М.А. Давыдов, *«по потреблению алкоголя на душу населения Россия отнюдь не была в числе европейских лидеров»*[73]. Дело в ценах, установленных государством, в «пьяном бюджете» самодержавия.

Городская революция и аграрный вопрос

По мнению С.А. Нефедова голод 1905–1906 гг., который привел к всплеску смертности по сравнению с соседними годами в 350 тыс. человек[74], «превратил тлеющую революцию 1905 г. в крестьянскую войну»[75]. Получается, что революция была вызвана чем-то другим, а тяжелое положение крестьянства только придало ей дополнительный масштаб. Ведь еще более страшный голод 1891 г. не вызвал никакой революции и крестьянской войны.

Более того, переход революции от «тлеющей» фазы к осенне-зимней кульминации 1905 г. был вызван событиями в городах и на железных дорогах, а крестьяне воспользова-

лись ситуацией, чтобы осуществить свою вековую мечту — изгнать помещиков из села.

При этом против помещиков выступила не беднейшая часть, а большинство крестьянства (что подтвердили и выборы 1906 г.). Не только беднейшие, но и другие слои крестьянства участвовали в нападениях на помещичьи усадьбы. Помещичьи земли стесняли развитие крестьянского хозяйства. Если тяжким трудом крестьяне смогли накопить средства, они, как правило, шли не на интенсификацию, а на покупку помещичьих земель. Но ни в силу истории приобретения этих земель, ни в силу экономической эффективности, помещики не имели на эту землю морального или экономически обоснованного права. Так почему же зажиточный крестьянин должен был быть сторонником сохранения собственности помещиков в большей степени, чем бедный, готовый сам уйти из деревни в город?

События 9 января, а не выступления крестьян, стали спусковым механизмом революции 1905–1907 гг. Ударной силой этой революции были городские низы, но деревня была ее важным тылом. Во время подъема революционного движения в октябре очагами наиболее сильных крестьянских волнений были Саратовская, Тамбовская и Черниговская губернии. Крестьяне жгли усадьбы и захватывали хлеб, приготовленный к вывозу. При этом управляющий Министерством внутренних дел П. Дурново признавал, что *«при недостаточности войск в Саратовской губ. преступное крестьянское движение не могло быть локализовано»*[76] — то есть крестьян можно сдержать только войсками, а не убеждением или какими-то мерами помощи. Во всяком случае, губернатор Столыпин обратился за войсками, и пока они не прибыли, ничего поделать не мог. Плохая рекомендация для благосостояния крестьян в Российской империи. Волнения в это время происходили также в Полтавской, Харьковской, Курской, Пензенской, Воронежской, Казанской, Екатеринославской, Нижегородской губерниях. В конце года восстаниями были охвачены также Эстляндия, Лифляндия и Бессарабия. Можно ли этот ряд привязать к очагам оскудения? Мы видим здесь и Центральное Черноземье, и Новороссию, и Запад империи. Везде крестьяне не считали оправданным право частной собственности помещика на землю, которая, по мнению самих крестьян, была полита *«кровью их дедов при крепостном праве»*[77].

Сообщения о крестьянских выступлениях рисуют разные картины. Одни крестьяне готовы рисковать жизнью и свободой за хлеб, потому что очень голодны. Другие борются за землю и стремятся изгнать помещика из своей местности. Третьи — маргинальные элементы — гуляют и пьянствуют. Но бунтующие иногда выдвигали очень умеренные требования: чтобы помещики отдавали им землю в аренду по 2–6 рублей[78]. Это показывает, насколько тяжела была арендная плата, если крестьяне готовы были идти на бунт ради ее снижения.

Таким образом, не столько голод, сколько весь комплекс последствий половинчатой реформы 1861 г. и связанных с ними особенностей модернизации вел к накоплению горючего материала для будущей революции. Но эту революцию начал город. И ее исход зависел от города.

Медленный рост благосостояния крестьян не спасал страну от угрозы революции, а балансирование уровня жизни значительной части населения на грани голода — еще не было достаточным условием начала революции или хотя бы крестьянской войны.

Поскольку дискуссия о благосостоянии крестьянства была анонсирована как поиск причин российских революций, участники обсуждения застрагивают и другие факторы социальной дестабилизации. Прежде всего, их внимание не должно было пройти мимо обострения борьбы в элите.

П.В. Турчин считает, что дело в «перепроизводстве элиты». Численность учащихся в 1857–1897 гг. выросла в 4 раза, а число чиновников — на 21 %. В результате образовался значительный слой лишних людей, которые принялись бороться со старой элитой за место под солнцем. *«Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века, оказалось гораздо более серьезной проблемой и привело (вкупе с шоком Первой мировой войны) к краху государства и гражданской войне»*[79]. Набежала образованщина, сбила народ с панталыку и заставила простых людей резать друг дружку. П.В. Турчин трактует этот процесс как аналогичный мальтузианскому. Но вызывает возражение само понятие «перепроизводство» элиты — получается, что «лишние люди» не были нужны стране, а это совершенно не так, учитывая дефицит квалифицированных кадров в России. Дело не в

том, что ненужные образованцы принялись ломать здоровое древо Империи, а в том, что имевшаяся в Империи полуаристократическая система вертикальной мобильности не обеспечивала нормального продвижения нужных стране образованных кадров.

Б.Н. Миронов убедительно показывает, что «перепроизводства элиты» в России не было, так как развивающийся индустриальный сектор и растущий государственный аппарат создавали новые вакансии[80]. Российская экономика и государство испытывала дефицит в образованных кадрах, существовала объективная потребность в них.

Проблема заключалась не в том, что «расплодилось» слишком много людей, претендовавших на место в элите, а в том, что система сделала из нужных стране образованных людей слой враждебной режиму «общественности». Аристократия сдавала свои позиции постепенно, уровень компетентности старой бюрократии вызывал критику со стороны представителей новых, модерных слоев. Это создавало напряженность в отношениях «общества» и «власти» вплоть до полной враждебности. Квалифицированным умственным трудом были заняты около полумиллиона жителей России, из которых гораздо легче рекрутировался офицерский состав армии революции, чем сторонники «отечества спокойствия».

Фактически отрицая наличие глубокого социального кризиса в России, который привел к революции, Б.Н. Миронов и особенно М.А. Давыдов ищут причины революций в субъективных, случайных и внешних обстоятельствах. М.А. Давыдов гипертрофирует роль русско-японской войны в начале революции 1905–1907 гг., чтобы сгладить роль внутренних и более закономерных факторов (хотя и Русско-японскую войну нельзя считать явлением совершенно случайным). В итоге М.А. Давыдову картина представляется таким образом: «*Власти нужно было испугаться всерьез, для чего понадобилась несчастная Японская война и спровоцированная ею революция, поставившие Россию на грань катастрофы, чтобы, наконец, уйти от нелепых представлений о своей стране и своем народе и начать осознавать, что она делала после 1861 г., какую на самом деле политику она проводила, чтобы, наконец, прислушаться к голосу здравого смысла*»[81]. Увы, под «здравым смыслом» понимается политика Столыпина. Но, во всяком случае, после такого заявления М.А. Давыдову трудно отрицать закономерность и даже благотворность встряски 1905–1907 гг. Власть десятилетиями шла не туда, куда требовал «здравый смысл» — революция «понадобилась». Так если понадобилась, значит не война ее «спровоцировала», а вся ситуация, которая без революции не могла разрешиться. И все же М.А. Давыдов спрашивает своих оппонентов: «*на фоне, предположим, известий о победах в Манчжурии, о разгроме японцев при Порт-Артуре и пр. к Зимнему дворцу 9 января двинулись бы люди, чем-то недовольные, чего-то требующие? Что рабочие поддались бы на провокационную агитацию?*»[82] Чтобы ответить на этот вопрос, полезно поинтересоваться, а чем были недовольны люди, «поддавшиеся на провокационную агитацию».

Если Гапон и часть его окружения еще учитывали фактор внешнеполитических неудач, то для рабочих масс он не играл существенной роли. Когда эти неудачи действительно стали очевидными — после падения Порт-Артура, организаторам шествия 9 января было уже не до них[83]. Поводом для выступления стало вовсе не падение Порт-Артура, а забастовка на Путиловском заводе. Составляя петицию, лидеры ориентировались на рабочие настроения. И что же мы видим в ней? «*Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети, и беспомощные старцы — родители — пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать*»[84]. Пока никакой войны — петиция посвящена невыносимому положению рабочих и рассказывает об их минимальных требованиях: 8 часовой рабочий день, учет мнения рабочих при определении цены за труд, нормальные условия труда, чтобы «*можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега*»[85]. Чем бы помогли победы в Манчжурии в затыкании дыр в цеховых крышах? И чем гипотетическая победа под Порт-Артуром помогла бы рабочим и безработным накормить свои семьи?

«*Государь, нас здесь многие тысячи, а все это люди только по виду, только по наружности, — в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают*

ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелился поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу…»[86] Так где же война? Ах, вот здесь между делом: *«Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят… Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь?»*[87]

Петиция призывает царя разрушить стену между ним и его народом путем введения народного представительства. В последний момент перед распространением были вписаны требования свободы слова, печати, отделения церкви от государства и прекращения Русско-японской войны (о котором раньше как-то забыли)[88]. Требование прекращения войны вошло 4-м пунктом во второй раздел, став одним из 18 требований и одним из самых неконкретных (как прекратить, на каких условиях?). Куда подробнее расписаны политические требования, включая политическую амнистию, ответственность министров перед народом (то есть — парламентом), всеобщее образование за государственный счет. Рабочих не устраивало и то, что государство стимулирует не свою, а чужую экономику — они требовали размещения военных заказов только на отечественных предприятиях. Среди мер «против нищеты народной» — и отмена косвенных налогов с заменой их прогрессивным налогообложением, и создание для решения спорных вопросов с предпринимателями выборных рабочих комиссий на предприятиях, без согласия которых невозможны увольнения. Здесь и 8-часовой рабочий день, и выработка закона о страховании рабочих[89]. Нет, не военные поражения привели к революции, а социальный кризис в городах.

Не будем забывать, что решающий натиск революции на самодержавие, который привел к изменению политической структуры России, произошел в октябре 1905 г. К этому времени война-то уже кончилась. И среди требований забастовщиков нет никакой войны, их волнуют совсем другие вопросы — те же, что и 9 января.

Так что и начало революционных событий, и лозунги рабочего движения не подтверждают версию о решающей роли военных поражений в начале революции. И уже совсем странно видеть в Русско-японской войне причины октябрьского и последующих всплесков революции. Революция 1905–1907 гг. имела, прежде всего, внутренние, социальные причины, и первейшая из них — положение рабочего класса. Это положение было связано с аграрным кризисом, но он был не единственной причиной проблем.

Была ли в конце 1904 — январе 1905 гг. у самодержавия возможность избежать революции, проведя межформационную реформу? Возможно. Однако вполне закономерно, что правящая в то время бюрократия с ее социальной базой, воспитанием и идеологией этим шансом не воспользовалась.

Трагическая неспособность пойти на диалог с рабочим движением 9 января 1905 г. привела к катастрофе, которая и подорвала легитимность самодержавия в глазах городских слоев. Никто не заставлял власть устраивать эту бойню. Или во всем опять виноваты хитрецы из «контрэлиты»?

Б.Н. Миронов, в ходе этой дискуссии увлекшийся теорией заговора, считает, что «разрушение идеологических основ империи произошло не стихийно, а было тщательно и умело осуществлено оппозицией в борьбе за власть»[90]. Я еще понимаю, что оппозиция воспользовалась недовольством масс. Но она не могла быть причиной этого недовольствта. И уж, во всяком случае, не оппозиция приняла решение разгонять массы населения войсками 9 января.

Солидаризируясь со сторонниками теории заговора применительно к событиям 1917 г., Б.Н. Миронов обосновывает свою позицию публикацией С.В. Куликова, в которой вроде бы «приводятся новые данные», подтверждающие, что в ходе Февральской революции был осуществлен план переворота А. Гучкова и его сотрудников[91]. Но эта «сенсация» не убедила оппонентов Б.Н. Миронова, ведь на поверку оказалось, что «новые данные» — это гипотетические рассуждения социал-демократа Н.И. Иорданского о возможности такого заговора[92]. Очень хруп-

кое основание для объяснения революционного процесса.

Надо сказать, что в итоге дискуссии Б.Н. Миронов встал на более взвешенную позицию. Отвечая А.В. Островскому (которого он в свою очередь критикует за приверженность теории заговора, правда применительно совсем к другим темам), Б.Н. Миронов так пишет о причинах революции: «Модернизация протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические, социальные, этнические, территориальные сегменты общества; город больше, чем деревню, промышленность больше, чем сельское хозяйство. Наблюдались побочные разрушительные последствия в форме роста социальной напряженности, девиантности, насилия, преступности и т.д. На этой основе возникали серьезные противоречия и конфликты. Рост экономики стал дестабилизирующим фактором даже в большей степени, чем стагнация, так как вызвал изменения в ожиданиях, образцах потребления, социальных отношениях и политической культуре, которые подрывали традиционные устои старого режима. Если бедность плодит голодных, то улучшения вызывают более высокие ожидания. Военные трудности после длительного периода повышения уровня жизни также послужили важным фактором революции.

Таким образом, именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали *временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться*. Революции на фоне бесспорных успехов модернизации — один из главных и принципиальных выводов книги... Общество, находящееся в процессе трансформации от традиционализма к современности, является хрупкой структурой вследствие болезненности перестройки и роста напряженности и конфликтности. Серьезные испытания переносятся с трудом, и при перенапряжении сил возможна революция как откат в прошлое или как прыжок в будущее»[93].

Этот взгляд уже вызывает куда меньше возражений и показывает, что дискуссия благотворно сказалась на позиции либеральной историографии. Спасительные «благоприятные обстоятельства» не явились, кризисы разрослись и погубили «хрупкую структуру». Уже одно это показывает, насколько противоречив «принципиальный вывод» о «бесспорных успехах». Успехи были, но, мягко говоря, спорные, противоречивые и «болезненные». Однако в своей книге Б.Н. Миронов упорно сдвигает акценты в оптимистическую сторону. В этом оптимизме есть актуально-политический смысл: «Если цель всех социальных изменений состоит в том, чтобы улучшить жизнь людей, модернизацию имперской России следует признать успешной, несмотря на все издержки. Это дает основания для исторического оптимизма, который тем более оправдан, что самых впечатляющих успехов Россия добилась в 1861–1914 гг. — после Великих реформ, в условиях рыночного хозяйства и относительной гражданской и экономической свободы. Примерно в таких обстоятельствах наша страна находится в настоящее время, и ничто не мешает ей повторить успех 150-летней давности — занимать в течение длительного времени первое место в Европе по темпам экономического роста и общего развития»[94]. При всем скептическом отношении к «общему развитию» нынешней РФ, все же в XXI веке у нас пока не было ничего подобного голоду 1891 г., баррикадных боев в крупных городах и прочих черт «общего развития» Российской империи. Но если развитие России будет продолжаться столь же «успешно», возможно страна действительно деградирует к уровню Российской империи и повторит ее «успешное развитие» с тем же революционным результатом.

Раз дела у Империи обстояли оптимистично, а кончилось все крахом, значит, кто-то подставил подножку России, бодро шагавшей в светлое завтра. В своей книге Б.Н. Миронов придает тайным политическим пружинам, «PR-кампании» либералов значение решающего фактора революции, ссылаясь при этом то на домыслы потерпевших крах царских чиновников, то на современных публицистов (вроде памфлета Н. Старикова «Не революция, а спецоперация!»)[95].

Дискуссия, таким образом, показала односторонность оценки причин революции обеими сторонами. С.А. Нефедов видит их в активности недовольного своей жизнью (в том числе и голодающего) крестьянства, а Б.Н. Миронов — в сознательных действиях либеральной интеллигенции. Между тем революция не могла бы состояться, если бы действовала лишь одна из этих сил. Более

того, и вместе они не смогли бы совершить революцию без рабочего класса, настроение которого определялось его тяжелым социальным положением.

---

[1] Так называется статья С.А. Нефедова, где обсуждается проблема благосостояния, и сборник, где, помимо интернета и исторических журналов, высказались основные участники дискуссии.

[2] В соответствии со взглядами Т. Мальтуса быстрый рост населения ведет к голоду. Мальтузианский кризис, с чем согласны и участники дискуссии, характерен, прежде всего, для аграрного общества. Но появление индустриального сектора не отменяет этот кризис сразу. Просто наряду с мальтузианской тенденцией появляется другая, которая постепенно усиливается. Более того, начало индустриального перехода может стимулировать демографический кризис, несколько снижая смертность и стимулируя рождаемость новыми надеждами для населения (иногда напрасными), что ведет к демографическому буму. Явление, хорошо известное для индустриального перехода. Проблема решается только после того, как лишняя рабочая сила устраивается в индустриальном секторе. Но это ведь происходит далеко не сразу. Соответственно, мальтузианский кризис оказывается одной из составляющих болезненной социальной ломки, которая сопровождает переход от аграрного общества к индустриальному. И в этом качестве он существовал в России, влиял на ситуацию, но, на мой взгляд, ключевым фактором, тем более основной причиной революции не был.

[3] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 104.

[4] *Нефедов С.А.* О причинах Русской революции. // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 55.

[5] *Миронов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 105.

[6] Там же. С. 87.

[7] *Миронов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 88.

[8] *Литвак Б.Н.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 145.

[9] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. С. 105.

[10] *Литвак Б.Н.* Переворот 1861 г. в России… С. 157–159.

[11] *Миронов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 87.

[12] Там же. С. 88.

[13] *Литвак Б.Н.* Переворот 1861 г. в России… С. 157, 160.

[14] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. С. 102.

[15] *Гринин Л.Е.* Мальтузианско-марксова ловушка и русские революции. // О причинах Русской революции. С. 205.

[16] Например: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. М., 1955. Ч. 2. С. 369.

[17] *Нефедов С.А.* О причинах Русской революции. С. 50.

[18] *Миронов Б.Н.* Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить. // О причинах Русской революции. С. 117.

[19] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. С. 116.

[20] *Корелин А.П.* Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности. // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 242.

[21] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. С. 16.

[22] Цит. по: *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX в. // О причинах Русской революции. С. 233.

[23] *Мирнов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 98.

[24] *Литвак Б.Н.* Переворот 1861 г. в России… С. 155.

[25] *Нефедов С.А.* О причинах Русской революции. С. 43.

[26] *Мирнов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 93–94.

[27] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 324.

[28] *Мирнов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 87.

[29] Там же. С. 72.

[30] *Зырянов П.Н.* Поземельные отношения в Русской крестьянской общине во второй половине XIX — начале XX века. // Собственность на землю в России: история и современность. С. 160.

[31] *Литвак Б.Н.* Переворот 1861 г. в России… С. 179.

[32] *Миронов Б.Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 99.

[33] *Нефедов С.А.* О причинах Русской революции. С. 30.

[34] Там же. С. 36. По его оценке затраты на фураж возросли до 7 пудов в начале века из-за распашки пастбищ (С. 353) При этом в современной историографии встречаются и более критические оценки ситуации в Российской империи. По мнению А.П. Корелина минимальное необходимое потребление с учетом фуража составляло 25,5 пудов на человека, а душевые сборы — только 16,6–18 пудов (Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 42.).

[35] *Нефедов С.А.* О причинах Русской революции. С. 38.

[36] *Миронов Б.Н.* Сыт конь — богатырь, голоден — сирота: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX — начала XX века. // Отечественная история. № 2. 2002. С. 37.

[37] *Он же.* Благосостояние населения… С. 293. С учетом поправок на сайте bmironov.spb.ru

[38] *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения дореволюционной России. // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 128.

[39] Б.Н. Миронов и М.А. Давыдов считают, что статистические данные Центрального статистичес-

кого комитета (ЦСК) МВД, на которые опираются С.А. Нефедов и другие исследователи, занижены, и необходима поправка в 10 %, чтобы обосновать более высокое потребление крестьян. Не очень понятно, правда, почему именно 10 %, а не 20 или 30. М.А. Давыдов, подвергнув критике российскую сельскохозяйственную статистику, утверждает: «вышесказанное не означает, что 100 % показаний российской сельскохозяйственной статистики неверны. Однако по меньшей мере наивно на этих данных строить безоговорочную модель душевого потребления с подсчетом якобы реальных сотых долей пудов и процентов и полагать, что эти построения соответствуют действительности» (Указ. соч. С. 231). Впрочем, это замечание бьет не только по С.А. Нефедову, но и по Б.Н. Миронову. С.А. Нефедов, критикуя источники Б.Н. Миронова, утверждает: «Таким образом, из данных Б.Н. Миронова нельзя сделать никаких выводов о динамике доходов крестьянского населения России, и тем более, о пересмотре мальтузианской трактовки российского кризиса» (*Нефедов С.А.* О мальтузианском кризисе в России. // О причинах русской революции. С. 113).

40 *Нефедов С.А.* Россия в плену виртуальной реальности. // О причинах русской революции. С. 357.

41 *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения… С. 279.

42 Там же. С. 653.

43 *Нефедов С.А.* Уровень жизни населения в дореволюционной России. // «Вопросы истории». 2011. № 5. С. 131–133.

44 *Цирель С.В.* Почему в России произошла революция? // О причинах русской революции. С. 186.

45 *Миронов Б.Н.* Ленин жил… С. 127.

46 Там же. С. 117.

47 Там же. С. 125.

48 *Миронов Б.Н.* Развитие без мальтузианского кризиса. Гиперцикл российской модернизации. В XVIII — начале XX в. // О причинах русской революции. С. 337.

49 *Цирель С.В.* Почему в России произошла революция? С. 194.

50 *Миронов Б.Н.* Ленин жил… С. 125–126.

51 *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 249.

52 Там же. С. 259.

53 Там же. С. 260. Б.Н. Миронов оценивает число жертв в 500 тысяч, из которых около 300 тысяч умерли от холеры, сопутствующей голоду (*Миронов Б.Н.* Благосостояние населения… С. 571).

54 *Нефедов С.А.* О причинах русской революции. С. 42–43. М.А. Давыдов показывает, что в дальнейшем объемы импорта машин выросли, и спрашивает, почему Нефедов берет «для примера» 1907 год (С. 232). Это как раз понятно — Нефедов обсуждает причины революции 1905–1907 гг., а не результаты столыпинской реформы. А вот Б. Н. Миронов полностью отрицает правомерность данных С.А. Нефедова, ссылаясь на приведенный им источник.

55 *Миронов Б.Н.* Развитие без мальтузианского кризиса… С. 295.

56 *Гринин Л.Е.* Мальтузианско-марксова ловушка… С. 207.

57 *Миронов Б.Н.* Ленин жил… С. 115.

58 *Нефедов С.А.* А при чем тут Ленин? // О причинах русской революции. С. 137.

59 *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения… С. 644.

60 *Миронов Б.Н.* Развитие без мальтузианского кризиса… С. 289.

61 *Цирель С.В.* Почему в России произошла революция? С. 180.

62 *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 243.

63 Д *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 244–245. Б.Н. Миронов, ссылаясь на данные М.А. Давыдова, не заметил этого обстоятельства и пишет о снижении доли экспорта в период с 1889–1893 гг. до 1909–1913 гг. (С. 286). Между тем при обсуждении причин революции 1905 г. такое «сглаживание» недопустимо.

64 *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 248.

65 Там же. С. 227.

66 *Нефедов С.А.* Давайте будем корректны… // О причинах русской революции. С. 280.

67 *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 244–245.

68 *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. С. 145.

69 Поездка «на голод». Записки члена отряда помощи голодающим Поволжья (1912г.). URL: http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=12&id=502 (дата обращения: 20.06.2013).

70 Поездка «на голод».

71 *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 254–255.

72 Там же. С. 254.

73 Там же. С. 259.

74 Тогда уж на долю недоедания может приходиться около 300 тыс. жизней, так как в 1905 г. продолжалась русско-японская война, которая унесла несколько десятков тысяч жизней, а в 1905–1906 гг. происходили вооруженные столкновения в самой России.

75 *Нефедов С.А.* О причинах русской революции. С. 41.

76 Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 2. М., 1955. С. 369.

77 Там же. С. 394.

78 Там же. С. 435–436.

79 *Турчин В.П.* Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг. // О причинах русской революции. С. 173.

[80] *Миронов Б.Н.* Развитие без мальтузианского кризиса. С. 299.

[81] *Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России… С. 265.

[82] Там же. С. 272.

[83] *Кавторин В.* Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 года. Л.,1992. С. 315; *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 69.

[84] Цит. по: *Пазин М.* «Кровавое воскресенье». За кулисами трагедии. М., 2009. С. 122–123.

[85] Там же. С. 123.

[86] Там же. С. 123–124.

[87] Там же. С. 124.

[88] *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон… С. 88.

[89] *Пазин М.* «Кровавое воскресенье». С. 126.

[90] *Миронов Б.Н.* Развитие без мальтузианского кризиса… С. 290.

[91] Там же. С. 341.

[92] *Нефедов С.А.* Россия в плену виртуальной реальности. С. 361.

[93] URL: http://bmironov.spb.ru/sochist.php?mn=2&lm=1&lc=art24 (дата обращения: 20.06.2013).

[94] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения… С. 690.

[95] Там же. С. 665–666.

УДК 94(47+474.5)
ББК 63.3(2Лит)6
И 20

Петр Иванов

СССР — Литва: сложная правда общей истории

Вышел в свет второй том издания «СССР и Литва в годы Второй мировой войны», являющийся результатом совместной работы историков Литовской Республики (представляющих Институт истории Литвы) и Российской Федерации (Институт всеобщей истории РАН). Если первый том, опубликованный в той же серии в 2006 г., был посвящен периоду, непосредственно предшествовавшему включению Литвы в состав Советского Союза (март 1939 — август 1940 гг.)[1], то теперь читателю представлены материалы, касающиеся времени с августа 1940 до сентября 1945 гг., т.е. до окончания Второй мировой.

Издание получилось по-настоящему уникальным: из 333 представленных в книге документов большая часть публикуется впервые. И это — лишь выборка из более чем тысячи актов, выявленных составителями в процессе исследовательской работы в архивах Литвы и России. Речь идет о таких собраниях, как Архив внешней политики РФ (АВП РФ), Архив Президента РФ (АП РФ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Особый архив Литвы (ОАЛ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный военный архив (РГВА), Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ) и др.

Разумеется, в первую очередь, этот фундаментальный труд требует внимания специалистов как по истории внешней политики, так и непосредственно по истории советско- и российско-литовских отношений, знавших непростые времена, но ныне, наконец, имеющих все шансы для нормального развития. Ни в коем случае не относя себя к числу специалистов и не преувеличивая значения собственного скромного мнения, я решился написать эту рецензию лишь потому, что для людей моего поколения, значительная часть жизни которых пришлась на советский период нашей с литовцами общей истории, события, которых касаются собранные в книге документы, не являются только частью исторического прошлого. Они прямо связаны с настоящим, с осмыслением его истоков — как близких, так и отдаленных.

Проблема не только правовой, но и морально-этической правоты/неправоты той страны, с которой связаны мои детство, юность и начало самостоятельной жизни, для людей моего (и более старшего) поколения останется актуальной навсегда, до конца нашей жизни, и особенно — применительно к периоду Второй мировой войны. Это также ясно, как и то, что решение этой проблемы (если оно вообще существует) не может быть простым и однозначным, укладывающимся в какие бы то ни было односторонние идеологические клише. И лишний раз в этом убеждаешься, знакомясь с документами, вошедшими в рецензируемый сборник.

Глядя из Вильнюса (Ч. Лауренавичюс)[1]

Переходя к анализу содержания сборника, отмечу, прежде всего, что, будучи результатом сотрудничества историков двух стран, он ориентирован (по меньшей мере — по преимуществу) на российского читателя. Это видно хотя бы потому, что текст представленных в нем документов, в оригинале написанных на литовском языке, дается также и в переводе на русский, но не наоборот; на русский же (но не на литовский) переведены и документы с английского (№ 283, 287 и др.) и французского (№ 295)[2].

На уровне содержания та же ориентация ощущается, в первую очередь, во вводной статье, написанной доктором исторических наук, заведующим Отделом истории XX века Института истории Литвы Чесловасом Лауринавичюсом. Явно учитывая мнение российского читателя, литовский историк сознательно отказывается от употребления обязывающего понятия «оккупация» применительно к Советскому Союзу: по его словам, в августе 1940 г. произошла «формальная аннексия Литвы» (С. 31); между тем, в других случаях тот же исследователь свободно оперирует болезненным для русского уха термином, в том числе — в своих интервью СМИ[3].

Что же отличает интерпретацию событий августа 1940 — сентября 1945 гг., представленную литовским историком российскому читателю? По его мнению, этот период начинается с «ускоренного разрушения бывших государственных институтов Литвы и инкорпорирования ее во внутригосударственную систему СССР» (Там же). Вместе с тем, «инкорпорационные мероприятия» изначально не вызвали «каких-либо явных признаков сопротивления»: «с новой властью на первых порах … в немалой части литовского общества связывались надежды на осуществление социально-политических реформ, потребность которых в Литве назрела в результате довольно долго довлевшего над обществом авторитарного режима» (С. 31–32). Недовольство, разумеется, возникало, но накапливалось оно подспудно и долго сдерживалось страхом перед репрессиями (и, среди прочего, стало одной из их причин). Единственными должностными лицами старой Литвы, отказавшимися покориться «Советам», стали дипломаты, не пожелавшие поступить согласно полученного ими предписанию, а именно — сложить с себя полномочия, передать литовскую собственность «ближайшим советским посольствам» и вернуться в Литву.

Переломным событием стало начавшееся 22 июня 1941 г., в день нападения Германии на СССР, «восстание против советского строя». Ч. Лауринавичюс подчеркивает: «*Главным образом, оно было спонтанной реакцией на только что произошедшую массовою высылку литовских граждан в СССР. Сильным толчком послужило воззвание, прочитанное по каунасскому радио в первый день войны и призывавшее восстановить литовскую государственность. Но фактически это восстание служило целям нацистов, поскольку способствовало продвижению немецких войск на восток и установлению так называемого нового порядка*» (С. 37). Именно поэтому «*хотя надежды части литовских политиков на Германию сразу же после начала войны обернулись разочарованием, политическая элита литовского народа не смогла отмежеваться от прилипшего к ней ярлыка прогерманской ориентации*» (Там же).

Говоря о Холокосте на территории Литвы, который последовал вскоре за началом восстания, автор признает, что «непосредственное участие в уничтожении евреев приняли и литовцы», тут же возлагая часть ответственности за это на политику нацистских оккупантов, стравливавших покоренные народы между собой (Там же). При этом особо подчеркивается, *что* «*Москвой факт Холокоста в Литве не выделялся — вся информация сообщалась под рубрикой “зверства фашистов и их пособников в отношении советских людей”*» (С. 38).

Помимо военно-политических событий, происходивших как на территории Литвы, так и в Москве и других столицах (но непосредственно связанных с Литвой), значительное место во вступительном исследовании (как, впрочем, и в структуре публикации) занимают сюжеты, связанные с деятельностью литовских дипломатов в Латинской Америке, Лондоне, Вашингтоне и ряде других мировых столиц. Эти представители старой Литвы, неожиданно оказавшиеся без государства, которое они представляли, настойчиво стремились не только сохранить официальное право на существование своих посольств и консульств, но и способствовать формированию некоммунистического литовского правительства в эмиграции. Как явствует из вступительного исследования, достичь этой цели так и не удалось, а Временное правительство, созданное при активном участии литовского посла в Берлине Казиса Шкирпы, так и не признанное немцами, своими попытками наладить сотрудничество с нацистами лишь дискредитировало саму идею литовского правительства в изгнании.

Главным же своим делом активная часть литовского дипломатического корпуса считала обеспечение внешнеполитических условий для восстановления независимой государственности страны. В этом процессе, однако, разрушительную роль сыграли события Тегеранской конференции, где ведущие страны Антигитлеровской коалиции приступили к «бесшумному умерщвлению» Литвы, Латвии и Эстонии. И хотя де-юре Великобритания и, особенно, США так и не признали присоединения Литвы к СССР, де-факто они полностью приняли советскую границу 1940 г. и отказались обсуждать ее несоответствие тому положению Атлантической хартии (подписанной 14 августа 1941 г.), которое устанавливало отказ стран антигитлеровской коалиции от присоединения чужих территорий в годы войны.

В самой же Литве период 1944–1945 гг., по мнению Ч. Лауринавичюса, был связан с «*вынужденным приспособлением к правилам со-*

ветской жизни. Начался переход к долгой так называемой «органической работе», которая, как оказалось, не была бесперспективной. По крайней мере, после войны в Литве появились соответствующие национальной идентификации литовского народа территориальные предпосылки существования. Литовская ССР впервые в истории объединила Вильнюс и Клайпеду… На западе остатки политического представительства Литовской Республики перешли в стадию замораживания…» (С. 43–44).

Такова позиция Ч. Лауринавичюса — взгляд из Вильнюса на болезненные сюжеты нашей общей истории. Взгляд литовский, что вполне нормально для книги, выпущенной при поддержке Министерства образования и науки Литвы и Посольства Литовской Республики в РФ. Знать этот взгляд в Москве необходимо, тем более, что, судя по содержанию «Археографического введения» (С. 45–49), с ним в основном солидарна и видный российский историк Н.С. Лебедева, осуществившая подготовку документов к печати. Но сам по себе этот факт вовсе не отменяет и возможности иного прочтения. Главное — чтобы оно было основано на документах. В том числе — и тех, которые опубликованы в рецензируемом сборнике.

Глядя из Москвы

Вводная статья — не фундаментальная монография. И все же по мере знакомства с документами — не только вошедшими в рецензируемый сборник, но и оставшимися за его рамками, — возникает ощущение, скажем так, недоговоренности в вещах, крайне важных, если смотреть на те далекие события не из Вильнюса, а из Москвы. Об этом и пойдет речь ниже.

Прежде всего, начну с факта, несомненно присутствующего в тексте Ч. Лауринавичюса, но, на мой взгляд, акцентированного недостаточно четко, а именно — с констатации колоссальной степени внутренней неоднородности предвоенного литовского общества, прежде всего — в том, что касается его этнического состава. По переписи 1923 г. (насколько мне известно, других общегосударственных переписей до 1939 г. не проводилось) литовцы составляли абсолютное большинство (84 %), однако, наряду с ними, в стране проживало немало евреев (7,6 %), поляков (3,2 %), русских (2,5 %) и немцев (1,4 %)[4].

Дело, однако, не в одних только цифрах: далеко не всегда они позволяют составить исчерпывающее представление о степени влияния той или иной этнической общины на жизнь в стране в целом. Так, например, это влияние следует оценить достаточно высоко применительно к относительно немногочисленным в Литве немцам, среди которых было немало предпринимателей и крупных (разумеется, по литовским масштабам) земельных собственников, а также специалистов (инженеров, техников и т.п.). Косвенно об этом свидетельствует уже сама многочисленность документов, касавшихся подготовки и осуществления репатриации этой части литовского населения в Третий рейх, продолжавшейся по март 1941 гг., а также урегулирования экономических интересов Германии и ее поданных на территории Литвы (см. док-ты № 81, 86, 89, 102, 105, 119, 123, 127, 133, 138, 142, 143, 155, 160, 162, 164, 165 и др.). Принципиально важным фактором было также наличие разветвленной системы всякого рода немецких обществ (прежде всего — упоминаемого в документах «Культурфербанда» (док. № 30 и др.)[5]), что позволяло общине выступать с единых (или близких) позиций по всем основным политическим вопросам.

Самым же большим по численности этническим меньшинством, как уже говорилось, были евреи. По социальному положению эта группа населения представляла собой весьма пеструю картину. Часть евреев была вовлечена в деятельность всякого рода религиозно-националистических организаций и встретила «приход Москвы» с недоверием[6], но большинство «еврейской улицы» с восторгом встретило установление Советской власти. Документы об этом в состав издания не вошли, однако они существуют, в том числе — и в литовских архивах. Разумеется, точных статистических данных на этот счет они не содержат, однако некоторые из обвинений, звучавшие в адрес евреев в 1941 г., как представляется, не нуждаются в комментариях[7].

Что касается русских (а также украинцев и белорусов, по которым отдельной статистики в межвоенной Литве, насколько можно понять, не велось), то, насколько можно понять, их роль в социально-политических процессах довоенной Литвы была относительно невелика. Так, в документе № 30 фигурирует некий Петр Опаснов (С. 125), явно русский и, насколько можно понять, предприниматель, пытавшийся выехать в Германию в ходе репатри-

ации немцев (возможно — воспользовавшись родственными связями). Об остальном остается только догадываться: документальные свидетельства на этот счет в рецензируемый сборник или другие известные мне публикации не вошли.

Отдельная тема — поляки, доля которых в структуре населения резко возросла после присоединения Вильнюса и Виленского края осенью 1939 г., ранее незаконно отторгнутого у Литвы Польшей (напомню, что столицей межвоенной Литвы являлся г. Каунас); ситуацию усугубил и приток польских беженцев. Ряд документов, содержащих информацию на этот счет, воспроизведен в рецензируемом сборнике (см., например: № 121, 156 и др.). Однако в реальности их, разумеется, много больше.

Будучи достаточно многочисленным, польское меньшинство отличалось и высокой степенью организованности. Органы НКВД и НКГБ Литовской ССР, постоянно следившие за настроениями в среде поляков — как местных жителей, так и беженцев и переселенцев, — сообщали о наличии в их среде целого ряда «контрреволюционных организаций»[8]. Даже если предположить, что значительная их часть существовала только на бумаге, все равно не подлежит сомнению сам факт высокой социальной активности польской общины. Однако едва ли не главным центром самоорганизации польской этнической среды являлся Костел. Представляется, что сказанного достаточно для того, чтобы понять, почему, помимо собственно литовцев, именно поляки пострадали от выселения в июне 1941 г.[9]

Далеким от гомогенности, насколько это можно себе представить, было и литовское большинство. Даже не касаясь традиционных для индустриальной эпохи классовых различий (которые, в той или иной степени, несомненно, присутствовали[10]), следует указать на различия между поколениями. По всей видимости, старшее поколение, вступившее в сознательный возраст в первые два десятилетия XX в., в дореволюционную эпоху, психологически смирялось с «властью Москвы» легче, чем поколение среднее, а особенно — молодое, личностно сформировавшееся уже в период независимости. Не случайно молодежь приняла активное участие в антисоветском восстании 22 июня 1941 г.[11]

Видно, что на рубеже 1930-х–1940-х гг. в Литве сложилось слишком много принципиально разных вúдений будущего страны, чтобы их носители удержались от столкновения. Это замечание представляется принципиальным для понимания причин и характера как того относительного «затишья» (так и хочется добавить «перед бурей»), которое установилось в Литве после ее присоединения к СССР, так и (что еще более важно) тех жестоких столкновений, которые начались в июне 1941-го. Противостояние этнических общин в период немецкой оккупации не может быть объяснено лишь политикой нацизма по стравливанию народов между собой (хотя она, несомненно, имела место) или негативным историческим опытом совместного проживания на литовской земле (хотя отрицать наличие такового бессмысленно). Это противостояние имело еще и специфические социально-политические причины, а также причины идеологические, о которых — чуть ниже.

Перейду к следующему вопросу — о характере процесса инкорпорации Литвы в состав СССР. Здесь документы, вошедшие в сборник, как представляется, создают достаточно полную картину, нуждающуюся в дополнительных комментариях лишь в силу того, что во вводной статье об этом говорится несколько вскользь. Обращу внимание только на некоторые аспекты. Вне зависимости от политических и историко-правовых оценок самого факта и процедуры присоединения, прежде всего, следует подчеркнуть, что аппарат управления, сформированный в советской Литве осенью 1940 — весной 1941 гг., в подавляющем большинстве состоял из этнических литовцев, в числе которых были не только коммунисты, но и часть представителей «старой» интеллигенции (см., например, док. № 116). Все указания о привлечении к управлению русских кадров относятся к более позднему периоду — начиная с 1944 г.[12]

В предвоенном Каунасе Москву представлял Н.Г. Поздняков (1900–1948), с 1938 по август 1940 гг. являвшийся временным поверенным в делах, а затем — полпредом СССР в Литве. С сентября по 1940 он стал уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Литовской ССР. Его имя часто фигурирует в документах (см. док. № 7, 9, 13–17, 19, 102, 140–142, 163 и др.). Этого материала вполне достаточно для того, чтобы понять: властные функции, которыми он обладал, были достаточно широкими; однако не имели ничего общего со статусом некоего «теневого генерал-губернатора».

Разумеется, можно (и нужно!) рассуждать о том, в какой мере группа литовцев, оказавшаяся во главе советской Литвы в августе 1940 г., представляла интересы большинства населения республики (в том числе — нелитовской ее части), а также о том, как социально-экономические и политические преобразования, проведенные в 1940–1941 гг., повлияли на историческую судьбу литовского народа в целом. В любом случае, содержание представленных в сборнике документов не оставляет сомнения в том, что эти преобразования не отличались сколь-нибудь выраженной местной спецификой. Они предполагали «стандартные» для советской политики в целом меры по развитию общественного здравоохранения, образования и культуры (в ее советском, но отнюдь не русифицированном варианте[13]), введению цензуры, проведению национализации (в том числе — многоквартирных домов), аграрной реформы уравнительного характера, увеличению заработной платы для малообеспеченных слоев городского населения и т.п. (док. № 6, 30, 33, 54, 83, 136, 147, 150, 152, 153, 168, 171, и др.). В стране была введена система управления советского образца, установлена паспортная система (док. № 149 и др.).

Однако ни один из вошедших в сборник документов не свидетельствует о том, что какая-либо из этих мер имела целью сознательное нанесение ущерба Литве. Наоборот, по меньшей мере в двух случаях можно говорить об определенных льготах: док. № 152 касается вопроса о помощи сельскому хозяйству за счет союзных фондов, а док. № 92 предполагает введение полностью бесплатного среднего и высшего образования, тогда как в остальной части страны с октября 1940 г. была введена плата за обучение в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях.

Приводя эти факты, я далек от мысли рисовать ситуацию исключительно в светлых тонах. Очевидно, что проведение реформ общесоветского образца имели и серьезные негативные последствия. Помимо нанесения значительного материального ущерба представителям имущих социальных слоев (а также тем, кто (порой — достаточно произвольно) был отнесен к таковым), следует указать также и на углубление раскола в литовском обществе, что должно было стать еще одной причиной кровавых столкновений, развернувшихся в стране после падения советской власти в июне 1941 г.

Отдельного разговора заслуживает депортация, осуществленная НКГБ и НКВД в июне 1941 г., от которой пострадало более 15 тысяч человек (5564 человека было арестовано, 10 187 — выслано в отдаленные районы СССР) (док. № 181; см. также док. № 178 и 179). Следует подчеркнуть, что эта внесудебная расправа не имеет и не может иметь никакого правового, морального или исторического оправдания, чем бы она ни мотивировалась. Бессмысленно отрицать также генетическую связь такого рода мер с определенными особенностями советского строя.

Вместе с тем, однако, приведенных в сборнике свидетельств явно недостаточно для того, чтобы понять конкретную мотивацию антигуманных действий органов НКВД-НКГБ. Между тем, эти действия подчинялись определенной логике, которая, разумеется (повторюсь!), ни в коей мере не оправдывает проведения репрессий, но позволяет понять целый ряд важных вещей. И главная из них — реальность существования организованного националистического подполья, возлагавшего свои надежды на германское вторжение, близость которого весной 1941 г. была уже очевидна для любого непредвзятого наблюдателя.

Речь идет о т.н. Фронте литовских активистов (литовская аббревиатура — *LAF (Lietuvos Aktyvistų Frontas)*), о котором компетентным органам стало известно не позднее начала апреля 1941 г.[14] Стремясь ликвидировать организацию, но не имея на это ни времени, ни достаточного количества подготовленных кадров, «органы» поступили по привычному сценарию — ударили «по площадям», скопом репрессировав «подозрительный элемент». Жизнь, однако, показала, что эти меры оказались не только варварскими, но и малоэффективными. И прежде всего — потому, что не смогли предотвратить восстания 22 июня 1941 г., которое началось отнюдь не спонтанно. Оно было организовано ЛАФ при прямом участии немецких спецслужб, что признается и составителями рецензируемого сборника. Правда, делают они это только в комментарии к одному из документов и весьма лапидарно (Док. № 241. Прим. 3. С. 643).

Упоминания о ЛАФ встречаются в сборнике лишь однажды — в уже упоминавшемся док. № 241. Он представляет собой меморандум, направленный в январе 1943 г. министру иностранных дел Великобритании А. Идену послом Литвы в Лондоне Бронюсом Балути-

сом (1878–1967). Признавая, что июньское восстание 1941 г. было организовано «Фронтом активистов», посол решительно отвергает обвинения в связях этой организации с нацистами, что прямо противоречит имеющимся фактам. К сожалению, составители сборника не сообщают о том, что представлял собой ЛАФ. Между тем, об этой организации известно достаточно много. Документальные свидетельства на этот счет сохранились и в литовских архивах, среди них — и документы ЛАФ программного и агитационно-пропагандистского характера[15]. Они в полной мере характеризуют Фронт как организацию не только фашистского, но и нацистского характера (включая патологический антисемитизм), для которой союз с Гитлером был не вынужденной мерой, а осознанным политическим выбором.

С момента своего создания ЛАФ был ориентирован на Берлин и подчинялся сформированому там Временному правительству Литвы, к созданию которого самое непосредственное отношение имел литовский посол в Германии полковник Казис Шкирпа (1895–1979). Однако ни один документ, связанный с деятельностью этого правительства, в сборник не вошел[16]. Между тем, присутствие свидетельств такого рода было бы полезно для того, чтобы показать глубину раскола в среде литовской правящей элиты, часть которой (по принципиальным, а отнюдь не конъюнктурным соображениям) была ориентирована на нацистскую Германию, а часть — на западные демократии. Насколько можно понять, никакой согласованности действий между этими направлениями не было, что, судя по имеющимся данным, похоронило идею создания дееспособного правительства в изгнании и не способствовало делу литовской независимости.

Последняя (но не последняя по значению!) группа сюжетов, заслуживающая внимания, — это проблема потерь, понесенных населением Литвы в годы Второй мировой войны. Самые страшные из них коснулись еврейской общины и связаны с Холокостом. Ужасы, обрушившиеся на литовских евреев, неописуемы. Но если с мотивами нацистских извергов все более или менее понятно, то истоки репрессивной политики литовцев требуют некоторого пояснения. В этом ряду исторически сложившиеся негативные стереотипы и прямое стремление к сотрудничеству с оккупантами, насколько это можно понять, дополнялись причинами политического и идеологического плана. Евреям мстили за лояльность многих (пусть и далеко не всех) из них к Советской власти, а также руководствуясь идеологическими постулатами, зафиксированными в программных документах ЛАФ. «Русский коммунист и его верный слуга еврей — это один и тот же общий враг. Устранение оккупации русского коммунизма и еврейского рабства — это одно общее и самое святое дело», — уже весной 1941 г. призывала листовка Фронта, красноречиво озаглавленная «На века освободим Литву от жидовского гнета»[17].

Приведенная цитата позволяет понять и еще одну важную вещь, на которую (пусть и в другой тональности) указывает Ч. Лауринавичюс (С. 38), а именно — на невозможность полного отделения Холокоста от репрессивной политики нацистов и их пособников в целом. Страшное содержание включенного в сборник док. № 197 — Отчета командира айнзатцкоманды 3 штандартерфюрера СС К. Йегера (Егера) о решении еврейского вопроса в Литве, — свидетельствует именно об этом. На территории бывшего СССР едва ли найдется хоть одно захоронение, в котором, наряду с евреями, не покоились бы останки лиц другой этнической принадлежности, казненных за то, что они были цыганами, коммунистами, политруками, «преступниками» и т.п.

«21 еврей, 1 русс., 9 лит. коммунистов», — вот следы жуткой работы нацистских извергов в Мариамполе. «17 евреев, 2 евреек, 4 лит. комм., 2 лит. коммунистки, 1 немецк. коммунист» — вот включенный в отчет мартиролог каунасского VII форта, превращенного в концлагерь. И так — почти повсеместно. Кажется, эти слова не нуждаются в комментариях даже с учетом тех известных идеологических причин, по которым жертвы Холокоста не выделялись советскими властями особо.

И последнее, что следует сказать о трагической судьбе литовских евреев. Освобождение территории республики от оккупантов не принесло покоя тем немногим из числа еврейского населения, которым удалось выжить. В ноябре 1944 г. уже упоминавшаяся Э.И. Темин в своем сообщении в Москву, в частности, писала: «*Сейчас происходит переселение оставшихся в живых евреев из маленьких местечек в города, ибо литовские и белопольские банды, наряду с террором против коммунистов и советского актива, занимаются уничтожением оставшихся евреев*» (док. № 311). И далее: «*Евреи чрезвычайно подозрительны и мстительны. Всюду им чудится антисеми-*

тизм и презрение. Большинство из них не любят литовцев, ибо не могут провести разницы между литовским народом и литовскими фашистами, которые чинили над ними гнусную расправу. Евреи предоставлены самим себе. Их стараются не замечать, с ними стараются не разговаривать» (и т.д.). (Там же). Представляется, что к этим грустным словам что-либо добавить невозможно.

Продолжая разговор на трагическую тему потерь, подчеркну, что массовые репрессии затронули не только евреев, но и определенную часть этнических литовцев. Восставшие 22 июня 1941 г. не церемонились с теми из своих соотечественников, кто оказался связанным с советскими властями, пусть и весьма косвенно (или не связан вообще, но подозревался в этом). Рьяные действия «патриотов» порой вызывали удивление даже у нацистов. Уже упоминавшийся штандартенфюрер СС К. Егер отмечает: «в среднем в каждом окружном городе в тюрьме сидели до 600 человек литовской национальности, хотя для ареста, собственно говоря, не было никаких причин. Они были задержаны партизанами (повстанцами — *О.А.*) на основании простых доносов» (и т.д.) (Там же)[18]. Как представляется, такое ожесточение можно объяснить, лишь неприязнью, обусловленной последствиями советизации, резко усилившей внутренние противоречия, среди прочего, и в этнической литовской среде.

Что касается судеб этнических русских, то здесь документы не дают почти никакой информации. Известно, что ЛАФ, наряду с антисемитизмом, исповедовал и патологическую русофобию. И что если евреи рассматривались как главный враг, то русские проходили по разделу «и другие чужаки»[19]. В отчете К. Егера (док. № 197) они иногда упоминаются в числе казненных наряду с евреями и литовцами («…Рокишкис: 493 евреев, 432 русских, 56 литовцев (все активные коммунисты)…» (и т.п.) (Там же. С. 502), однако, более точных данных документы, вошедшие в сборник, не содержат.

А вот о поляках известно гораздо больше. Что совсем не случайно: в Вильнюсе и его округе они составляли большинство населения, их общая численность в Литве после 1940 г. значительно превышала численность русских (особенно с учетом возрастания доли поляков за счет притока беженцев), да и действовали они много более активно; все это не могло не отразиться в документах самого разного происхождения, часть из которых представлена в рецензируемом сборнике.

Важно подчеркнуть, что полякам, ощущавшим себя в Вильно-Вильнюсе на родной земле, уже к декабрю 1942 г. удалось выстроить совершенную систему сопротивления, организовать, вооружить и обучить достаточное количество людей, готовых в нужный момент выполнить приказ из Лондона, но изначально ограничивавшихся лишь акциями местного значения (док. № 261). Ноябрем 1943-го датированы сообщения о первых конфликтах этой системы — Армии Крайовой (АК) — с советскими партизанами (док. № 263), отношения с которыми у польского населения ранее были нормальными и даже товарищескими (док. № 238)[20]. А уже в 1944-м такие столкновения стали обычным явлением (док. № 263, 267, 293, 296 и др.).

Поляки боролись, кажется, почти со всем миром. В период оккупация — с немцами и их литовскими подручными. После ухода немцев — с силами НКГБ-НКВД и … их литовскими подручными, ибо в Литве советский режим предпочитал опираться именно на литовцев. В докладной записке на имя И.В. Сталина (август 1944 г.), подписанной Л.П. Берией, прямо указывалось: «*Между поляками и литовцами существуют враждебные отношения. Это объясняется тем, что в период оккупации немцами Литвы литовцы занимали все ответственные административные посты как в городе, так и в деревне, и плохо относились к полякам*» (док. № 293). В тон ему звучат слова польской коммунистки И. Штахельской, высказанные в том же августе предпоследнего года войны: «…в настоящее время проводится жесткая национальная политика (явные привилегии литовцам при распределении должностей) … Литовцы, которые ушли с немцами, в настоящее время возвращаются и сразу же получают хорошие должности, что вызывает возмущение поляков и оставшихся евреев» (док. № 296).

Старая вражда поляков и литовцев давала себя знать даже в случае коммунистов. Никакой интернационализм не был способен вытравить накопившуюся взаимную неприязнь. «*Литовские товарищи… считают, что «польская проблема» может быть разрешена только одним путем — насильственной репатриацией*», — отмечает Э.И. Теумин. В конечном итоге, так оно и произошло: соответствующее решение последовало уже в сентябре 1944 г. (док. № 304).

Виленские поляки оказались жертвой большой политики, ключевые акторы которой — советские, польские (коммунистические, в лице ПКНО) и литовские власти, — видели в этих несчастных лишь разменную монету. В рецензируемом сборнике (за что, вероятно, следует благодарить Н.С. Лебедеву, блестящего знатока польской проблематики) содержится множество свидетельств горькой участи польского населения Виленской области. Так, например, в апреле 1945 г. польский посол Зигмунд Модзолевский в беседе с А.Я. Вышинским отмечал: «…епископ Виленский встретил нашу армию (сформированное в СССР Войско Польское — О.А.) с крестом в руках: сейчас он арестован. Ему 80 лет. Если он умрет, будучи в заключении, антисоветские элементы используют это против СССР. Они будут изображать его мучеником за Польшу…» (док. № 319).

Апофеозом польской трагедии, однако, стал крестный путь поляков-участников освобождения Вильнюса, который отряды АК очистили от захватчиков вместе с Красной Армией. Понесшие многочисленные жертвы, по окончании боевых действий эти отряды были разоружены, а их руководство арестовано; избежали наказания лишь те, кто согласился вступить в сформированную в СССР польскую армию З. Берлинга; остальные были брошены в тюрьмы или сосланы в отдаленные районы СССР (док. № 296 и др.).

Эта драма не должна быть забыта. Вина за нее в равной мере лежит как на русских, так и на литовцах.

Глядя в будущее

Перейду к выводам. И начну с очевидного факта: выход рецензируемого издания — колоссальное событие как для специалистов-историков, так и для отношений между Литвой и Россией в целом. Две страны, обреченные на соседство, обречены также оставаться заложниками непростой общей истории. Забыть о ней, умолчать о ней не удастся — жизнь показала, что это невозможно. Не удастся также укрыться за стеной условных клише типа «тоталитаризм», «преступления коммунизма», «национализм малых наций», «русофобия» и т.п.: за два с лишним постсоветских десятилетия все эти клише окончательно десемантизировались и утратили смысл; они создают иррациональную, ложно-пафосную атмосферу там, где нужны трезвые доводы, последовательно опирающиеся на факты.

Значит, остается только одно — постоянный диалог, важный уже сам по себе. Выход в свет двухтомной публикации документов из советских и литовских архивов по истории Второй мировой войны (завершенной рецензируемым изданием) — колоссальное событие. Но, как я попытался показать выше, при всей ее несомненной полноте, эта публикация содержит ответы отнюдь не на все вопросы. А потому остается только надеяться на продолжение диалога, на новые сборники документов и новые исследования. Ведь для российско-литовских отношений в их прошлом и настоящем нет ничего опаснее молчания.

Во всяком случае, таково мое дилетантское мнение.

---

1 См.: СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.). Vilnus, 2006.

2 Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу (номера страниц и/или документов по принятой в издании нумерации) даются в круглых скобках непосредственно в тексте, на др. материалы — в примечаниях.

3 См., например: *Рыбакова А.* Историк Лауринавичюс: «В 1944 Литва была и освобождена, и оккупирована». URL: http://www.kurier.lt/?p=28974 (дата обращения: 20.06.2013).

4 Данные приведены по кн.: *Jeffries I.* A Guide to the Ecomonies in Transition. London, 1996. P. 303. Следует оговорить, что эти данные не учитывают ситуацию, по меньшей мере, в двух литовских регионах — вильнюсском (виленском) и клайпедском (мемельском), не входивших в межвоенную Литву: в указанный период в первом преобладали поляки, во втором — немцы.

5 Культурфербанд (нем. «культурный союз») — немецкая культурно-просветительская организация, созданная в 1919 г. Официальной целью ее деятельности было сохранение немецкой культуры в тех регионах, где немцы являлись этническим меньшинством. Культурфербанд был не единственной организацией нацистского толка, объединявшей литовских немцев. Следует указать также на молодежную военизированную организацию «Маншафт», действовавшую под прикрытием Культурфербанда, а также тайные структуры СА и СС, о которых, в частности, говорилось в спецсообщении наркома внутренних дел Литовской ССР А.А. Гузявичюса от 8 января 1941 г. (оригинал хранится в Особом архиве Литвы). См.: Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. М., 2012. Док. № 15.

[6] См., например: Из спецсообщения наркома госбезопасности Литовской ССР П.А. Гладкова «О контрреволюционной деятельности еврейских националистических организаций». 29 марта 1941 г. //Накануне Холокоста... С. 154–156 и др. Оригинал документа находится в Особом архиве Литвы.

[7] Едва ли одним только антисемитизмом продиктованы, например, такие слова из документа, оригинал которого хранится в Центральном государственном архиве Литвы: «Литовский еврей… был и до последнего момента оставался самым упорным слугой русского большевизма, самым собачим исполнителем воли чужих оккупантов…» (и т.п.). См.: Там же. Док. № 33.

[8] Из опубликованных документов известно, в частности, о существовании в среде литовских поляков в указанный период подразделений польской Организации войсковой (№ 29), а также «Союза вооруженной борьбы». См.: Там же. Док. № 29 и № 43.

[9] См., например: Там же. Док. №№ 6, 10, 24, 27, 181 и др.

[10] Факт участия литовцев в Гражданской войне в Испании (1936–1939) в составе интернациональных бригад (См., например: Док. № 113) сам по себе не свидетельствует о степени распространения левых взглядов в литовском обществе, но не может также и игнорироваться.

[11] 9 июля 1941 г. националистическая газета писала: «3600 сплоченных организацией юных активистов поднялись с оружием в руках против красного поработителя» (Накануне Холокоста… Док. № 105).

[12] Замечание о том, что «обстановка в стране (так в тексте — *О.А.*) требует укрепления партийного и советского аппарата квалифицированными русскими партийными и советскими работниками», впервые встречается в документе от 14 ноября 1944 г. (Док. № 309). Однако и в тот период это было лишь частное мнение ответственного сотрудника Совинформбюро Эмилии Исааковны Теумин; ср., например, с решением Оргбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы Литовской ССР» от 3 ноября 1944 г. (Док. № 309), которое не выдвигает подобных требований.

[13] Проблема присутствия или отсутствия элементов русификации заслуживает отдельного разговора. Однако некоторые замечания позволяют сделать даже те данные, которые присутствуют в документах из рецензируемого сборника. Так, например, один раз говорится о введении преподавания литовского языка (в еврейских школах; см. Док. № 73), но ни разу – языка русского. Во всяком случае, таковой выглядит ситуация применительно к периоду, отраженному в книге.

[14] См.: Спецсообщение наркома госбезопасности Литовской ССР П.А. Гладкова «Об антисоветской организации "Союз литовских активистов-партизан"». 4 апреля 1941 г. // Накануне Холокоста… Док. № 34. Подлинник документа хранится в Особом архиве Литвы.

[15] См. например: Накануне Холокоста… Док. № 26, 32, 33, 45, 50, 105 и др.

[16] См.: Там же. Док. № 99, 101.

[17] Там же. Док. № 33.

[18] Подобные факты были повсеместными. На это, в частности, указывает донесение полиции безопасности и СД о событиях в СССР от 6 июня 1941 г., согласно которому в центральной тюрьме Каунаса к приходу гитлеровцев находилось «1869 евреев, 214 литовцев, 134 русских, 1 латыш, 16 поляков» (Там же. Док. № 103).

[19] См., например, статью председателя комиссии ЛАФ по пропаганде Б. Райлы, датированную 10 мая 1941 г. (Там же. Док. № 50). В частности, в ней говорилось: «…русский империализм всегда представлял опасность народам Прибалтики и более ста лет держал их под своим господством» (Там же. С. 275).

[20] В записке начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко И.В. Сталину от 23 декабря 1942 г., в частности, говорилось: «Польское население Вилейской области в абсолютной массе хорошо относится к партизанам и ждет прихода Красной Армии… Население деревень, населенных поляками, активно поддерживает партизан, дает сведения отрядам о предателях, сообщает о прибытии отрядов полицейских и т.д.» (Док. № 238).

Документы

УДК 94(47+474.5)
ББК 63.3(2Лит)6
И 20

Как партизанили «лесные братья» в Латвии: новые свидетельства

К ноябрю 1944 г. Красная Армия очистила от германских войск большую часть Латвии, за исключением «Курляндскго котла». В тылу советских частей в лесистой местности скрывалось немало дезертиров из Латышского легиона СС и других коллаборационистских формирований. Однако за линию фронта проникали и диверсионные группы — “Wildkatze” («Дикие кошки») из СС-Ягдфербанд «Ост», находившегося под общим командованием оберштурмбаннфюрера СС Отто Скорцени. Именно они стали «ядром» многих групп «самостоятельных национальных партизан», к которым уже присоединялись экс-полицейские и айзсарги, уклонисты от призыва в Красную Армию и др.

Когда безоговорочная капитуляция III рейха не оставила ни малейших надежд на поддержку или вызволение, некоторые «национальные партизаны» сдались на милость советским властям, другие продолжали надеяться, что «Запад нам поможет», третьи отчаянно цеплялись за жизнь, лишая жизни других людей или, в лучшем случае, кормясь за счет легализованных родственников.

В современной Латвии принято глорифицировать деятельность «лесных братьев», выпускать памятные фотоальбомы с горделивыми подписями[1] и пропагандистские брошюрки, например, «Война национальных партизан Латвии. 1944–1956».[2] На наш взгляд, этот глянец полуправды и бравурной лжи не должен заслонять неприглядные факты из истории латышских «лесных братьев». Публикуемый архивный документ показывает, что уже через год после победного мая 1945 года деградация в рядах «национальных партизан» достигала крайних форм.

Публикация подготовлена **В. Симиндеем**.

[1] Nezināmais karš. Latviešu nacionālo partizānu cīņas pret padomju okupantiem. 1944–1956 (otrais, papildinātais izdevums). Rīga, 2012. L. 400.

[2] *Strods H.* Latvijas nacionālo partizānu karš. 1944–1956. Rīga, 2012. L. 148.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО ДАМБУРСА АНСИСА ЯНОВИЧА,

1923 года рождения,
уроженца Валмиерского уезда,
Латвийской ССР.
[угол. дело 295][3]

Я, ДАМБУРС Ансис, родился 4 сентября 1923 года в ус. Слемпес Тернеяс волости, Валмиерского уезда. Кроме меня в семье имеется сестра РУТА, 1929 года рождения, 3 ноября.

Мой отец — Янис из Эстонии, работал в гор. Майсакулас на железнодорожной лесопилке.

Моя мать — Марта болела туберкулезом легких, умерла в 1932 году.

После смерти матери переехал на жительство в Латвию к бабушке Тернеяс волость ус. "Пелтес". В тот же самый год начал посещать школу. Учился я в основной школе Тернеяс волости, в школе я учился на средства бабушки. С 10-летнего возраста в летнее время пас скот у хозяев. Будучи пастухом, я материально имел возможность помочь бабушке. После окончания Пендикской 4-х классной школы я перешел в Руенскую 6-ти классную школу, которую закончил весной 1939 года. В 1939 году поступил в ремесленную школу гор. Валка на механическое отделение. Помогала мне бабушка, и я сам подрабатывал на железной дороге по разгрузке и погрузке товаров. При учебе в Валкской ремесленной школе отец мне давал денег на книги.

Когда Латвия присоединилась в Советскому Союзу в 1940 году, я продолжал учиться в ремесленной школе гор. Валка. Ни в каких организациях не состоял, как до советской[4] власти, так и при Советской власти.

[3] Вписано от руки. — Прим. сост.

[4] Так в тексте. — Прим. сост.

После отступления Красной Армии в 1941 году продолжал учиться в последнем, то есть в 3-м классе ремесленной школы гор. Валка. Во время немецкой оккупации материальное положение бабушки ухудшилось, она зарабатывала только себе. Мой заработок вне школы тоже равнялся нескольким маркам, а иногда даже марку за вечер, с этими средствами я продолжал учиться, но мне было очень трудно. От отца я помощи больше не получал, он как советский активист, после как я узнал, кандидат [в члены] партии, с 1941 года, находился в концентрационном лагере гор. Пернова.[5] Из-за материального положения и политического убеждения с самого детства я рос среди людей — крупных хозяев и их сторонников, которые привили во мне вечную ненависть по отношению Советской власти и коммунизма, а также за все время школьных лет воспитывался в антикоммунистическом духе, которое особенно усилилось после 15-го мая 1934 года.[6]

12 марта 1942 года я добровольно поступил на службу в полицию безопасности "СД".

Через несколько дней мы поездом из Риги направились в Германию в гор. Фюрстенберг в полицейскую школу безопасности. В гор. Фюрстенберг приехали 24 марта, где остались до 8 июля. Преподаватели в данной школе были служащие немецкой полиции. Они нас обучали обязанностям немецких полицейских и в поимке преступников. Познакомились с немецким судом, о расовой теории и еврейским вопросом в Европе, Гитлеровский государственный строй и его цель, а также проходили строевую и стрелковую подготовку.

После окончания школы, 8-го июля приехали в Ригу и разместились по ул. Кр. Барона, 99. Здесь нас формировали в одну роту и отдельные команды и отослали на охранную службу "СД" в различных местах по всей Латвии. Нашу сформированную роту отослали в гор. Минск, в распоряжение "СД" как охранную роту.

В гор. Минск мы приехали в 1942 году 23-го июля и пробыли там до 1943 года 24. IX. Здесь выполняли охранную службу при немецкой "СД" города Минска в имении "СД" примерно 12 клм. от гор. Минска в рабочем "СС", где охраняли около 100 человек евреев, а также принимали участие в поимке русских партизан в Белорусских лесах. Выполняли охранную службу при массовых расстрелах людей и удушении газом, охраняли места акций от возможных нападений извне.

При уничтожении людей каждый солдат охраны мог добровольно принимать активное участие в злодеяниях. Приказом расстреливать никто не был назначен.

Из солдат, которые принимали активное участие в злодеяниях в гор. Минске припоминаю следующих:

МАРКОВ Волдемар — прож. в гор. Риге в возрасте 22 лет.

ЗИТАРС Жанис — из гор. Риги, 45 лет.

КОНРАДС Альберт — из гор. Вентспилс, 23-х лет.

ГРИМЗЕ Теодорс, где проживает не знаю, около 30 лет.

САУКИТЕНС Альберт из Елгавского уезда, 37 лет.

ПУРИНЬШ[7] Василий из гор. Гулбене.

ПУРИНЬШ был особенным садистом, вскакивал в яму и при помощи штыка изо рта арестованных выламывал зубы золотые.

Из солдат, которые принимали участие в расстрелах в другом месте, по рассказам знаю: РАЙБАЦИС, МУРНИЕКС, КЮЗЕ, ВЕЙХЕРТС, КИЦЕ, ЦИЕЛЕНС. Все эти солдаты состояли в 3-м полицейском батальоне безопасности, роты не помню.

Таким, как ПУРИНЬШ, был еще солдат БАУСКИС[8], который проживал в гор. Екабпилсе или Крустпилсе, примерно 32-х лет. Он также грабил расстрелянных.

В 1943 году 24 сентября из гор. Минска вернулись в Ригу, поместились по ул. Кр. Барона, 99. Здесь нашу роту расформировали. Меня назначили в охранный взвод "СД" и направили на Рижский цементный завод, где охранял арестованных, которые работали на фабрике. Здесь мы находились с 1943 года октября до 1944 года, I. II. 1944 года, был I. II. в 4-й учебной роте в именье "Сужи" Рижского уезда. Учеба продолжалась до 15. У. , здесь нас обучали военному делу, стрельбе и ознакомили с различными образцами немецкого и русского оружия, после окончания обуче-

5 Пярну, Эстония. — Прим. сост.

6 15 мая 1934 года в Латвии был совершен государственный переворот и установлена авторитарная националистическая диктатура Карлиса Улманиса. — Прим. сост.

7 Первая и последняя фамилии отмечены рукописными кружками, остальные — галочками, включая и последнюю. — Прим. сост.

8 Фамилия сверху помечена рукописной галочкой. — Прим. сост.

ния получили 15-ти дневный отпуск, провел у своей бабушке Тернеяс волости. Вернулся обратно в имение "Сужи" I июня 1944 года, откуда выехал вместе с солдатом РУНДАНЦ Вильгельмом на службу в "СД" в Абренский уезд. Ночью мы дежурили у телефона, а днем регистрировали арестованных.

В гор. Абрене я пробыл до I7 июня 1944 года, когда немецкая армия начала отступать приехал обратно в Ригу в батальон по ул. Калну. Здесь я выполнял охранную службу на месте и считался в боевой группе, в обязанность которой входило во время воздушных налетов подавлять восстание политических заключенных в различных лагерях в Риге и его окрестности, а также ловить воров и грабителей.

В гор. Риге по ул. Калну находился до 1944 года 20 сентября, где выехал в Курляндию Грамздас волости Либавского уезда, где охранял вещи в "СД", которые эвакуировали из гор. Риги и документы. В Грамзде мы были до 5-го октября, одна группа выехала в гор. Салдус охранять арестованных. Из гор. Салдус выехали 12 октября в гор. Либаву[9], узнав, что всех латышей, которые состояли в "СД" пошлют в Германию, поэтому в тот же самый день дезертировал из отряда "СД" и ушел в "СС-Ягдфербанд", где мое дезертирство легализировали. На второй день команда "СС-Ягдфербанд" из Либавы выехала в Кулдигский уезд, Кабельской волости. Здесь Яхткоманда разместилась по усадьбам Грауздуни, Гилдарти, Дравас, сам в Янковы, Озолы, Витолиньш, Ризвениеки, Лиепини и др. в Кабельской волости, название которых не помню.

Командир "СС-Ягдфербанд" считался немецкий майор ПЕХОВ, но с апреля месяца 1943 года капитан ЯНКОВ Борис. Задачи "СС-Ягдфербанд" заключались в том, чтобы во время войны в тылу Красной Армии взрывать мосты, железные дороги, пути сообщения, склады с военным материалом, нападать на группировки врага и заниматься шпионажем. В "СС-Ягдфербанд" было около 200 человек во главе с командиром ЯНКОВСКИС, кроме [того] в каждой волости в Курляндии было примерно 15-20 человек организации. Командовал "СС-Ягдфербанд" капитан ЯНКОВ Борис, около 35 лет, среднего роста, проживал в гор. Риге, по профессии радиотелеграфист на торговом пароходе. Его заместитель ст. лейтенант СИЛАРАЙС, высокого роста, стройный, прожив. в гор. Риге, расстрелян группой своих солдат в 1944 году 24 или 25 декабря в гор. Данциге.

Лейтенант КАРКЛИНЬШ высокого роста, темные волосы, прожив. в Риге, студент, адъютант капитана ЯНКОВСА.

Лейтенант ДАУГАВЛЕТИС[10] — среднего роста, цветущее круглое лицо, прожив. в Риге, бывший летчик. Рига-Либава, лейтенант по особым заданиям капитана ЯНКОВСА. Какие задания выполнял, не знаю.

ЛЕЙ[11] Францис — руководитель следственной части при "СС-Ягдфербанд", примерно 45 лет, среднего роста, седые волосы, где проживал, не знаю.

Лейтенант РУБЕЗКИС — высокого роста, темные волосы, около 30 лет. Начальник хозяйственной части при "СС-Ягдфербанд", где проживал, не знаю.

Лейтенант ЕФИМОВ — маленького роста, около 28 лет, темные волосы. Хозяйственный руководитель "СС-Ягдфербанд", где проживал, не знаю.

Лейтенант ЮНКЕРЕНС — среднего роста, около 35 лет, нет левого глаза и изуродованы пальцы на обеих руках. Проживал в гор. Риге. При хозяйственной части "СС-Ягдфербанд".

Лейтенант КРОНБЕРГ, около 28 лет, среднего роста, проживал в Курляндии. Начальник радиостанции и старший телеграфист при "СС-Ягдфербанд".

Лейтенант ЛАЦИС, около 28 лет, среднего роста, темные волосы, прожив. в гор Елгаве. Радиотелеграфист, заместитель КРОНБЕРГА.

Командир 1-го взвода ТИРУМНИЕКС, имя не знаю, среднего роста, темные волосы, около 32-х лет, прожив. в гор. Елгава, 1-й взвод, был назначен в Елгавский уезд.

Лейтенант ВАЛЛИС, имя не знаю, маленького роста, около 30 лет, прожив. в Риге, служил летчиком Латвийской авиации. Командир 1-го взвода.

Сержант ВАНТЕКИН Альберт, среднего роста, рыжая борода, примерно 37лет, жил в Елгавском уезде.

Остальных солдат группы по фамилии и имени не знаю, ибо не было у меня знакомых, знаю только, что они были бежавши из Елгавы.

Первый взвод состоял из одной неделенной группы с численностью примерно в 25-30 человек.

---

9 Лиепая. — Прим. сост.

10 Правильно: Даугавиетис. — Прим. сост.

11 Фимилия отмечена рукописным кружком. — Прим. сост.

Второй взвод, командир взвода лейтенант КАРКЛИНЬШ среднего роста, седые волосы, лет примерно 35-40. Прожив. в Рижском уезде. Взвод состоял примерно из 35-40 человек, из 3-х групп и был назначен в Рижский и Цесисский уезды.

Командира и солдат первой группы я не знаю ни по фамилии, ни по имени, ибо эта группа весь период учебы находилась по охране какого-то прод. склада "СС-Ягдфербанд" в Кулдигском уезде. Я их видел только несколько дней после капитуляции в Кулдигском лесу. Группа состояла из 15-ти человек с радиусом действий ее в Рижском уезде.

Командир второй группы капрал ЛАДИТЕ Артурс, около 35-ти лет, среднего роста, прожив. в Катлакална волости хут. "Дижкакчи".

ЛАПИНЬШ, имя не знаю, высокого стройного роста, 30 лет, проживал в Катлакална волости.

ПЕТЕРСОНС, имя не знаю, высокого крепкого роста, 32-х лет, жил в Катлакална волости.

ПЕТЕРСОНС, имя не знаю, низкого роста, темное лицо, волос темный, примерно 35-ти лет, жил в Катлакална волости.

Группа состояла из 10 человек с районом действий в Рижском уезде. Остальных бойцов группы по фамилии и имени не знаю.

Командир группы З[нрзб]КЕБИКС, имя не знаю, 32-х лет, среднего роста, жил в Валмиерском уезде.

МЕНГЕЛИС, имя не знаю, среднего роста, примерно 35 лет, жил в Валмиерской волости.

В группе еще считался какой-то мужчина лет 10[12] из Валмиерского уезда. Остальных солдат по фамилии я не знаю. Знаю только, что они были из Валмиера и Цесисского уездов. Группа состояла из 10-ти человек с районом действий, в Цесисском уезде.

Командир 3-го взвода лейтенант ТОЧ Артур, примерно 28 лет, среднего роста, жил в Латгалии. В 1940/41 гг. был милиционер, в немецкое время был арестован, но через знакомство был освобожден и добровольно поступил на службу в немецкую "СД" /служба безопасности/.

Взвод состоял из 30-40 лет с тремя группами. Район действий, Мадонский, Резекненский, Лудзенский уезды.

[12] Так в тексте. — Прим. сост.

Лейтенант КРУСТС пом. командира взвода и старший первой группы высокого стройного роста, 35 лет, жил в Мадонском уезде.

Командир первой группы ЗАЦИЕТИС, имя не знаю, низкого роста, жил в Мадонском уезде.

КРУСТС, имя не знаю, около 30 лет, высокого роста, темный волос, жил в Мадонском уезде.

ШКЕЛЕ, имя не знаю, 24-х лет, высокого роста, стройный, со светлыми волосами, жил в Мадонской волости.

Остальных солдат группы по фамилии и имени не знаю. Группа состояла из 15-ти человек, с районом действий в Резекненском уезде.

Командир группы второй ЗИНГАЛЗИС Кришс, примерно 30 лет, среднего роста, темноволосый, жил в Кулдигском уезде.

ДЕРУМС Эмилис, лет примерно 24-х, среднего роста, темноволосый. Жил в городе Риге.

МАРКАВС Оскарс примерно 32-х лет, низкого роста, жил в Риге.

ЭГЛИТИС, имя не знаю, 28-30 лет, маленького роста, светловолосый.

Остальных солдат группы по фамилии не знаю. Район действий этой группы в Мадонском уезде, состояла из 10 человек.

Командир третьей группы ЛЕВЧОНЕК, имя не знаю, 30-32-х лет, среднего, роста, темноволосый. Жил в Латгалии.

ОБРАЗЦОВ, имя не знаю, около 30 лет, маленького роста, жил в Латгалии, светловолосый.

МЕЛНИС, имя не знаю, высокого роста, темноволосый, примерно 20 лет.

Остальных солдат группы по фамилии не знаю, группа состояла из 15 человек с районом действий в Лудзенском уезде.

Командир четвертого взвода лейтенант КАРКЛА Генрих, 29 лет, среднего роста, жил в Риге. Взвод состоял из 30 человек, из 4-х групп, с районом действий в Екабпилсском и Илукстском уездах.

Командир первой группы ЗИРНИС Жанис, 29 лет, высокого роста, темноволосый. Живет в Бауском уезде, Мисас волость хут. "Вилейки".

Имени Янис, 25 лет, среднего роста, светловолосый. Живет в Моззалес волость, Екабпильского уезда.

ФРИЧС Язепс, 26 лет, среднего роста, темноволосый, жил в гор. Виеститэ.

МИХЕЛЬСОНС Бруно, 27 лет, среднего роста, светловолосый, живет в Элькшню волости хут. "Лачи" Екабпилсского уезда.

КАЛНИНЬШ Карлис, 31 года, среднего роста, светловолосый, жил в гор. Риге.

СТРУПИШ Александр, 24-х лет, высокого роста, темноволосый, жил в Рибенэ, Илуктского уезда, работал учителем.

БРОКС Бруно — 27 лет, среднего роста, темноволосый, жил в Мадонском уезде.

ЯКУБАНЕЦ Янис, 28 лет, маленького роста, светловолосый, жил в городе Риге,

КИРЛИС Казимир, 31 года, среднего роста, темноволосый. Проживал в Элькшню волости, хут, "Пахточи", Екабпилсского уезда.

ИЛЭНС Паулис, 19-ти лет, среднего роста, светловолосый, жил на ст. Тауркалнэ.

РУНДАЛС Вильгельмс, 29 лет, высокого роста, светловолосый, жил в Карсаве.

Группа состояла из 12 человек с районом действий в Екабпильском уезде.

Командир второй группы КАЛНИНЬШ Карлис, 35 лет, среднего роста, светловолосый, жил в гор. Риге.

БЕРЗИНЬШ Эдуард, 22-х лет, среднего роста, светловолосый.

ДРЕЙЭРС,[13] имя не знаю, лет 20, среднего роста, светловолосый.

ЛУКИНС, имя не знаю, 35-ти лет, высокого роста, темное лицо, темноволосый, жил в Мауциела волости, Рижского уезда. Остальных по фамилии не знаю. Группа состояла из 8-10 человек, примерно.

Командир третьей группы БРЕНАРДС Янис, около 28 лет, высокого роста, темноволосый, живет в Екабпилсском уезде.

ЛАУРС,[14] имя не знаю, среднего роста, лет примерно 35, живет в Екабпилсском уезде.

МАЗИНЬШ Велта, 20 лет, среднего роста, живет в Екабпилсском уезде. Остальных по фамилии не знаю. Группа состояла из 3-8 человек, с районом действий в Екабпилсском уезде.

Командир четвертой группы РУДЗИТИС, 35 лет, среднего роста, живет в Илуксте уезде.

СТРИКС, примерно 20 лет, среднего роста, светловолосый. Жил в Илукстском уезде, Акнистской волости.

ДИНБУРГС, 30 лет, среднего роста, безволосый, жил в Илукстском уезде.

Остальных по фамилии не знаю, группа состояла из 6-ти — 8-ми человек с районом действий в Илукстском уезде.

У "СС-Ягдфербанд" существовали еще несколько специальных групп.

Спец. группа сержанта ЛУКСТИНЯ, примерно 28-30 лет, среднего сильного роста, жил в Екабпилсе.

Группа, в начале апреля месяца 1945 года, прибыла из школы "СС-Ягдфербанд" из Германии в Курляндию, у ЯНКОВА. Задачи этой группы мне не известны. Не знаю также, где она осталась после капитуляции. По фамилии никого не знаю, группа состояла из 12 человек.

Спецгруппа, состоящая примерно из 10 человек русской национальности. Между ними две женщины и двое мужчин латыши. Командир группы БАШКО радиотелеграфист. Приехал вместе с ЛУКСТИНЬШ из Германии из школы "СС-Ягдфербанд" с его группой, к ЯНКОВУ в Курляндию. Задания этой группы, также, где она осталась после капитуляции, я не знаю. Из этой группы единственно знал одну женщину, которая работала в 1944-году переводчицей в немецкой "СД" по ул. Калну № 6 в гор. Риге, ей примерно 20 лет, большого сильного роста, блондинка.

Спецгруппа из 10-ти человек эстонской национальности, между ними одна женщина. В руководстве какого-то лейтенанта легионера эстонца, приехала вместе с группой ЛУКСТИНЬШ из Германии из школы "СС-Ягдфербанд" в расположение ЯНКОВА в Курляндию. Задание этой группы и где она осталась после капитуляции, не знаю.

В "СС-Ягдфербанд" преподавателями работали сами офицеры и командиры. Обучали нас топографии, разведке в тылу врага, особое внимание было обращено подрывному делу и также антисоветской агитации, что преподавал сам ЯНКОВС.

1945 года 9 мая наш взвод в полном составе находился в Кулдигском уезде, Кулдигской волости хут. "Леклини". Здесь, после капитуляции получили от ЯНКОВСА приказ — оружие не слагать, не капитулировать, но в полном снаряжении зайти в лес и ждать от него дальнейших распоряжений.

1945 года 9 мая наш взвод, под руководством лейтенанта КОРКЛА, приказ выполнил и зашли в Кулдигский лес. 10,11,12 мая до утра наши телеграфисты ждали дальнейших приказании от ЯНКОВА, но не было возможности уловить радиостанция ЯНКОВА,

[13] Фамилия подчеркнута от руки. — Прим. сост.
[14] Фамилия подчеркнута от руки. — Прим. сост.

так как этому мешала более мощная станция Красной Армии. Так, не дождавшись приказа, наш взвод 12 мая утром, части Красной Армии разбросили.

Из первой группы 4 человек — ЗИРНИС Жанис, КАЛНИНЬШ Кардис, КИРСИС Казимир и я, вместе с пятой — женой ЗИРНИСА — Вильгельминой ЗИРНИС, которая тоже находилась в лесу, несмотря на то, что она не состояла в каких-либо организациях, присоединилась ко второму взводу лейтенанта КАРКЛИНЬШ.

Взвод лейтенанта КАУЛИНЯ, не получив никаких указаний от ЯНКОВА, по своей инициативе продолжал путь с конечной целью в Рижском уезде. В Айзпутских лесах, в Тукумском уезде, взвод КАРКЛИНЯ решил разделиться по группам и продолжать путь в отдельности, но в конечной цели в Рижском уезде соединиться.

ЗИРНИС, его жена, КИРЛИС и я присоединились ко второй группе, но КАЛНИНЬШ к первой группе. После 7 дней ходьбы жена ЗИРНИС, в Зелитес волости Тукумского уезда вышла из леса и легализировалась, но мы остальные путь продолжали дальше. 23-го мая вторая группа под водительством ЛАДИТС достигла свою цель, Ецавские леса. В эти самые дни, мы вечером продолжали путь втроем на хутор у ЗИРНИС в Мишас волости, Баусского уезда хут. "Калцини" мы достигли 25 мая. Здесь ЗИРНИС остался дома один, но мы несколько дней у него отдыхали, продолжили путь в дом Кирсис, в Элкшню волость хут. "Пантаги" Екабпилского уезда.

"Пантаги" мы достигли 6 июня 1945 года.

Продовольствием нас обеспечила мать КИРЛИСА и несколько раз также сестра.

Как рассказывал сам КИРЛИС, у его сестры будто есть связи с литовскими партизанами. Подробнее об этом рассказать не могу, ибо тогда об этом ближе не интересовался. Также сестра КИРЛИСА не проживала дома, но скрывалась в Литве, ибо дезертировала с работы, с какого-то Рижского предприятия.

19 июля к нам на пастбище мать КИРЛИСА привела КАЛНИНЯ Карлиса, он сказал, что уже легализировался и звать его ЛАСИС Василий, но связь с бандитами еще поддерживает. Говорил, что ЯНКОВА в Курляндии нет больше, и все руководство взял на себя ЯНСОНС. Привез он также для чтения прокламации антисоветского содержания. Был также и какой то приказ, в котором говорилось, что всем бандитам нужно объединиться, "ибо в единении сила". Тоже самое предложил сам ЛАСИС. После того, как ЛАСИС ушел, мы нашу жизнь в таком же духе продолжали. Связей никаких нигде не искали с другими бандитами, но жили потихоньку как до сих пор.

ЛАСИС вторично пришел 20 августа, также принеся с собой прокламации, в которых говорилось о том, что советская власть в Прибалтике существовать будет ни больше как до конца 1945 года. Принес несколько приказов, в которых говорилось о том, что раньше или позже рассчитаемся со всеми сотрудниками советских учреждений.

ЛАСИС высказал неудовольствие тем, что мы не активны и не ищем связей с другими бандитами. ЛАСИС от нас ушел 21 августа и после того мы его больше не видели.

В конце августа, пастбище в "Пинтаги" проверили солдаты, но мы сумели их избежать, ибо о появлении солдат во время сообщила мать КИРЛИСА.

Второй раз солдаты появились 14 сентября, но и на сей раз также не нашли, единственно, арестовали мать КИРЛИСА и сестру его. О них с тех пор ничего не знаю. После того, как арестовали КИРЛИСА родных, мы на пастбищах "Пантаги" больше не жили, но ушли в болота "Рукас" в Анниетес волость Илукстского уезда. Здесь мы случайно встретили ГРАВЕЛЬСОНС Яниса 28-го сентября утром. С ним была его жена ГРАВЕЛЬСОНС Анна, 25 лет с Акнистес волости Илукстского уезда, ГРАВИЛСОНС Аугуст, 33-х лет из Элкшню волости хут. "Жагари" Екабпилского уезда и БИЕДАЙС Эльза, лет 30 оттуда же.

С того времени, мы жили у них вместе, а старшим был ГРАВЕЛЬСОНС Янис.

В начале октября мы перешли в Элкшню волость в леса, где встретили ЮРКОТС Яниса, 32-х лет из Элкшню волости Екабпилсского уезда, СИПОЛС Яниса, 55 лет, оттуда же и его сына СИПОЛС Яниса, примерно 20 лет. Устроили в Элкшню лесе лагерь и жили все вместе, старшим у нас был ЮРКСТЭ Янис.

Через несколько дней к нам пришли и остановились жить 6 бандитов из Акнистес волости с их руководителем МЕЖАРАУПС Альфом во главе.

Примерно, через неделю, к нам пришли еще 9 или 10 человек, которые также остановились у нас и жили под руководством МЕЖАРАУПС.

Общего руководства двух групп не было, но у каждой группы отдельно — свой руководитель.

Наша группа, как я думаю, продовольствие получала от своих родственников, ибо грабить никуда не ходили, а каждую неделю питание приносили ЮРКИТЭ, оба СИПОЛС и ГРАВЕЛСОНС, мы с КИРЛИС, все время жили на питание, которое получали от них.

У нас один раз приходил руководитель Саукасских бандгрупп, Поклявинский, еще с двумя бандитами, клички которых ЛАНГЕ и ВУНДУЛИС. О чем они говорили с ЮРКИТЭ и МЕЖАРАУПС мне неизвестно.

К нам прошлой осенью приходили известители из Дунавского штаба. Они всегда приносили приказы, призывающие на беспощадную расплату с представителями Советской власти и на грабительство. Мы не выполняли эти приказы и распоряжения. В конце ноября ЮРКИТЭ и МАЖАРАУПС ушли в штаб Дунавских бандитов. Когда они вернулись, они нам сообщили, что мы расспределены, до образования Екабпилсского полка в Илукстский полк, и мы подчинены командиру полка УРБАНУ. Также сообщили, что начали подготовку зимних помещений и с наступлением снега, окончили с террористическими актами, чтобы не оставить следы.

Вскоре после этого Дунавский штаб ликвидировался, ибо бандиты легализировались, и с тех пор я ничего не слышал о каком-то Екабпилском полку и вообще о каких-нибудь бандитах, как своего группового руководителя.

В последних числах ноября к нам приходил главарь бандитов Слотинской волости ФРИЧС Язепс. Так как мы с ними товарищи по службе, я пошел с ним в Слотинскую банду.

Слотес банда состояла из следующих людей: ФРИЧС Язепс /руководитель банды/ 26 лет, среднего роста, темноволосый. Жил в гор. Виеситэ.

ЯКУБАНЕЦ Янис 28 лет, светловолосый, маленького роста, жил в городе Рига.

ВЕВЕРИС Карлис 45 лет, маленького роста, рыжая борода. Жил в Акнистэс волости Илукстского уезда.

СТАСЬКА /фамилию не знаю/, примерно 20 лет, маленького роста, темноволосый, живет в Дигнавской волости.

ЧЕРНАВСКИС Болеслав, 24 года, высокого роста, темноволосый. Жил в Слатес волости. ЧЕРНАВСКИС, хотя и в банде не жил, жил отдельно, но он знал бункер банды.

Как говорил УПМАНИС, Слатес банду продуктами снабжает НЕРЕТА Алберт из хут. "Миглани" Слатинской волости, который является родственником УПМАНИСА.

В этом я и сам убедился, ибо вместе с УПМАНИС несколько дней прожили у него на хуторе в сарае и ели его продукты.

Из Слатес банды самый активнейший и был УПМАНИС, ибо не было дня, чтобы он не призывал всех остальных бандитов стрелять милиционеров и грабить магазины, почту или молочные пункты, только у него никогда не было сторонников. Также мне он рассказал, что вышвырнул вместе со Стаськой из леса пять милиционеров, открывая по ним автоматный огонь.

УПМАНИС мне как-то рассказал, что Екабпильское ЧЕКА дало ему задание выследить местонахождение бандитов, но он открыто перешел на сторону бандитов.

Он также сказал, что обманул ЧЕКА, говоря, что является добровольцем Красной Армии. Фактически он, родители не знали, сбежал с Рижского техникума и добровольно вступил в немецкий флот, где его корабль у берегов Норвегии потопили английские бомбардировщики. Прислуга же спаслась и достигла Гамбурга. Из Гамбурга он дезертировал и прибежал в Ригу, где поступил в латышскую школу летчиков, которая вела борьбу на стороне немцев против Красной Армии. Когда немцы отступали, школа была ликвидирована, но учащиеся отправлены в Кенигсберг, их зачислили в зенитную артиллерию. Когда Кенигсберг пал, он попал в плен к русским и был направлен в штрафную роту.

Но так как он был ушлый парень и быстро научился обращаться с автоматическим оружием, вскоре был назначен младшим сержантом и стал командиром группы. Когда война окончилась, его часть возвращалась в Россию, и он со станции Вильно дезертировал. В Екабпильском уезде его поймали.

10 декабря я вместе с ЧЕРНЯВСКИМ ушел к бандитам в Елкшни, ибо ЧЕРНЯВСКИЙ носил газету из Дундавского штаба, так как я один только знал новое местонахождение Елкшинских бандитов ЮРКСТЭЛНА это говорит, то я его проводил. В газете Дундавского штаба говорилось, что на рождество мы все сумеем выйти из леса, ибо тогда большевиков уже в Латвии не будет. В декабре, когда мы возвращались в Слатинскую банду, мы не знали, что 12 декабря солдатами был пойман УПМАНИС, который уже указал бункер, где находятся бандиты.

Утром 14 декабря, мы с ЧЕРНЯВСКИМ зашли в пустой бункер только что оставленный, ничего не думая, мы также оставались. С утра нас ошеломили солдаты в бункере. Мне посчастливилось сбежать, но ЧЕРНЯВСКОГО убили, ФРИЧС с остальными ушел своевременно получили знать и вышли. После происшедшего я один блуждал по лесу и вечером забрался ночевать в сарай хутора недалеко от бункера, полкилометра. На второй день вечером, возле этого дома на дороге нечаянно я встретил ФРИЧ, который шел в Слати за известью. Я ему сказал, что иду обратно в Элкшню банду и так мы расстались. Я ему только рассказал местонахождение Элкшнских бандитов.

Когда пришел обратно в Элкшню банду, там был один из Акнистес банды, ОЛТИНЬШ Янис, 32-х лет, высокого роста, светловолосый. Жил в Акнистской волости хут. "Алтини" Илукстского уезда. Когда я пришел, он опять перешел жить в Акнистскую банду, которая находится примерно в 300 метров от нас. Но мы, примерно 22-го декабря оставили бункер и перешли жить в Акнистскую банду в их бункер, ибо у них был удобный бункер. Также и здесь не было общего руководителя банды, но каждая группа жила отдельно со своим руководителем. Вместе с Акнистской бандой мы прожили до конца января 1946 года, когда из их банды легализировался МЕЛЬНИК с женой.

Акнистская банда перешла жить в границах своей волости, в какое-то болото, место и название которого я не знал. Мы, в свою очередь перешли обратно в наш старый бункер, в котором прожили вплоть до 1-го мая.

В феврале месяце к нам пришел руководитель Слотской банды ФРИЦС. Он мне сказал, что осталось только трое, он, ЯКУБАНЕЦ и ВЕВЕРИС. Стаська легализировался и живет в Дигнаяс волости. Они живут в Дигнайском лесу, в районе хутора "Круминьш". Втроем лучше жить, ибо следы почти не остаются.

После того, как ФРИЦС от нас ушел, ни один из другой банды к нам не приходили, но руководитель нашей банды ЮРКЕТЭ часто ходил посещать другие банды в Элкшню лес. Где именно дислоцируются эти банды и какие они, он никогда не говорил. Только мне он как-то неопределенно рассказал, что в Элкшню лесе скрываются САУКСИС бандиты, группа в 20 человек с руководителем ПОКЛЯВИНСКИМ.

ВИРТУ банда с руководителем банды ЦЕЛМС. Количественно людей этой банды не упомянул. Также Виестская банда, число людей которой не знаю, равно как и руководителя.

Еще я знаю, что осенью 1945 года в лесу Засу Лея скрывалась одна банда, про которую ничего не знаю. Последнее время Акнистская банда перешла в Элькшню лес. С этой бандой я был несколько месяцев вместе, но фамилий членов банды не знаю, кроме МЕЖАРАУПС. Когда мы жили вместе не было принято звать по фамилии, но по имени, и то не всегда настоящими.

ЮРКСТЭ еще в конце апреля месяца высказался, как будто в Элкшню волости в Номавских болотах живет какая-то банда, только он не говорил какая. Грабежи и убийства, которые имели место в ближайшее и остальное месторасположение нужно предполагать, что это дело Саукской банды под руководством ПОКЛЯВИНСКОГО, ибо как высказался сам ЮРКСТЭ, у них нет ни одного человека, который со стороны снабжает их продуктами. Из нашего бункера, единственный, который знал месторасположение бандгрупп и число людей, это был ЮРКСТЭ. Также и с других групп только руководители банд знали месторасположение других банд.

1-го мая утром 1946 года, КИРЛИС и я вышли из бункера к какому-то другу КИРЛИСА — ЧИШКА. К ЧИШКЕ он уже давно собирался идти, ибо там можно было достать водки. Мы вышли из бункера вооруженные пистолетами, чтобы не было подозрительно, но автоматы оставили в бункере. Сперва мы зашли в Элкшню волость хут. "Акментыни", где был знакомый КИРЛИСА. Просили водки, но так как водки не было, то мы пошли к ЧИШКЕ.

ЧИТКА[15] мы дома встретили одного. Увидев КИРЛИСА, обрадовался и тут же собрался идти за водкой. Решили, что все пойдем в Айсерды, Элкшню волость центр, где мы на окраине леса подождем , пока придет ЧИТКЕ с водкой. Так мы и сделали.

ЧИТКЕ пошел вперед, а мы сзади следовали. У АПСЕЗДЕ на окраине леса подождали, пока ЧИТКА принес водки. ЧИТКЕ вскоре пришел, принес с собой три поллитра водки. Зашли немного в лес стали выпивать.

Из разговоров ЧИТКЕ и КИРЛИСА помню только, что КИРЛИС упрекал ЧИТКЕ в

[15] Так в тексте. — Прим. сост.

том, что он коммунист и предал людей. ЧИТКЕ в свою очередь это опроверг.

Когда уже выпили третью бутылку, помню, что подошел еще четвертый человек, после чего мы пили еще. Четвертого человека помню только, что он был маленького роста, мужчина в темной одежде. Как его звать, откуда он, так он выглядит, этого я не знаю. Также не помню, что лично сам сделал, куда я ходил. Проснулся только 2 мая с утра 1946 года с раной в правую ногу и животе.

13. У. 1946 г.

А. ДОМБУРС.

Перевел переводчик: следотдела […]

СПРАВКА: Копия собственноручного показания находится в арх. следственном деле № 295.

ВЕРНО: СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 2 ОТД-Я 4 ОТДЕЛА МГБ ЛАТВ. ССР — капитан […]

ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 13. Л. 25–26.
Копия, машинопись.

Рецензии

УДК 94(474.5)(049.3)
ББК Т3(2)6я1
А 93

Олег Ауров

Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.: Сборник документов / Сост. А.Р. Дюков. М.: Фонд «Историческая память», 2012. 534 с.

Фонд «Историческая память», последовательный и стойкий защитник исторической правды, выпустил новый сборник документов по истории Великой Отечественной войны. На этот раз он посвящен событиям, связанным с деятельностью Фронта литовских активистов (или Литовского фронта активистов, как его иногда именуют) (лит. Lietuvos Aktyvistų Frontas (LAF)) (далее — ЛАФ) — литовской националистической организации, оформившейся вскоре после присоединения Литвы к СССР и громко заявившей о себе в ходе «июньского восстания» 1941 года, начавшегося сразу после нападения Германии на СССР. До сих пор в качестве одной из причин восстания выдвигается месть советским властям за массовую депортацию литовцев 14 июня 1941 года. Примерно 5 тысяч человек были арестованы и отправлены в лагеря ГУЛАГа, а около 12,5 тысяч (в том числе — много женщин и детей) высланы на поселение в отдаленные районы СССР (Коми АССР, Казахская ССР и др.) (*С. 7*).

В сборник вошли 119 документов (114 в основной части и 5 в двух приложениях), датируемые периодом 11 октября 1939 — 15 октября 1946 годов. Их оригиналы хранятся в архивах четырех стран: Литвы, России, Украины и США. Сотрудники Фонда провели большую работу, как по отбору материалов, так и по их подготовке к публикации, включая перевод на русский язык в тех случаях, когда это было необходимо. Большинство вошедших в сборник документов публикуется впервые. В совокупности они дают возможность оценить разные взгляды на ситуацию, разные версии правды, недостатка в которых не было ни у одной из противостоящих сторон.

Другое дело, что настоящая правда всегда одна, и она не имеет ничего общего со Сциллой и Харибдой крайних позиций, подобных тем, которые сложились применительно к оценке событий в Литве 1940–1941 годов. С одной стороны — позиция «истинных патриотов» современной Литвы, восхваляющих «июньское восстание» 1941 года против «советских оккупантов» и его «героев» из ЛАФ: не случайно в сентябре 2000 года литовский сейм чуть было не принял специальный закон на эту тему. В 2009 году умерший в США руководитель восстания Й. Амброзявичус (1903–1974) был посмертно удостоен Большого креста ордена Креста Витиса, а в 2012-м — торжественно перезахоронен на родине как национальный герой. При этом для большинства современных литовцев ориентация ЛАФ на нацистскую Германию — не более чем трагическая случайность. Это — Сцилла. А Харибда — не менее активное сообщество «историков отечественных спецслужб», пропагандирующих «светлый образ чекиста» и убеждающих нас в том, что разведка и контрразведка НКВД-НКГБ не знали себе равных по уровню профессионализма.

В этих условиях особое уважение вызывает позиция издателей сборника, прежде всего — его составителя Александра Решидеовича Дюкова, занимающих крайне взвешенную позицию. Собранные ими данные позволяют составить наглядное представление как о деятельности ЛАФ с момента его основания, так и об истории его разработки органами НКВД и НКГБ Литовской ССР. Следует отметить, что антисоветское подполье в Литве оказалось наиболее организованным и боеспособным по сравнению с аналогичными структурами, действовавшими в других прибалтийских республиках СССР — Латышской и Эстонской ССР, — и не имевших единого руководящего центра, подобного ЛАФ. Тем более значимы тексты, опубликованные Фондом «Историческая память» и ставшие теперь доступными как исследователям, так и широкому кругу читателей.

Прежде всего, содержание опубликованных документов не оставляет никаких сомнений в отношении характера ЛАФ как организации. Созданный осенью 1940 года в Берлине группой высокопоставленных литовских эмигрантов во главе с бывшим послом Литвы в Германии полковником К. Шкир-

пой (1895–1979), Фронт, судя по содержанию его программы, листовок и ряда других документов программного характера, опубликованных в сборнике, несомненно, являлся организацией фашистского типа. В «возрожденной Литве» предполагалось запретить все политические партии, сделав ЛАФ единственной действующей политической структурой: «Фронт литовских активистов не является продолжением какой-либо господствующей политической партии. Это — новое объединенное литовское мощное движение», «единственная организация всех честных и активных литовцев является представителем всего народа» (*Док. № 32. С. 156–157*) и т.п.

По образцу фашистских государств, предполагалось создание корпоративных объединений («фронтов») — трудового (аналог фашистских «вертикальных профсоюзов»), земельных собственников, культуры, женский, молодежный, иностранных литовцев, а также аналогичных структур по профессиональному признаку (*Док. № 13. С. 71*). В стране планировалось провести социально-экономические образования фашистского типа, основанные на сочетании частного и государственного секторов при доминирующей роли государства (*Там же. С. 72 и др.*). Раздел программы «Национальная культура и воспитание», выдвигающий цель развития «национальной культуры» как «залога вечного литовского характера», как будто скопирован с соответствующих разделов программ фашистских партий и полон пассажей, подобных следующему: «Фронт литовских активистов настроен решительно бороться с идеями и течениями, отрицающими литовские черты или не обращающими на них внимание» (и т.п.) (*Там же. С. 73*).

С течением времени принципы, намеченные в проекте программы, все более уточнялись. О том, каковы были программные представления руководителей Фронта к маю 1941 года, можно представить по программной статье «За что борются литовские активисты?», написанной в тот период одним из учредителей ЛАФ, журналистом Б. Райлой (1909–1997) *(Док. № 50. С. 231–291).* Начав с разговора о «вечном литовском характере», он переходит к теме «еврейско-русской коммунистической оккупации» и методов борьбы с ней. Патологический русофоб («большая часть литовского общества старшего поколения скандальным образом все еще находилась под влиянием русского языка, культуры, образа мышления и обычаев»), больше русских Б. Райла ненавидел, кажется, только евреев. Однако об антисемтизме ЛАФ — разговор особый. А вот образ «оптимального» будущего независимой Литвы, набросанный в статье Б. Райлы, заслуживает особого внимания. Не пересказывая соответствующего раздела статьи *(С. 286–290)*, ограничусь лишь ключевым выводом: «окончательно вырвав остатки восточного нигилизма, черпая силы из глубин литовской души и своей балтийской земли, творческая воля литовского народа должна гармонично влиться в русло здоровой западной европейской культуры» *(С. 290)*.

Полагаю, что под этими словами мог бы охотно подписаться отец вновь обретенной «литовской независимости» В. Ландсбергис (как известно, являющийся музыковедом по образованию). Однако, по Б. Райле, достижение этой великой цели было возможно только через посредство «очищения литовского народа и литовской земли от евреев, паразитов и выродков» *(С. 284)*. И в этом своем представлении литовский политик 1940-х был далеко не одинок. Антисемитская истерия, буквально пронизывающая текст статьи, — отражение далеко не только его личной точки зрения. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с содержанием листовок, распространявшихся от имени ЛАФ *(Док. №№ 32, 33, 45 и др.)*. Вот характерный фрагмент одной из них: «Русский коммунизм и его верный слуга еврей — это один и тот же общий враг. Устранение оккупации русского коммунизма и еврейского рабства — это одно общее и самое святое дело» (и т.п.) (*С. 160*).

Отправляя интересующегося читателя за всеми деталями непосредственно к тексту сборника, позволю себе ограничиться лишь кратким резюме: по своей сути ЛАФ являлся не только фашистской, но и нацистской организацией. Именно поэтому ориентация на гитлеровскую Германию была для его лидеров не вынужденной, а вполне сознательной тактикой, да и стратегией тоже. Единственной «Европой», в которую могла привести Литву политика ЛАФ, могла быть только «новая Европа» Адольфа Гитлера: на этот счет не остается никаких сомнений.

НУ А ЧТО ЖЕ «СЛАВНЫЕ ЧЕКИСТЫ»? Как они действовали в ситуации, когда перед ними оказался не вымышленный — или, точнее, выбитый из беззащитных людей на допросах, — а самый настоящий фашистский заговор? Судя по документам, в период между

осенью 1940-го и летом 1941-го НКВД и НКГБ Литовской ССР развернули колоссальную активность. Налаживалась агентурная работа, собирались сведения на потенциально нелояльный Советской власти контингент, осуществлялись аресты и велись допросы. И все это — в объективно непростых условиях уже потому, что работать следовало на территории, лишь летом 1940-го вошедшим в состав СССР. Все приходилось начинать с нуля. Не было не только агентуры — не хватало сотрудников, даже поверхностно знакомых с местной спецификой (и это при том, что ЛАФ действовал на своей земле и был как рыба в воде).

Не следует, однако, думать, что деятельность чекистов полностью осуществлялась во враждебном окружении. Наоборот, немалая часть местного населения — и не только русских и евреев, но и литовцев, — сочувствовала Советской власти. Об этом говорят не только «объективки» о настроениях местного населения, также включенные в сборник (*док. № 16, 40 и др.*), но и данные о множестве местных жителей, пострадавших от рук коллаборационистов уже после захвата Литвы нацистами. Их число вызвало удивление даже видавшего виды штандартенфюрера СС К. Егера (*док. № 114. С. 467*). Сегодня, когда тезис об «оккупации» Литвы прочно утвердился не только в странах Балтии, но и на Западе, вспоминать об этих миллионах сочувствовавших Советам как-то не принято. Но они были, и документы из сборника доносят до нас этот неоспоримый факт.

Видимо, уже в силу сказанного факт существования прогерманского литовского подполья не являлся секретом для органов НКВД-НКГБ. В ноябре 1940 года удалось задержать первого агента немецкой разведки, действовавшего на территории Литвы (*док. № 8*). В марте 1941 года в распоряжение НКГБ попала инструкция ЛАФ «Указания по освобождению Литвы» (*док. № 26*), не оставлявшая никаких сомнений ни в факте существования организации, ни в ее целях. Тогда же ряд лиц, связанных с Фронтом, стал известен агенту, фигурирующему под псевдонимом «Балтийская» (*док. № 30*). Возникает, однако, ощущение, что в тот период «органы» больше интересовали другие объекты, которых они искали в среде то польских беженцев, то «антисоветских» еврейских организаций, то в других местах.

Что же касается собственно литовцев, то, помимо ЛАФ, в документах фигурирует несколько литовских по составу организаций. Однако невозможно понять, представляли ли они реальную силу, или же являлись вымыслом поднаторевших на раскрытии «заговоров» сотрудников НКВД-НКГБ. В связи с этим весьма показательным является дело о теракте в местечке Коварск Укмерского уезда, происшедшем 30 апреля 1941-го, когда в окна местного исполкома было брошено два взрывных устройства. Было 2 часа ночи, и никто не пострадал, однако «органы» подключились незамедлительно и успели задержать целых 9 (!) подозреваемых. Неясно, как бы сложилась дальнейшая жизнь этих людей, если бы настоящий террорист — между прочим, лейтенант запаса старой литовской армии! — не оставил записку с признанием и призывом освободить невинных людей. Показательно, что, не будь этой записки, этот преступник даже не попал бы под подозрение! (*С. 311*).

Возникает устойчивое ощущение, что своими наличными силами НКВД и НКГБ Литовской ССР расследовать дело о ЛАФ попросту не могли. Хотя бы по причине низкой квалификации не только самих следователей, но и их начальников. Показательно уже то, что нарком внутренних дел ЛССР А.А. Гудайтис-Гузявичус (1908–1969) не имел даже среднего образования, а нарком госбезопасности республики П.А. Гладков (1902–?) полностью закончил лишь сельскую школу. К моменту назначения на пост наркома (1940) первый вообще не имел опыта работы в органах, а второй проработал всего шесть лет (с 1934-го), умудрившись за это время совершить колоссальный карьерный взлет — от рядового сотрудника до республиканского наркома. Нужны ли тут комментарии?

А потому неудивительно, что, точно зная о наличии антисоветского подполья и не имея возможности ликвидировать его ординарными средствами, «органы» предпочли «бить по площадям». То, что при этом неизбежно должны были пострадать тысячи ни в чем не повинных людей (включая женщин и детей) их, кажется, не смущало. Уже в апреле П.А. Гладков предложил провести превентивные репрессии (*док. № 34*), план которых затем согласовывался с Москвой и неоднократно уточнялся. Они должны были обрушиться на всех подозрительных, главным образом — по «классовому» признаку (бывшие предприниматели, представители духовенства, офицеры, полицейские, чиновники и т.п.). Никаких судов не предполагалось. Те,

в отношении кого были начаты следственные действия и собраны хоть какие-то компрометирующие данные, должны были подвергнуться аресту, а прочих (включая членов их семей) следовало выслать. «За компанию» подобным же мерам предполагалось подвергнуть и оставшуюся часть «подозрительного» контингента — польских беженцев, членов «антисоветских еврейских организаций», бывших белогвардейцев и т.п. О дальнейшем известно.

Каковы же были результаты этой варварской акции? Помогла ли она обезвредить подполье? Из материалов, вошедших в сборник, возникает ощущение, что репрессии затронули ЛАФ лишь по касательной. Самым жутким, однако, представляется то, что численность боевиков, участвовавших в «июньском восстании», оказалась сопоставимой с числом высланных. Так, например, в док. № 105 фигурируют цифры 3600 «юных активистов», 4000 погибших боевиков и т.п. (*С. 446–447*). Между тем, только одних евреев участники «июньского восстания» уже в первый его день убили около 2,5 тысяч (*С. 452*), а ведь это было только начало!

1 декабря 1941 года штандартенфюрер СС К. Егер удовлетворенно констатировал: «В Литве нет больше евреев, за исключением евреев-рабочих, включая их семьи». Конечно, эти «показатели» были, прежде всего, «заслугой» немцев, но «коллега» благодарил и «литовских партизан» (*док. № 114. С. 466*). Что же касается числа других жертв боевиков ЛАФ, то таких данных сборник не содержит. Ясно, однако, что их было тысячи, если не десятки тысяч. В общем, несмотря на массовые репрессии предотвратить организованное восстание или хотя бы уменьшить его масштаб не удалось.

В своей вступительной статье к сборнику его составитель А.Р. Дюков констатирует: «События 1940–1941 гг. в Литве очень сложны. Они не вписываются в примитивные пропагандистские шаблоны борьбы “хороших парней” с “плохими”» (*С. 25*). Что ж, лучше, по-видимому, не скажешь…

УДК 94(474.3)(049.3)
ББК 63.3(4Лит)я1
О 65

Мария Орешина

Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. Lietuvos istorija. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2012. 280 p.

Предлагаемая читателям книга «История Литвы» еще до выхода в свет была подана официальным Вильнюсом как издание государственной важности. Так, на состоявшейся 18 июля 2012 года ежегодной встрече глав дипломатических представительств Литвы за рубежом Аудронюс Ажубалис, занимавший тогда пост министра иностранных дел этой страны, прямо указал на инструментальное значение выпускаемой книги в осуществлении государственной исторической политики: «*Мы активизировали деятельность в направлении создания проектов, выдвинув инициативы по охране культурного наследия Литвы. Вскоре появится книга по истории Литвы. В преддверии председательства Литвы в Евросоюзе*[1] *книга в привлекательном стиле продемонстрирует миру, что Литва появилась неслучайно и не на пустом месте, это было следствием стремления предшествующих поколений самостоятельно создать будущее своей собственной страны. Это был сознательный, зрелый и последовательный шаг.*

Очевидно, что для успешной реализации исторической политики необходимо обрести поддержку наших инициатив в широких слоях общества, выработать единую гражданскую позицию и единый подход в этом вопросе всех заинтересованных государственных структур. Поэтому мы должны продолжить вести диалог с нашими партнерами и союзниками…».[2]

Не удивительно, что сама презентация этой «настольной» книги, предпосланной «широким слоям общества» и международной аудитории (разумеется, после запланированного перевода на иностранные языки), состоялась 30 августа 2012 года в стенах литовского внешнеполитического ведомства и привлекла особое внимание местных и некоторых зарубежных СМИ.

Подготовленная усилиями четырех известных в своей стране историков (Альфонсас Эйдинтас, Альфредас Бумблаускас, Антанас Кулакаускас, Миндаугас Тамошайтис) и приуроченная к периоду председательства в Совете ЕС, «История Литвы» призвана выполнить в значительной мере противоречащие друг другу задачи: научно-просветительские и «воспитательные» политико-идеологические. Подчинение последних нуждам апологетического пиара официальной версии истории Литвы,[3] как представляется, привело к тотальному индоктринированию текста, купированию любых намеков на вариативность исторического процесса, а также неоднозначность исторических событий и их трактовок.

Следует отметить распределение обязанностей при подготовке издания: период зарождения и развития литовской государственности до 1795 года дан на откуп профессору Вильнюсского университета А. Бумблаускасу, непременному участнику заседаний российско-литовской комиссии историков, начавшей действовать с февраля 2006 года; этап с 1795 по 1915 год, когда Литва находилась в составе Российской империи, достался профессору Университета им. Витольда Великого А. Кулакаускасу; период с 1918 по 1940 год описан А. Эйдинтасом; самый «противоречивый» и «чувствительный» в двусторонней повестке дня — с 1940 по 2004 годы — «охвачен» лектором М.Тамошайтисом.

Как и ожидалось, литовские историки в традиционной для прибалтийской историографии трактовке особо заострили внимание на Договоре о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года («Политика нейтралитета и Пакт Молотова-Риббентропа», с. 183–186), а также на сюжете, связанном с ультимативной политикой Москвы 1940 года и «советской оккупацией» («Ультиматум СССР 1940 г. и советская оккупация», с. 186-188).

Уравнительно-пропагандистский штамп бросается в глаза при прочтении пятого раздела книги — «Литва: советская и нацистская оккупации», в котором речь идет о том, что Литва оказалась «в тисках между Сталиным и Гитлером». Причем в этой понятийной метафоре «первенство в равенстве», опять же по понятным соображениям (не только хронологическим, но и политическим), отдано «советской оккупации».

На страницах новой книги фактическая податливость «каунасской Литвы» привычно увязывается с «коварством» Кремля, применившего в «Вильнюсском вопросе» ни что иное, как «принцип матрешки»: «*Пакт Молотова-Риббентропа изменил международное положение Литвы. Литва лишилась возможности проводить политику нейтралитета и потеряла часть своего суверенитета. Только возвращение Вильнюса как исторической столицы было лучиком света в удушающей атмосфере, Литва стала зависимой от СССР и среди народа распространилась меткая фраза: "Вильнюс принадлежит нам, а мы — русским"*»[4].

В рассуждениях об ультиматумах Москвы в 1940 году и «советской оккупации» авторы книги говорят о том, что «*возможность оказаться "под русскими" и таким способом пережить военные невзгоды была воспринята как временное возвращение в Россию времен Николая II, однако не была осознана суть тоталитарного большевистского режима, который изолировал и физически истреблял оппонентов, идеологически враждебно настроенные политические и социальные группы. Советский Союз, воспользовавшись международной ситуацией и тем, что внимание мировой общественности было приковано к вторжению немцев в Париж, летом 1940 г. не только оккупировал Литву, Латвию и Эстонию, силой введя так называемое демократическое правление (официально "народную демократию"), но и за несколько недель включил эти государства в свой состав. Наступили тяжелые времена двух следовавших один за другим тоталитарных оккупационных режимов, которые истребляли всех инакомыслящих*»[5]. Если описываемые субъективные ощущения некоторых групп литовского общества еще могут представлять интерес для зарубежного читателя, задающегося вопросом: «они обманулись или их обманули?», то упрощенческий подход к описанию международной военно-политической обстановки просто удручает.

Авторы проекта «История Литвы» упомянули одну из самых мрачных страниц литовского прошлого — «зоологический антисемитизм», продемонстрированный боевиками Фронта литовских активистов и прочими «лесными братьями» с приходом германских оккупантов в июне 1941 года. При этом расставленные в книге акценты оказались вовсе не новыми — вся вина возлагается на немецких нацистов, без должной оценки деяний местной коллаборационистской администрации, а также самих пособников-добровольцев. Ведь

без их активного соучастия немцы столкнулись бы с очевидными препятствиями в темпах и масштабах осуществления нацистской истребительной политики в отношении коммунистов, евреев, цыган и других неугодных III рейху категорий людей. Кроме того, в тексте подчеркивается «вынужденный» характер службы литовского населения в коллаборационистских полицейских формированиях, что в целом не соответствует действительности[6]. Извинения, принесенные еврейской общине Литвы в последнем абзаце раздела «Уничтожение литовских евреев — Холокост»,[7] в этой связи оставляют ощущение недосказанности и двойственности, а степень соучастия литовских добровольцев в нацистских преступлениях за пределами Литвы (на оккупированной территории Белоруссии, Польши, России, Украины) вообще не получила должной оценки.

Познакомим читателей лишь с некоторыми выдержками из книги, переведенными мною с литовского на русский язык. На мой взгляд, они дают представление о логике и тональности рассуждений литовских официальных историков, отображающих некоторые наиболее чувствительные темы — в частности, межэтнические отношения в Литве в контексте смены политических режимов и отдельные трагические сюжеты Второй мировой войны.

«Участие евреев, особенно молодежи, охотно начинавших говорить по-русски, поощрялось в создании на территории Литвы органов советской власти (предприятий, учреждений, профсоюзов). Советский режим, не получив поддержки со стороны литовцев, способствовал участию еврейского населения в органах государственной власти, в результате чего евреи оказались в органах НКВД, милиции. Это в свою очередь усиливало антисемитские настроения. Многим литовцам казалось, что все евреи предали независимость Литвы и ее идеалы. Внезапный всплеск антиеврейских настроений вызвал обеспокоенность у советских ставленников. Занимавший должность премьер-министра созданного Москвой 27 июня 1940 г. народного правительства В.Креве-Мицкявичус пожаловался заместителю Л.Берии В.Меркулову на то, что местные жители возмущены поведением евреев, игнорирующих государственность Литвы. Хотя евреи напрямую не оказывали влияния на процесс оккупации и советизации Литвы, их причисляли к сочувствующим советской власти. Лозунг, запущенный нацистской пропагандистской машиной — "борьба с "иудо-большевизмом" ("жидобольшевиками" "kovos su Judobolševizmu"), переплелся с антисоветскими настроениями литовцев.

В течение первой недели нацистской оккупации много жителей, среди которых оказались евреи, преследуемые как советские активисты и коммунисты, было уничтожено в ходе так называемых зачисток ("valyto operacijas"), осуществлявшихся прибывшими опергруппами специального назначения СД ("Айнзацгрупп")»[8].

«Террор Айнзацгрупп был организован таким образом, чтобы сложилось впечатление, что еврейские погромы и "зачистки" проводились руками самих местных жителей, среди которых были и пострадавшие от советского террора, и недовольные установившимися порядками, и жаждавшие мести. Именно такие люди участвовали в инспирированных СД жестоких погромах 26 июня в Вилиямполе, 27 июня — в Каунасе (в гараже "Лиетукис" "Lietukis"[9]). В рапортах командиров СД, принимавших участие в еврейском погроме в "Лиетукисе", говорилось, что устроить бойню было нелегко. Вооруженные партизаны не вызывали доверия у немцев, поэтому 28 июня отряды партизан были распущены, а из добровольцев был сформирован вспомогательный полицейский "Батальон охраны национального труда" ("Tautines darbo apsaugos"), действовавший при каунасской военной комендатуре. Одна из его рот была реорганизована в зондеркоманду, 4 и 6 июля приняла участие в массовом истреблении евреев, в результате чего погибло 3 тыс. человек. Все они полегли в VII Каунасском форте […] В 1939–1941 гг. в литовском обществе, оказавшемся в сложном морально-психологическом кризисе, сформировалось представление о евреях как о непримиримых врагах Литвы и ложное понимание патриотизма. По словам одного палача, "стрелять было страшно, но я думал, что это необходимо для независимости Литвы", тем более что оккупанты приказывали и побуждали делать это»[10].

Для сравнения обратим внимание на те акценты в истории с расправой над евреями в «Лиетукисе», которые отметил журналист из Литвы Борис Берг. Приведенные им выдержки из воспоминаний очевидцев, присутствовавших при этом жесточайшем злодеянии, дают несколько иное представление о практиковавшихся формах «подъема национального духа»:

«…Молодой мужчина в возрасте примерно 16 лет, с засученными рукавами, был воо-

ружен железным ломом. К нему подводили человека из стоящей рядом группы людей, и он одним или несколькими ударами по затылку убивал его. Таким образом, он менее чем за час убил всех 45–50 человек. После того все были убиты, молодой мужчина положил в сторону лом, пошел за аккордеоном и взобрался на лежавшие рядом тела убитых. Став на гору, он заиграл литовский национальный гимн. Поведение стоявших вокруг гражданских лиц, среди которых были женщины и дети, было невероятным — после каждого удара ломом они аплодировали, а когда убийца заиграл литовский гимн, толпа подхватила его» [11].

По нашему мнению, полезная ниша рецензируемого издания, перенасыщенного пропагандистскими штампами официального Вильнюса, может являть собой лишь резервуар исходных материалов для исследователей литовской государственной исторической политики, в том числе актуальных предписаний литовских властей в отношении прошлого Литвы и ее народа.

---

1 Литва председательствовала в Совете ЕС с 1 июля по 31 декабря 2013 года.

2 Подробнее см.: Užsienio reikalų ministro Audroniaus Ažubalio metinis pranešimas Lietuvos Respublikos diplomatinių atstovybių vadovų metiniame suvažiavime. Vilnius, 2012 m. liepos 18 d. // www.urm.lt/index.php?2021555892. Ежегодный доклад министра иностранных дел А.Ажубалиса на ежегодной встрече глав дипломатических представительств Литвы. 18 июля 2012 г. — Здесь и далее пер. с лит. — М.О.

3 См., например: *Орешина М.А.*, Раку М.В. Куда ведет «шлифовка» истории через политпиар? // История без купюр. Спец. проект журнала «Международная жизнь». М., 2011. С. 105–133; *Орешина М.А.* Рецепт исторической рефлексии по-прибалтийски // Международная жизнь. 2011. № 3. С. 144–158; *Она же.* Сага о золоте, пароходах и «балтийских дипломатических фантомах» // Там же. 2012. № 5. С. 181–194; *Она же.* Прибалтийские «мозговые центры» в рядах фальсификаторов российской истории // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 39–42; Она же. «Исторические претензии» прибалтийских стран к России // Там же. 2012. № 9. С. 39–41; Она же. Прибалтийский узел: между историей и политикой // История без купюр. Спец. проект журнала «Международная жизнь». М., 2012. С. 171–194.

4 Lietuvos istorija. Vilnius, 2012. P. 185–186.

5 Ibid. P. 189.

6 См., например: Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. М.: «Европа», 2006.

7 Lietuvos istorija. P. 201.

8 Ibid. P. 198.

9 От “Lietuvos ūkis” — «литовское хозяйство».

10 Lietuvos istorija. P. 199–200.

11 *Берг Б.* Черная гвардия // Литовский курьер. № 21 (900). 2012 г. 24–30 мая. С. 13.

УДК 94(4) «1938» (049.3)
ББК 63.3(4) «1938» я1
А 46

Михаил Александров

Faber D. “Munich: The 1938 Appeasement Crisis”. London: Pocket Books, 2009. 518 p.

Книга Дэвида Фабера «Мюнхен: кризис умиротворения 1938 года» написана в 2008 году по очевидному поводу — 70-летию известного Мюнхенского соглашения, открывшего путь Гитлеру к расчленению Чехословакии. Главной темой книги является внутренняя борьба в правительстве и госаппарате Великобритании по вопросу отношений с Германией в конце 30-х годов. Автор показывает, кто какую позицию занимал внутри кабинета министров, в министерстве иностранных дел, разведслужбе и среди влиятельных членов парламента. Описываются методы работы, внутренние интриги, дипломатические приемы, переговоры с немцами, французами, итальянцами, чехами и многое другое.

Книга не является научным исследованием, открывающим что-то новое в проблематике Мюнхенского сговора. Она, скорее, является попыткой обобщить и представить в сжатом изложении историю данного вопроса. Другой особенностью книги является преподнесение этого материала читателю в интересной, легко усваиваемой форме. Как таковая, книга направлена не столько на про-

фессиональных историков, сколько на широкий круг людей, интересующихся исторической тематикой. Она действительно написана интересно, хорошим языком и читается почти как политический детектив.

Книга напрочь лишена исторического ревизионизма. Она написана в традиционном историографическом ключе. У автора нет попыток приукрасить Мюнхенский сговор или оправдать его. Он рассматривает это событие как позор Британии. У автора также не вызывает никаких сомнений то, кто являлся агрессором во Второй мировой войне — это Гитлер и нацистская Германия. Данная мысль проходит красной нитью через все повествование, которое по большей части посвящено именно британским усилиям по сдерживанию гитлеровской экспансии. На фоне расцветшего бурным цветом в современной Европе исторического ревизионизма, такой подход, безусловно, является положительной особенностью работы.

Советский Союз, напротив, изображается в книге в целом положительно. Ему не приписывается никаких агрессивных намерений. Более того, СССР рассматривается, скорее, как союзник Великобритании. Д. Фабер, в частности, ссылается на заявление британского МИДа, сделанное в самый разгар Мюнхенского кризиса, в котором говорилось, что, в случае германского вторжения в Чехословакию, «Франция будет вынуждена прийти ей на помощь, а Великобритания и Россия безусловно поддержат Францию» (*С. 370*). Автор позитивно расценивает дипломатическую линию СССР в момент кризиса и, в частности, советскую ноту Польше от 21 сентября 1938 г. с предупреждением о том, что польское вторжение в Чехословакию приведет к денонсации Советско-польского пакта о ненападении (*С. 315*). Он также показывает, что группа противников политики «умиротворения» в британском руководстве (то есть те, кто, по мнению автора, занимал правильную позицию) призывала к установлению «более тесных связей с Советским Союзом».

При всех перечисленных достоинствах работы Д. Фабера, не совсем понятной остается цель ее появления на свет. Поскольку никаких научных открытий не сделано, и ревизионизм в книге тоже отсутствует, то может сложиться впечатление, что автор просто тешил свое самолюбие, опубликовав работу по теме, которая интересна лично ему. Ведь в самом деле, странно было бы предположить, что автор хотел отметить очередной юбилей Мюнхенского сговора, который он сам расценивает крайне негативно. Видимо, также наивно предполагать, что своей книгой Д. Фабер дает отповедь восточноевропейским ревизионистам, приравнивающим коммунизм к нацизму и возлагающим на Сталина равную с Гитлером ответственность за развязывание Второй мировой войны. По крайней мере, никаких намеков на критику таких ревизионистских концепций в книге найти не удастся. В чем же тогда состояла основная цель публикации данной работы?

Для того чтобы это понять, необходимо взглянуть на личность автора. Д. Фабер — не простой писатель из академической среды или журналистских кругов. Он — типичный представитель британской политической элиты. Закончил Итон и Оксфорд, был членом британского парламента с 1992 по 2001 гг. Поэтому его обращение к теме политики «умиротворения» вряд ли было случайностью. Можно предположить, что его книга — это определенный мессидж британской политической элите. И этот мессидж достаточно легко просматривается. Его смысл состоит в том, что Британия не должна проявлять слабость и мягкотелость перед лицом любой новой глобальной угрозы.

В этом смысле очень характерен внутриполитический момент, связанный с появлением книги. Именно в это время в Великобритании стало нарастать общественное недовольство участием страны в различных военных авантюрах США. Прежде всего, в Ираке и Афганистане, а также — в подготовке войны против Ирана. В Лондоне прошло несколько массовых демонстраций за мир против войны. То есть появились явные признаки того, что агрессивный внешнеполитический курс Лондона британцам не очень нравится. В этих условиях единство британского правящего класса в поддержке милитаристской политики США приобрело особую важность. И данная книга, безусловно, стала одним из инструментов воздействия на умонастроения британской элиты.

Между тем, оценка политики «умиротворения» с современных позиций уже не выглядит столь однозначной, как это пытается доказать автор. Если бы книга писалась в первые годы после Второй мировой войны, то оценка этой политики как однозначного «зла», наверное, была бы оправдана. Однако, затем критика «умиротворения» проделала

опасные метаморфозы, превратившись из инструмента поддержания мира в инструмент оправдания милитаризма. В годы «холодной войны» эта критика стала дубинкой в руках агрессивных кругов Запада по запугиванию общественности своих стран «советской военной угрозой». Достаточно сказать, что в период Карибского кризиса часть политического руководства США стала обвинять президента Джона Кеннеди в том, что он продолжает политику «умиротворения», которую проводил его отец Джозеф Кеннеди, будучи послом в Лондоне в конце 30-х годов. И что, было бы лучше, если бы победила точка зрения противников президента Кеннеди, и мир оказался бы втянут в третью мировую войну? Точно также и сейчас критика политики «умиротворения» служит оправданием многочисленных войн, которые развязал Запад на «Большом Ближнем Востоке».

Примечательно, что пониманию неоднозначности политики «умиротворения» способствует обширный и разносторонний фактический материал, приведенный в книге. Например, линия стойкого противника «умиротворения» министра иностранных дел Великобритании Идена выглядит излишне прямолинейной и не изобретательной. Его ставка на «двойное сдерживание» Гитлера и Муссолини объективно работала на сближение и последующий союз двух диктаторов. На этом фоне политика премьер-министра Чемберлена по отрыву Италии от Германии представляется вполне разумной и грамотной. В этом контексте отставку Идена можно рассматривать как меру вполне оправданную, хотя и запоздалую. Из-за его позиции время было упущено и нормализовать англо-итальянские отношения до аншлюса Австрии не удалось. А ведь присоединение Муссолини к противникам аншлюса смогло бы в тот момент остановить Гитлера, и история пошла бы по другому пути.

В целом ряде эпизодов Д. Фабер рисует Чемберлена самоуверенным наивным простачком, который, якобы, поверил Гитлеру и убеждал британский парламент и правительство, что канцлер Германии преследует лишь ограниченные внешнеполитические цели, связанные с объединением немцев *(С. 302, 345*). В одном месте автор прямо пишет, что «наивность британского и французского лидеров просто поражает» (*С. 406*). Однако такая критика в контексте всей книги не выглядит объективной. Чемберлен делал такие заявления вовсе не от простоты душевной, а с целью убедить правительство и парламент в правильности своего курса. Ему приходилось преподносить поведение Гитлера, сглаживая острые углы, чтобы не провоцировать возмущение британцев и не подталкивать страну к войне раньше времени. Надо сказать, что Сталин после заключения Договора о ненападении с Германией поступал таким же образом. Тогда публичная критика Рейха без санкции высшего руководства была просто запрещена. Это, однако, не значит, что Сталин верил Гитлеру, хотя некоторые хрущевские идеологи и их перестроечные последователи доказывали и до сих пор пытаются доказать обратное.

Точно также не верил Гитлеру и Чемберлен. Об этом свидетельствует один красноречивый эпизод, приведенный в книге. Он касается Англо-германской декларации от 30 сентября 1938 года. Д. Фабер считает подписание этой декларации очередным проявлением «доверчивости» Чемберлена. Но тут же приводит факт, опровергающий это утверждение. Оказывается, перед подписанием декларации Чемберлен заявил своему парламентскому секретарю лорду Дангласу, что если Гитлер «подпишет ее и будет соблюдать, то тем лучше», но если он «нарушит ее, то это покажет американцем, что он за человек» (*С. 415*). Таким образом, декларация была нужна Чемберлену вовсе не для того, чтобы в дальнейшем взывать к порядочности Гитлера. Она была нужна ему как еще один аргумент, призванный впоследствии убедить изоляционистские круги США поддержать вступление в войну против Гитлера. В этом эпизоде Чемберлен предстает как расчетливый и стратегически мыслящий политик, просчитывающий ситуацию на несколько ходов вперед.

Более того, когда требовала обстановка, Чемберлен даже проявлял жесткость, оказывал военно-политическое давление на Гитлера. Особенно наглядно это проявилось в наивысший момент Мюнхенского кризиса 25–28 сентября 1938 года. Тогда правительство Великобритании приняло решения о мобилизации военно-морского флота, развертывании территориальной армии и введении в стране чрезвычайного положения.

Но самое главное состоит в том, что политика «умиротворения», как показано в книге, пользовалась широчайшей поддержкой британского общества. Настроение британцев в тот период можно охарактеризовать емкой фразой: «Никто не хотел воевать». Эта поддержка затрагивала все социальные слои, на-

чиная от аристократии и кончая рабочими. Наиболее выпукло эта поддержка проявилась на самом пике Мюнхенского кризиса, когда выступление Чемберлена в парламенте было встречено овацией даже со стороны оппозиции, а сам он, по словам автора, получил 20 тысяч писем и телеграмм с благодарностью от рядовых граждан (*С. 421*).

А вот противостояли политике «умиротворения» тогда немногие. По сути, это была достаточно узкая группа лиц, состоящая из политиков, дипломатов, военных и журналистов, которые оценивали международную обстановку профессионально, понимая, в каком направлении она развивается. Но повернуть общественные настроения на свою сторону они не могли. Для того чтобы такой поворот произошел, должны были случиться очень драматические события, которые убедили бы большинство британцев, что серьезная угроза их стране действительно существует. Но до раздела Чехословакии таких событий еще не произошло.

Будучи премьер министром и неся ответственность за всю огромную империю, Чемберлен, естественно, был вынужден учитывать настроения большинства, а не идти на поводу у узкой группы лиц, какими бы продвинутыми в интеллектуальном отношении они ни были. Заставить огромные массы людей сорваться с места и втянуться в величайший в истории катаклизм без явной угрозы для своей страны, было чревато опасными последствиями. Ибо война, не имеющая поддержки общества, обречена на поражение. А аргумент, что «в будущем воевать все равно придется», который приводили противники «умиротворения», для широкой общественности выглядел не убедительно.

Чемберлен прекрасно чувствовал эти настроения общества и выражал их в своей политике. Автор, в частности, приводит его слова в радиообращении к нации 27 сентября 1938 года, где британский премьер министр совершенно честно заявил: «Как бы мы ни симпатизировали маленькой стране, которой угрожает большой и мощный сосед, мы, с учетом всех обстоятельств, не можем вовлечь всю Британскую Империю в войну только ради защиты этой страны. Если нам придется сражаться, то это произойдет по поводу более важных вопросов, чем этот» (*С. 376*).

К тому же, Чемберлен считал, что в претензиях Германии на Судетскую область имелись определенные моральные основания и был сторонником передачи этой области Германии. Об этом он прямо указывал в своих письмах сестре (*С. 175, 293*). Выступая в парламенте 28 сентября 1938 года, он заявил, что народ Великобритании «не пойдет за нами, если мы попытаемся втянуть его в войну по вопросу о том, чтобы не дать национальному меньшинству получить автономию или даже выбрать переход в состав другого государства» (*С. 394*).

Возможно, Чемберлен чувствовал определенную ответственность за эту ситуацию со стороны Великобритании, которая вместе с Францией создала Чехословакию после Первой мировой войны в ее конкретных границах. Присоединение к этой стране территории, где компактно проживало немецкое население численностью около 3 млн. человек, явно не учитывало этнографическую ситуацию и было сделано исключительно для того, чтобы разделить немецкую нацию и ослабить Германию. А двадцать лет спустя после образования Чехословакии это спорное решение стало проблемой европейской безопасности.

Сам Д. Фабер, похоже, согласен с тем, что поведение чехов в отношении немецкого национального меньшинства не было безупречным. Он не случайно ссылается на корреспондента «*Дэйли Телеграф*» Э. Геде и приводит его слова о том, что чехи часто вели себя «бестактно и не толерантно» по отношению к национальным меньшинствам, дискриминировали инородцев при назначении на официальные должности, создавали чешские школы в районах компактного проживания меньшинств и настаивали на использовании исключительно чешского языка» (*С. 154*). Как нам все это знакомо!

Наверное, настало время, когда российским историкам следовало бы по-новому взглянуть на Судетский вопрос. Раньше он однозначно трактовался в пользу Чехословакии. Однако после распада СССР русские люди смогли увидеть и другую сторону медали. Причем, многие не только это увидели, но и прочувствовали на собственном опыте. Крупные русские общины, проживающие на своей исторической территории, неожиданно оказались в составе новых независимых государств и в положении дискриминируемого этнического меньшинства. Наиболее наглядно эту картину мы наблюдаем в Латвии и Эстонии, которые, прикрываясь защитой НАТО, лишили этнических русских многих политических и гражданских прав. Положе-

ние российских соотечественников в Прибалтике и некоторых других странах СНГ вызывает законную озабоченность российской общественности и правительства России. Так почему же мы должны оправдывать дискриминацию немецкого этнического меньшинства в составе Чехословакии? Видимо, пора признать, что власти этой страны несут свою долю ответственности (причем не малую) за Мюнхенский кризис 1938 года.

Кстати, сейчас Чехословакия на карте мира уже отсутствует. Словакия стала независимым государством. А Судетская область является частью независимой Чехии только потому, что после Второй мировой войны оттуда было изгнано все немецкое население. Так может быть правы были те, кто рассматривал Чехословакию как искусственное образование? И начинать ради нее новую мировую войну не было никакого смысла?

Оппоненты, скорее всего, возразят, что дело не в целостности Чехословакии, а в том, что Гитлер стремился к завоеванию всей Европы и его надо было остановить как можно раньше. Сейчас, когда исторические события уже произошли, об этом легко говорить. Но в 1938 году политикам приходилось принимать решения на основе имеющихся фактов, а не умозрительных рассуждений. Чтобы убедить своих граждан в необходимости воевать, а элиты различных государств согласиться на соединение усилий против Германии, они должны были убедиться, что Гитлер действительно стремится к мировому господству, а не просто пытается собрать немцев в одном государстве. И такое понимание пришло только после того, как нарушив Мюнхенское соглашение, Гитлер в марте 1939 года поглотил всю Чехословакию.

Существует мнение, что в 1938 году Гитлер блефовал, что его можно было остановить, если бы Запад проявил твердость и вместе с СССР выступил бы против Германии. Однако книга Д. Фабера не подтверждает эту точку зрения. Из документов и свидетельств, приведенных в книге, совершенно ясно, что Гитлер не блефовал и был готов вторгнуться в Чехословакию, даже если бы Франция и Англия объявили ему войну. Из книги также следует, что в случае войны разгром Чехословакии произошел бы быстро. Автор, в частности, приводит оценку начальника французского Генштаба генерала Мориса Гамелина о том, что «чешское сопротивление, вероятно, будет чрезвычайно коротким» (*С. 361*). Этого времени французам не хватило бы для того, чтобы прорвать линию Зигфрида и вторгнуться вглубь Германии. Быстрый разгром немцами польской армии в 1939 году косвенно подтверждает правильность данной оценки. Французы и англичане, в отличие от немцев, не были тогда готовы к войне ни военно-технически, ни морально-психологически.

Более того, разгромив Чехословакию, нацистская Германия оказалась бы в более выгодном стратегическом положении, чем даже в сентябре 1939 года. Она получила бы не только всю чехословацкую территорию и промышленность, но и имела бы союзника в лице Польши, которая тоже принимала участие в разделе Чехословакии. Что касается СССР, то он был в 1938 году далеко не в том состоянии, чтобы вступать в большую войну. В стране только что был раскрыт заговор Тухачевского, и командный состав советской армии был подвергнут масштабной чистке. Система управления войсками была дезорганизована. И, как показывает Д. Фабер, это было хорошо известно британскому правительству. Посол Великобритании в Москве В. Чилстон сообщал в Лондон, что Москва «блефует» относительно своей готовности воевать за Чехословакию, и что боеспособность советских войск не внушает доверия. По оценке британского военного атташе, 65% высшего командного состава вооруженных сил СССР подверглось чистке. А это, отмечал он, «не может не иметь уничтожающего эффекта на моральное состояние и эффективность Красной армии» (*С. 158*).

К этому стоит добавить, что перевооружение советской армии еще только начиналось. Не было опыта серьезных боевых действий. И как показала финская война 1939–40 гг., армия воевать еще не умела. Отсутствовала и широкая общественная поддержка участию в масштабной войне на чужой территории. Все эти факторы делали СССР в глазах Великобритании не очень надежным союзником. Причем, ошибочно или нет, но советскому руководству Чемберлен не доверял. Д. Фабер приводит его письмо к сестре, где британский премьер прямо утверждает, что русские «скрыто и изощренно ведут закулисную игру, чтобы втянуть нас в войну с Германией» (*С. 158*). И приходится признать, что под этими подозрениями были определенные основания с учетом известного ленинского тезиса о необходимости использовать «империалистические противоречия» для победы мировой революции. В конце концов, имен-

но большевики в 1918 году пошли на заключение сепаратного Брестского мира, предав союзников по Антанте. И хотя Сталин от доктрины мировой революции уже отказался, на Западе не было уверенности в искренности такого поворота в политике.

С другой стороны, в СССР также существовали устойчивые предубеждения против политики Запада. У Сталина и его окружения утвердилось мнение, что Англия и Франция делают все, чтобы подтолкнуть агрессию Гитлера на восток, против СССР. И под этими подозрениями тоже были веские основания. Сломать это взаимное недоверие было чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Это наглядно показали военные переговоры Англии и Франции с СССР летом 1939 года. Тогда Париж и Лондон не смогли убедить восточноевропейские государства дать разрешение на проход советских войск через их территорию для вступления в войну с Германией. Нет никаких оснований полагать, что в 1938 году ситуация была бы принципиально иной. Советские войска могли выйти к границам Чехословакии только с боем и вовсе не факт, что это удалось бы сделать достаточно быстро и без серьезных внешнеполитических последствий. Помимо этого, на Дальнем Востоке рубежи СССР могла атаковать Япония, которая только что совершила вооруженную вылазку на озере Хасан.

Одним словом, в момент Мюнхенского кризиса военно-стратегическая ситуация для СССР была достаточно сложной. И преимуществ от вступления в войну в тот момент по сравнению с 1941 годом особо не просматривается. Поэтому читая книгу Д. Фабера, невольно задаешься вопросом, а может быть, Мюнхенское соглашение не было таким уж одиозным шагом, как его принято изображать? Оно позволило и Англии, и СССР выиграть время для подготовки к войне и продемонстрировать народам своих стран истинное лицо немецкого нацизма, несущего смертельную угрозу человечеству. А это мобилизовало людей на отпор германской агрессии. Так что историческая дискуссия о Мюнхенском кризисе, похоже, еще не закончена. Эта тема сохраняет историческую и политическую актуальность, несмотря на значительный срок, прошедший с тех событий. И книга Д. Фабера, возможно, вопреки намерениям самого автора, является полезным источником для продолжения этой дискуссии.

УДК 94(100) «1939/1945» (049.3)
ББК 63.3(2)62я1
С 55

Владимир Симиндей

Левенштейн М. У края бездны. Воспоминания узника Рижского гетто и фашистских концлагерей / Науч. ред. и послесл. П. Полян, сост. П. Полян, В. Панкратова, Т. Равичер, предисл. А. Шнеер, коммент. А. Шнеер, П. Полян. М.: ГАММА-ПРЕСС, 2012. 200 с.

Меир Левенштейн (1914–2000), выходец из курляндской еврейской семьи, встретил нападение германских войск на СССР в Риге и попал в гетто; все его родственники погибли. После окончания войны Меир, прошедший несколько нацистских концлагерей и выживший в бесчеловечных условиях, возвращается в Ригу и находит жестяную коробку с записями периода пребывания в Рижском гетто. Только в первой половине 1960-х он смог собраться с силами и на основании тех тайно и наспех сделанных записей подготовить воспоминания о событиях, многие из которых грозили будущему автору неминуемой смертью. Воспоминания увидели свет уже в Израиле, куда Меир Левенштейн вместе с семьей переселился из Риги в 1972 г.

Особый интерес к данной книге у исследователей нацистской истребительной политики на оккупированных территориях СССР и, прежде всего, Холокоста может быть вызван тем похвальным фактом, что, как отмечают составители, «настоящее издание — первое полное и первое научное издание воспоминаний [М.] Левенштейна на русском языке. К тому же это его первое издание в России — стране того языка, на котором писал и думал автор» (*С. 11*).

Введением к данному изданию книги служит краткая, но содержательная и высококвалифицированная научная статья Арона Шнеера (Иерусалим, музей Яд Вашем), которая названа «Холокост в Латвии». На восьми страницах представлены основные факты, известные современной исторической науке об уничтожении евреев на оккупированной нацистами территории Латвии. Содержатся общие сведения о расстрелах евреев и в Бикерниекском лесу под Ригой, и в Румбульском лесу, и в Агенскалнских соснах в черте города. Указаны и палачи — немецкая Айнзатцгруппа «А» и латышская «Зондеркоммандо Арайс». Майор Арайс и его команда успели «наследить» не только в Риге и латвийских селениях («на руках убийц из этой команды кровь не менее 30 тысяч евреев Латвии» (*С. 13*), но и позже — во время карательных экспедиций в Белоруссии.[1]

Если фамилия Арайса достаточно известна интересующимся историей Латвии того периода, то имена других активных латышских пособников нацизма нередко оказывались в тени: «*Рижский уезд был очищен от евреев вспомогательной полицией по указанию Яниса Вейде. Мартиньш Вагуланс и его группа очистили Елгаву, Карлис Лобе*[2] *— Вентспилс и Кулдигу, капитан Александр Мачс — Резекне и окрестности… На юго-востоке Латгалии, в Малте выделялась группа самоохраны, которой руководил Харальд Пунтулис. Его группа принимала участие в многочисленных расстрелах в Резекненском и Лудзенском районах*» (*С. 14*). Как подчеркивается во вводной статье, «основу личного состава отделений СД составляли бывшие айзсарги и полицейские времен независимости Латвии», при этом «понятно, что без участия местного населения процесс уничтожения был бы не столь успешен и скор» (*С. 14*).

25 октября 1941 года Рижское гетто было окончательно отделено от остального города ограждением, внешняя охрана которого доверялась немцами латышской вспомогательной полиции. Как отмечается в книге, «в отличие от гетто в Минске, Вильнюсе и Каунасе, Рижское гетто просуществовало очень недолго. Его ликвидация произошла в течение двух массовых акций 30 ноября и 8 декабря 1941 года. В эти дни большинство жителей гетто были расстреляны в Румбуле в лесу неподалеку от Риги привезенной из Киева Фридрихом Еккельном (с ноября 1941 г. руководитель СС и полиции в рейхскомиссариате Остланд) специальной группой эсэсовцев из своего штаба (всего около 50 человек), принимавшей участие в убийстве в Бабьем Яру. Охраняли место расправы и доставляли туда людей «арайсовцы» и местные полицейские, они же убивали узников на территории самого гетто и во время конвоирования» (*С. 17*).

Мейр Левенштейн был один из 4 тысяч мужчин, оставленных на различных работах, жил в Малом гетто, а в 1943 году был переведен в концлагерь Кайзервальд, закрытый осенью 1944 г. в связи с наступлением Красной Армии. Трудоспособных евреев переправили в Штутгоф, Бухенвальд и Дахау. Всего уцелело в нацистских концлагерях к концу войны около 700 латвийских евреев, еще около 300 спаслись, благодаря помощи, весьма рискованной, со стороны местных жителей. Эти цифры поистине ужасают, если сравнить их с данными о том, что за годы германской оккупации на территории Латвии было уничтожено свыше 70 тысяч латвийских евреев и около 11 тысяч евреев, привезенных из Германии, Австрии, Венгрии, Литвы и др. стран (*С. 17–18*).

М. Левенштейну удалось целую неделю оставаться на свободе и стать свидетелем многих страшных событий, но затем он был схвачен одним из латышских добровольных помощников-полицейских. Автор передает эмоциональное состояние от творившегося в Риге с приходом нацистов и выходом из подполья их местных пособников: «*С самых первых дней оккупации Риги начинаются издевательства над евреями, расправы, унижения, аресты, расстрелы. По ночам их буквально вытаскивают из кровати и уводят. Сначала только мужчин, затем — женщин, подростков. Увозят целыми семьями. Никто не знает, куда увезли их близких, никто не ждет, что они вернутся. […] Пропаганда фашистов целиком и полностью оправдывала любой вид "охоты" на беззащитных евреев; нас можно было мучить, стрелять, снимать с нас шкуру. Охотники в лесу действуют куда более гуманно — они не истязают животных, не трогают их детенышей… Каждое утро беззащитный человек просыпается в страхе — как дожить до вечера. Даже спать ложиться опасно: фашисты могут прийти и голыми выгнать на улицу, отправить в префектуру*[3]*, в тюрьму или же прямо на кладбище — с лопатой в руках "для самообслуживания"*» (*С. 28–36*).

Один из ужасающих эпизодов — неудачную попытку вывезти и спасти детей, автор описывает так:

«И вот появляется первый ящик, в котором притаился ребенок. Маленькие руки цепляются за края ящика, показывается худенькое испуганное лицо. Эсэсовец ногой в подкованном сапоге бьет ребенка по ручкам и ударом по голове заставляет его присесть в ящике. Зауэр нажимает на курок нагана — раз, другой. Ребенок затихает. Убитого вынимают и отбрасывают в сторону, а ящик осторожно и бережно укладывают в штабель.

Чем ниже становятся ряды ящиков, тем чаще в них оказываются дети. Стрелять в детей Зауэру помогает Хофман, Шулер и другие заплечных дел мастера. Так заставил Зауэр замолчать последних еврейских детей, оставшихся в Латвии. Эти дети даже не знали толком, зачем их ночью запрятали в ящики. Когда ящики открывали, некоторые даже говорили "добрым дяденькам" спасибо за то, что их освободили от темноты и тесного убежища…» (*С. 119*).

О другом жутком случае из практики уничтожения нацистами и их пособниками детей в местах заключения евреев автор вспоминал следующими строками:

«Дети, оказывается, очень выносливы, живучи, и убийцы, наслаждаясь видом мучений, не спешили их прикончить. Для развлечения они сажали куда-нибудь полуживого ребенка, а сами, двое или трое, отступив на 20–30 шагов, совершенствовались в меткости и ловкости — кто сможет первым свалить пулей жертву. Маленьких детей подбрасывали в воздух и стреляли по ним…» (*С. 50–51*).

Выделяет Меир и особые «заслуги» в зверствах латышских коллаборационистов: «Арая зени» («парни Арайса») — так они назывались. Они действовали, не щадя никого. Не случайно, заслужив одобрение за свою кровавую работу на территории Латвии, они, как хорошие специалисты и мастера своего дела, были привлнчены к проведению такой же работы в других союзных республиках» (*С. 51–52*).

По мере наступления Красной Армии нацисты попытались тщательно уничтожить следы своих преступлений. Вот что об этом пишет А. Шнеер: *«В 1944 году в Латвии во многих местах массовых убийств появились специальные команды, подчинявшиеся штандартенфюреру СС Паулю Блобелю (в Латвии это была зондеркоманда SK-1005) под руководством штурмбанфюрера СС Вильгельма Гельфсгота). Целью этих команд было уничтожение следов преступлений нацистов. Для этой работы набирались группы смертников — евреев и советских военнопленных. Массовые могилы раскапывались, останки жертв сжигались. Все участники таких операций также уничтожались»* (*С. 18*). Однако невозможность опознать жертв все же не повлияла на представления о масштабах нацистской истребительной политики в Латвии, которые были уточнены учеными разных стран мира в послевоенный период.

В послесловии историк Павел Полян отметил важные особенности данной книги: *«Воспоминания Меира Левенштейна — это не дневник, а именно воспоминания. Даже записи, на которые он опирается, — записи, пережившие, как и их автор, Холокост, записи, пролежавшие для этого в жестяной коробке в сырой земле не менее года, но не пережившие рисков эмиграции из СССР, — и изначально были не дневником, а именно разрозненными и обособленными фрагментами. Но эта опора на первичный материал — в сочетании с довольно ранней фазой собственно писания воспоминаний[4], — делает их первоклассным историческим источником. Вторая их сильная сторона — минимум заемного. В них почти нет эпизодов, записанных с чужих слов, а тем более не из первых рук»* (*С. 194*).

Как признавался после войны Меир Левенштейн, кошмары из жизни гетто и концлагерей долго преследовали его во сне. Бывали и панические атаки наяву. Так, вернувшись в 1945 году в освобожденную Ригу, Меир видит следы войны, «и вдруг страх охватывает меня, и я тороплюсь сойти с тротуара на мостовую — так будет надежнее, думаю, а то вдруг какой-нибудь эсэсовец увидит, что я иду там, где такому, как я, ходить не положено. Тем более, что я приближаюсь к улице Адольфа Гитлера,[5] на которой евреям вообще нельзя было появляться» (*С. 195*). Однако, как утверждает автор, «правда о том, что я пережил, не ожесточает мое сердце, оно не хранит зла, не взывает к мести. Мое сердце живет добром и верой, что никогда не повторится трагедия моего народа. Но для этого нужна правда о прошлом» (*С. 24*).

---

[1] См., например: Спецсообщение по законченному следственному делу на группу карателей отряда майора германской армии Арайса при «СД» // «Уничтожить как можно больше…»: Латвийские коллабо-

рационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 315–322; "Зимнее волшебство". Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль-март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 512 с.

2 Карлис Лобе (1895–1985). Штандартенфюрер СС, организатор Холокоста на западе Латвии, в 1942 г. участвовал в формировании 14-ти латышских полицейских батальонов. В ходе карательной операции в Белоруссии «Зимнее волшебство» (февраль-март 1943 г.) командовал 280-м латышским полицейским полком, затем 43-м полком 19-й гренадерской дивизии Ваффен СС. В 1945 г. интернирован англичанами, эмигрировал в Швецию. Избежал наказания. О преступных деяниях батальона под его командованием в Белоруссии см.: «Зимнее волшебство»…

3 Префектом полиции Риги немцами был назначен Роберт Штиглиц, бывший глава агентурного подразделения Департамента политической полиции МВД авторитарного режима Карлиса Улманиса (1934–1940).

4 Павел Полян полагает, что завершен текст воспоминаний в середине 1960-х гг., а начат, возможно, еще в 1950-х.

5 В межвоенный период и ныне — улица Бривибас (Свободы). Считается главной магистральной улицей в Риге.

УДК 94(47)084.8(049.3)
ББК 63.3(2)62я1
Р 69

Олег Романько

Махно В.П. Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. Севастополь: Вебер, 2009. 168 с.

В конце 2009 г. в севастопольском издательстве «Вебер» был опубликован справочник капитана 1-го ранга в запасе В.П. Махно под названием «Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины»[1]. Как можно понять из заглавия этой книги, она посвящена одной из самых непростых проблем Второй мировой войны — коллаборационизму советских граждан с военно-политическими структурами нацистской Германии.

Проблема коллаборационизма сама по себе имеет научную актуальность. По понятным причинам она долгое время относилась к числу табуированных тем отечественной историографии. Но даже сейчас, через двадцать лет после распада Советского Союза, многие сюжеты истории коллаборационизма остаются недостаточно изученными. С другой стороны, за тот же период эта проблема очень разрослась вширь, она имеет значительную специальную литературу на разных языках, а количество введенных в научный оборот фактов выросло на порядки. Все это ставит на повестку дня появление общих, справочных работ, из которых можно было бы без труда извлекать необходимую информацию. Но, и здесь следует объективно признать, справочников по такой важной проблеме ничтожно мало[2].

В.П. Махно попытался закрыть эту брешь, сделав предметом своего исследования коллаборационистские формирования, созданные различными военными структурами Третьего рейха из числа советских граждан и представителей белой эмиграции. Цель справочника — очень глобальная. Как пишет сам автор, в его работе «представлены справочные данные, «сухие цифры и голые факты», а также краткое описание боевого пути соответствующих армий, объединений и соединений, равно как и дальнейшей их судьбы после поражения Германии и ее союзников во Второй мировой войне» *(С. 3, здесь и далее все ссылки приведены по указанному изданию)*. Следует подчеркнуть, что до В.П. Махно никто такую цель перед собой не ставил. С этой точки зрения его работа, безусловно, новаторская. Правда, на этом достоинства справочника заканчиваются. Далее — одни недостатки.

Серьезные справочники пишутся на солидной источниковой базе, с привлечением

архивного материала. В.П. Махно в архивах вообще не работал. Похоже, он даже не подозревает, что там находятся основные источники любого исторического исследования. Его «полный перечень» написан на основе 23 (!!!) книг, изданных, главным образом, в Москве *(С. 164)*. Почему автор выбрал именно столько и такие книги? По его словам, он сделал это намеренно, так как «люди не верят книгам, изданным не в Москве», а используя, например, украинскую историческую литературу, рискуешь «потерять лицо»[3]. Оставим на совести В.П. Махно такие антинаучные высказывания и посмотрим на его список. Из простого перечисления этих книг видно, что профессиональных работ по проблеме коллаборационизма только четыре (К.М. Александров, С.И. Дробязко, Б.Н. Ковалев, И. Хоффманн). Остальные работы либо вообще к делу не относятся (А.О. Наумов, В. Хаупт, А.Б. Широкорад), либо представляют собой обычные обзорно-компилятивные издания, только чуть лучшего качества, чем рецензируемый справочник (К.А. Залесский, О.С. Смыслов), либо вообще являются обыкновенным плагиатом (С.Г. Чуев).

Понятно, что трудно требовать от специалиста по применению ракетно-артиллерийского оружия, коим является В.П. Махно, знания таких специальных исторических дисциплин, как источниковедение или историография. Но даже с таким уровнем образования можно понять, что серьезные исследования, а тем более справочные, обобщающие работы, на такой базе не пишутся. Пусть автор отвергает всю историографию стран СНГ, но хотелось бы его спросить: а что он думает о западной историографии проблемы? Исторической литературе на английском, немецком, французском, польском, хорватском и др. языках? Или на книги европейских авторов тоже не следует ссылаться, чтобы не потерять лицо?

Структурно справочник состоит из двух частей: теоретического блока и таблиц. В первой из них — «Возникновение и организационное оформление коллаборационизма» — В.П. Махно рассматривает общие вопросы этого военно-политического явления, анализирует его причины и последствия, показывает военные структуры, контингент и командный состав, приводит некоторые количественные показатели и терминологию *(С. 5–41)*. Вторая, главная часть справочника — «Основные коллаборационистские формирования» — собственно и есть те таблицы, ради которых В.П. Махно его и написал. В целом, эта часть состоит из 44 разделов. 37 первых разделов посвящены краткой истории того или иного коллаборационистского формирования, за основу классификации которых взято два признака: национальная принадлежность личного состава и организационный уровень. Последние семь разделов представляют собой информацию о группировке коллаборационистских частей на том или ином участке Восточного фронта и в тот или иной период войны *(С. 42–163)*.

Форма подачи материала в справочнике крайне неудобная и тяжелая для восприятия. Нет единого критерия, по которому писался текст и составлялись таблицы. Если главной целью любого справочника является дать быстро необходимую информацию, то создается впечатление, что В.П. Махно писал свой труд, исходя из абсолютно противоположных установок. Чтобы найти в его справочнике нужные факты, придется приложить массу усилий.

Несмотря на то, что в названии книги сказано, что это «полный перечень», согласиться с таким утверждением нельзя. Во-первых, в теоретической части отсутствуют целые блоки информации, которые просто необходимы для понимания этой темы. Так, было бы целесообразно включить сюда такие блоки, как классификация коллаборационистских формирований, коллаборационизм и партизанское движение, взаимоотношения между коллаборационистскими организациями разной этнической принадлежности, коллаборационизм и религия и т.п. Во-вторых, та информация, которая представлена в справочнике, является далеко неполной. Например, в блоке, озаглавленном «Национальные комитеты и самоуправление», представлены сведения только о русском и украинском комитетах *(С. 12–14)*. То, что у каждой из национальных групп, сотрудничавших с нацистским руководством, были свои комитеты, В.П. Махно, по всей видимости, неизвестно[4]. Наконец, в-третьих, тематически материал справочника распределен неравномерно и имеет явный дисбаланс. Фактов русского коллаборационизма значительно больше, чем фактов коллаборационизма остальных этносов. В данном случае, либо автор не знаком с проявлениями нерусского коллаборационизма, либо он намеренно, с определенной целью выпячивает именно сотрудничество представителей рус-

ского народа с военно-политическим руководством Третьего рейха. Мы склоняемся к последнему объяснению, так как даже в тех книгах, которые использовал В.П. Махно, приведено достаточно фактов коллаборационизма нерусских народов СССР. В данном случае весьма показательным является такой пассаж из его справочника. На страницах 131–132 приведена информация о «группировке русских частей при подавлении Варшавского восстания». Тогда, как общеизвестным является факт, что помимо русских коллаборационистских формирований, в польской столице оперировали украинские, кавказские и туркестанские части[5].

Следует сказать, что содержание второй части справочника тоже не дает право называться ему полным. Во-первых, автор исследовал коллаборационистские формирования только уровня армия/бригада *(С. 5)*. То, что их основная масса представляла собой уровень от полка и ниже, ему известно. Но В.П. Махно почему-то считает, что они имели «незначительную численность». А это — явное заблуждение. Во-вторых, В.П. Махно привел сведения только о частях и соединениях, организованных в рамках Вермахта и войск СС, то есть, о так называемых «боевых» или «линейных формированиях». Здесь необходимо сказать, что в германских силовых структурах проходили службу коллаборационисты четырех типов: коллаборационисты в спецслужбах, члены вспомогательных формирований, члены частей по охране порядка и бойцы уже упоминавшихся «линейных формирований». Причем подавляющее большинство советских граждан (почти 1 млн. из 1,5 млн. человек) служило во втором и третьем типах частей[6].

Весь текст справочника изобилует явными ошибками, заблуждениями, непроверенными фактами и домыслами. Их обычное перечисление заняло бы не меньшее по объему издание. Остановимся только на самых концептуальных недостатках материала, которые показывают авторский уровень владения темой и методологией исследования.

Главным недостатком В.П. Махно является отсутствие базовых знаний по проблеме коллаборационизма вообще и его военной разновидности, в частности. Выше уже было сказано, что такой справочник было бы неплохо предварить классификацией коллаборационистских формирований. Что-то похожее на это у автора есть: на страницах 20-34 он добросовестно воспроизвел все, что нашел в своих «источниках», без малейшего намека на критерии выделения той или иной категории. В результате получилась сплошная мешанина из русских и немецких слов. Например: «*остлегионы осттруппен вермахта*», «*оствербанд осттруппен вермахта*», «*хиви — хильфвилли и фрайвилли*» и т.п. Что это такое, догадаться можно с большим трудом, так как В.П. Махно явно не владеет немецким языком и переписал эти термины у таких же, как он, «полиглотов». Вообще, специальная терминология — это больное место автора справочника, но о ней более подробно буде сказано ниже.

Далее, автор не имеет представления об основных политических организациях коллаборационистов. Так, главный орган Власовского движения — Комитет освобождения народов России (КОНР) — В.П. Махно упорно именует конгрессом *(С. 12, 42, 47)*. В принципе, после такого заявления справочник можно закрыть, но мы продолжим.

В декабре 1942 г. немцами был создан Русский комитет генерала А.А. Власова. Эта организация никогда не существовала в реальности, а являлась исключительно пропагандистской выдумкой. Единственным проявлением ее деятельности стало так называемое «Смоленское воззвание». В этом документе провозглашалось создание Русской освободительной армии — РОА, которая также осталась только на бумаге. Это общеизвестные факты и ознакомиться с ними может любой желающий[7]. На страницах же справочника Махно Русский комитет превращается в реально существовавшую организацию. Ее штаб-квартира находилась сначала в Смоленске, а потом — в Пскове. Этому центральному комитету подчинялось 10 областных и около 500 районных и городских комитетов. В настоящий Русский комитет входили А.А. Власов (председатель), В.Ф. Малышкин, бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин и др. В «комитете» Махно оказались «бургомистр Пскова Черепиткин» и «бургомистр Новгорода Пароменский». В реальности, главами городских управлений Пскова и Новгорода были В.М. Черепенькин и В.С. Пономарев. Однако, ни тот, ни другой во власовский комитет не входили. Настоящий Русский комитет формально существовал несколько месяцев. «Комитет» из справочника Махно действовал дольше: в начале 1944 г. он был реорганизован в КОНР (правда, последний был провозглашен чуть позднее, в ноябре 1944 г.).

Короче, полная виртуальная реальность, ничего общего не имеющая с реальными фактами *(С. 55)*. Но и этого Махно показалось мало. На 47-й странице он, для большей убедительности написал, что КОНР был создан путем объединения Русского и Калмыцкого комитетов, чего, конечно же, не было. КОНР был совершенно новой организацией и создавался абсолютно по другим принципам, и отнюдь не путем механического слияния существовавших национальных комитетов[8].

То же самое можно сказать и об информационном блоке «Русские комитеты Крыма». Если верить В.П. Махно, они были «созданы в 1943 г. во всех 26 районах и 7 городах Крыма» и «обладали реальной инфраструктурой в виде Крымского центра пропаганды РОА, газет, 3-х вербовочных пунктов РОА, и опиралось на местное русское самоуправление» *(С. 14)*. В данном случае мы имеем дело с чистой воды выдумкой. Никаких «русских комитетов» в Крыму создано не было. «Крымский центр пропаганды РОА» — плод фантазии автора справочника. Крымских власовских газет не существовало в природе. Как правило, на полуостров привозили центральные власовские органы «Доброволец» или «Заря», а местные газеты просто помещали на своих страницах информацию об этом движении[9].

К слову, не разбирается автор и в смежной проблематике, например, в структуре оккупационного режима на советской территории. Иначе, он бы не написал, что немцы оставили на территории Крыма довоенные районы *(С. 31)*. Оккупанты полностью изменили административное деление. В военной сфере оно было представлено местными и полевыми комендатурами. В гражданской — округами, главными округами, генеральными округами и имперскими комиссариатами[10]. При этом В.П. Махно путает название административной единицы и органа, который ею управлял. На страницах его справочника генеральные округа «Крым», «Белоруссия», «Литва» и т.п. превращаются в «генеральные комиссариаты». Это равносильно тому, как если бы сказать, что Автономная Республика Крыма на самом деле называется Верховная Рада Автономной Республики Крым и т.п. *(С. 18–19)*. Интересно, что автор не различает реально существовавшие административные единицы, и те, которые немцы планировали создать, но не создали в силу краха стратегии «молниеносной войны». Так на страницах 19–20 мы можем узнать о «генеральных комиссариатах» «Царицын», «Кубань», «Север-Петербург», «Тула» и др. порождениях нацистского организационного гения.

По идее, справочник предназначен для любого человека, даже не имеющего специального исторического образования. Однако, из-за того, что В.П. Махно не владеет общей и частной терминологией изучаемой проблемы, понять, что он хочет сказать, весьма сложно. В целом, термины из его справочника можно условно разделить на три категории. Во-первых, это искаженные немецкие термины, причем написанные кириллицей. Об этом немного уже было сказано выше. Ну как можно понять, что имеет в виду автор, когда употребляет такие слова, как *«фуцманшафт», «абтлунги», «эйнвошенкампфвербанд», «хиваманшафт», «альмцгейме СС» (С. 15, 17, 32, 38)*. Только с большим трудом можно догадаться, что это: *«шутцманншафт», «абтайлунг», «айнвонеркампффербанде», «хильфсвахманншафт» и «альгемайне СС»*.

Во-вторых, это переведенные на русский язык немецкие имена собственные, что уже само по себе является неправильным. На 15-й странице упоминаются некие «полевые егеря». Кто это такие, известно только В.П. Махно. Вероятно, тут имеется в виду фельдъегерская служба — один из органов службы порядка Вермахта. Или «танко-гренадерская дивизия Вермахта» *(С. 51)*, которая на самом деле является панцергренадерской — аналог отечественной моторизованной дивизии.

В-третьих, в справочнике много терминов, которых нет ни в одном немецком нормативном документе или специальном исследовании. Похоже, автор выдумал их сам. Вот и «гуляют» по страницам книги «русские (украинские, белорусские) гитлеровские генералы», «Русская освободительная армия Конгресса освобождения народов России», «славянские армейские корпуса Вермахта (русско-хорватские)», «Крымско-татарский (Тюркский) охранный корпус», «15-й (славянский) горно-стрелковый корпус особого назначения Вермахта», «полк особого назначения "Альпинист"», «немецко-русско-грузинская дивизия», «эстонские пограничные дивизии особого назначения» и прочие лингвистические уродцы *(С. 7, 42, 44, 112, 114, 140)*.

Как было показано выше, В.П. Махно не разбирается в общих вопросах заявленной проблемы. Однако с частными ее аспектами дело обстоит еще хуже. Автор справочника

не знает истории большинства коллаборационистских формирований, о которых пишет. Отсюда — фактические ошибки и выдумывание структур, которых вообще никогда не существовало. Чтобы излишне не перегружать рецензию, проиллюстрируем этот тезис частным примером из справочника В.П. Махно — историей крымско-татарского военного коллаборационизма. На странице 13 он пишет, что «в Крыму с начала 1942 г. действовали Мусульманские (позже Крымско-татарские комитеты), которые реально обеспечили формирование 10 крымско-татарских батальонов и активного резерва в виде рот самообороны и полиции порядка». В этом, трехстрочном предложении В.П. Махно допустил сразу несколько фактических ошибок. Во-первых, мусульманские комитеты действительно существовали, но они никогда не назывались крымско-татарскими. Вероятно, автор по незнанию перепутал эти комитеты с Крымско-татарским национальным центром, который действовал в эмиграции с 1942 по 1945 г. Но это была абсолютно самостоятельная структура. Во-вторых, В.П. Махно полностью нарушил хронологическую последовательность истории крымско-татарских коллаборационистских формирований на территории Крыма. В целом, их можно расположить в таком порядке: «милиция» или «неорганизованная самооборона» (ноябрь 1941–лето 1942), «организованная самооборона» (январь 1942–май 1944), «вспомогательная полиция порядка» (лето 1942–май 1944). Так вот, мусульманские комитеты помогали оккупантам создавать только роты «организованной самообороны», которых в результате было создано 14. Никаким «активным резервом» они не были. Этим термином называли контингент из распущенных отрядов «милиции», находившийся в распоряжении начальников местного самоуправления. Летом 1942 г. немецкие полицейские инстанции создали 8 батальонов «вспомогательной полиции порядка», а в ноябре того же года — еще два. Однако мусульманские комитеты не имели к ним никакого отношения.

Далее. На 80-й странице В.П. Махно утверждает, что вышеуказанные 10 батальонов составляли «Крымско-татарский (Тюркский) корпус, вероятно охранный» и даже приводит его численность — 5 тыс. человек. Что касается численности, то автор прибавил к действительному количеству крымско-татарских добровольцев в батальонах еще 2 тыс. А все сведения о «тюркском корпусе» следует отнести исключительно на счет фантазии В.П. Махно[11].

Еще более фантастической выглядит информация на 112-й странице. Здесь автор справочника на полном серьезе утверждает, что в Крыму дислоцировалась 153-я учебно-полевая дивизия Вермахта, в состав которой входили полк особого назначения «Бергманн», грузинский полк, армянские части, азербайджанский полк, туркестанские части и уже упоминавшиеся крымско-татарские батальоны. Дивизия была сформирована в начале 1943 г. и насчитывала около 23 тыс. человек. В мае 1944 г. дивизия погибла в ходе Крымской наступательной операции Красной армии. Единственное, что здесь является правдой, так это только то, что такое соединение действительно существовало. С конца 1942 по март 1944 г. ее части несли оккупационную службу на территории Крыма, а потом были выведены оттуда в Румынию. Численность дивизии была, конечно, гораздо меньше, а перечисленные коллаборационистские формирования вообще не имели к ней никакого отношения. Более того, на территории Крыма они находились в разное время. Наконец, грузинские, армянские, азербайджанские и туркестанские части представляли собой формирования так называемых Восточных легионов, подчинявшихся командованию Вермахта. А крымско-татарские батальоны находились в ведении начальника полиции порядка Крыма[12].

И такая ситуация — везде, по всему тексту справочника.

В.П. Махно допускает серьезные ошибки, когда пишет о персоналиях личного состава коллаборационистских формирований. Во-первых, это ошибки в фамилиях и инициалах этих лиц: И.А. Благовещ***а***нский — вместо И.А. Благовещ***е***нский, А.Е. Будых***то*** — вместо А.Е. Будых***о***, Ба***нсг***ерскис — вместо Р. Ба***нг***ерскис, Д. Кан***ан******я***н — вместо Д. Кан***ая***н, Васил***ацк***ий — вместо В.П. Васил***ак***ий, М. С***унбарск***ий — вместо М. С***циборськ***ый и т.п. *(С. 8, 11, 47, 163)*.

Во-вторых, перевранные инициалы (иногда, как видим, их нет вообще) и искаженные фамилии — это самое безобидное, что автор себе позволяет. Выше уже говорилось, что им изобретен новый термин — «гитлеровские русские (украинские, белорусские) генералы». По какому критерию Махно их сортировал, известно только ему одному. Скорее всего, по этническому признаку. В результате такой селекции он насчитал 150 русских, 5 украинских,

1 белорусского, 3 латышских, 1 армянского, 1 грузинского и 3 северокавказских генералов. Причем, в число «русских» попали крещеные евреи Б.А. Штейфон и Б.А. Хольмстон-Смысловский, поляк Б.С. Каминский и украинец С.К. Буняченко *(С. 7-11)*.

В-третьих, в биографиях значительного количества персонажей справочника также довольно много ошибок. Так, главный идеолог Третьего рейха А. Розенберг назван, почему-то, «главой МИД Германии», тогда как он являлся только начальником внешнеполитического бюро нацистской партии *(С. 6)*. Командующий авиацией власовской армии генерал-майор В.И. Мальцев никогда не был директором ялтинского санатория «Авиатор», так как санатория с таким названием не существовало. В действительности санаторий назывался «Аэрофлот» *(С. 8)*. Генерал-майор К. Езовитов не командовал Белорусским легионом, а занимал пост «министра обороны» Белорусской центральной рады *(С. 11)*. Майор Б. Рогуля никогда не был командиром 1-й штурмовой бригады «Беларусь» (кстати, такого соединения не существовало в природе), а занимал скромный пост офицера связи при штабе 30-й гренадерской дивизии войск СС (1-я белорусская) *(С. 137)*. Наконец, описывая офицерский состав Белорусской краевой обороны, В.П. Махно пишет, что некоторые его чины являлись «подхорунжими Польской Народной Республики». Как такой факт физически мог иметь место, если это формирование существовало в 1944 г., а Польская Народная Республика была провозглашена только после окончания войны, известно только автору данной работы *(С. 137–138)*.

Интересно, что биографические «открытия» В.П. Махно не ограничиваются только текстом справочника. В одном из своих интервью он «поделился» с читателями таким фактом: «Недавно на экранах кинотеатров появился российский фильм «Адмирал», который героизирует российского имперского флотоводца Колчака. Мало кто, однако, знает, что сын Колчака во время Второй мировой войны был майором вермахта. Вадим Махно: "Колчак — майор вермахта, Колчак-младший, командовал 813-м армянским батальоном. Он зверствовал на юге Украины, в Херсонской, Полтавской, Донецкой областях…"»[13]. Чего тут больше — глупости, некомпетентности или намеренной лжи — сказать трудно. Вероятно, и того, и другого, и третьего понемногу. Реальный же сын адмирала, Р.А. Колчак в 1939 г. был призван во французскую армию, воевал на бельгийской границе, а в 1940 г. попал в плен к немцам. Всю войну он просидел в лагере для военнопленных. После окончания войны вернулся в Париж. На этот счет опубликована масса источников, и вышеуказанная «версия» не подтверждается ни в одном из них.

В справочнике В.П. Махно огромное количество разной информации, которую он добросовестно переписал из книг других авторов. Как правило, такой массив фактов нуждается в каком-то обобщении. В данном случае, наиболее уместным нам представляется обобщение в виде таблицы численности коллаборационистов из числа советских граждан, которые служили в силовых структурах нацистской Германии. Исходя из авторской логики подачи материала, таких таблиц должно быть, как минимум, две. В первой из них следовало бы привести количественные показатели коллаборационистских формирований по этническому признаку, во второй — по организационной принадлежности. В работе же В.П. Махно вообще отсутствуют какие-либо обобщенные количественные показатели.

Сам справочник сделан очень некачественно. В тексте много опечаток, грамматических и стилистических ошибок. Список использованной литературы оформлен неправильно, имена авторов и названия книг перепутаны. Очевидно, что В.П. Махно не имеет представления об исторической библиографии. Полностью отсутствует научно-справочный аппарат, поэтому очень сложно догадаться, из какого «источника» взята та или иная информация. Необходимостью для подобного рода изданий являются именной, географический или тематический указатель. А лучше — все вместе. Ни одного из них в справочнике В.П. Махно нет, что, безусловно, очень затрудняет и без того нелегкий поиск нужной информации.

Работа В.П. Махно прочитана. Какие выводы можно сделать после ознакомления с ней? К сожалению, приходится констатировать, что с поставленной задачей автор не справился. Ему это не удалось по нескольким причинам. Во-первых, это отсутствие профессионализма, общетеоретической подготовки и академической культуры. Почему-то бытует мнение, что в истории разбираются все. Тем не менее, история — это тоже наука, со своей методологией и принципами познания. В.П. Махно это, по всей видимости, не-

известно вообще. Во-вторых, автор, который пытается охватить в своем справочнике такую глобальную тему, как военный коллаборационизм советских граждан, фактически не знает ее историографии. Между тем, как литература только по одной из разновидностей этого коллаборационизма — белорусским формированиям — насчитывает более 200 наименований. И этот список с каждым годом увеличивается. В-третьих, справочник был написан без источниковой базы. Ни опубликованных материалов, ни архивных документов В.П. Махно при его подготовке не использовал. А история, все-таки, пишется по источникам. Наконец, в-четвертых, при чтении этой книги нас не покидало ощущение, что автор выполняет некий политический заказ. Иначе как еще можно объяснить тот факт, что русскому коллаборационизму у него уделено гораздо больше внимания, чем всем остальным вместе взятым? И это ощущение только усиливается, когда начинаешь знакомиться с интервью В.П. Махно, которые он стал активно давать после выхода своего справочника. А там — самая примитивная русофобия и не более.

Действительно, иногда случается так, что хорошая историческая работа может быть написана непрофессиональным историком. Такую работу отличает, как правило, новизна полученных результатов. В справочнике В.П. Махно новизны нет вообще. Новых фактов он не приводит, новых обобщений не делает, новую методологию не использует. Сама книга довольно бессистемна, а материал в ней располагается хаотически. Таким образом, ее нельзя считать серьезным вкладом в историографию проблемы коллаборационизма (даже при всем желании), а ее автору можно только посоветовать заняться чем-нибудь другим, менее интеллектуально затратным.

---

1 *Махно В.П.* Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. Севастополь, 2009.

2 На данный момент наиболее серьезным и профессиональным с этой точки зрения является справочник: *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. М., 2009.

3 Махно В.: «Я никогда не воспринимал ярлыки типа “народ-предатель”» // Голос Крыма. 2010. № 20. 14 мая. С. 2; В этом же интервью он пишет, что в его коллекции уже более 50 книг. Полагаем, что в скором времени следует ожидать еще одно издание справочника.

4 *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion. Freiburg, 1991. S. 131–155, 184–193, 212–221, 254–273, 310–326.

5 *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2011. С. 398–399.

6 *Романько О.В.* Военный коллаборационизм советских граждан в годы Второй мировой войны: к вопросу о методологии проблемы // Гілея: науковий вісник. К., 2011. Вип. 46. С. 104–114.

7 *Александров К.М.* Офицерский корпус… С. 94–95, 267.

8 *Романько О.В.* Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь, 2008. С. 112–116.

9 *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. М., 2011. С. 239–262.

10 *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 156–180.

11 *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера… С. 165–191.

12 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 2002. С. 781, 784, 788; **Tessin G.** Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945: In 17 bd. Frankfurt-am-Main — Osnabrück, 1965–2002. Bd. 3. S. 191–193; Bd. 4. S. 50–54, 282; Bd. 5. S. 101, 155, 191.

13 Історія без міфів: з ким воювали російські есесівці в Україні? // Галицький кореспондент. 2011. № 44. 3 листопада.

ARTICLES PUBLICATIONS REVIEWS

ARTICLES

Jury Bahurin

The Great Exodus: the Hardship of Forced Resettlement of the People from the Western Areas of Russia in 1914-1916

This article is devoted to the problem of the movement of refugees and the deported people from the frontline zone and the occupied Western areas of the Russian Empire to its back areas. The Russian press called this process "the Great Exodus" during the First World War. The retreat of the Russian army in 1914-1916 resulted in more than 4 million people becoming displaced. The author describes the hardship that people had to suffer, focusing on the fact that Russian administration was not ready to organize the movement and accommodations for so many people.

Viktor Savchenko

Problems of the First "Korenization" and Ukrainization Campaign in the South of the Ukrainian SSR (1923 – 1930)

In 1923, the Soviet government decided to promote the communist ideas among Russian peasants and intellectuals. The Soviet government thought that it was possible only implementing "korenization", or nativization, and using the Ukrainian language in the Ukrainian SSR as a state one. The author shows that some regions and big cities of the republic, first of all the South, were not ready for global and accelerated Ukrainization. This fact caused a split among the people who lived in the South of the Ukrainian SSR reflecting their attitude to the Ukrainization policy. Nativization campaign was shockingly formalistic and unprepared in its form and speed that caused the split among the intellectuals and the party. Some regions and big cities of the republic were not ready for global and accelerated Ukrainization, and the local government had to play according to the rules of totalitarianism and could not insist on its view of implementation of Ukrainization program that based on the regional peculiarities of some Ukrainian territories.

Klaus Richter

Cult of Antanas Smetona in Lithuania (1926-1940). Mechanism of Action and Development

Klaus Richter focuses on the formation and development of the cult of personality of Antamas Smetona and tries to systematize the formation stages of the cult of personality and creation a specific type of historical mythos around it. The author gives a detailed analysis of how the cult of personality of the "national leader" (Tautos vadas) helped to support the existing state regime. As a result, the cult of a political leader promotes the recognition of its power on the one side and reinforces the identity and integration of people on the other side. The question also arises: what means are used to achieve this goal?

Emmanuil Ioffe

Lawrientij Canawa – Executor and Organizer of Political Repressions in Belorussia (1939-1941)

The article is devoted to the activity of L.F. Canawa who was a people's commissar of home affairs of Byelorussian SSR in 1939-1941. The author uses a lot of documents to reveal a role that Canawa played in the organization of repressions in Byelorussian SSR before the Great Patriotic War. He draws a conclusion regarding the participation of Canawa in all repressive operations on the territory of BSSR.

Aleksandr Statiyev

Motivation and Goals of Soviet deportations to the Western Border Areas

The author considers a complicated question of motivation and goals of Soviet deportations that is usually too politicized in modern research from the point of rationality and efficacy in reaching the goals set by the Soviet leaders. He analyses the reaction of the USSR to the threat of address groups, studies the question of the influence of the communist ideology on the pragmatism of the decisions, and compares the records of the USSR regarding the scale of deportations with the calculations made before basing on incompetent data.

Dmitry Stratiyevsky

Soviet Prisoners of the Second World War and Humanitarian Law. Could Moscow Have Saved its Citizens?

The article rejects the widespread opinion that the refusal of the USSR to sign the Geneva Convention had a negative influence on the fate of the Soviet prisoners of war during the Great Patriotic War. The author analyses the international agreements of the 1920-s – 1930-s and draws a conclusion about the fact that the Geneva Convention unconditionally regarded the Soviet citizens and that Moscow was not able to influence the position of Soviet prisoners of war.

Ivan Kovtun

Wehrmacht Protective Divisions: Annihilation of Civil Population and Fight against Guerillas

The article covers the problems connected with the criminal activity of Wehrmacht protective divisions in the occupied regions of the Soviet Union. These units created to implement the occupational regime were an important support of the "new order", a connective link among various institutions that existed on the Soviet territory. The author draws a conclusion about the primary role that protective divisions played in annihilation of non-Jewish people on the occupied territory of the USSR.

Edvins Evarts
Juris Pavlovich

The Courland Pocket 1944 - 45: Everyday Life during the Blockade

The author studies the problems of co-existence of the German army and the population of Courland during its blockade by the Soviet troops in 1944-1945. He tries to periodize life in the Courland pocket and distinguish the main relation problems of German soldiers, local population and refugees from other Lithuanian regions.

David Fiest

Collectivization of the agricultural sector in Soviet Baltic Republics

The agricultural sector in the Baltic republics became a subject of collectivization during a fast campaign of 1948-1949. The author tries to answer two questions: why was not the agricultural sector collectivized immediately after these republics were joined to the Soviet Union in July 1940, or 1944? And why was the process so fast in 1948-1949? The author thinks that an answer to this question is connected to an answer to another question: why was it so important for the USSR to implement collectivization in general? The article also shows a political and symbolic character of it.

Discussions

Alexandr Shubin

Argument about the Well-Being: System and Famine

The author tells the readers about a discussion about the condition of Russian peasantry in Russia before the revolution. It was started by S.A. Nefedov and B.N. Mironov in 2009 and was a part of a question about the causes of the revolution in Russia. This discussion developed into an argument between the fans of Malthusian approach to evaluation of the condition of the peasantry and those who thought that there was a permanent economical growth in agricultural sector in the last quarter of the 19th century. The analysis of the discussion helps to draw a conclusion about one-sidedness of each position and the necessity of a development of a complex approach to the life of the Russian peasantry.

Petr Ivanov

The USSR – Lithuania: the Difficult Truth of General History

Petr Ivanov analyses the collected documents "The USSR and Lithuania during World War Two". Their second volume is devoted to the period of August 1940, till September 1945. These documents were collected by historians of Lithuania (representing the Lithuanian Institute of History) and Russia (the Institute of General History, RAS), and they are certainly of a great interest as a possible discussion field where historians of both countries could have expressed their opinion on the history of Soviet-Lithuanian relations. This work is really unique: most of 333 document are published for the first time. However, there are some questions to the authors of it, which are touched upon in this article. The peculiar part of the work is two introductory articles from Russian and Lithuanian authors. Petr Ivanov focuses on an analysis of these two articles, forced and deliberate reticence and distortions.

Documents

It is the first time that testimony of Damburs Ansis Yanovic who was born in Kreis Wolmar, Lithuania, and participated in Forest Brothers formations is published for the first time. This document illustrates the condition of Lithuanian national guerilla troops in 1944-1945.

Reviews

Before Holocaust: Front of Lithuanian Activists and Soviet Repressions in Lithuania, 1940 – 1941. Collected Documents/A.R. Dyukov, M.: Historical Memory Foundation, 2012. 534 p.

In his review Oleg Aurov speaks highly of the collected articles "Before Holocaust" prepared by the Historical Memory Foundation. He says that the foundation employees did a great job selecting the materials as well as preparing them for publishing. They also translated some articles into Russian when it was necessary. Most of the documents included in the book are published for the first time. They all together give us an opportunity to evaluate different views of the situation, and different versions of the truth that each of the opposite sides had a great number of. The collected data give a good understanding of the activity of LAF since it was founded and how it was worked out by People's Commissariat of Internal Affairs and People's Commissariat for State Security of the Lithuanian SSR. First of all, the published documents resolve all doubts regarding the character of LAF as an organi-

zation. It was founded by a group of high-ranking Lithuanian emigrants led by colonel K. Shkirpa (1895 – 1979), an ex-ambassador of Lithuania in Germany, in Berlin in 1940. Its program, leaflets and other documents connected with the program that are published in the book show that this organization was no doubt a fascist one.

Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamoљaitis M. Lietuvos istorija. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2012. 280 p.

Maria Oreshina reviews "History of Lithuania" published by Vilnius University in 2012. Lithuanian officials say that this book is of a state importance. However, the author of the review says that it has some weak points that make it impossible to study the Lithuanian history using this book. It has a lot of propagandistic clichйs, suppresses or distorts the facts of cooperation of the Lithuanian government with Nazi Germany and of participation of Lithuanian activists in Nazi crimes. The author of the review says that it is impossible to use this book as a textbook of Lithuanian history, but it is a valuable source for studying the trends of historical politics of modern Lithuania.

David Faber "Munich: The 1938 Appeasement Crisis". London: Pocket Books, 2009. 518 p.

The reviewed book is devoted to a well-studied topic of Munich Agreements of 1938. The author sticks to a traditional historiographical approach, but pays a special attention to contradictions and development of mutual mistrust between England and France on the one side and the USSR on the other, which made Munich Agreements possible but reached the climax after they were signed. The author thinks that this view of the situation allows us to rise a question about inevitability and maybe necessity of Munich Agreement, as it was a stage to founding Allies of World War II. It means that a historical discussion about Munich crisis is not finished yet.

Levenstein M. At the Edge of a Chasm. Reminiscences of a prisoner of a ghetto in Riga and Nazi concentration camps/ Scientific editor and author of an afterword P. Polyan, compliers P. Polyan, V. Pankratova, T. Ravicher, introduction A. Shneyer, commentary A. Shneyer, P. Polyan. M.: Gamma-Press, 2012, 200 p.

Vladimir Simindey reviews the first full and scientific edition of reminiscences of M. Levenstein published in Russian. The reminiscences were based on the notices left by a Riga citizen, prisoner of a ghetto in Riga and Nazi concentration camps. They were written in 1960 and published in 1972 in Israel. Levenstein describes Nazi crimes and the crimes of their accomplices from local citizens, tells the readers about horrible facts of atrocity and malicious insults which the author witnessed. Vladimir Simindey thinks that an important advantage of this book is a detailed scientific commentary. The book is an important source for researchers of Nazi extermination policy on the occupied territories of the USSR and, first of all, Holocaust.

V.P. Mahno. A Full List of Units and Formations of the Third Reich Consisting of the Citizens of the USSR and Emigrants As Well As Citizens of the Baltic Countries, Western Belorussia and Ukraine. Sevastopol: Weber, 2009. 168 p.

In his critical review Oleg Romanko studies a book by V.P. Mahno, Capitan of the first rank in the reserve. The title of the book is "A Full List of Units and Formations of the Third Reich Consisting of the Citizens of the USSR and Emigrants As Well As Citizens of the Baltic Countries, Western Belorussia and Ukraine". This book is considered to be a serious scientific guide by one of the most difficult topics of the historiography of World War II – collaborationism of Soviet citizens with military and political structures of Nazi Germany. However, the review author thinks that this book does not comply with the criteria relevant to the scientific work. "V.P. Mahno's guide does not have anything new at all. No new facts, no new generalizations, no new methodology. The book has no system, and the material there is chaotic. So it can not be considered a serious contribution to historiography of the problem of collaborationism (as much as I want to), and it can be recommended to its author to do something else that does not require so much intellectual efforts", Oleg Romanko finishes his review.

ОБ АВТОРАХ

Александров Михаил Владимирович
д.п.н., ведущий эксперт Центра военно-политических исследований Московского государственного института международных отношений (Россия)

Ауров Олег Валентинович
к.и.н., доцент Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Бахурин Юрий Алексеевич
историк, специалист по истории Первой мировой войны (Россия)

Иванов Петр Иванович
историк (Россия)

Иоффе Эмануил Григорьевич
д.и.н., профессор Белорусского Государственного Педагогического Университета (Белоруссия)

Ковтун Иван Иванович
историк (Россия)

Орешина Мария Алексеевна
к.и.н., преподаватель Института Европейских Культур (Россия)

Павлович Юрис
магистр истории, научный сотрудник Института истории Латвии Латвийского Университета (Латвия)

Рихтер Клаус
PhD, профессор Бирмингемского университета (Великобритания)

Романько Олег Валентинович
д.и.н., профессор, зав. Кафедрой философии и социальных наук Крымского государственного медицинского университа им. С. И. Георгиевского (Россия)

Савченко Виктор Анатольевич
к.и.н., доцент (Украина)

Симиндей Владимир Владимирович
руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память» (Россия)

Статиев Александр
PhD, профессор Университета Ватерлоо (Канада)

Стратиевский Дмитрий
PhD, сотрудник объединения «Контакты» (Германия)

Фист Дэвид
PhD, научный сотрудник Гамбургского университета (Германия)

Шубин Александр Владленович
д.и.н., Руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН (Россия)

Эвартс Эдвинс
доктор истории, научный сотрудник Института истории Латвии Латвийского Университета (Латвия)

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память»

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 5/6, стр. 9а, офис 77.
Тел./факс 8 (495) 697-34-31 www.historyfoundation.ru

Фонд «Историческая память» — некоммерческая общественная организация, созданная в ноябре 2008 г. с целью поддержки и проведения актуальных исторических исследований по проблемным страницам российской и восточноевропейской истории XX века. На данный момент Фонд является одной их ведущих российских неправительственных организаций, работающих в исторической сфере.

В Попечительский совет фонда входят известные российские историки: руководитель Федерального архивного агентства, д.и.н. А.Н. Артизов, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета, д.и.н. Е.И. Пивовар, чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса К.К. Провалов и академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН, д.и.н. В.А. Тишков.

Фондом реализуется ряд комплексных исследовательских проектов, направленных на изучение проблемных страниц истории XX века и доведение результатов исследований до широкой общественной аудитории, в том числе:

– проект «Повседневность террора» (посвящен изучению деятельности националистических формирований в западных регионах СССР в 1939 – 1956 гг.);

– проект «Сожженные деревни» (посвящен сохранению памяти о геноциде на оккупированной территории СССР и его жертвах);

– проект «Практики массового политического насилия в Европе XIX – XX веков».

Поддержать деятельность фонда Вы можете, перечислив деньги с пометкой “благотворительный взнос” на счет:

Фонд «Историческая память»
ИНН 5024101208
№ счета получателя платежа 40703810138260001393
Московский банк ОАО «СБЕРБАНК РОССИИ» г. Москва
Киевское ОСБ №5278 г. Москвы
Корсчет 30101810400000000225
КПП 502401001
БИК банка 044525225

или через систему Яндекс-деньги на счет: 410011274023973

Серия «Восточная Европа. XX век»

Профессиональными историками и публицистами сломано немало копий в дискуссиях относительно сотрудничества украинских националистов с немцами, борьбы УПА с Красной Армией и Вермахтом, участия солдат УПА в уничтожении мирного гражданского населения. «Проблема УПА» все еще остается вопросом, раскалывающим украинское общество. Для одних члены ОУН и УПА — это бандиты, «украинско-немецкие националисты», простые исполнители воли своих зарубежных хозяев. Для других — это несомненные герои, а украинский национализм — сила, сражавшаяся в неравной борьбе против двух тоталитаризмов, и никогда ничего общего не имевшая с фашизмом.

Так кем же были украинские националисты на самом деле? Предлагаемая вниманию читателя работа в некоторой степени отвечает на этот вопрос. Не претендуя на всеохватность и написание исчерпывающей истории ОУН и УПА, автор поставил пред собой более скромную цель: рассмотреть национальные аспекты идеологии ОУН, понять, какой смысл вкладывали украинские националисты в понятие «нация», как формировалось и развивалось отношение украинских националистов к национальным меньшинствам, как представления о роли и месте национальных меньшинств на Украине соотносились с практической политикой украинских националистов.

Баканов А.И. «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов, 1929–1945 гг. М., 2014. 424 с.

1–2 марта 1943 года в городе Корюковка Черниговской области нацистские захватчики в одночасье уничтожили около 7000 мирных жителей. В материалах к Нюрнбергскому процессу Корюковская трагедия определена как наиболее массовое уничтожение местного мирного населения на оккупированных нацистской Германией территориях за весь период Второй мировой войны. Расправа над невинными жителями в Корюковке превышает белорусскую Хатынь, чешскую Лидице, французский Орадур.

К 70-летию Корюковской трагедии Украинским институтом национальной памяти подготовлен аннотированный указатель сельских населенных пунктов, уничтоженных в ходе карательной операции на территории Украины во время нацистской оккупации 1941–1944 гг.

В предлагаемом читателям справочнике, подготовленном Украинским институтом национальной памяти, приводится информация о 671 сожженном нацистскими карателями селе.

Сожженные села: Украина под нацистской оккупацией, 1941–1944 гг.: Аннотированный указатель. М., 2013. 384 с.